

Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание

Из истории языкознания (до 20 в.)

Предварительные замечания

Языкознание (языковедение, лингвистика) представляет собой одну из древнейших наук. Выделившись из животного мира и начав осознавать себя субъектом, противостоящим природе как объекту своей практической и познавательной деятельности, человек обратил внимание и на себя. Предметом его размышлений стал он сам, а именно его место во вселенной, тайны его происхождения, его физические и психические свойства, его способность общаться с себе подобными, язык как главное средство такого общения, различные стороны языкового феномена.

В мифах многих народов находится место для языка и письма, а в пантеоне богов роль их создателя и покровителя умения писать и считать отводится какому-то из этих богов.

Появление письма знаменует собой тот этап, когда люди стали осознавать членимость звучащей речи на предложения и слова, впоследствии членимость слов на значимые части, в том числе корневые и аффиксальные морфемы как минимальные значимые элементы, и, наконец, на минимальные звуковые составляющие. Была осознана не только членимость высказываний на составляющие разного формата, но и воспроизводимость слов, морфем и звуковых единиц во всё новых и новых высказываниях, а следовательно, и возможность инвентаризировать языковые единицы в словарях и грамматических описаниях.

Развитие языковедческой мысли протекало неодинаково в разных культурных ареалах. Современное мировое языкознание вобрало в себя многое из опыта разных традиций, но главным образом оно строится на том европейском опыте, который имеет своими истоками античную (греко-римскую, средиземноморскую) языковедческую традицию. В 20 в. этот опыт обогатился исканиями американских лингвистов, которые в своих специфических условиях развивали основные принципы европейского языкознания.

Знакомство с историей языкознания для начинающего лингвиста весьма желательно. Благодаря этому он будет лучше понимать, что наша наука развивалась не прямолинейно, а зигзагообразно, меняя фокусы своих интересов и пытаясь каждый раз в новом свете осмыслить, что же такое язык, предложение, слово и другие элементы в его строении, что такое языковое значение, как язык связан с действительностью, мышлением и сознанием, культурой, общественными процессами, как он обеспечивает понимание воспринятых высказываний и порождение (производство) новых высказываний, а также накопление и хранение в памяти наших знаний о мире, как язык соотносится с другими коммуникативными системами, которые служат для передачи, получения и хранения информации, чем человеческий язык отличается от систем сигнализации в животном мире.

Новые акценты влекут за собой иные толкования сущности языка и иные определения его элементов, побуждают к созданию новых методов и приёмов лингвистического анализа. И начинающий лингвист будет отдавать себе отчёт в том, почему у разных

авторов одно и то же явление может быть описано неодинаково, либо с повторением того, что и раньше было хорошо известно, либо с внесением чего-то нового по сравнению с предшествующим знанием. Критически сопоставляя разные источники, он постепенно научится чувствовать движение лингвистической мысли и находить своё собственное место в этом познавательном процессе.

Языковедческая мысль в культурах древнего и средневекового Востока

Языкознание зародилось в глубокой древности в связи с пробуждением специального познавательного интереса к языку, который был стимулирован потребностями формирующихся государств и их деятельности в сферах управления и хозяйства, созданием и распространением письменности, необходимостью обучать письму и готовить квалифицированных писцов-администраторов, а также решать ряд прикладных задач, вытекающих из деятельности по толкованию священных текстов и исполнению религиозных ритуалов, опытов в области поэтики и т.д.

Языковедческая мысль начинает формироваться в древних государствах Ближнего Востока (3-е -- 1-е тыс. до н.э.: Египет, Шумер и Вавилония, Хеттское царство, Финикия, Угарит и др.), где (при значительных успехах в совершенствовании систем письма и лексикографической деятельности) она ещё не достигает теоретической зрелости. Здесь на рубеже 4-го - 3-го тыс. до н.э. возникли и довольно быстро эволюционировали египетское и шумерско-аккадское письмо. В этих графических системах использовались первоначально идеографический, а затем словесно-слоговой принципы. У западных семитов (Библия, Угарит, Финикия) к середине 2-го тыс. до н.э. сложилось алфавитное письмо. Его принципы легли в основу многих графических систем, вплоть до систем индийского письма на Востоке. Финикийский (ханаанейский) алфавит явился прототипом греческого письма, знаки которого были впоследствии использованы в письме этрусском, латинском, коптском, готском, славянском и т.д.

Собственно теоретический подход к языку на Востоке формируется и достигает высокой степени развития,

во-первых, в древнем Китае, где на протяжении всей истории центральным его объектом оказывается идеографический знак - иероглиф, основные усилия посвящаются составлению словарей иероглифов, исследованию их начертательной структуры, их смысловому толкованию и их звуковым значениям, где довольно поздно появляется грамматика,

во-вторых, в древней Индии, где на начальном этапе первоочередное внимание было обращено на звучащую речь и, соответственно, на проблемы фонетики, но уже рано началась лексикографическая работа, а к середине 1-го тыс. до н.э. стали появляться грамматические труды, среди которых выдающееся место занимает "Восьмикнижие" Панини, и,

в-третьих, в средневековый период в арабском Халифате, где лингвистические исследования охватывали широкий спектр проблем (совершенствование письма, составление самых разнообразных словарей, анализ звуковых явлений, значений и морфологической структуры слова, структуры предложения).

Китайская, индийская и возникшая позже арабская языковедческие традиции повлияли в различной степени на становление собственных традиций в Японии, Корее, Вьетнаме, Бирме, Тибете, Индонезии и Малайзии, Иране, государствах Центральной Азии и т.д. Идеи европейского языкознания проникли в эти страны относительно поздно, но в настоящее время они оказывают серьёзное влияние на национальные лингвистические школы.

Греко-римская языковедческая традиция как праматерь европейского языкознания

В Европе лингвистическое знание возникает в древней Греции, а затем продолжает развиваться и в Риме. Здесь проблемы языка сперва обсуждались в русле философии: споры о происхождении имён (*physei* 'по природе' или *thesei* 'по установлению'), смысл которых раскрывается в диалоге "Кратил" Платона (5-4 вв. до н.э.). Здесь сформировались первоначальные системы грамматических понятий, среди которых наиболее разработанными были система Аристотеля (4 в. до н.э.) и система школы стоиков (3-1 вв. до н.э.).

Собственно грамматика как аналог современной лингвистики выделилась в эллинистический период. Наивысшими её достижениями явились грамматические труды представителей александрийской школы (с конца 4 в. до н.э.), особенно Дионисия Фракийца (170-90 до н.э.) и Аполлония Дискола (2 в. н.э.). Грамматика понималась как искусство (*grammatike techne*). В её ведение были включены правила чтения и ударения, классификация согласных и гласных, структура слога, определения слова и предложения, классификация частей речи, категории ("акциденции") имени и глагола, именное и глагольное словообразование, особенности греческих диалектов, а у Аполлония Дискола, кроме того, способы объединения слов в предложения. Александрийцы были сторонниками принципа аналогии, т.е. считали, что в языке господствует регулярность, в то время как сторонники принципа аномалии отдавали предпочтение случайности.

Традиции александрийской школы были продолжены в Риме. Римскому учёному Марку Аврелию Варрону (116-27 гг. до н.э.) принадлежат многочисленные труды, в которых речь идёт о проблемах языка. Главным его теоретическим трудом был трактат "О латинском языке". Наряду с грамматикой активно развивалась риторика, стилистика, филология.

Система александрийской грамматики легла в основу руководства по латинскому языку "*Ars grammatica*" Элия Доната (4 в.) и самой значительной латинской грамматики древности - "*Institutio de arte grammaticae*" Присциана (6 в.). Эти руководства использовались в Европе до конца Средневековья.

Греко-римская (античная, средиземноморская) языковедческая традиция впоследствии стала фундаментом европейской лингвистической мысли, по-разному преломляясь в языкознании стран, входящих в западнохристианский и восточнохристианский культурные ареалы.

Европейское языкознание Средневековья и последующих периодов должно было, с одной стороны, с самого начала решать проблемы создания письменности на родных языках. На Западе (в ареале *Romania* и *Germania*, а позднее в ареале *Slavia Latina*) системы письма формировались посредством постепенного, преимущественно стихийного приспособления знаков латиницы к звуковым системам своих языков. На Востоке, в сфере влияния Византии, изобретались оригинальные алфавиты, имевшие своим основным прототипом греческое письмо (таковы письмо коптское, готское, с сильным влиянием других источников армянское и грузинское, славянское в двух своих разновидностях - глаголица и кириллица).

С другой стороны, европейская лингвистическая мысль, опираясь на протяжении многих веков на каноны греческой (на Востоке) и в значительно большей степени латинской (на Западе) грамматики, изложенной в фундаментальных учебных руководствах Элия Доната и Присциана, развивая лингвофилософские взгляды отцов церкви, используя достижения схоластической логики, идеи Августина Блаженного, Исидора Севильского, Фомы Аквинского, Уильяма Кончийского, Иордана Саксонского, Петра Гелийского, Роберта Килвордби, Роджера Бэкона, Ральфа де Бовэ, Петра Испанского и многих других учёных, заново осмысляя для себя наследие Аристотеля, последовательно строила новые системы философии языка (философские грамматики) и в русле универсализма формировало высокоразвитую, строго доказательную грамматическую науку, противостоящую практической грамматике (грамматике как искусству).

Внимание мыслителей Средневековья всё вновь и вновь обращалось к проблеме связи мышления, языка и предметного мира, к сущности абстрактных имён. Противоборство в 9-12 вв. реалистов и номиналистов, по-разному трактующих природу общих понятий (универсалий), и попытки соединения Абеляром реализма и номинализма в концептуализме привели к углублению знаний о языковом значении, об отношении референции (предметной отнесённости) и значения, слова и вещи, предложения и мысли, собственного и окказионального значения слова.

В конце 14 - начале 16 вв. серьёзный вклад в изучение грамматических значений внесли модисты. Грамматика модистов, центральным понятием которой были способы обозначения (*modi significandi*), явилась первой теорией языка в европейской лингвистической традиции.

С обострением интереса к национальным языкам стали появляться первые грамматики многих европейских, а также и ряда неевропейских языков. Период великих географических открытий и колониальных завоеваний предоставил в распоряжение учёных огромное количество эмпирического материала на многих сотнях языков. Возникла необходимость упорядочения этого материала, и стали предприниматься многочисленные попытки классификации языков на основе их типологических сходств и предполагаемых родственных связей. Закладывались основы лингвистического компаративизма, т.е. направления, имеющего дело с множествами языков.

Языкознание 19 в.

В лингвистическом компаративизме ведущая роль с самого начала принадлежала сравнительно-историческому языкознанию, создавшему в первой половине 19 в. свой собственный исследовательский метод, который обеспечивает получение достоверных доказательств родства языков и позволяет осуществлять реконструкцию лежащего в их основе праязыка, а также проследить историю восходящих к нему языков. Создателями этого метода были Расмус Кристиан Раск (Rasmus Kristian Rask), Франц Бопп (Franz Bopp), Якоб Гримм (Jakob Grimm), Александр Христофорович Востоков. Уже на самом начальном этапе был сформулирован фонетический закон, носящий имя Гримма. В нём были зафиксированы регулярные звуковые соответствия между германскими и прочими индоевропейскими языками (первое передвижение согласных) и между верхненемецким и другими германскими языками (второе передвижение согласных).

Сравнительно-исторический метод существенно совершенствовался в середине 19 в. в работах Августа Шлайхера (August Schleicher), Георга Курциуса (Georg Kurzius) и др., в конце 19 в. и в начале 20 в. в трудах представителей так называемого младограмматизма (лайпцигская, иенская и берлинская школы в Германии, ряд идейно близких к ним школ в других странах), в исследованиях представителей Московской лингвистической формальной школы, созданной Филиппом Фёдоровичем Фортунатовым, в работах родоначальников метода лингвистической географии (Георг Венкер - Georg Wenker, Фердинанд Вреде - Ferdinand Wrede, Жюль Жильерон - Jules Gillieron, Эдмон Эдмон - Edmond Edmond) и др.

В науке 19 в. прочно утвердился исторический (генетический) подход к языку, и всё предшествующее языкознание как не отвечающее принципу историзма было объявлено ненаучным.

Наиболее изучена в сравнительно-историческом отношении была и остаётся семья индоевропейских языков. Успехам индоевропеистики во второй половине 19 в. и в 20 в. способствовали кропотливые изыскания представителей младограмматического течения, обнаружение большого ряда регулярных звуковых переходов (фонетических законов), открытие неизвестных ранее науке индоевропейских языков (прежде всего хеттского и тохарских), внедрение в сравнительно-исторические исследования методов лингвистической географии и ареальной лингвистики, структурных, типологических и логико-математических методов.

В настоящее время выдвигаются многочисленные гипотезы о наличии генетических связей между теми или иными семьями языков (гипотезы алтайская, урало-алтайская, бореальная, ностратическая и т.п.).

Одновременно развивалось и типологическое языкознание (братья Фридрих Вильгельм фон Шлегель - Friedrich Wilhelm von Schlegel и Август фон Шлегель - August von Schlegel, Вильгельм фон Гумбольдт - Wilhelm von Humboldt, Август

Шлайхер и др.), поднявшееся в 20 в. на новую ступень (Эдвард Сепир - Edward Sapir, Джозеф Гринберг - Joseph Greenberg и др.).

На протяжении средневекового периода в понимании природы языка утверждался восходящий ещё к античным мыслителям логический подход, в соответствии с которым представлялось, что все языки мира устроены по одной универсальной схеме, совпадая в смысловом плане (плане содержания) и расходясь прежде всего в своей звуковой организации (плане выражения). Наиболее чётко эта идея воплотилась во "Всеобщей и рациональной грамматике Пор-Рояля / Пор-Руаяля" (1660; Антуан Арно - Antoine Arnauld, Клод Лансло - Claude Lancelot).

В 19 в., в связи с поисками законов исторического изменения языков и попытками объяснить их далеко идущие различия, языковеды обращаются либо к натуралистическому принципу, уподобляя развитие языков развитию биологических организмов (А. Шлайхер), либо к психологическому принципу, рассматривая язык как явление психики народа или психики индивида (Хайман Штайнталь - Neumann Steintal, Александр Афанасьевич Потебня, младограмматики в лице, например, Германа Пауля - Hermann Paul). На стыке 19 и 20 вв. делались также попытки объяснять законы развития языков фактами этнографии (Хуго Шухардт - Hugo Schuchardt), действием эстетического начала (Карл Фосслер - Karl Vossler), воздействием социальных факторов (Антуан Мейе - Antoine Meillet).

Уже во второй половине 19 в. было осознано, что в историческом развитии языков наблюдаются не только процессы распада первоначального единства, дивергенции родственных языков и диалектов, обычно представлявшиеся в виде генеалогических деревьев, но и процессы взаимодействия географически соседствующих языков и диалектов, их конвергенции (вплоть до "смешения" языков, растворения одного языка в другом, а также формирования языковых союзов).

Идеологически господствующим в языкознании конца 19 в. и начала 20 в. направлением был младограмматизм. Он навязывал свои исследовательские принципы представителям других школ. Природа языка объяснялась законами индивидуальной психики и физиологии. Физиологическое объяснение давалось не знающим никаких исключений фонетическим законам, на психологию делалась опора при толковании механизма выравниваний по аналогии. Социологическим факторам языковых изменений не уделялось внимания. Научным признавался только исторический подход к языку. Язык скорее понимался не как система, а как конгломерат. Многие из этих принципов в конце 19 - начале 20 вв. были подвергнуты критике со стороны большого ряда языковедов, среди которых следует назвать Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ и его ученика Николая Вячеславовича Крушевского, Филиппа Фёдоровича Фортунатова и Фердинанда де Соссюра (Ferdinand de Saussure). Борьба с младограмматизмом привела к становлению в первой трети 20 г. принципиально нового языкознания.

Развитие языкознания в 20 в.

Первая треть 20 в.: формирование принципов системно-структурного языкознания и прощание с мифами 19 в.

О широкой оппозиции младограмматизму на стыке 19 и 20 вв. уже шла речь в предыдущем разделе. С серьезными возражениями против младограмматиков выступали Хуго Шухардт, Карл Фосслер, итальянские неолингвисты, Антуан Мейе и др. На долю главы Казанской, а затем Петербургской лингвистических школ И.А. Бодуэна де Куртенэ (1845 -1929), его ученика по Казани Н.В. Крушевского (1851-1887), главы Московской лингвистической школы Ф.Ф. Фортунатова (1848 -1914) и прошедшего научную школу у младограмматиков, преподававшего сперва в Париже, а затем у себя на родине в Женеве Фердинанда де Соссюра (1857-1913) выпала миссия заложить теоретические основы того направления в языкознании 20 в., которое известно под именем структурализма и которое в 30-60 гг. оказалось почти безраздельно господствующим в мировой науке.

Наиболее чётко новые исследовательские принципы были изложены в "Курсе общей лингвистики" Ф. де Соссюра, изданном посмертно (1916) его учениками и коллегами по материалам студенческих записей трёх прочитанных в разные годы циклов лекций. Книга получила мировую известность, переводилась на многие языки, многократно переиздавалась. Её основные идеи широко обсуждались и либо с порога отвергались, либо принимались в качестве программы перестройки теоретического языкознания. Поэтому в дальнейшем к концепции Ф. де Соссюра и её модификациям представителями структурного языкознания придётся неоднократно обращаться.

В основе этой концепции лежит принцип редукционизма, означающий сознательное ограничение предмета лингвистики теми аспектами языка, которые представляются исследователю исключительно или даже единственно существенными. Сущность подхода Ф. де Соссюра можно проиллюстрировать следующей схемой:

0: Психология, поскольку к числу её дисциплин (ещё в духе 19 в.) Соссюр относил и лингвистику.

+1/-1: Противопоставление социальной психологии другим ответвлениям психологии. По Соссюру, лингвистика принадлежит ведению социальной психологии (+1). Минус означает несущественное или же менее значимое для строгого анализа.

+2/-2: Противопоставление семиологии (науки о знаках: +2) др. дисциплинам в составе социальной психологии.

+3/-3: Противопоставление лингвистики (+3) другим семиологическим дисциплинам.

+4/-4: Противопоставление внутренней лингвистики (+4), имеющей своим объектом собственно языковой феномен, языковой механизм, и внешней лингвистики, занимающейся условиями бытования языка (географические, экономические, исторические и пр. факторы).

+5/-5: Противопоставление лингвистики языка (*linguistique de la langue*: +5), имеющей дело с замкнутой в себе и принадлежащей всему данному социальному коллективу системой противопоставляющихся друг другу знаков, и лингвистики речи (*linguistique de la parole*: -5), предметом которой являются индивидуальные высказывания, единичные речевые акты.

+6/-6: Противопоставление синхронической лингвистики (+6), изучающей язык в его состоянии на данный момент, и диахронической лингвистики (-6), целью которой являются сопоставление разных по времени языковых состояний.

В результате такого самоограничения языковеду рекомендуется заниматься только или главным образом:

языковым механизмом, отвлекаясь от социального и культурного контекста (+4), внутривидовыми отношениями (а именно различиями) между единицами языковой системы, абстрагируясь от её реализации в речевых актах (+5), состоянием данной системы в данный момент времени, по существу же прежде всего её современным состоянием (+6).

Ревизия доставшегося от 19 в. лингвистического наследия и утверждение новых исследовательских принципов привели к тому, что перед учёными встала задача распрощаться со многими мифами предшествующего века, окрашенными в большинстве случаев предвзятым, оценочным отношением к фактам языка. К числу таких мифов предшествующего века относились, в частности, следующие: Признавалось, что наибольшее совершенство присуще формам древнейших языков или более древнему состоянию данного языка, запечатлённого в письменных памятниках далёкого прошлого. Последующее развитие приводит к разрушению форм, к их замене менее совершенными.

Приоритет должен отдаваться письменной речи, особенно художественным текстам как наиболее отшлифованным образцам речи.

Лингвистика невычленима из филологии, которая занимается, как правило, образцовыми текстами, созданными в прошлые исторические периоды и требующими для своего понимания комплексного анализа с привлечением данных истории, культурологии, этнографии и др. дисциплин.

Главная задача языковедения заключается в разработке норм, ориентированных на лучшие образцы писателей прошлых эпох (классиков).

Языковед должен работать с наиболее распространёнными и престижными, имеющими длительную письменную историю языками, оставляя в стороне все другие языки и формы речи.

Диалекты и арго (жаргоны) должны быть признаны продуктами "порчи" литературного (образцового) языка в народных низах.

В противовес этому в XX веке были выдвинуты следующие утверждения:

Понятие прогресса неприменимо к эволюции языка. Наиболее совершенными не могут быть признаны ни флективные языки (вопреки мнению Ф. фон Шлегеля - Fr. von Schlegel), ни аналитические языки (вопреки О. Есперсену - O. Jespersen). Язык должен оцениваться не по характеру его форм, а по его способности выполнять свои основные функции.

Лингвистика должна иметь дело прежде всего со звучащей речью, учитывая генетически вторичный характер письма.

Лингвистика должна непредвзято, оставив в стороне этические оценки и нормализаторские устремления, заниматься объективным научным описанием не только литературного языка, а всех форм речи, в том числе и анализом научных, технических, деловых, публицистических текстов, непринуждённой обиходной речи, просторечия, профессиональных и социальных арго, сленга, территориальных диалектов.

Лингвистика должна относиться в равной мере уважительно ко всем языкам, независимо от того, являются ли они письменными или бесписьменными, пользуются ли ими сотни миллионов людей или небольшие этносы, считаются ли они более престижными (с точки зрения перспектив получения образования, построения

жизненной карьеры и т.п.) или не принадлежат к таковым, признаны ли они в той или иной стране государственными, официальными или не имеют такого статуса.

Вторая треть 20 в.: господство системно-структурного языкознания

В языкознании 20 в. в русле структуралистского подхода были предприняты попытки отказаться от обращения к иным наукам в целях объяснения специфики естественного человеческого языка (и особенно от обращения к психологии) и толковать язык как особое явление, не имеющее аналогов, исключительное по своей природе (*sui generis*), как развивающаяся и функционирующая по своим собственным законам знаковая система.

Структурализм в основном и определил лицо языкознания 20 в. (во многом вплоть по 60-е гг.).

В целом основные требования структуралистского подхода (неодинаково реализованные в разных его направлениях) могут быть охарактеризованы следующим образом:

использование строгих методов лингвистического исследования, аналогичных методам логики, математики, физики и т.д., которое исключало бы обращение к внеязыковым, внесистемным (т.е. психологическим, социологическим, эстетическим, географическим и пр.) факторам, к интуиции учёного;

признание целостности языка и характеристика каждого его элемента прежде всего через указание на его взаимосвязи с другими элементами той же языковой системы, на его место в системе, а не через перечисление его физических или иных свойств;

различение языка как относительно замкнутой в себе знаковой системы инвариантных единиц и речи / речевой деятельности как среды его функционирования, как способа реализации языковых единиц в виде множества их вариантов;

достаточно чёткое различение плана содержания и плана выражения языка в целом и составляющих его единиц;

различение языковых единиц двуплановых (знаковых) и одноплановых (незнаковых);

внимание к оппозициям (противопоставлениям) между языковыми единицами, предполагающее наличие определённых сдвигов в плане выражения при сдвигах в плане содержания (и определённых сдвигов в плане содержания при сдвигах в плане выражения);

преимущественное (или - в крайних течениях структурализма, как, например, в американской дескриптивной лингвистике - исключительное) внимание к плану выражения языковых знаковых единиц, а не к их значениям и функциям;

описание языка как сложной системы, имеющей многоуровневое строение; различение в нём уровня (или уровней) знаковых единиц и уровня (или уровней) незнаковых единиц;

распространение методов, которые используются при описании знаковых единиц, на описание незнаковых единиц (например, фонологических);

различение связывающих языковые единицы одного уровня отношений парадигматических (отношений выбора между единицами, претендующими на данную позицию в составе единицы более высокого уровня: или - или) и синтагматических (отношений сочетаемости между единицами, входящими в состав данной конструкции: и - и);

внимание к типам дистрибутивных отношений между языковыми фактами, по-разному распределённых в речи / высказывании относительно друг друга; преимущественное или исключительное внимание к синхроническому аспекту (описание языка в его состоянии в данный исторический период), а не к диахроническому аспекту (сопоставление разных временных срезов); Эти и другие близкие к ним требования выдвигались такими классическими школами и направлениями лингвистического структурализма, как Пражская, Копенгагенская, Лондонская в Европе, дескриптивная лингвистика в США. Они во многом принимались представителями структурализма в Швейцарии (Женевская школа). По существу в духе принципов структурализма развивалась созданная в конце 50-х гг. Н. Хомским (Noam Chomsky) трансформационная порождающая грамматика. Разработке этих и им аналогичных идей существенно способствовали представители отечественного языкознания (Московская и Ленинградская / Петербургская лингвистические школы).

Структурное языкознание проявило себя прежде всего в области изучения звуковой стороны языка. Старой классической фонетике была противопоставлена фонология, для которой наиболее существенными оказались такие моменты, как, во-первых, подчёркивание различительных функций звуковых единиц по отношению к значимым единицам языка - словам и морфемам, и, во-вторых, внимание не к материальным аспектам звуковых единиц, а к противопоставлениям этих единиц в рамках звуковых систем.

Фонология добилась значительных успехов в моделировании системы фонем как кратчайших звуковых элементов в строении плана выражения слов и морфем. В этой области были созданы весьма точные методы научного анализа (метод оппозиций, дистрибутивный метод). Впоследствии эти методы были успешно применены при построении структурной морфологии.

В разработке фонологии чрезвычайно велик вклад отечественных учёных, принадлежащих к Ленинградской / Петербургской фонологической школе Льва Владимировича Щербы (сам Л.В. Щерба и его ученики и продолжатели Маргарита Ивановна Матусевич, Лев Рафаилович Зиндер, Лия Васильевна Бондарко, Людмила Алексеевна Вербицкая, Мирра Вениаминовна Гордина, Вадим Борисович Касевич и др.) и к Московской фонологической школе (Рубен Иванович Аванесов, Пётр Саввич Кузнецов, Александр Александрович Реформатский, Михаил Викторович Панов, Виктор Алексеевич Виноградов и др.).

Вслед за исследованиями по фонологии (структурной фонетике) и структурной морфологии стали появляться работы по структурному синтаксису. Дескриптивисты разработали метод анализа по непосредственно составляющим (immediate constituents analysis), позволяющий представить предложение в виде иерархической структуры с его пошаговым разбиением на всё более мелкие звенья, завершая процедуру выделением слов или морфем как конечных составляющих. Люсьен Теньер (Lucien Tesnière) предложил теорию, в соответствии с которой предложение строится как иерархическая структура, верхний узел в которой занимает глагол, обладающий набором валентностей. Чешские и наши учёные выдвинули теорию, в соответствии с

которой предложение представляет собой парадигматический набор его форм, различающихся значениями модальности, времени и т.п.

Постепенно, когда стало ясно, что дальнейшее игнорирование значения при описании языка препятствует развитию лингвистики, структуралисты стали обращаться к описанию формальными методами смысловой, или содержательной, стороны языка. В результате такого поворота возникла структурная семантика, или структурная лексикология, представленные теорией семантических полей, компонентным анализом значения слов и т.п.). В русле структурализма сложились лингвистика текста и начальные варианты анализа дискурса (первоначально как теория связного текста).

К концу 60-х гг. 20 в. в недрах структурализма созрели предпосылки для перехода от статического описания языка к его динамическому описанию, к реализации идей о языке как прежде всего деятельности, которые выдвигались ещё в 19 в. Вильгельмом фон Гумбольдтом (Wilhelm von Humboldt). Начали создаваться одна за другой такие теоретические модели, как ряд принадлежащих Н. Хомскому версий порождающей трансформационной грамматики, провозгласившей главной языковой единицей предложение и сыгравшей серьёзную роль в активизации синтаксических исследований; как разные семантические модели языка, описывающие процессы формирования смысловых структур и их воплощения в поверхностные грамматико-фонологические структуры.

Последняя треть 20 в.: пересмотр догм предшествующего периода и поиски новых путей

60-70-е гг. 20 в. ознаменовались радикальным поворотом языкознания к широкому пониманию границ своего объекта, т.е. отказом от принципа редукционизма и вытекающих из него требований. Такой поворот был обусловлен самой логикой движения лингвистической мысли по маршруту:

фонетика (фонология) >
морфология >
синтаксис (в его формальном аспекте) >
семантика (особенно семантика предложения) >
в конечном итоге прагматика и когнитивные (познавательные, мыслительные) основы семантики.

Значение было объявлено объектом, изучение которого входит в число обязательных, первоочередных задач лингвистики. И попытки осмыслить его природу и сущность привели к основательной переоценке достижений языкознания на структуралистском этапе. Довольно скоро обнаружилось, что значение слова и в особенности предложения может быть познано достаточно полно лишь при следующих условиях:

во-первых, если будут учитываться условия словесного контекста (ближайшего окружения) в рамках высказывания или текста;
во-вторых, если будет принята во внимание прагматическая ситуация, складывающаяся при производстве данного высказывания, т.е. будет учтено, кто является автором

высказывания, а кто его адресатом, каковы цели и намерения говорящего, каковы ожидания слушающего, в какое время и в каком месте совершается данный акт коммуникации, в какой обстановке происходит общение, и т.д.;

в-третьих, если будет обращено внимание на то, что представляет собой передаваемое смысловое содержание, как оно формируется, какие ресурсы сознания и памяти говорящего (и слушающего) при этом используются, как, в конечном итоге, язык взаимодействует с познанием мира человеком, его когнитивной деятельностью (лат. *cognitio* 'познание, узнавание').

Лингвистика от изучения языка как замкнутой в себе системы единиц приступила к изучению того, как язык функционирует в процессах восприятия, понимания и порождения речи, как он взаимодействует с мышлением и сознанием, как он реагирует на беспрерывно меняющиеся условия общения между людьми в зависимости от социального и культурного контекста.

Структурализм во многом должен был сдать свои позиции. На протяжении ряда последних десятилетий пересмотру подверглись многие законы эпохи лингвистического структурализма.

Сегодня лингвистика уже не настаивает и на следующих положениях, которые вытекали из принципа редукционизма, а по существу отбрасывает их

??? Значение не входит в число лингвистических объектов. Семантика должна быть выведена за пределы лингвистики.

??? Значение может быть истолковано исходя из внутрискруктурных отношений между значимыми единицами (из значимостей). Для построения приемлемого высказывания и понимания воспринятого высказывания (т.е. для успешной коммуникации) вполне достаточно только знания языка (языковой компетенции). Предложение (высказывание) может быть понято вне речевого контекста (контекста дискурса).

??? Связь речи и мышления не должна занимать внимания лингвиста. Связь языковой системы и социума, этноса, культуры не является объектом лингвистики.

??? Языковая система однородна (инвариантна) и независима от внешних факторов, от ситуаций, в которых она используется. Изменения в языковой системе объясняются только действием структурных факторов.

??? Фонетика должна быть выведена за пределы лингвистики и отделена от фонологии.

Сегодня сосюровские дихотомии не трактуются как категорические императивы. Соответствующие разграничения всё же могут проводиться лингвистом в определённых случаях.

Синхронический и диахронический подходы по-прежнему различаются, но синхрония не должна отождествляться со статикой, состоянием покоя.

Разграничение внутренней и внешней лингвистики допускается, но оно не должно пониматься как требование вывести за рамки лингвистического исследования, целью которого является описание языка во всём объёме его свойств, учёт внеязыковых факторов, обуславливающих вариативность языка, т.е факторов прежде всего социолингвистических и этнолингвистических. Рассматривая языкознание как систему наук о разных уровнях и сторонах языка, можно различать дисциплины, образующие центр этой системы (фонетика и фонология, морфология, синтаксис, лексикология,

семантика и прагматика), и дисциплины, относящиеся к ближней или же дальней периферии (этнолингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика, нейролингвистика, лингвистика текста, анализ дискурса, теория речевых актов, разговорный анализ и др.).

Язык / языковая система (по Соссюру *la langue*, по Хомскому *competence* 'умение, компетентность', собственно знание языка, его правил) и речь (по Соссюру *la parole*, по Хомскому, *performance* 'исполнение') могут и должны различаться, но не столько как отдельные, самостоятельные и к тому же неравноправные объекты, а как две взаимодополняющие стороны (аспекты) одного и того же объекта, а именно языка в широком смысле слова. Речевые процессы заслуживают не меньшего внимания со стороны лингвиста. Л.В. Щерба ещё в 1931 г. понимал языковой феномен в целом как прежде всего речевую деятельность, непосредственно данную в опыте в виде совокупности речевых актов, из которой он выделял высказывания / тексты, служащие лингвисту исходным материалом для обнаружения стоящей за текстами языковой системы. Некоторые лингвисты, представляющие функциональный подход, склонны аналогичным образом приписывать приоритет не языковой системе, а речи / речевой деятельности.

Интуиция исследователя сегодня реабилитирована в своих правах (на чём в своё время настаивал Л.В. Щерба).

В последние десятилетия 20 в. получили развитие (нередко минуя прямое воздействие структурализма) этнолингвистика, или лингвистическая антропология, социоллингвистика, психоллингвистика, нейролингвистика, лингвистика текста (и более широкая по своему предмету и методам теория текста), теория речевых актов, анализ дискурса (теория дискурса), разговорный анализ (анализ разговора), прагматическая лингвистика, вобравшая в себя к настоящему времени идеи многих из только что названных дисциплин. Огромные успехи достигнуты в разработке когнитивной лингвистики, математической лингвистики, разных областей прикладной лингвистики (в частности инженерной и компьютерной лингвистики).

Итоговые замечания

В современном мировом языкознании практически лидирует европейская (а теперь европейско-американская) традиция. Она опирается прежде всего на античную (греко-римскую) традицию и достижения европейской лингвистической мысли

Средневековья, эпохи Возрождения и эпохи Просвещения, но вместе с тем она немало взяла в арабской и индийской традициях, существенно расширила свои представления о структуре языка благодаря новейшим исследованиям в области типологии языков и лингвистической универсологии, знакомству с множеством языков самого разного строя.

В нём сегодня, в основном мирно сосуществуя, переплетаются направления:

"традиционное", ориентированное в основном на античные корни, грамматические теории Средневековья и универсальные грамматики 17-18 вв., но вместе с тем на каждом очередном этапе вбирающее в себя то, что внесли в познание языка новые направления и что уже успело отстояться;

генетическое, возникшее в начале 19 в. вместе с формированием сравнительно-исторического подхода к языкам и обогатившееся сегодня благодаря обращению к типологическим, ареальным, математическим методам; структурное, сложившееся в первой трети 20 в. и обязанное своим происхождением идеям И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова и Ф. де Соссюра, деятельности школ Пражской, Копенгагенской, Йельской и Анн-Арборской в США (Леонард Блумфилд - Leonard Bloomfield, Эдвард Сепир - Edward Sapir, Зеллиг Харрис - Zellig S. Harris), Лондонской (Дж. Фёрс - John Firth), французских и советских структуралистов; генеративное, вызванное к жизни работами американского исследователя Н. Хомского и лёгшее прежде всего в основу формализмов математической лингвистики; функциональное, выступающее во множестве теорий и концепций и ориентирующееся на учёт человеческого (деятельностного) фактора в языковой коммуникации. Приоритет по-прежнему отдаётся звучащей речи, при этом преимущественно спонтанной. Но вместе с этим активно разрабатываются проблемы понимания письменных текстов.

Наметилось сближение фонетики и фонологии. Наряду со свойствами фонологических единиц, вытекающими из их отношений между собой, во всё большей степени учитываются и их материальные (субстанциальные) свойства.

Признавая приоритет синхронного подхода к описанию языка, оно считает также весьма необходимым изучение языка в его истории (диахронии).

Новейшее языкознание одинаково интересуется как внутренней структурой языка, так и влиянием на неё среды, в которой функционирует и развивается языковая система (человек, этнос, социум).

Больше не ставится под сомнение необходимость, наряду с чисто описательным и объяснительным подходами, подхода нормализаторского (он реализуется составителями учебных грамматик и словарей, справочников по вопросам орфографии, орфоэпии, культуры речи для широкого круга пользователей).

В число задач мировой лингвистики сегодня включаются проблемы языковой политики и языкового планирования, которые, кстати, активно разрабатывались нашими лингвистами в 20-30-е гг.

Новейшее языкознание стремится решать как эмпирические задачи (описание отдельных конкретных языков мира), так и лингвофилософские и теоретические задачи (объяснение сущностных свойств человеческого языка вообще; выявление общих законов строения, функционирования и развития языков мира). Оно стремительно развивается, и большинство новых идей, теорий, моделей устаревают в наше время за 10-15, в лучшем случае за 20 лет.

В решении своих задач языкознание тесно контактирует со многими науками гуманитарного (социального), естественного, логико-математического и инженерно-технического циклов.

И что в особенности наглядно характеризует новейший этап его развития, в нём всё более заметное место занимает разработка разнообразных прикладных проблем педагогического, медицинского, психологического, социологического, идеологического, инженерного характера.

Тем не менее можно признать, что ещё нет новой, целостной, интегральной по своему характеру модели языка, которая полно бы отражала последние достижения самого языкознания и смежных наук, синтезируя подходы структурно-семиотический, функционально-коммуникативный, антрополого-лингвистический, социолого-лингвистический, когнитивно-лингвистический. Построение такой модели явится, как можно думать, результатом деятельности языковедов 21 в

Язык как система знаков

Вступление

Язык является одной из большого множества разнообразных знаковых систем, которыми люди пользуются в целях коммуникации, передавая сообщения о каких-то ситуациях в мире, о своих мыслях, чувствах, переживаниях, оценках, планах, целях, намерениях, делясь со своими собеседниками информацией о результатах познавательной деятельности. Само слово коммуникация восходит к лат. *communico* 'делаю общим, делюсь'. Знаки, из которых строятся сообщения, выполняют роль носителей определённых смысловых содержаний (значений). Именно благодаря им оказывается возможным кодирование передаваемой в сообщениях информации и реализация коммуникативных актов.

Знаки как бы замещают предметы, на которые они указывают и которые они называют. Такое замещение в жизни людей имеет место довольно часто, так что поневоле может сложиться впечатление, что люди живут не только и не столько в мире вещей, сколько в мире знаков.

Знаки и образуемые ими знаковые системы изучает семиотика (во французской традиции семиология). В развитие этой науки, основы которой были заложены ещё представителями античной и средневековой философской мысли, в наше время внесли большой вклад (если называть только наиболее авторитетные имена) Чарлз Сандерс Пирс (Charles Sanders Peirce), Чарлз Уильям Моррис (Charles William Morris), Фердинанд де Соссюр (Ferdinand de Saussure), Луи Ельмслев (Louis Hjelmslev), Эрнст Кассирер (Ernst Cassirer), Роман Осипович Якобсон, Карл Бюлер (Karl Buehler), Якоб фон Юксюлл (Jakob von Uexcuell), Томас Себеок (Thomas Sebeok), Роланд Барт (Roland Barthes), Умберто Эко (Umberto Eco), Юрий Сергеевич Степанов.

Ч.У. Моррис предложил различать в семиотике три аспекта: синтактику, семантику, прагматику. Смысловые содержания являются предметом семантики, отношения между знаками подлежат ведению синтактики (синтаксиса), а отношения между знаками и их пользователями исследует прагматика. Знак, как правило, несёт определённую целевую нагрузку, сообщая об отношениях его отправителя к своему адресату, к ситуации общения, к денотату и к самому сообщению.

Каждый знак соотнесён в рамках конкретной знаковой ситуации (семиозиса) с тем или иным предметом, явлением, фактом, событием, положением дел как своим денотатом (или референтом). Эта соотнесённость опосредствуется сознанием человека, использующего знаки. Иначе говоря, не сам знак указывает на тот или иной предмет или называет предмет, этот акт указания на предмет (акт референции) осуществляет человек посредством выбора и употребления соответствующего знака.

Знак, как писал Ч.С. Пирс, либо копирует объект (иконический знак), либо на него указывает (индексальный знак), либо его символизирует, находясь в условной связи с ним (знак-символ).

Свойства знаков

Основные свойства всякого знака заключаются в следующем:

Знак должен быть, с одной стороны, доступен восприятию со стороны адресата (обладать свойством перцептивности).

Знак, с другой стороны, должен быть информативен, т.е. нести смысловую информацию об объекте.

С точки зрения Ф. де Соссюра, в знаке различаются две стороны: означаемое (signifié, сигнификат, образ предмета, идея, понятие, концепт, содержание, в традиционном употреблении значение) и означающее (signifiant, сигнификант, экспонент, выражение).

Обе стороны, по его мнению, психичны. Психичен и знак в целом. Такой знак, естественно, не может быть воспринят. Следовательно, воспринимается не виртуальный языковой знак, а реализующий его речевой знак. Что касается денотата или референта, то в схеме Ф. де Соссюра он не принимается во внимание.

Связь между означаемым и означающим, по Ф. де Соссюру, конвенциональна (условна) или, в иной терминологии, арбитрарна (произвольна): каждый язык по своему соотносит означаемые и означающие. Но этот принцип вызывает серьёзные возражения со стороны Р.О. Якобсона, Ю.С. Маслова, А.П. Журавлёва, С.В. Воронина и др. лингвистов: фактически у многих языковых знаков обе стороны связаны более тесно, и эта связь может быть объяснена факторами звукоподражания, звукового символизма, словообразовательной и семантической мотивированности.

Обе стороны знака взаимно предполагают друг друга. И вместе с тем они могут как бы "скользить" относительно друг друга (установленное Сергеем Осиповичем Карцевским свойство асимметрии сторон знака): одно и то же означаемое может соотноситься с несколькими означающими (синонимия), одно и то же означающее может соотноситься с рядом означаемых (синонимия, омонимия).

Будучи элементом определённой семиотической системы, знак характеризуется теми отношениями, в которые он вступает с другими знаками. Синтагматические отношения характеризуют сочетательные (комбинаторные) возможности знака. В парадигматические отношения знаки вступают в рамках класса, или множества, элементов, из которых производится выбор данного знака. Системные связи создают основу для опознавания (идентификации) данного знака в конкретном коммуникативном акте и его дифференциации от других знаков как "соседей" в

данной линейной последовательности, так и внутри множества возможных претендентов на ту же позицию в этой линейной последовательности.

Различимость знаков с точки зрения многих исследователей является главным их свойством, которое образует основу для важнейшего из семиотических принципов, на которые ориентируется структурная лингвистика. Противопоставленность и системная взаимообусловленность знаков приводят к тому, что возможны так называемые нулевые знаки (вернее, знаки с нулевыми означающими). Участие знака в разных оппозициях способствует выявлению его дифференциальных признаков.

Виды знаковых систем

Знаки принято отличать от признаков (симптомов). Последние не являются средствами целенаправленной передачи информации кем-то. В них план выражения (означающее, экспонент) и план содержания (означаемое) находятся в причинно-следственной связи (например, лужи воды на земле как свидетельство недавно прошедшего дождя). В собственно знаках, используемых для целенаправленной передачи информации, связь между двумя сторонами не обусловлена природными, причинно-следственными отношениями, а часто подчинена принципу условности (конвенциональности) или же принципу произвольности (арбитражности). Возможны, однако, как уже отмечалось, многочисленные случаи той или иной мотивировки знаков, допускаемые данной системой.

Люди пользуются множеством разнообразных знаковых систем, которые можно классифицировать прежде всего с учётом канала связи (среды, в которой осуществляется их передача). Так, можно говорить о знаках звуковых (вокальных, аудитивных), зрительных, тактильных и т.д. Люди располагают, помимо звукового языка как основной коммуникативной системы, жестикულიцией, мимикой, фонационными средствами, представляющими собой особое использование голоса, и т.д. В их распоряжении имеются как естественные (спонтанно возникшие), так и искусственные, созданные ими же коммуникативные системы (сигнализация с помощью технических устройств и прочих средств: светофор, способы обозначения воинских различий и т.п., системы символов в логике, математике, физике, химии, технике, языки типа эсперанто, языки программирования и т.п.). В некоторых ситуациях общения наблюдается одновременная передача знаков разного рода, использование разных сред (мультимедийная коммуникация).

Специфика языка как знаковой системы

Наиболее сложную и развитую знаковую систему образует язык. Он обладает не только исключительной сложностью строения и огромным инвентарём знаков (особенно назывных), но и *неограниченной семантической мощностью*, т.е. способностью к передаче информации относительно любой области наблюдаемых или воображаемых фактов. Практически любая информация, переданная посредством неязыковых знаков, может быть передана с помощью языковых знаков, в то время как обратное часто оказывается невозможным.

Для структурной лингвистики, допускающей возможность описания языка как имманентной, замкнутой в себе системы, принципиально важное значение имеют следующие *свойства языкового знака*:

его дифференциальная природа, делающая каждый языковой знак достаточно автономной сущностью и не позволяющая ему в принципе смешиваться с другими знаками того же языка; это же положение распространяется и на незнаковые элементы языка (образующие план выражения знаков фонемы, силлабемы, просодемы; образующие план содержания знаков значения / семантемы); вытекающая из парадигматических противопоставлений между знаками возможность отсутствия у знака материального означающего (т.е. существование в рамках определённой парадигмы языкового знака с нулевым экспонентом); двухсторонний характер языкового знака (в соответствии с учением Ф. де Соссюра), что побуждает говорить о наличии того или иного языкового значения только при наличии регулярного способа его выражения (т.е. устойчивого, стереотипного, регулярно воспроизводимого в речи экспонента), а также о наличии у того или иного экспонента стереотипного означаемого; случайный, условный характер связи означаемого и означающего; чрезвычайная устойчивость во времени и вместе с тем возможность изменения либо означающего, либо означаемого.

Именно опираясь на последние из указанных свойств, можно объяснить, почему разные языки пользуются различными знаками для обозначения одних и тех же элементов опыта и почему знаки родственных языков, восходящих к одному языку-источнику, могут отличаться друг от друга либо своими означающими, либо своими означаемыми.

Можно языковые знаки разбить на классы знаков полных, т.е. коммуникативно завершённых, самодостаточных (тексты, высказывания), и знаков частичных, т.е. коммуникативно несамодостаточных (слова, морфемы). Языкознание традиционно концентрировало внимание на знаках назывных (словах). Новейшая семиотика сосредоточивает своё внимание на высказывании как полном знаке, с которым соотносится не отдельный элемент опыта, а некая целостная ситуация, положение дел.

Наиболее близкой к языку знаковой системой оказывается письмо, которое, взаимодействуя с исконно первичным звуковым языком, может служить основой для формирования письменного языка как второй ипостаси данного этнического языка. Для лингвиста первостепенный интерес представляет звуковой человеческий язык.

Человеческий язык как звуковая знаковая система возникает при становлении общества и из его потребностей. Его появление и развитие обусловлено социальными факторами, но вместе с тем оно обусловлено и биологически, т.е. его происхождение предполагает определённую ступень развития анатомического, нейрофизиологического и психологического механизмов, возвышающих человека над животными и качественно отличающих человеческое знаковое общение от сигнального поведения животных.

С точки зрения структурно-лингвистической (и, шире, лингвосомиотической) могут исследоваться, с использованием языковедческого исследовательского инструментария, не только письмо, но и все прочие параллельные системы человеческой коммуникации (языки жестов, в том числе системы коммуникации между глухонемыми - sign languages, системы звуковых сигналов и т.п.; на рис. изображён акт коммуникации на American Sign Language). В результате каждая из таких систем может быть представлена инвентарём своих знаков и инвентарём правил их использования.

Заключительные замечания

Теперь можно дать итоговую характеристику языка как знаковой по своему устройству и коммуникативной по своему назначению системе:

Язык - лишь одна из большого множества знаковых систем, которыми пользуются люди ради коммуникативных целей, т.е. ради передачи информации, знаний о мире и о себе.

Язык в отличие от всех прочих знаковых систем обладает неограниченной информационной мощностью, так как он способен служить передаче информации любого рода о любом событии, факте, явлении, ситуации реального и представляемого мира.

Так как возможности познания мира человеком беспредельны, а человеческая память небесконечна, язык устроен таким образом, чтобы с помощью конечного числа элементов передать бесконечное множество сообщений. Язык имеет в своём инвентаре в принципе конечное число воспроизводимых элементарных знаков типа морфем и слов и ограниченное число способов конструирования бесчисленного множества новых, неповторимых сложных знаковых образований типа словосочетаний, предложений и текстов.

Языковой знак двусторонен. Одну сторону знака (signum, signe, sign, Zeichen) образует означаемое (сигнификат, significatum, signifie, significate, Bezeichnetes, содержание), другую сторону знака образует означающее (сигнификант, significandum, signifiant, significant, Bezeichnendes, выражение, экспонент). Обе стороны языкового знака тесно связаны, одна сторона невозможна без другой. Это единство - обязательное свойство морфемы, слова, словосочетания, предложения, текста.

Знак существует для того, чтобы его посредством назвать, обозначить денотат, т.е. выделенный сознанием какой-то предмет, признак, действие, состояние, положение дел, ситуацию, событие и т.п. Тот или иной предмет действительности становится денотатом лишь как противочлен знака, т.е. в рамках конкретной знаковой ситуации и в конкретном акте высказывания. Денотат - это не просто предмет, а предмет, выделенный (как целое или в отдельных своих сторонах) для наименования.

У многих (но далеко не у всех) означаемое и означающее связаны условным (конвенциональным), иначе - произвольным (арбитражным) образом, т.е. эта связь не зависит от природных факторов, не является причинно-следственной (в отличие, например, от связи только что прошедшего летнего дождя и луж воды на асфальте или же резкого похолодания воздуха зимой и появления гололедицы). Именно поэтому знаки одного языка могут отличаться от знаков другого языка (ср.: один и тот же денотат <дерево>, означаемое 'дерево' и слова дерево, фр. arbre, англ. tree, нем. Baum).

Однако связь данного означаемого и данного означающего является в принципе обязательной в данном языковом коллективе. Отдельный говорящий не может нарушить эту связь, не рискуя оказаться непонятым.

Вместе с тем стороны знака (в соответствии с законом о его асимметрической природе) могут как бы "скользить" относительно друг друга. В итоге: одному означаемому в соответствие могут быть поставлены два или более означающих: 'наука о языке' - языкознание, языковедение, лингвистика, а одно означающее может соотноситься с несколькими означаемыми: идти: 1. '(о человеке) передвигаться в пространстве с помощью ног' и 2. '(о поезде) передвигаться в пространстве, используя тягу паровоза или электровоза'.

Ни один знак не существует в изоляции. Он существует лишь как элемент системы, противопоставляясь (образуя оппозиции) другим знакам этой же системы, отличаясь от них одним или более чем одним дифференциальным признаком. Совокупность дифференциальных признаков, которые характеризуют отношения данного знака к другим знакам, образует основу для опознавания (идентификации) этого знака в различных контекстах его употребления.

Как означающее, так и означаемое знака могут члениться на отдельные компоненты, которые не являются сами по себе знаками. Так, в означающем слова выделяются следующие друг за другом кратчайшие звуковые единицы языка - фонемы (например: мать /mat'/), а в его означаемом (семанте, или семеме) - сосуществующие во времени элементарные семантические компоненты - семы (например: семантема 'мать' [+одушевлённое существо], [+человек], [+находящийся в родственных отношениях], [+находящийся в прямом родстве], [+старше на одно поколение], [+женский пол]). Знаки могут изучаться в аспекте их строения (синтактика), в аспекте их отношения к именуемым объектам и внутренней структуре их смыслового содержания (семантика) и в аспекте их целенаправленного использования носителями языка в актах речи (прагматика).

Семиотический подход к языку сыграл существенную роль в становлении лингвистического структурализма. Благодаря пониманию языка как системы взаимоотнопротивопоставленных и различающихся элементов был разработан ряд строгих структурных методов анализа, построены структурные модели в области фонологии, морфологии, лексикологии, синтаксиса, плодотворное развитие получила математическая лингвистика и т.д. Но возможности адекватного познания языка оказались парализованы стремлением структуралистов изучать язык в самом себе и для себя, в отрыве от факторов этнокультурного, социального, психического, коммуникативно-прагматического, когнитивного.

Поэтому сегодня принципы семиотико-структурного языкознания используются главным образом для того, чтобы выявить наборы инвариантных единиц внутренней структуры языка (типа фонем, тоном, интоном, морфем, лексем, схем построения словосочетаний и предложений) и обеспечить базу для составления описательных грамматик.

Что же касается функциональных аспектов языка, обуславливающих его формальное варьирование и исключительную способность приспособляться к любым ситуациям общения в любом культурном и социальном контексте, то здесь приходится ставить вопрос о более широком понимании предмета языка, об обращении к новым подходам и идеям.

Основные функции языка

Язык двунаправлен.

С одной стороны, он обеспечивает взаимодействие отправителя вербального (словесного) сообщения и его получателя, адресата. В этом случае говорят о его *коммуникативной функции*. Данную функцию принято считать ведущей, поскольку именно она, по мнению большинства современных учёных, определяет сущность языка.

С другой стороны, язык направлен на действительность и на тот мир образов, который выстраивается между действительностью и человеком, выступая как множество знаний, образующих в совокупности картину, или модель, мира. Эта картина мира, локализованная в сознании, постоянно пополняемая и корректируемая, регулирует поведение человека. Язык не просто передаёт в актах коммуникации в виде высказываний сообщения, в которых содержатся те или иные знания о каких-то фрагментах мира. Он играет важную роль в накоплении знаний и их хранении в памяти, способствуя их упорядочению, систематизации, т.е. участвуя в их обработке. Тем самым язык обеспечивает познавательную деятельность человека. В данном случае говорят о его *когнитивной функции*.

Обе функции языка неразрывно связаны, они взаимно предполагают друг друга. Для лучшего понимания этих сторон языка можно обратиться к рассмотрению того, что собой представляют коммуникация и познание мира.

Информационные процессы

Мы живём не только в мире вещей и энергий, но и в мире информационных потоков. Информационные процессы (и, соответственно, информационные системы) служат передаче и получению, накоплению и хранению, обработке информации.

Под информацией в самом общем смысле можно понимать сообщение. Это сообщение, будучи принятым какой-то системой (будет ли это какой-то живой организм, человек или такое созданное им информационное устройство, как компьютер), меняет информационное состояние данной системы и в определённых случаях может оказаться стимулом (командой) к осуществлению каких-то операций или действий, к началу или завершению какого-либо процесса. Например, переданное мною Вам сообщение о том, что завтра возможен сильный дождь, может побудить Вас, выходя завтра из дома в университет, захватить с собой зонтики. Иначе говоря, информация способна осуществлять функцию управления.

Понятие информации является центральным в кибернетике, где как раз и исследуются процессы управления с помощью передаваемой информации. С точки зрения кибернетической можно говорить о передаче информации в живой и неживой природе, в человеческом обществе, в созданных человеком технических системах.

Всякий информационный процесс предполагает наличие следующих компонентов и отношений между ними:

Отправитель сообщения ----> Сообщение ----> Получатель сообщения

Сообщение не материально. Оно не может быть передано или воспринято непосредственно. Носителем сообщения выступает определённый физический сигнал.

Переход от сообщения к сигналу осуществляется в процессе кодирования. Переход от сигнала к сообщению - это процесс декодирования. Так, физическим носителем сообщения, передаваемого посредством речевого высказывания, является акустическое событие (последовательность звуковых волн, подвергшаяся соответствующей модификации в том, что касается характеристики их сегментов в отношении частоты, интенсивности, длительности и тембра).

При кодировании и декодировании используются элементы соответствующего кода (в речевом общении эти функции выполняет языковая система, в состав которой входят компоненты прагматический и семантический, лексический, или словарный, или номинативный, и синтаксический, морфологический и фонологический-фонетический). Этот код должны знать и отправитель, и получатель.

В распоряжении отправителя должен иметься передатчик, с помощью которого производится кодирование и пересылка сигнала по каналу связи (например, по используемому в речевом общении каналу, который можно назвать вокально-аудитивным). Получатель должен располагать приёмником, способным принимать соответствующий физический сигнал и обеспечивать его декодирование.

В речевом взаимодействии отправителем сообщения является говорящий. Его мозг и произносительные органы обеспечивают процесс кодирования сообщения и передачу физического сигнала, т.е. они функционируют в качестве передатчика. Получателем сообщения выступает слушающий. Восприятие им звукового сигнала и декодирование осуществляются приёмником, в состав которого входят органы слуха и мозг.

Сообщение характеризуется тем, что оно относится к какой-то теме (предмету). Предметом сообщения обычно является отображаемое в сознании некое событие (сцена).

С учётом таких дополнений структура информационного процесса может быть представлена следующей схемой:

В этой схеме, правда, не указан такой компонент, как источник шумов (в инженерно-математической теории коммуникации обязательно учитывается возможная деформация сигнала, ведущая к определённой потере информации). С тем чтобы избежать потерь, к коду предъявляется требование определённой избыточности. Естественные языки обычно характеризуются высокой избыточностью, позволяющей распознавать речевые сигналы с достаточной степенью надёжности. Так, в русском высказывании Маленькая девочка горько плакала признак [+женский род (и пол)]

кодируется четырежды: корневой морфемой дев-, окончанием -а существительного, окончанием -ая прилагательного, окончанием -а глагола.

Коммуникация

Коммуникацией называют передачу информации как в животном мире (употребляя в этом случае термин биокommunikация), так и в человеческом обществе, а также от одного технического устройства (например, компьютера) другому.

Животные передают сигналы неосознанно, инстинктивно, в условиях именно данной ситуации. Их навыки сигнализации имеют врождённый характер. Правда, сейчас много пишут об успешных опытах обучения шимпанзе жестовой коммуникации. Но это тема особого разговора, лежащая в основном в стороне от основных задач вводного курса общей лингвистики и предполагающая наличие специальных знаний в области этологии (науки о поведении животных).

Передача сообщений в общении между людьми характеризуется тем, что она осуществляется осознанно и целенаправленно, часто с учётом адресата (или адресатов) передаваемых сообщений и, что тоже важно учитывать, на основе тех правил, которые приняты в данной этнокультуре и в данном социуме, т.е. являются конвенциональными и не наследуемыми, а усваиваемыми в процессе накопления жизненного опыта.

Передаваемые людьми сообщения не обязательно касаются данных, конкретных, реальных ситуаций. Они могут относиться к прошлому и будущему, к вымышленным ситуациям (битва богов и титанов в греческой мифологии, вторжение марсиан на Землю у Г. Уэллса), к гипотетическим существам типа циклоп, кентавр, русалка, инопланетянин, к абстрактным объектам типа скорость, доброта, белизна, лошадиная сила и т.п. В этих сообщениях могут содержаться поэтические образы, философские рассуждения, научные идеи, технические инструкции, предсказания погоды, религиозные убеждения и т.д. В дальнейшем термин коммуникация будет употребляться только в отношении актов человеческого общения.

В общении друг с другом люди могут использовать разные каналы связи: оптический (зрительный), звуковой (в языковой коммуникации он выступает в специфической форме уже упоминавшегося вокально-аудитивного), тактильный (например, похлопывание по плечу или поглаживание по щеке).

Коммуникация может быть непосредственной, прямой, как при общении лицом к лицу (face to face), так и опосредованной, предполагающей использование тех или иных технических средств для передачи и приёма сигналов (звонок на занятия, уличный светофор, телефон, радио, телевидение, интернет с его электронной почтой, группами новостей, видеоконференциями и пр.). Сегодня обычным явлением стала многоканальная (мультимедийная) коммуникация (кино, телевидение, интернет, компьютерные игры).

Господствующая роль в человеческом общении принадлежит языковой (или речевой) коммуникации, опирающейся на использование вокально-аудитивного канала связи. Рядом с устной языковой коммуникацией в большом ряде культур широко используется письменная коммуникация, в актах которой по зрительному каналу передаются сообщения, закодированные посредством графического кода. Роль письма столь велика, что о многих языках мы вправе говорить, что они выступают в двух ипостасях - устной и письменной.

Коммуникативные акты могут совершаться с использованием жестов, телодвижений, мимики, взглядов, изменения качества голоса (фонации) и т.д.

Можно говорить о коммуникации межличностной, имея в виду коммуникативное взаимодействие внутри относительно небольшой, ограниченной группы людей, и массовой, ориентированной на передачу информации большому множеству людей (например, радиослушателям, телезрителям).

Имея в виду сферу обращения информации и её содержание, говорят о коммуникации обыденной, официальной, деловой и т.п. Особое место в кругу коммуникативных процессов занимают акты богослужения, театральные представления, демонстрации фильмов, исполнение музыкальных произведений, показы мод, спортивные соревнования, массовые действия, игры и пр.

Коммуникация осуществляется в форме единичных коммуникативных действий, совершаемых отправителями сообщений и адресованных, как правило, определённым получателем. Эти действия протекают в условиях определённого коммуникативно-прагматического пространства, или контекста. Данный контекст образуют:

отправитель сообщения и его адресат,
сообщение,
предмет сообщения,
взаимоотношения общающихся (коммуникантов),
их личные практические цели и коммуникативные намерения,
их социальные статусы и роли,
распределение между ними коммуникативных ролей,
их отношение к принятым в данном социуме конвенциям коммуникативного сотрудничества (принцип кооперации, принцип вежливости, принцип иронии и др.),
время и место свершения акта общения (иногда по отдельности - время и место передачи сообщения, время и место получения сообщения),
место данного акта в связной, целостной последовательности коммуникативных актов, которую сегодня часто называют дискурсом,
используемый код (или его разновидность - субкод),
степень знания этого кода общающимися,
выбранный канал связи (или же ряд одновременно используемых каналов),
обстановка данного акта общения (отсутствие или наличие помех, наличие или отсутствие коммуникативных сбоев и т.п.).

В этом перечне учтены как этнокультурные и социальные, так и личностные факторы, влияющие на характер каждого отдельного акта коммуникации.

Языковая коммуникация

Языковая коммуникация имеет целый ряд наименований: речевая коммуникация, вербальная коммуникация, речевое общение, вербальное общение, речевая деятельность, речь.

Минимальными единицами языковой коммуникации являются речевые акты (или языковые акты). Слово акт употребляют, чтобы подчеркнуть динамическую, процессуальную сторону явления. Если не имеется в виду процесс, нередко пользуются термином высказывание. Речевые акты принято условно квалифицировать как реализации (произнесения, исполнения) предложений, хотя подчас речевым актом называют и такую далеко не элементарную форму, как лекция, проповедь, доклад.

Слово речь довольно многозначно. Это и акт произнесения высказывания, говорения (т.е. акт говорящего), и единство актов говорящего и пишущего, и акт пишущего, и единство актов пишущего и читающего, и вся совокупность актов говорящего и пишущего, с одной стороны, и актов слушающего и читающего, с другой стороны. Иначе говоря, речевой акт может рассматриваться как единство, с одной стороны, акта производства высказывания и его передачи в устной или письменной форме и, с другой стороны, акта восприятия и понимания этого высказывания. Мы можем говорить о речи устной и письменной. Слово речь может служить названием формы бытия языка, способа (модуса) его существования.

Интересно сопоставить терминологические эквиваленты в разных языках. Соответствующее нем. слово *das Sprechen* именуется только акт говорения. То же касается и англ. слова *speech* 'акт говорения, способность к речи'. Фр. *parole*, употреблённое Ф. де Соссюром для противочлена речи - языка (*langue*), имеет значения 'речь, слово', 'словесное обещание', 'голос, тон'. Наряду с ним франкоязычные лингвисты пользуются словами *recit* 'рассказ, повествование', *discours* 'речь, выступление'.

Лат. слово *lingua* имело значения: 'язык (физиологический орган)', 'язык, речь', 'манера выражаться, слог', 'красноречие', 'болтливость, хвастовство', 'узкая полоса земли, коса, мыс', 'язычок (в музыкальном инструменте)'. За словом *oratio* были закреплены значения 'способность / дар речи', 'речь, язык; манера изъясняться, стиль', 'специальный язык (например, философский)', 'прозаическая речь, проза', 'тема, предмет, материал речи', 'высказывание, выражение, утверждение; слова', 'доклад, обращение, выступление', 'красноречие, дар слова', 'императорский указ, рескрипт', 'молитва'.

Нем. слово *Sprache* 'язык' очерчивает достаточно широкую сферу, что, в частности, позволило В. фон Гумбольдту одним и тем же словом именовать язык как живую деятельность (*energeia*) и язык как мёртвый продукт этой деятельности (*ergon*), т.е. слова, звуки и т.п. А.А. Потебня включает речь в язык, в то время как в наше время словом язык чаще обозначается более узкая сфера явлений, понятие языка оказывается закреплённым за языком как статической системой единиц. Англ. слово *language* 'язык' позволяет включать в понятие языка речь, коммуникативное поведение и даже

совокупность всех предложений. Во фр. имеются два слова: langage и langue, из которых первое покрывает и значение рус. язык, и значение рус. речь.

Иногда различают речевую деятельность и речь (Л.Р. Зиндер, Н.Д. Андреев, В.Б. Касевич). В первом случае имеются в виду речевые акты, а во втором - совокупность высказываний / текстов. Есть попытки (В.В. Богданов) именовать речью только устные высказывания, обмен которыми производится в речевом общении, и речи противопоставлять тексты как формы письменной фиксации речи, функционирующие в текстовом общении, а под названием дискурс объединять и то, и другое.

Классификация речевых актов опирается прежде всего на заложенные в них коммуникативные намерения (интенции) говорящего. По Джону Сёрлу, это так называемые иллокутивныe (неречевые, а точнее внутриречевые) функции и силы. Дж. Сёрл различает:

констативы, в которых сообщается о каких-то положениях дел: Лекция переносится на понедельник;

комиссивы, в которых говорящий берёт на себя то или иное обещание: Я дам Вам эту книгу;

директивы, направленные на то, чтобы побудить адресата к какому-либо действию: Переведите этот текст на английский язык;

экспрессивы, посредством которых говорящий выражает благодарность, извинение, поздравление, соболезнование и т.п.: Извините меня за причинённые Вам неприятности;

декларативы, служащие говорящему, который обладает соответствующим социальным статусом, объявлению о том, что меняется статус какого-то лица (объявление о новом назначении, бракосочетании, присвоении имени, начале или окончании какой-то церемонии и т.д.): Я объявляю собрание закрытым.

Целесообразно выделить из директивных актов акты запроса информации (интеррогативы или - следуя греческим образцам - эротетивы): К какой семье относится карельский язык?

Речевые акты могут быть прямыми и непрямыми (косвенными). Так, интеррогативный речевой акт в определённых ситуациях общения может взять на себя функцию просьбы (один из видов директивов): Вы не дадите мне эту книгу до завтра?

Обычно процессы речевой коммуникации протекают в виде последовательностей речевых актов. Связные последовательности речевых актов именуют дискурсом.

Если в том или ином коммуникативном эпизоде происходит хотя бы однократная смена коммуникативных ролей, когда роль говорящего берёт на себя слушающий, а говорящий становится слушающим (в англоязычной литературе это явление именуется turn taking), то мы имеем дело с диалогом. В нём друг с другом соотносятся реплики, или речевые ходы (moves). Связность диалога обеспечивается, между прочим, и тем обстоятельством, что за вопросом следует ответ, за приглашением или предложением чего-либо - согласие или отказ, за упреком - оправдание или возражение, за комплиментом или похвалой - выражение благодарности, после оскорбления ожидается извинение и т.п. В речевое взаимодействие может быть включён и

неречевой ход (так, вместо словесного согласия может последовать кивок головы, вместо ответа на вопрос - пожатие плечами).

В заключение ещё раз надо подчеркнуть, что человеческая коммуникация вообще и языковая коммуникация в частности подчиняются тем конвенциям (условностям), которые приняты в данной этнической культуре или в данном социальном коллективе в данную историческую эпоху. Поэтому одного знания системы того или иного языка, его фонологических, грамматических и лексических правил мало для того, чтобы успешно общаться на этом языке. Крайне необходимы очень хорошие знания из области этнолингвистики (антропологической лингвистики, или лингвистической антропологии) и социолингвистики, относящиеся к данному этносу или этнографической группе, к данному социуму или социальной группе. Иными словами, от человека, желающего успешно общаться с носителями другого языка, требуется умение вживаться в менталитет другого народа (этноса) или субэтноса, в менталитет его определённой социальной (сословно-классовой, профессиональной, половозрастной) группы.

Язык не просто замкнутая в себе система знаков, а система правил коммуникативного поведения человека в условиях определённой культуры и социума.

К этому можно добавить следующее. Если понимать язык как особый, а именно коммуникативный и - более узко - вербальный способ (или форму) человеческого поведения, то следует учитывать исключительную способность каждого конкретного языка приспособляться к бесконечному разнообразию жизненных ситуаций. Поэтому так трудно познать свой родной язык и неизмеримо сложнее познать чужой язык (или чужие языки).

Выражение Язык бесконечен, и полностью выучить его невозможно не лишено смысла.

Когнитивные процессы и язык

Предварительные замечания

Предыдущий раздел был завершён словами:

Если понимать язык как особый, а именно коммуникативный и - более узко - вербальный способ (или форму) человеческого поведения, то следует учитывать исключительную способность каждого конкретного языка приспособляться к бесконечному разнообразию жизненных ситуаций. Поэтому так трудно познать свой родной язык и неизмеримо сложнее познать чужой язык (или чужие языки). Выражение Язык бесконечен, и полностью выучить его невозможно не лишено смысла.

Во многом трудности овладения и родным, и тем более чужими языками заключаются в том, что язык - это не просто номенклатура слов и множество грамматических правил. Любой отдельный язык не существует сам по себе как абстрактная система, а привязан к конкретным условиям существования определённого племени, народности, нации в определённую историческую эпоху. В словарях и тем более в грамматических описаниях сведения такого рода обычно не содержатся.

Инвентари звуковых единиц, морфем и даже слов, наборы грамматических правил каждого данного языка в принципе конечны. Но количество значений, которые могут быть выражены на данном языке, по сути дела бесконечно. Существующие лингвистические словари фиксируют далеко не все возможные значения. Для понимания многих слов и выражений мало знать сам язык, необходимы знания энциклопедического характера, т.е. знания о мире.

Культуре данного этноса, отношениям в данном социуме противостоит не просто язык как таковой, а присущая человеку целостная информационно-когнитивная система, которую образуют тесно взаимосвязанные друг с другом мышление, сознание и язык. И понять, что же такое язык, вне этой системы невозможно.

Начальные этапы функционирования информационно-когнитивной системы

Язык включён в сложную систему познания мира человеком, в информационно-когнитивную систему, в которой взаимодействуют мышление, сознание, память и язык. Она локализована в мозгу человека. Её основным назначением является обеспечение процессов восприятия информации извне, переработки этой информации и её сохранения, её передачи другим индивидам.

Переработка информации осуществляется в актах мысли. Знания как результаты работы мышления упорядочиваются сознанием, организуются в когнитивные (познавательные) структуры, которые могут быть помещены в память. Сознание оперирует не только знаниями, но и мнениями, оценками, убеждениями. В нём формируется более или менее целостная картина мира, или модель мира, которая в значительной мере предопределяет поведение человека (в том числе и его коммуникативное поведение). Эта модель мира в процессе жизнедеятельности постоянно дополняется, модифицируется.

Благодаря разнообразным системам общения и прежде всего благодаря языку, складывается общая для всего данного этноса или социума картина мира. Она входит как важная часть в так называемый менталитет народа или социума. Между разными языками имеется очень много общего, так что их нередко квалифицируют как варианты одного и того же человеческого языка, как "вариации на одну и ту же тему". И вместе с тем широко распространено мнение, что разные языки опираются на разные картины мира и даже могут предопределять неодинаковое видение мира, нетождественные формы поведения у носителей разных языков.

Формирование знаний о мире - очень сложный и многоступенчатый процесс переработки поступающего извне опыта. По всей очевидности, знание, информация может передаваться и храниться как в неязыковой (или доязыковой), так и в языковой форме.

Первичная информация о каких-то событиях во внешнем мире поступает в органы чувств человека в виде воспринимаемых ими стимулов, имеющих форму физических сигналов (оптических, звуковых, тактильных и др.). Она обрабатывается мышлением и передаётся сознанию, попадая здесь в блок кратковременной (оперативной) памяти в виде не точной копии физического стимула, а его мыслительной интерпретации, на основе которой в сознании складывается своего рода убеждение относительно того, что есть во внешнем мире. Это убеждение имеет своим истоком воспринятый стимул, но в нём, вместе с тем, отражается сильное воздействие и контекста ситуации восприятия, и действующих в данном коллективе этнокультурных и социальных норм, и индивидуальной предрасположенности, и личного опыта. Убеждение - это субъективное знание. По поводу одного и того же события у разных людей могут сложиться неодинаковые убеждения.

Вербализация знаний

В каждый данный момент осознаётся (т.е. активизируется, "высвечивается") ограниченное количество информации, поэтому значительная её часть находится в блоке памяти, содержимое которого не активно, не "высвечено". Отсюда знания извлекаются, когда возникает необходимость передать их другим людям. Извлечение опыта из памяти сопряжено с переводом в вербальную (языковую) форму того, что изначально имело (полностью или частично) неязыковой (доязыковой) статус. Ведь мышление, как полагают многие современные учёные, пользуется не обычным звуковым языком, находящимся в распоряжении того или иного этноса, а особым кодом - "языком" мозга, или "языком" мысли (*lingua mentalis*). Если принять эту точку зрения, то вербализация представляет собой перекодирование результатов работы мышления средствами конкретного этнического звукового языка.

В памяти информация хранится в виде отдельных "кусков", или эпизодов. Они могут быть разными по своему размеру, по количеству запомнившихся деталей. Так, по пространственно-временному объёму и по количеству "высвечиваемых" при воспоминании деталей существенно различаются такие блоки, как "Мои школьные годы" и "Сдача мною последнего выпускного экзамена в школе".

Извлекая из памяти свой опыт, говорящий прежде всего разбивает большой эпизод на множество всё более мелких, доводя процесс расчленения до таких микроэпизодов, которым в соответствие могут быть поставлены мыслительные структуры - суждения или (как сегодня чаще говорят) пропозиции.

В каждой из таких пропозиций отображаются состав участников данного эпизода, их роли относительно друг друга и общий характер данного события. Так, имея в виду событие, связанное с передачей кем-то кому-то какого-то предмета, мы предполагаем наличие в таком событии трёх участников: того, кто совершает акт передачи (производитель действия, агенс), того, кто является получателем (адресат, получатель), и того предмета, который передаётся (объект, пациенс).

Для передачи идей об этих объектах и о ситуации в целом говорящим подбираются подходящие слова (а при их отсутствии строятся новые слова) и развёртывается предложение (например: Константин / студент дарит / вручает преподавателю / профессору / имениннику цветы / вазу / книгу).

Предложение не является точным отпечатком мысли. Передаваемое содержание подвергается определённой переработке, в процессе которой учитываются: определённое коммуникативное намерение (иллокуция) говорящего, психическое состояние адресата речевого высказывания, предварительное знание им объектов, о которых идёт речь, возможность понимания им высказывания и его адекватной реакции.

Говорящий должен считаться с этнокультурными и социальными нормами, не прибегая к прямому упоминанию предметов и действий, которые относятся к числу табуированных. Он отыскивает более приемлемые формы высказываний, отдавая себе отчёт, что не каждый собеседник нормально реагирует на шутку, иронию или на неприкрытую лесть, что достижению успеха в коммуникации часто вредят фамильярность, циничность, грубость, хамство. В выборе форм выражения ему приходится считаться с принципом кооперации, сознательно нарушая в определённых случаях те или иные его постулаты. Так, например, в беседе с ограниченным, тупым человеком говорящий нередко вполне сознательно, только ради того чтобы избежать скандала, не следует постулату качества / истинности ("Говори то, что ты считаешь истинным") и не акцентирует умственных качеств собеседника.

Воздействие на форму высказывания оказывают и особенности грамматического строя используемого языка.

Иными словами, актуальное высказывание не есть выражение исходной мысли. В нём таится множество скрытых смыслов, недомолвок, намёков. Именно поэтому так труден процесс понимания письменного текста (например, научного, публицистического и особенности художественного). Немало трудностей таит в себе также понимание высказываний собеседника в повседневной устной коммуникации, где часты недомолвки и возможно использование неречевых знаков.

Когнитивные структуры

И обработка мышлением воспринимаемого стимула, позволяющая получить в итоге определённое знание о каком-то внешнем событии, и подготовка к рассказу о каком-то событии в прошлом, который был бы доступен для понимания адресатом, и понимание только что воспринятого текста в очень существенной степени опираются на использование уже имеющихся в уме типовых схем, или моделей, под которые могут быть подведены всё новые и новые ситуации. Такие схемы диктуют способы расчленения больших "кусков" опыта на меньшие. Они организуют вновь поступающую информацию. Они же как бы "подсказывают", какое информационное звено ещё отсутствует, т.е. обладают предвосхищающей силой. Термин схема был предложен психологом Ф. Бартлеттом ещё в 1932 г. В настоящее время в близком значении используются термины фрейм, сценарий, скрипт и др.

Так, каждый из нас видел множество самых разных стульев. Каждый из нас имеет у себя в уме фрейм стула (т.е. обобщённую, стереотипную схему этого объекта), в соответствии с которым у стула имеются обычно четыре ножки и спинка. Видя кого-то, кто сидит на стуле, который по какой-то причине не целиком доступен нашему восприятию, мы тем не менее знаем, что невидимые части стула - это либо спинка, либо какие-то или же все его ножки.

Фрейм помогает нам "дорисовывать" в уме то, что мы не видим, но что должно иметь место. Войдя в какую-либо комнату и ещё не видя её целиком, мы тем не менее знаем о существовании четырёх стен, пола и потолка, одного или нескольких окон, минимум одной двери.

Услышав или прочитав слово декан, мы соотносим его в пределах фрейма "высшее учебное заведение" с большим рядом других слов, к числу которых принадлежат и такие, как университет, факультет, кафедра, преподаватель, студент, расписание, лекция, семинар, сессия, экзамен, зачёт, курс, аудитория, стипендия, каникулы и т.д.

Слово официант мы соотнесём с фреймом "мы ужинаем в ресторане". Это событие (в сегодняшней нашей жизни почти несбыточное для большинства россиян и знакомое либо по прошлому опыту людей старшего поколения, либо по романам и фильмам!) можно представить как последовательность примерно таких сцен, как: "мы приходим в ресторан", "мы занимаем столик", "мы знакомимся с меню и выбираем блюда", "мы делаем заказ официанту", "официант обслуживает нас", "мы едим", "официант приносит нам счёт", "мы расплачиваемся", "мы уходим из ресторана". Фрейм такого рода, связанный с представлением развёртывающегося во времени события, уместно назвать сценарием.

Фрейм может мыслиться как иерархическая структура, где есть верхний, господствующий узел и некоторое множество задаваемых им нижних, подчинённых узлов (слотов; от англ. slot 'паз, отверстие'). Так, фрейм глагола писать 'изображать графические знаки' предполагает возможность множества слотов, иными словами пустых позиций, которые могут быть заполнены именами пишущего, инструмента для писания, поверхности для нанесения графических знаков, вида графического произведения и т.п. Замещение слота делает его терминалом. Фрейм писать может послужить основой для построения высказываний Наташа пишет фломастером плакат; Семён пишет письмо брату; Ольга пишет мелом на доске.

Обращение к фреймам помогает слушателю или читателю при интерпретации высказываний, содержащих недомолвки, намёки, эллиптические конструкции и т.д. Адресат подводит содержание воспринятого сообщения под некую стереотипную схему и "достраивает" в уме то, о чём не было сказано. Опираясь на соответствующий фрейм, говорящий структурирует передаваемое сообщение большого объёма, разбивая его на звенья оптимального для передачи размера. Фреймовый подход является одним из эффективных методов семантического представления слов, предложений и текстов.

Мыслительные схемы могут служить организации хранимого в памяти опыта и в неязыковой, и языковой форме. Некоторые исследователи полагают, что мы храним в памяти и доязыковые, и языковые фреймы. Неязыковые фреймы приобретают статус языковых после такой их обработки, чтобы сделать их коммуницируемыми (т.е. передаваемые в процессах языковой коммуникации). Другие исследователи предполагают, что все фреймы имеют (в отличие от чисто ментальных схем) языковой статус.

Обработанные языком когнитивные структуры и отдельные элементы опыта (так называемые концепты) в совокупности составляют языковую картину мира.

Исходя из этого, можно рассматривать язык не только как систему лексических, грамматических и фонологических единиц, не только как систему правил коммуникативного поведения в определённом этнокультурном и социальном контексте, но и как систему вербализованных знаний о мире.

Заключительные замечания

Итак, язык включён в информационные процессы, будет ли это использование языка в коммуникации между людьми, будет ли это участие языка в обработке полученной информации в сознании и её хранении в индивидуальной памяти каждого из нас, в формировании общей для данного человеческого коллектива картины мира, в обеспечении тем самым исторической преемственности между поколениями.

Функции языка как орудия коммуникации и как орудия познания мира связаны неразрывно. Язык есть по своему назначению когнитивно-коммуникативная система. Изучая тот или иной язык, надо не упускать из вида неразрывную связь двух главных его функций - когнитивной и коммуникативной.

Овладение чужим языком предполагает не просто заучивание его словарных и грамматических правил, но и углубление в этнокультурный и социальный контекст, в котором функционирует этот язык, и вживание в стоящую за высказываниями на этом языке языковую картину мира, которую можно квалифицировать как организованное посредством языка в целостную структуру множество отдельных элементов опыта (концептов) и множество схем типовых ситуаций (когнитивных структур). Нужно учиться видеть всё вокруг себя через призму иной языковой картины мира, относиться к любому языку как системе вербализованных знаний о мире.

Внутренняя структура языка

Двусторонний характер языка

Сегодня большинство лингвистов признают двусторонний характер языка. Во времена В. фон Гумбольдта говорилось, что язык связывает мысль и звук.

Современные учёные называют мир мыслей, элементов пережитого человеком опыта, знаний планом содержания языка, а множество репрезентирующих их звуковых средств - планом его выражения.

И в плане содержания, и в плане выражения, вслед за Ф. де Соссюром и Л. Ельмслевом, различаются субстанция и форма (или структура). Соответственно говорят о субстанции содержания и форме содержания, о субстанции выражения и форме выражения.

В строгом смысле языку как знаковой системе принадлежат только форма содержания и форма выражения, в то время как субстанция содержания и субстанция выражения остаются за пределами языковой системы.

План выражения

Благодаря форме в выражении происходит формирование звуковых единиц языка, которые опознаются как таковые не только и не столько по их акустическим и физиологическим свойствам, сколько по их отношениям друг к другу, по их различиям, по совокупностям дифференциальных признаков, характеризующих их место в системе фонологических элементов. Субстанция выражения представляет собой как бы материал, из которого они создаются.

В значительной степени *субстанция выражения* одинакова для всех языков: каждый язык располагает одними и теми же произносительными возможностями, обладает одним и тем же артикуляторным пространством. Множество звуков, которые может артикулировать носитель любого языка, практически бесконечно. Так, например, пространство гласных (вокалическое пространство) одинаково простирается от самого закрытого переднего гласного звука типа [i] до самого закрытого заднего гласного звука типа [u] и имеет своим нижним пределом самый открытый гласный звук типа [a].

Но *каждый язык членит это пространство по-своему*. Русский язык разбивает вокалическую область на 6 "зон", различая фонемы /i/, /e/, /u/, /o/, /a/, /ы/. Немецкий же язык, используя большее количество дифференциальных признаков, членит ту же вокалическую область на 15 - 16 "зон" (учитывая только простые гласные, так называемые монофтонги). Количество различимых тем или иным языком звуковых единиц в принципе конечно. Но даже при совпадении их числа в двух разных языках звуковые системы редко оказываются изоморфными, т.е. структурированными совершенно одинаково. Акустическая или артикуляторная близость того или иного

русского и немецкого гласных (например, рус. /a/ и нем. /a/) ничего не говорит об их системной значимости в сопоставляемых языках (это единицы разных систем фонем; нем. [a] отличается своей краткостью от нем. [a:], рус. [a] безразлично по отношению к дифференциальному признаку краткость-долгота).

План содержания

Как в плане выражения языка, точно так же в плане содержания благодаря организующей его форме выделяются смысловые единицы языка, а именно значения. Они различаются между собой и характеризуются каждое своим местом в языковой системе. В каждом из них кристаллизуется остающееся за пределами собственно языковой системы бесконечное множество элементов опыта, представлений и понятий (концептов). В какой-то степени смысловые пространства разных языков (из-за различий в культурах соответствующих этносоциальных коллективов) неодинаковы. Тем более изоморфизм разноязычных систем смысловых элементов почти исключается. Можно лишь говорить о большей близости смысловых систем языков с близкой этносоциокультурной историей и о значительных различиях в системах значений языков, история которых связана с непохожей культурной историей.

Многие лингвисты охотно иллюстрируют отсутствие изоморфизма планов содержания разных языков сопоставлением диаграмм распределения наименований основных цветов, выделяемых, по сути дела, на одной субстанциальной основе - физического спектра цветов.

Так, русский язык различает 7 основных цветов: фиолетовый, синий, голубой, зелёный, жёлтый, оранжевый, красный.

В английском языке в качестве основных называются только 6 цветов: purple 'фиолетовый, пурпурный, багровый', blue 'синий', green 'зелёный', yellow 'жёлтый', orange 'оранжевый', red 'красный'. Англ. blue покрывает рус. сегменты синий и голубой. Границы остальных сегментов совпадают.

В языке шона (один из банту языков, Зимбабве) различаются только три основных цвета: cipswuka, citema, cicena. Цвет cipswuka (n) покрывает англ. сегмент purple, половину сегмента blue, большую часть сегмента orange и сегмент red. К тому же, слова citema и cicena дополнительно обозначают, соответственно, цвета черный и белый. В языке *басса* (один из кру языков нигеро-конголезской семьи, Либерия и Кот-д'Ивуар) различаются лишь два основных цвета: *hui* ("холодные" цвета; англ. purple, blue, green) и *ziza* ("тёплые" цвета; англ. yellow, orange, red).

Односторонние и двусторонние единицы языка

Единицы плана содержания и единицы плана выражения односторонни, они не являются, следовательно, знаками. Их сопряжение происходит в двусторонних, знаковых единицах языка, а именно в словах и фразеологизмах как единицах словаря (лексикона, номинативного компонента), в грамматических простых и комплексных единицах (а именно в морфемах, в формообразующих основах и форматорах, т.е. показателях грамматических значений, в словообразующих основах и дериваторах, т.е. показателях словообразовательных значений, в словоформах, в граммах как

единствах отдельных грамматических значений и форматоров, в дериватах как единствах словообразовательных значений и дериваторов, в словосочетаниях и предложениях, в текстах - если данная теория языка квалифицирует их как объекты языка).

Для описания языка весьма важно перечисление лексических и грамматических единиц, но не менее важно выявление правил словаря и правил грамматики (синтаксических правил и морфологических правил, а также деривационных / словообразовательных правил).

В языковую систему все эти единицы входят как носители определённых наборов присущих им дифференциальных свойств, т.е. как единицы-инварианты, единицы-типы. В речевых высказываниях они могут варьировать (прежде всего в зависимости от контекстных условий, окружений, а также в зависимости от стилистических и диалектных факторов). Соответственно и каждую абстрактную единицу языка можно характеризовать как единицу-класс, т.е. множество своих вариантов. Соотношение языковых единиц-инвариантов и их вариантов, диапазоны варьирования языковых единиц в их звуковой и функциональной сторонах во многом предопределяются различиями в форме и субстанции плана выражения и плана содержания.

Итак, в языке выделяются единицы трёх родов:

односторонние смысловые единицы (это семантические и прагматические значения), односторонние звуковые единицы (фонемы неслоговых языков и силлабемы слоговых языков, просодемы) и

двусторонние, знаковые единицы, которыми оперируют система словаря (номинативный компонент языка) и грамматическая система (синтаксический и морфологический компоненты языка).

В конечном итоге язык, или языковая система, предстаёт перед нами как сложное образование, члениющееся на три стратума: смысловой (содержательный, контенсивный), звуковой (фонологический) и связывающий их между собой трансляционный.

Описание языковой системы может начинаться с выявления тех или иных средств и установления инвентарей их функций и значений (формальный подход). Оно может начинаться с фиксации той или иной функции и иметь своей целью установление набора средств для их выражения (функциональный подход). И один, и другой подход опираются на идею двусторонней природы языка.

Описание языка в формальном аспекте

Вступительные замечания

Будучи весьма сложным образованием, язык тем не менее един и неделим. Все его компоненты и свойства связаны друг с другом, и их отдельное рассмотрение допускается лишь в методических целях, чтобы облегчить работу исследователя или же преподавателя данного языка.

Сторонники формального подхода начинают с того, что проводят различие между двумя сторонами языка: формальной, или же строевой, и функциональной, или же целевой, нередко считая вторую сторону мало существенной для лингвистических исследований. Её образуют множество значений, которые могут быть выражены посредством его единиц и их комплексов, и множество функций, которые выполняют как его отдельные единицы по отношению друг к другу внутри языковой системы, так и язык в целом по отношению к человеку, его мышлению и сознанию, к социальной и этнокультурной среде, в которой он действует. Первую же, формальную сторону языка образуют те средства, те строевые ресурсы, которыми он располагает для выполнения своих функций.

Соответственно могут различаться (опять-таки довольно условно) языкознание формальное и языкознание функциональное. Формальный и функциональный подходы в истории науки о языке фактически были представлены всегда, но акцент обычно делается (в зависимости от теоретических позиций и от цели исследования) на каком-то одном аспекте описания языка, чаще на формальном.

Формальный подход характеризуется движением исследовательской мысли от языковых средств к их значению и функциям. Это аналитический путь, обычный как для традиционной, так и для структурной лингвистики. Он по сути дела воспроизводит тот путь, которым идёт читатель (и слушающий). В лексической семантике такое направление именуется семасиологией (от слова к его значению или значениям). Что касается грамматики, то, по определению Л.В. Щербы, здесь мы имеем дело с так называемой пассивной грамматикой. Формальный подход к описанию языка является единственно возможным, если данный язык не известен исследователю, когда приходится опираться только на письменные памятники или иные способы фиксации высказываний и когда нет возможности обратиться к информантам - носителям языка.

Для функционального подхода характерно противоположное направление исследовательской мысли, а именно от значения, смысла, цели высказывания к языковым средствам. Это путь говорящего (и пишущего). В лексической семантике это направление именуется ономасиологией, или ономатологией. Грамматику соответствующего типа Л.В. Щерба называет активной.

В последние десятилетия функционально-лингвистические исследования стали особенно многочисленными. Но для того, чтобы построить хорошую теорию, описывающую языковое поведение говорящего, представляющую язык в его использовании (*language in use*), всё-таки необходимо перед этим обладать

достаточным знанием того, как язык устроен, что он представляет собой как система (или структура). Поэтому неслучайно в большинстве случаев курсы теории языка и практические описания языковых явлений строятся в формально-лингвистическом ключе.

Аналитические процедуры

Формальное описание языка предполагает осуществление следующих аналитических процедур:

Различение языка и речи

Ф. де Соссюр различает язык в узком смысле, языковую систему (*la langue*) и речь, речевой акт (*la parole*). Это две части (или два аспекта) языка в широком смысле, языкового феномена в целом (*le langage*; переводчики употребляют в качестве русского эквивалента не вполне удачный термин речевая деятельность). Для Ф. де Соссюра важнейшее основание для этого двоичного разбиения (дихотомии) является индивидуальный, однократный характер актов речи и социальный, постоянно воспроизводимый характер языка.

Речь выступает в виде единичных актов, производимых данным индивидом. Язык же принадлежит всему данному языковому коллективу, он социален, а его единицы воспроизводимы в бесконечном множестве речевых актов. Речь актуальна, язык потенциален. Язык организован прежде всего как система знаков, для которых наиболее характерны их различительные признаки, их взаимосвязь и взаимообусловленность. Язык формируется в речевых актах, речь предполагает наличие языка. Главной задачей исследователя Ф. де Соссюр считал построение "лингвистики языка", а построение "лингвистики речи" полагал возможным, но сам за решение этой задачи при своей жизни не взялся.

Л.В. Щерба предложил различать не два, а три компонента, а точнее, три аспекта данной в опыте речевой деятельности, представляющей собой множество актов речи (как актов говорения и письма, так и актов слушания и чтения). В актах речевой деятельности передаются высказывания (в другой терминологии, тексты или же речь). Для лингвиста они образуют языковой материал, из которого он извлекает сведения о языковой системе, фиксируемые им в словарях и грамматиках. Все три аспекта (речевая деятельность, языковой материал, языковая система) характеризуются как социальные, поскольку они безразличны по отношению к определённой языковой общности, определённому историческому периоду её существования. Правда, Л.В. Щерба вместе с этим говорит и об индивидуальной психофизиологической организацией, соотносящейся с социальной языковой системой.

Концепцию Л.В. Щербу можно трактовать следующим образом: в непосредственном опыте дана речевая деятельность (это нулевой уровень абстракции). Тексты, которыми обмениваются участники речевой деятельности (языковой материал), исследователь берёт вне контекста соответствующих речевых актов (это первый уровень

абстракции). Раскрываемая в текстах языковая система описывается сама по себе (это второй, высший уровень абстракции).

Отношения между тремя аспектами речевой деятельности как социального феномена могут быть проиллюстрированы следующей цепочкой: речевая деятельность --> тексты / высказывания --> языковая система.

Аналогичная цепочка связывает три аспекта речевой деятельности индивида: речевые акты, в которых данный индивид участвовал --> тексты / высказывания, которые он построил и/или получил --> его "собственная" языковая система, извлечённая индивидом из высказываний, с которыми он имел дело как отправитель и как получатель. Социальный и индивидуальный планы взаимодействуют друг с другом.

Сегментация высказывания, идентификация сегментов как представителей определённых языковых единиц-инвариантов и классификация выделенных единиц

В качестве исходного объекта берётся, как правило, речевое высказывание (англ. utterance, нем. Äußerung, фр. énoncé). С учётом функциональных и соответствующих им формальных признаков сперва вычленяются актуальные, конкретные предложения, фразы как речевые единицы. Им в соответствие в системе языка ставятся модели, или структурные схемы, предложений. Предложения, в свою очередь, могут быть расчленены на синтагмы, которые Л.В. Щерба определял как кратчайшие интонационно-смысловые единицы речи. Далее выделяются слова (точнее, их речевые представители - лексы, словоформы). И одним, и другим речевым единицам, в понимании Л.В. Щербы, будут, пожалуй, соответствовать слова-понятия (т.е. слова, взятые в одном из своих значений). В составе словоформ выделяются формообразующие (словоизменяющие) основы и грамматические формативы (форматоры). Минимальными же значимыми сегментами оказываются морфы, которым в системе языка соответствуют морфемы.

Здесь завершается этап, который Андре Мартине (Andre Martinet) назвал первым членением: выделены минимальные знаки, т.е. двусторонние единицы, обладающие и планом содержания, и планом выражения. Второе членение приводит к выделению звуков речи (фонов), в системе языка им соответствуют фонемы, не принадлежащие к числу знаков и имеющих только план выражения.

Объединение речевых сегментов в классы, соотносящиеся с языковыми единицами, производится как на основе функциональных (например, семантических), так и на основе формальных критериев, среди которых особого внимания заслуживает характеристика отношений между речевыми вариантами и языковой единицей-инвариантом с точки зрения дистрибуции вариантов, т.е. их распределения по разным позициям в речевой цепи в зависимости от характера окружения.

Разные языковые единицы обладают совпадающей (эквивалентной) дистрибуцией, т.е. они встречаются в одинаковых контекстах. Они находятся в отношениях контрастной дистрибуции: одновременно контрастируют как их планы выражения, так и их планы содержания (например, сопоставление рус. слов стул и стол позволяет установить разный статус употребляющихся в идентичном окружении фонем /у/ и /о/).

Для вариантов единиц свойственны несовпадающие контексты, они находятся в отношениях дополнительной дистрибуции (ср. разные варианты / аллофоны рус. фонемы /а/ в корневых морфах в составе слов трава, травка, травяной).

В условиях эквивалентной дистрибуции возможно не только контрастирование, но и свободное варьирование языковых единиц: их варианты встречаются в одних и тех же контекстах, но различия в их планах выражения не коррелируют с различиями в планах содержания (ср. разные факультативные варианты рус. фонемы /g/ - смычный и щелевой - при произнесении слова вагон).

Итогом такого анализа оказывается установление инвентаря (состава) языковых единиц-инвариантов (упоминаемые Дж. Лайонзом отношения типа включённой дистрибуции и пересекающейся, или же частично эквивалентной, дистрибуции здесь не играют роли).

Выделенные единицы подвергаются классификации. Так, могут быть установлены,

с одной стороны, классы таких единиц, как фонемы, морфемы, лексемы, фразеологизмы, а также силлабемы слоговых языков, тонемы, которые даны как бы сами по себе,

и, с другой стороны, классы единиц-моделей, или единиц-схем, которые сами по себе, вне сочетаний единиц первого рода, не даны в непосредственном наблюдении: модели фонемосочетаний, модели чередований фонем, модели строения слогов, модели формообразования слов, или словоизменения (в англоязычной терминологии *inflexion*), модели словообразования, модели словосочетания, модели предложения, а также акцентные кривые, интонационные контуры.

Языковые единицы являются элементами закрытых или открытых классов (множеств). Так, к закрытым множествам элементов относятся класс фонем (порядка нескольких десятков), класс грамматических морфем, или аффиксов (порядка нескольких сотен), в какой-то степени класс корневых морфем (несколько десятков тысяч корней).

Количество элементов в таких классах в принципе исчислимо. Примером же открытого, непрерывно пополняющегося множества (класса) может служить словарь (лексикон) данного языка. В него входят многие десятки тысяч и даже сотни тысяч слов. Но наборы элементов и закрытого, и открытого множеств можно представить в виде списков (инвентарей).

Что же касается единиц конструктивных, таких, как словосочетания, предложения, тексты, то в принципе их количество неисчислимо. Конечными являются лишь списки структурных схем, по которым они строятся.

Моделирование языковой системы

Оно предполагает:

во-первых, разнесение выявленных языковых единиц по соответствующим иерархическим уровням (или ярусам, стратумам). Идея уровней предполагает иерархическое строение языковой системы, доминирование одних единиц над другими и, наоборот, подчинение одних единиц другим.

Уровневое строение языка становится очевидным при ступенчатом линейном членении высказывания. Сперва вычлняются предложения, в составе которых выделяются как их составляющие (конституенты) слова, распадающиеся, в свою очередь, на морфемы. Означающие морфем расчлняются на фонемы. Соответственно говорится (ср., например, А.А. Реформатский) об уровнях (или ярусах) синтаксическом, лексическом, морфологическом и фонологическом.

Высшим уровнем признаётся синтаксический, а низшим фонологический.

Единицы более низкого уровня входят в качестве интегрантов в единицы более высоких уровней. Так, фонемы функционируют в роли интегрантов морфем и слов (а если быть более строгим, то в роли интегрантов их означающих, или экспонентов). Ещё более строгий подход требует признать, что фонемы выступают интегрантами не морфем вообще, а морфов; морфы же одной и той же морфемы нередко различаются по фонемному составу. Морфемы выступают как интегранты слов (в более строгой трактовке: составляющими здесь являются не морфемы, а морфы, а единицами, интегрантами которых они выступают, оказываются не слова вообще, а словоформы). Интегрантами предложения, по такой логике, будут не слова, а слоформы.

Следовательно, вернее будет представить цепочку вхождений нижних единиц в верхние следующим образом:

фонема -> | -> морф -> словоформа -> актуальное предложение.

Пределом членения высказывания на каждом очередном шаге будет одна подчинённая единица. Так,

пределом членения предложения, его минимумом может быть одно слово (одна словоформа), минимумом слова (словоформы) - одна морфема (один морф), минимумом означающего морфемы (морфа) - одна фонема.

В.Б. Касевич допускает возможность выделения особого, а именно семантического, уровня, который, конечно, не имеет в качестве своих интегрантов единицы типа предложений, словоформ или морфем.

Понятие уровня нередко соотносят с определённым этапом лингвистического анализа. Высказывание / текст на каждом очередном этапе могут быть представлены в виде последовательностей единиц описания, а именно последовательностей фонем (фонологический уровень), морфем или же морфов как их представителей в речи (морфемный уровень), слов или же - что лучше отвечает задачам исследования - последовательности словоформ (лексико-морфологический уровень), предложений (синтаксический уровень). В этом случае вполне уместна схема В.Б. Касевича, дополненная прагматическим уровнем.

После того как развёрнутое высказывание будет представлено в виде последовательности предложений (синтаксический уровень), может быть дано его представление в виде последовательности смысловых структур, или пропозиций (семантический уровень) и затем его представление в виде последовательности

речевых актов как носителей определённых иллокутивных функций (прагматический уровень);

во-вторых, выявление характера структурных связей между единицами того или иного уровня. Различаются два типа отношений между языковыми единицами - ассоциативные (по Луи Ельмслеву - Louis Hjelmslev, парадигматические) и синтагматические. Синтагматические отношения связывают между собой составляющие одного высказывания (например: старый -- человек, стар--ик), Это, по Роману Осиповичу Якобсону, комбинаторные отношения. Они лежат в основе сочетаний элементов в линейные ряды. Парадигматические отношения устанавливаются между каким-либо элементом данного высказывания и элементом другого высказывания, способным его заменить в этой же позиции. Так, парадигматическую связь мы можем констатировать между словом бой в И грянул бой и словами битва, сражение, поединок. Р.О. Якобсон квалифицирует эти отношения как отношения выбора (селекции). Они играют роль классообразующих. Структурные связи между единицами являются одним из факторов, обеспечивающих внутреннюю целостность фонологической, морфологической, лексической и синтаксической подсистем языковой системы;

в-третьих, тестирование единиц данного уровня на их способность вступать в функционально значимые, существенные противопоставления (оппозиции) с другими же единицами этого уровня; выявление наиболее важных для обеспечения целостности анализируемой системы пропорциональных оппозиций (типа /p/:/b/ = /t/:/d/ = /k/:/g/ = /f/:/v/ = /s/:/z/), лежащих в основе коррелятивных рядов;

в-четвёртых, выявление присущего данному языку набора дифференциальных признаков (фонологических и семантических), тоже способствующих интеграции единиц данного уровня в целостную систему.

Языковой системе знаковые и незнаковые единицы принадлежат как абстрактные сущности, единицы-типы, единицы-инварианты, характеристики которых исчерпываются наборами специфических (различительных) признаков. В речевом же акте и речевом произведении они реализуются как единичные явления. Каждая языковая единица предстаёт в результате как множество своих конкретных реализаций (единиц-вариантов), как единица-класс.

Так, фонема, характеризуемая в системе языка как основная звуковая единица-инвариант, единица-тип по совокупности её различительных фонологических признаков, реализуется в речи в бесконечном множестве в чём-то неодинаковых звуков (фонов), т.е. во множестве своих аллофонов. Тем самым фонема может характеризоваться и как тип, и как класс.

Морфема как минимальная значимая единица языковой системы выступает в речи во множестве своих единичных проявлений (морфов), распределяемых по алломорфам. Морфема может быть квалифицирована и как тип, и как класс.

Точно так же слово (лексема) как основная номинативная единица-инвариант языковой системы реализуется каждый раз в речи в одном из своих конкретных проявлений (лексов), а именно и как одна из словоформ, реализующих формообразовательные потенции данной лексемы, и как один из семантических вариантов данной лексемы (концептема). Слово есть одновременно и единица-тип, и единица-класс.

Предложение тоже можно описывать и как единицу-тип (набор определённых существенных признаков, структурную схему), и как единицу-класс (множество речевых реализаций структурной схемы).

В формально-лингвистическом описании утвердилась традиция начинать с характеристики единиц нижнего структурного уровня (фонологического) и постепенно восходить к единицам верхнего уровня (синтаксического).

В этом есть свои преимущества: языкознание 20 в. отработывало свои точные, объективные методы исследования сперва именно на фонологическом поприще, перенося потом основные исследовательские принципы в такие области, как морфология, лексикология, а также синтаксис. Лексический уровень либо вообще опускается в описании, либо он затрагивается в связи с проблемами семантики (как у Джона Лайонза), либо о его единицах речь идёт перед характеристикой фонологических единиц (как у А.А. Реформатского и Ю.С. Степанова) или же после характеристики фонологических единиц (как у Ю.С. Маслова).

Описание языка в функциональном аспекте

Формальная и функциональная стороны языка неразрывно связаны. Но в лингвистическом описании нередко может быть акцентирована либо первая сторона, что является обычным для традиционного языкознания, либо вторая сторона, привлекающая всё большее внимание исследователей в последние десятилетия.

При формальном подходе, опирающемся на аналитические процедуры и имеющем целью "открыть" (или "обнаружить") стоящую за речевой деятельностью и высказываниями / текстами языковую систему, лингвист идёт от языковых средств к их функциям и значениям.

Функциональный же подход предполагает движение исследовательской мысли в противоположном направлении: от функций, значений, коммуникативных целей и намерений к имеющимся в данном языке средствам, к формальным показателям. При необходимости могут использоваться также средства иных коммуникативных систем (жестикуляция, мимика и т.п.), ресурсы других языков. Таков, между прочим, и путь говорящего (и пишущего).

К числу *векторов функционального использования языка говорящим* относятся, как это иллюстрируется в приводимой схеме, следующие:

1. *Когнитивный* (лат. *cognitio* 'познавание, узнавание, ознакомление; понятие, представление, знание; расследование, разбор дела, следствие; узнавание, опознание' <

cognosco 'познаю, узнаю, постигаю, знакомлюсь; веду разведку, разведую, обследую, веду следствие'). Язык, являющийся по своему устройству системой вербальных звуковых знаков и по своему назначению прежде всего коммуникативной системой, обеспечивает акты передачи и получения сообщений, содержащих информацию, знания о мире, которыми располагает говорящий (или пишущий). Но вместе с тем он служит обработке и упорядочению полученных знаний, их хранению в памяти человека, т.е. функционирует как когнитивная система..

Элементы знаний, как правила, организуются в комплексы, интеллектуальные системы, познавательные, или когнитивные, структуры, разные виды которых в последнее время часто собирательно называются фреймами (термин frame 'рамка' был введён в 1957 г. американским лингвистом Чарлзом Филлмором - Charles Fillmore). Язык играет существенную роль в организации таких познавательных структур, предназначенных для длительного хранения в памяти, и в такой обработке фреймов, которая делает их коммуницируемыми (т.е. передаваемыми в актах коммуникации). Обработанные языком познавательные структуры включаются в целостную систему знаний - языковую картину мира, локализирующуюся в сознании индивида и способную обеспечивать ориентацию человека в окружающей среде и в определённой степени управлять его поведением.

Обмен знаниями между людьми служит формированию и непрерывному пополнению и уточнению общей, коллективной, принадлежащей всему данному обществу картины мира. В виде системы фреймов в памяти каждого индивида (в его нейропсихологических механизмах) хранится и общий для данного коллектива язык (знание языковых единиц и правил), выполняя роль программы, управляющей коммуникативным поведением индивида и коммуникативным взаимодействием членов группы индивидов.

2. *Коммуникативный* (лат. communicatio 'сообщение, передача' < communico 'делаю общим, делюсь; беседую; связываю, соединяю; общаюсь'). Передача тех или иных сообщений от одного человека другому (или же другим) осуществляется в форме коммуникативных актов. Начиная своё высказывание, говорящий создаёт вокруг себя коммуникативно-прагматическое пространство.

В него, во-первых, в качестве коммуникантов входят и сам говорящий, и его адресат (или адресаты). Их участие в данном акте коммуникации характеризуется тем, как между ними распределены коммуникативные роли.

Во-вторых, обязательным элементом коммуникативно-прагматического пространства является строящееся высказывание.

В-третьих, для высказывания важны содержащиеся в нём или выводимые из контекста ситуации указания на время и место осуществления акта коммуникации. Говорящий эгоцентричен, временные и пространственные параметры он задаёт сам. С его Я соотнесены сейчас (в момент развёртывания его высказывания) и здесь (рядом с говорящим).

В-четвёртых, в коммуникативно-прагматическом пространстве друг с другом взаимодействуют коммуниканты, обладающие одинаковыми или разными социальными статусами и играющие определённые социальные роли. Говорящий в

принципе сам, в своём высказывании, может характеризовать тип социальных отношений, связывающих его с адресатом. Он может говорить с ним как равный с равным (симметричное отношение) либо как неравный, указывая на своё более высокое или более низкое место в социальной иерархии.

В-пятых, для акта высказывания важен тот стиль общения, тот коммуникативный регистр, который выбирает говорящий (нейтральный - официальный - фамильярный, нейтральный - вежливый - грубый и т.п.).

В-шестых, важным компонентом коммуникативного пространства является предмет речи, т.е. та внешняя по отношению к акту сообщения ситуация, то положение дел, которое побуждает говорящего к высказыванию.

В-седьмых, говорящий может стремиться к изменению существующего положения дел или, напротив, к его сохранению, и в этом заключается, в конечном итоге, его практическая цель. Эта цель говорящего лежит в основе его коммуникативного намерения (интенции, в терминологии же Джона Сёрла - John Searle, иллокуции).

В-восьмых, существенным фактором протекания акта коммуникации могут оказаться различные сопутствующие обстоятельства (посторонние шумы, присутствие чужих и т.п.).

Некоторое представление о структуре коммуникативно-прагматического пространства поможет создать приводимое здесь изображение своеобразного фрейма (скорее, схемы фрейма) для концепта 'говорить' с незаполненными (оставленными без ответа) слотами (щелями, пазами, вакантными позициями для замещения).

Обычно коммуникативный (речевой) акт соотносят с одним предложением, которое в этом акте создаётся и передаётся. Цепочка коммуникативных актов образует дискурс. Дискурс, как минимум, может состоять из одного речевого акта.

В рамках развёрнутого дискурса отдельные речевые акты могут объединяться в речевые шаги. Составляющие их элементарные акты могут быть по заложенной в них интенции однотипными (например, констатирующими некоторое положение дел: Вчера нам была прочитана лекция по теории речевых актов. Лектором был впервые употреблён термин дискурс. Он указал также на различие понятий дискурс и текст.). Соответственно речевой шаг в целом оказывается констатирующим. В других случаях элементарные речевые акты могут быть разнотипными. Например, в дискурсе: Я не смог приобрести эту книгу. Я прошу Вас дать мне Вашу на время? сочетаются речевые акты констатации и просьбы, но речевой шаг (или же дискурс в целом) оказывается дискурсом просьбы: интенция / иллокутивная функция просьбы подчиняет себе более нейтральную интенцию констатации.

Передаваемое от говорящего слушателю высказывание становится текстом, когда оно оказывается зафиксированным на письме (или с помощью звукозаписывающего аппарата). Текст выступает, таким образом, в виде "информационного следа" состоявшегося дискурса.

3. *Интерактивный* (лат. inter 'между' + actio 'движение; действие, деятельность, активность; поступок; совершение, исполнение; совещание, переговоры; судебный процесс; выразительные средства; сценическое представление'). Отдельный коммуникативный акт, который может быть элементарным (построение одного

предложения) или же сложным, комплексным (построение развёрнутого высказывания, включающего в свой состав несколько предложений), очень часто оказывается только одним из звеньев в цепи коммуникативных актов, совершаемых разными говорящими: Где ты учишься? - В Тверском государственном университете. - А по какой специальности? - Германистика. Тогда мы говорим о коммуникативном взаимодействии, или коммуникативной интеракции.

В коммуникативном событии такого рода (диалогическом дискурсе) участники взаимодействия, делая свои "речевые вклады" в развитие дискурса, обмениваются коммуникативными ролями: говорящим становится то один, то другой из коммуникантов, беря на себя соответствующую роль (совершая акт *turn-taking*, как принято это называть в англоязычной литературе по анализу разговора / конврсационному анализу; нем. эквивалент *Sprecherwechsel*). Меню коммуникативных ролей могут обеспечивать речевые (вербальные) и неречевые (невербальные) сигналы взятия на себя роли говорящего, предоставления этой роли другому коммуниканту, отказа от этой роли, завершения своего речевого вклада и т.п. Каждый из говорящих, осуществляя свой коммуникативный акт, строит вокруг себя своё коммуникативно-прагматическое пространство.

Осуществляемые от одной мены роли говорящего до другой одиночный речевой акт или цепочка речевых актов образуют коммуникативный ход (*move* в англоязычной терминологии). Между речевыми ходами собеседников существуют смысловые связи, которые обусловлены тождеством темы, согласованием интенций / иллокуций (например: вопрос - ответ; просьба - отказ) и т.п. В диалогическом взаимодействии функции коммуникативных ходов могут выполнять невербальные акты (например, отказ выполнить просьбу или последовать совету может быть выражен в нашей русской этнокультуре качанием головы в горизонтальном направлении).

Коммуникативные интеракции могут иметь характер дружеских бесед, перебранок и ссор, дискуссий, школьных уроков, массовых собраний и т.п. и т.д. Достижение стратегических и тактических целей, поставленных перед собой каждым из интерактантов, обеспечивается в значительной мере следованием тем нормам, правилам и конвенциям, которые приняты в данной этнокультуре и в данной малой группе.

4. *Социально-групповой* и 5. *Этнокультурный* (греч. *ethnos* 'народ, племя, толпа; класс (людей); толпа'). Язык обеспечивает индивиду возможность идентифицировать себя в качестве члена той или иной социально-классовой, профессиональной, половозрастной группы, группы по роду занятий и по культурным интересам, по уровню образования, в качестве представителя определённого этноса и определённой этнографической (и диалектной) группы в рамках этого этноса, коренного жителя этой страны или мигранта и т.д.

6. *Личностный*. Язык в своём функционировании даёт индивиду возможность проявить себя в качестве личности, ведущей себя в диалогическом взаимодействии пассивно или выступающей коммуникативным лидером, выразить особенности своего темперамента, показать приверженность к авторитарному или либеральному стилю

речевого общения и т.д. О каждом человеке можно говорить как об уникальной языковой личности.

Функциональное описание языка предполагает обращение к иным теоретическим моделям в отличие от тех, которые используются представителями формального подхода. Более предпочтительным будет другой порядок характеристики частных систем, образующих языковую систему в целом, а именно в направлении от тех подсистем (компонентов), которые обеспечивают получение коммуникативного задания и первоначальную обработку смысловой информации, к компонентам, которые отвечают за звуковую реализацию высказывания. На рисунке изображён вариант функциональной ("работающей"; лат. *functio* означает 'исполнение, совершение') модели, по сути дела, модели говорящего.

В условиях определённой коммуникативной ситуации говорящим реализуется установка на соответствующий речевой акт. В её реализации участвуют:

сперва семантический и прагматический компоненты (они отвечают за формирование исходной смысловой структуры высказывания, описывающего соответствующее положение дел и выражающего определённую коммуникативную интенцию говорящего);

информация, обработанная семантическим и прагматическим компонентами, поступает на вход синтаксического и номинативного компонентов (они предоставляют возможность подбора соответствующей синтаксической конструкции и заполнения в ней позиций соответствующими лексическими единицами);

далее включается морфологический компонент (на него ложится задача образования соответствующих словоформ путём трансформации исходных словоформ);

на заключительной ступени включается фонологический компонент, который отвечает за интонационную, слоговую, фонемно-аллофоническую проработку и звуковое исполнение высказывания.

Между компонентами возможна прямая, непосредственная связь (независимо от их контактного или дистантного расположения относительно друг друга). Так, команда о подборе средств для выражения прагматического значения времени в той или иной временной форме передаётся прагматическим компонентом непосредственно морфологическому (если данный язык обладает грамматической формоизменяющей категорией времени). Команда о воплощении значения вопроса может быть передана прагматическим компонентом непосредственно фонологическому.

Такая модель представляет собой, по существу, очень сложную управляющую программу (типа кибернетических и компьютерных). Для неё не столько важны языковые единицы, сколько правила (= команды). Эта программа "записывается" в психоневрологических механизмах индивида. Она не является врождённой, а усваивается в процессе овладения родным или иностранным языком.

Обращение лингвистов второй половины 20 в. к функциональному (когнитивно-коммуникативному) аспекту языковой системы привело к более глубокому проникновению в познание природы языка и к появлению целого ряда новых дисциплин (социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика, теория речевых актов, анализ дискурса, конверсационный анализ, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, синтаксическая семантика и т.д.), причём в некоторых из этих областей весьма значителен вклад представителей Калининской / Тверской семантико-прагматической научной школы.

Но вместе с тем следует обратить внимание, что функционально-лингвистический подход не заменяет и не отменяет подход формально-лингвистический. Языкознание целостно и неделимо, выделение того или иного вектора исследований является лишь методическим приёмом, облегчающим работу лингвиста или преподавателя языка. Более того, предварительное знание формальной структуры языка является необходимым условием для построения его функциональных моделей.

Дисциплины, изучающие звуковую сторону языка

Язык представляет собой многокомпонентную систему, которая, с одной стороны, обеспечивает процессы порождения высказываний, а с другой стороны, процессы восприятия и понимания этих высказываний.

Деятельность говорящего предполагает воплощение в высказываниях, адресованных слушателю, своих знаний, мыслей, оценок. Функционирование языковой системы в этих актах начинается с обработки информации, подлежащей передаче, в семантическом и прагматическом компонентах, и завершается теми операциями, которые происходят в фонологическом компоненте.

Деятельность слушающего заключается в извлечении из воспринятых высказываний передаваемой информации. И языковая система в этом случае начинает обработку высказываний в фонологическом компоненте, результаты работы которого передаются другим компонентам системы. Завершается же процесс интерпретации высказываний благодаря операциям в семантическом и прагматическом компонентах.

Процессы передачи и приёма вербальных сообщений оказываются возможными именно благодаря тому, что естественный человеческий язык располагает звуковыми средствами, образующими в совокупности фонологический компонент. Этот компонент имеет сложную структуру, объединяя в себе звуковые средства, оформляющие материальную сторону морфем, слов и их словоформ, а также словосочетаний, простых и сложных предложений, сложных языковых объектов типа текстов или дискурсов.

Структуру фонологического компонента языковой системы и особенности его функционирования в процессах коммуникации изучает фонетика. Термин фонетика унаследован от так называемого "традиционного" языкознания. Как самостоятельная дисциплина, фонетика выделилась в конце 19 в., хотя изучение звуковой стороны языка и её элементов уходит в далёкое прошлое. Высокого уровня фонетические

знания достигали уже в древней Индии, в древней Греции, а в средневековую пору у арабов.

Предметом фонетики считаются прежде всего отдельные звуки языка, а при более широком подходе все звуковые явления языка (включая тоны, словесное ударение, фразовую интонацию), служащие кодированию той смысловой информации, которая должна быть передана говорящим своему адресату. Фонетика изучает производство, передачу и восприятие звуковых сигналов в процессе речевого общения, а также систему способов и средств, обеспечивающих кодирование и декодирование переносимой в звуковых сигналах лингвистически существенной информации.

В настоящее время часто говорят не просто о фонетике, а о фонетических науках, имея в виду совокупность дисциплин, каждая из которых имеет свой предмет и свою точку зрения на звуковую сторону языка.

И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929) различал антропофонику и психофонетику. Первая, по его мнению, должна иметь дело со звуками человеческой речи как физическими явлениями, второй предстоит заниматься звуками как психическими явлениями. Для него фонема являлась психической сущностью, а звуки он рассматривал как более или менее точные её реализации.

Разграничение фонетики как естественной науки и фонологии как науки гуманитарной, социальной, предпринятое Н.С. Трубецким (1890—1938), который исходил из разграничения Ф. де Соссюром (1857—1913) речи и языка, по сути дела, является развитием бодуэновской идеи в русле структурализма, предполагая депсихологизацию понятия фонемы.

В структурном языкознании к ведению фонетики обычно относят изучение звуковой субстанции, а к ведению фонологии — исследование тех отношений, которые связывают звуковые единицы между собой в данном языке, формируя его фонологическую систему. Эти отношения оказываются как бы дематериализованы. Фонетика при таком подходе часто выводится за пределы языкознания.

В отечественном языкознании и особенно в школе Л.В. Щербы (1880—1944) принято считать, что фонология неразрывно связана с фонетикой и входит в неё как изучение звуковых явлений языка с точки зрения собственно лингвистической, т.е. функциональной (или структурно-функциональной). Отношения между фонологическими единицами квалифицируются как отношения между материальными объектами. Но тем не менее в целом и в этой школе не снимается противопоставление в рамках фонетики в широком понимании фонетики в узком смысле и фонологии.

Фонология имеет дело с функциональными звуковыми единицами, принадлежащими звуковому стратуму языка. Эти единицы (как линейные, или сегментные, следующие в речевой цепи друг за другом, так и надлинейные, суперсегментные, просодические, которые накладываются на цепочки звуковых сегментов, составляющих материальную сторону морфем, слов, синтаксических объектов) обслуживают трансляционный стратум с его правилами словаря и грамматическими правилами. Они выступают в качестве строительных (конститутивных) и различительных элементов в плане

выражения знаковых единиц, а со смысловым (семантико-прагматическим) стратумом связаны лишь опосредованно.

Базовой фонологической единицей является фонема (в неслоговых языках). И одной из первых задач фонологии является установление состава фонем данного языка, выявление принципов их организации в систему, их парадигматических отношений и их синтагматических отношений, т.е. отношений между собой в речевой цепи.

Для решения этих задач общая фонология вырабатывает набор методических процедур и приёмов анализа, которые затем в основном используются также в анализе как слога, так и суперсегментных единиц (просодем), т.е. для установления системы слогов в тех языках, где слог выступает в качестве конститутивной фонологической единицы, для выявления системы смыслоразличительных тонов (тонем), системы акцентных структур, системы интонационных контуров (интонем).

Фонетика в узом смысле рассматривает эти звуковые средства в таких аспектах, как физический (акустический) и биологический (артикуляционный плюс перцептивный). Иногда её членят на фонетику артикуляторную, изучающую производство звука, фонетику акустическую, исследующую результат звукопроизводства, и фонетику аудитивную (или перцептивную), имеющую дело с восприятием звука.

Единство двух подходов к изучению звуковых средств языка - фонологического (функционального) и узкофонетического (материального, субстанциального) - вытекает из того, что звуковые явления сами по себе, без определённого их использования в данном языке, вне их связи с оформлением, отождествлением и различением языковых знаков, не представляют существенного интереса для лингвиста, а каждая из функциональных звуковых единиц имеет свои материальные корреляты а) в артикуляционных работах, б) в акустических свойствах речевых сигналов и в) в особенностях её восприятия человеческим органом слуха.

Принято далее, различать:

фонетику (и фонологию) общую и частную, синхронную и историческую (диахроническую), описательную и нормативную, теоретическую и прикладную.

Особое место в цикле фонетических дисциплин занимает фонетика экспериментальная (или инструментальная). Её роль в решении спорных проблем фонетического описания того или иного языка, в моделировании процессов автоматического распознавания и синтеза звучащей речи и т.п. исключительно велика. Сегодня она, благодаря тесным контактам с естественными науками и инженерными областями, располагает множеством инструментальных способов исследования производства и распознавания человеческой речи.

Фонология может члениться на линейную (сегментную), имеющую дело с такими следующими друг за другом в речи единицами, как фонема и слог, и нелинейную (надлинейную, суперсегментную, супрасегментную), которая занимается просодическими средствами (тон, слоговой акцент, ударение, интонация). Иногда в

рамках фонологии как функциональной фонетики соответственно противопоставляют фонематику (или фонематику) и просодику (или просодемику).

При более тщательном подходе, учитывая, что к линейным единицам относятся не только фонема, но и слог, в сегментной фонологии следует различать учение о фонеме и учение о слоге.

Фонема в языках неслогового строя (таких, например, как русский, немецкий, английский, латинский, санскрит) выступает в качестве кратчайшей функциональной единицы в составе означающего (экспонента) морфемы или слова. В языках же нефонемного строя (как, например, в китайском, бирманском, вьетнамском) аналогичную роль играет слог. Как конститутивную фонологическую единицу, его именуют силлабемой (или слогафонемой).

В суперсегментной фонологии могут быть разграничены тонология, акцентология и интонология - дисциплины, имеющие своими объектами такие просодические явления, как тон, словесное ударение и синтаксическая интонация.

Следует отметить, что если в первой и особенно во второй трети 20 в. интерес языковедов сосредоточивался преимущественно на проблемах сегментной фонологии, то в самые последние десятилетия 20 в. резко обострился интерес к суперсегментной фонологии (особенно к проблемам интонации). Объясняется это тем, что сегодня в фокусе интереса оказываются не столько такие значащие языковые единицы, как слово и морфема, а такие конструктивные языковые объекты, как предложение и высказывание (звучащий текст).

Место дисциплин фонетико-фонологического цикла в научном исследовании и в преподавании языков предопределяется тем, что звуковая материя является первичной субстанцией, в которой язык возник и существует.

Большинство языков мира не имеют письменности, и далеко не всякая система письменности способна фиксировать особенности звучащей речи. По этой причине лингвист обращается к специальным системам фиксации звуковых явлений (транскрипциям).

Системы транскрипции

Особенности тех или иных звуков могут фиксироваться посредством специальных символов транскрипции. Разнообразие звуков речи чрезвычайно велико. Поэтому в каждой из систем транскрипции, кроме основных символов, имеются многочисленные дополнительные знаки.

Транскрипция может осуществляться средствами графики своего языка. Примеры такой практической транскрипции можно видеть, например, в русско-немецких разговорниках, предназначенных для носителей немецкого языка: здесь русское слово шар будет передано в транскрипции как [schar]. В подобных же разговорниках, но

предназначенных для русских, немецкое слово Freund 'друг' будет передано как [фройнт].

В нашей отечественной лингвистике для фиксации звуков русского языка часто используются знаки русской (кириллической) графики с добавлением некоторых знаков из других систем письма. На основе русской графики нашими лингвистами часто строятся также системы транскрипции для описания звукового строя языков России, восточных языков (арабский, японский, китайский, корейский и т.д.).

Для нужд общей фонетики требуются транскрипционные системы универсального назначения, пригодные для фиксации особенностей звучащей речи на любом языке и более или менее общепринятые в международных лингвистических кругах. Наиболее распространены системы, использующие в качестве фонетических символов знаки латинской графики с добавлением, в случае необходимости, знаков из других графических систем. Таковы, например,

система МФА (Международной фонетической ассоциации, International Phonetic Association) в разных её версиях и восходящая к ней система Л.В. Щербы.

В этих системах имеются символы для обозначения согласных и гласных в основном, для обозначения их дополнительных артикуляционных свойств (палатализованность, веляризованность, придыхательность, огублённость, назализованность, отодвинутость назад, продвинутость вперёд), для обозначения степеней силового ударения, тона и характера музыкального ударения и т.д.

Щербовская система транскрипции (включая дополнительные символы для обозначения особенностей артикуляции) принята в Петербургской фонологической школе (М.И. Матусевич, Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина, Л.Л. Буланин, В.Б. Касевич). С ней студенты-первокурсники могут познакомиться прежде всего по учебнику Ю.С. Маслова, учебному пособию коллектива авторов во главе с Л.В. Бондарко и учебному пособию Л.Р. Зиндера, по сборнику задач Л.Р. Зиндера, по Лингвистическому энциклопедическому словарю. Хорошее владение этой системой вменяется студентам в обязанность и будет проверяться на многих практических занятиях, а также на зачёте и на экзамене.

Транскрипция МФА широко используется в Западной Европе и Америке. Требование знать её включено сейчас в новый государственный стандарт. С её новой (1993/1996) версией, которая также содержит перечни дополнительных символов для передачи особенностей артикуляции отдельных звуков и для нотации просодических явлений разного рода, можно познакомиться по адресам:

<http://homepages.tversu.ru/~ips/ipachart.htm>
<http://homepages.tversu.ru/~ips/pulmonic.htm>
<http://homepages.tversu.ru/~ips/nonpulmonic.htm>
<http://homepages.tversu.ru/~ips/vowels.htm>
<http://homepages.tversu.ru/~ips/symbols.htm>
<http://homepages.tversu.ru/~ips/diacritics.htm>
<http://homepages.tversu.ru/~ips/tones.htm>

<http://homepages.tversu.ru/~ips/supras.htm>

<http://homepages.tversu.ru/~ips/Variations.htm>

При наличии собственного компьютера можно загрузить себе шрифты с символами МФА (IPA), что даст возможность самому набирать транскрибированный текст. Бесплатная загрузка может быть осуществлена по одному из адресов, указанных в Приложении в файле Письмо <http://homepages.tversu.ru/~ips/Writing.htm>. Ниже приводится сводная таблица символов МФА (по состоянию на 1993/1996 г.):

В этой системе, в отличие от щербовской, нет специальных символов для аффрикат. Для нотации аффрикат используются комбинации символов (ts, dz и т.п.). Различаются собственно дрожащие (многоударные) и "хлопающие" (одноударные). Недыхательные согласные (щёлкающие, имплозивные и эйективные) представлены отдельной таблицей. Между обеими системами транскрипции есть различия в использовании разных знаков для одних и тех же звуков (например, среднеязычные смычные) или дополнительных артикуляций (палатализация, придыхание, лабиализация согласных).

Обычная клавиатура компьютера позволяет набирать латинские и кириллические знаки стандартных инвентарей, не содержащих букв с диакритиками. Набор же знаков иного рода может производиться с помощью цифрового блока клавиатуры или же путём использования в редакторе опций ВСТАВКА и СИМВОЛ. Но при межкомпьютерной связи (например, посредством электронной почты) нестандартные символы не используются. Это относится и к символам транскрипции.

Поэтому в последние годы была разработана для большого ряда европейских языков система транскрипции SAMPA. Она ориентирована на использование только тех символов, которые имеются в основной части клавиатуры и могут быть переданы в межкомпьютерной сети. В данном и других модулях моего Введения в теоретическую лингвистику я буду вынужден часто использовать возможности этой системы. Общие её принципы и рекомендации для транскрибирования текстов на некоторых языках посредством SAMPA можно найти по адресам:

Общие сведения	http://homepages.tversu.ru/~ips/node21.html
Германские языки	
Английский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/english.htm
Немецкий язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/german.htm
Нидерландский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/dutch.htm
Норвежский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/norweg.htm
Датский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/danish.htm
Шведский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/swedish.htm
Романские языки	
Итальянский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/italian.htm
Испанский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/spanish.htm
Португальский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/portug.htm
Румынский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/romanian.htm
Французский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/french.htm
Славянские языки	

Болгарский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/bulgar.htm
Польский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/polish.htm
Русский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/russian.htm
Словенский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/slovenian.htm
Хорватский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/croatian.htm
Другие языки Европы	
Венгерский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/hungaria.htm
Греческий язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/greek.htm
Эстонский язык	http://homepages.tversu.ru/~ips/estonian.htm

Транскрипция может ориентироваться на фиксацию только значимых для фонологической системы данного языка звуковых элементов и черт. В этом случае мы имеем дело с фонемной, или фонематической, или фонологической, транскрипцией. Её знаки принято заключать в косые скобки: он весьма рад /"on v'is'm"a r"at/, фр. femme 'женщина' /fam/, temps 'время' /ta~/, bon 'хороший' /bo~/, deux 'два' /d2/, англ. ship 'корабль' /SIp/, thin 'тонкий' /TIn/, this 'это' /DIz/, нем. Staat 'государство' /Sta:t/, Teich 'пруд' /taIC/, deutsch 'немецкий' /dOYtS/, besser 'лучше' /"bEs6/.

В транскрипции могут фиксироваться не только фонемы как инвариантные сущности, но и их варианты (прежде всего аллофоны, а также факультативные варианты). Тогда мы имеем дело с аллофонной (аллофонической), или фонетической, транскрипцией. Её знаки обычно заключаются в квадратные скобки: грусть [gorous't'], нем. Tat 'поступок' [tha:th], нем. Rad 'колесо' [ra:th] и [Ra:th]. Ср. фонематическую запись этих слов: /grus't'/, /ta:t/, /ra:t/. Фонетическая транскрипция может быть подчас очень и очень детализирована.

Транскрипция не должна смешиваться с транслитерацией, которая служит передаче написания слова (чаще всего собственного имени) какого-либо языка средствами иной графической системы. Передача осуществляется буква за буквой: А-л-е-к-с-е-й, Ш-о-л-о-х-о-в --> A-l-e-k-s-e-j, Sch-o-l-o-ch-o-w (при ориентации на немецкую графику), A-l-e-k-s-e-y, Sh-o-l-o-kh-o-v (при ориентации на английскую графику).

Имеются международные системы транслитерации. Так, русские имена Тверь, Пермь, Усть-Каменогорск будет уместно передать в транслитерации следующим образом: Tver', Perm', Ust'-Kamenogorsk.

При транслитерации иностранных имён средствами русской графики нередко появляются написания, не соответствующие реальному звучанию этих имён: фр. Hugo /ygo/ --> Гюго /g'ug"o/. В русскую транслитерацию могут включаться элементы приблизительной практической транскрипции: New York --> Нью Йорк.

Для международного использования предназначены:

- система, разработанная Академией наук СССР (ныне РАН),
- система, разработанная International Standard Organisation (ISO), и
- широко распространённая в электронной переписке система транслитерации, которая исключает буквы с диакритическими элементами и опирается на английскую графику.

Фонемный анализ

Функции фонемы

Звуковая материя формируется и используется каждым языком по-особому, в соответствии с правилами его фонологической системы, включающей в себя подсистему сегментных средств и подсистему суперсегментных (просодических) средств.

Минимальными (кратчайшими в линейном плане) структурно-функциональными звуковыми единицами в большинстве языков являются фонемы. Они сами по себе не обладают значениями, но потенциально связаны со смыслом как элементы единой знаковой системы. В сочетании друг с другом и нередко по отдельности они образуют экспоненты слов и морфем и обеспечивают опознавание (идентификацию) и различение (дифференциацию) языковых знаков как значимых единиц.

Так, благодаря разному составу фонем, а именно употреблению разных фонем в одной и той же позиции, в экспонентах русских слов род /rot/ и рад /rat/ оказываются возможными опознавание каждого из этих слов и их различение между собой. Точно также различные фонемы появляются в тождественных позициях, различая экспоненты, а тем самым и в целом

английские слова but /bʌt/ ‘но’ и boot /bu:t/ ‘ботинок, башмак’, немецкие слова liegen /li:gən/ ‘лежать’ и legen /le:gən/ ‘положить, класть’, французские слова mais /mɛ/ ‘но’ и mes /mɛ/ ‘мои’.

В большинстве случаев экспоненты слов оказываются многофонемными.

Однофонемными экспонентами располагают, например, русские слова а /a/, и /i/, у /u/, в /v/, к /k/, морфемы -л /l/ в спа-л, -ть /tʲ/ в спа-ть, -ы /ы/ в стол-ы, -у /u/ в ид-у, в- /v/ во в-лез-ть, -а- /a/, -j- и -у /u/ в шаг-а-j-у (орфографически: шагаю). По одной фонеме содержат

экспоненты английских слов о /@U/ ‘нуль’, А /eI/ ‘оценка “отлично” (в американской школе)’, е /i:/ ‘число е (в математике)’, I /aI/ ‘я’,

экспоненты немецких слов А /a:/ ‘ля (муз.)’, Е /e:/ ‘ми (муз.)’, о! /o:/ ‘о!, ах!’,

экспоненты французских слов а /a/ ‘имеет’, eau /o/ ‘вода’, ou /u/ ‘или’.

Однофонемными являются экспоненты многих морфем в этих языках.

Экспонент языкового знака не может состоять меньше чем из одной фонемы.

Фонемная сегментация

Звучащая речь представляет собой с точки зрения акустической и с точки зрения артикуляционной континуум, т.е. нечленимое целое. Языковые же единицы вообще и фонемы в частности имеют дискретную природу, т.е. они достаточно чётко отграничиваются друг от друга в синтагматическом и парадигматическом отношениях. Выделимость фонем в речи опирается не на акустические или артикуляторные признаки, а на признаки структурно-функциональные, т.е. собственно языковые. Фонемная сегментация задаётся самой языковой системой. Цепочке дискретных фонем в результате фонемной сегментации ставится в соответствие ряд звуков (фонов).

Фон выступает индивидуальным, единичным представителем (репрезентантом) определённой фонемы в речи. Каждой фонеме соответствует бесконечное множество фонев.

В соответствии с морфологическим (семиотическим по своей природе) принципом, который сформулирован в школе Л.В. Щербы, границы между фонемами проходят там, где проходят границы между морфемами. Например, слог да в слове (словоформе) вод-а членится на две фонемы: /d/ и /a/, отражая наличие морфемного шва: вод-а. Точно так же устанавливается синтагматическая граница между фонемами /v/ и /a/ в словоформе трав-а, между /u/ и /p/ в словоформе у-пад-у.

Множественно повторяясь по отдельности, фонемы приобретают автономию в фонологической системе языка, так что и в экспоненте слова да, где нет морфемного членения, наличествует граница между фонемами /d/ и /a/.

С помощью морфологического критерия можно определить, имеем ли мы дело с долгими согласными, долгими гласными, дифтонгами как с единичными фонемами или как с сочетаниями фонем (монофонематическая и бифонематическая трактовка).

Так, в слове вводить, начинающемся фонетически долгим [v:], выделяются две фонемы /v/, одна из которых является экспонентом морфемы в-, а другая является начальной в экспоненте корневой морфемы -вод-. Морфологический критерий даёт возможность доказать, что в русском языке отсутствуют дифтонги как единые фонемы, а в немецком и английском языках дифтонги монофонематичны.

О границах между фонемами могут сигнализировать также значащие чередования (например, чередования по аблауту в английских словоформах find ~ found ([aI] ~ [aU]), в немецких словоформах find-en ~ fand-en ([I] ~ [a]).

Таким образом, границы между фонемами возможны как на стыках слов и морфем, так и внутри морфем. Они не обязательно должны совпадать с границами слогов.

Иным оказывается положение в слоговых языках. В них слог, как правило, является неделимым экспонентом морфемы и/или слова. По своим функциям такой слог подобен фонеме. Поэтому о слоге в таких случаях говорят как о кратчайшей фонологической единице - силлабеме.

Фонологические оппозиции и дифференциальные признаки

Каждый язык фонемного (неслогового) строя насчитывает небольшое по количеству, закрытое множество фонем. Они могут осуществлять свою идентифицирующую и дифференцирующую функцию благодаря тому, что они различаются между собой, будучи противопоставленными парадигматически.

Парадигматические особенности фонем выявляются на основе фонологических оппозиций, т.е. таких противопоставлений между фонемами, которые различают не просто разные наборы фонем, но и использующие эти наборы в качестве своих экспонентов разные слова (и морфемы).

Впервые типология фонологических оппозиций была разработана Н.С. Трубецким. С ней можно познакомиться у её создателя в "Основах фонологии", в пособии ВБК, в

ЛЭС/БЭС. Л.Р. Зиндер и Ю.С. Маслов каждый по-своему модифицировали классификацию фонологических оппозиций.

В данном курсе будут использованы следующие характеристики оппозиций:

по числу противопоставляемых членов:

оппозиции двухчленные (бинарные), например: /d:/t/ - дом:том;

трёхчленные (тернарные), например: /p:/t:/k/ - пот:тот:кот, и т.д.;

по числу дифференциальных признаков, служащих различению противопоставляемых фонем:

оппозиции однопризнаковые (например: /g:/k/, противопоставленные по признаку звонкость:глухость (незвонкость) - год:кот), и

многопризнаковые, например: /t:/z/, противопоставленные по признакам

звонкость:глухость и смычность:щелинность (несмычность) - тол:зол;

по отношению к системе фонем:

оппозиции изолированные (например, нем. /l:/r/ - lassen:Rassen, и

пропорциональные, например: рус. /l:/r/ = /l'/:r'/ - лов:ров = Лёв (< Лёва):рёв.

Тесты на участие данной фонемы в фонологических оппозициях позволяют установить набор её симультанных дифференциальных признаков.

Так, для русской фонемы /d/ посредством оппозиционного анализа, т.е. сопоставлений /d/ с другими фонемами (/d:/t/, /d:/n/, /d:/d'/, /d:/b/, /d:/g/, /d:/z/, фонологическое содержание /d/ предстаёт как набор признаков

звонкость (дом:том),

ртовость (дам:нам),

непалатализованность (дот:идёт),

язычность (дал:бал),

переднеязычность (дол:гол),

смычность (дал:зал).

К этому можно добавить противопоставление всего класса согласных классу гласных (групповая оппозиция) и дополнить вышеприведённый перечень дифференциальным признаком согласность.

Вообще, многие оппозиции имеют групповой характер: так, классу смычных противопоставляются класс щелевых и класс дрожащих, классу переднеязычных противостоят классы среднеязычных и заднеязычных, классу непалатализованных класс палатализованных, классу неогублённых гласных класс огублённых (лабиализованных) и т.д. Подобные фонологические оппозиции (вслед за Н.С. Трубецким) квалифицируются как фонологические корреляции.

Чаще всего для противопоставления подбираются минимальные пары, т.е. разные слова, которые в звуковом отношении различаются минимально, лишь в одной позиции, например: бар:пар; шар:жар.

Но если не находится минимальной пары, допускается противопоставление двух разных звуков, находящихся в тождественном фонетическом окружении, например, противопоставление слов кот:ткёт вполне достаточно как свидетельство наличия в русском языке двух разных смычных глухих фонем: /k/ и /k'/.

Среди дифференциальных признаков русских фонем /ts/, /tʂ/, /g/ отсутствует признак звонкость, так как они не противопоставляются соответствующим звонким и в позиции перед звонкими выступают в виде комбинаторных звонких вариантов [dz], [dʒ]; например: отец_бы, лечь_бы, лёг_бы.

Звуковые различия, которые не выявляются при противопоставлениях разных фонем, квалифицируются как нефонематические (избыточные). Они учитываются при описании фонем данного языка не на уровне системы (совокупности оппозиций), а на уровне нормы и на уровне узуса, а иногда и на уровне индивидуального речевого акта.

Число фонологических оппозиций (благодаря тому, что многие из них являются пропорциональными) и, соответственно, число дифференциальных признаков фонем меньше числа самих фонем. Фонологические оппозиции выступают как те отношения, которые упорядочивают инвентарь фонем, делая его системой. Иначе говоря, совокупность фонологических оппозиций и есть структура фонематической системы.

Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон считали возможным к числу определений фонемы относить её квалификацию как "связки", "пучка" дифференциальных признаков. Р.О. Якобсон вообще склонен был считать фонологический дифференциальный признак (ДП), по Э. Бенвенисту меризм, элементарной единицей фонологической системы. Он предлагал универсальный список фонологических признаков (в акустических терминах), из которых строится та или иная фонема любого языка.

Щербовская школа исходит из того, что фонологические ДП выделяются при "расщеплении" фонем и, следовательно, вторичны по отношению к фонемам, являются не особыми элементами, а лишь чертами фонем. К тому же экспериментально-фонетические исследования в этой школе показали, что ДП представляют собой абстрактные, инвариантные черты, которые артикуляционно и акустически по-разному реализуются у фонем разных классов.

Оппозиционный анализ даёт возможность:

не только выявить фонологически существенные черты фонем, но и установить состав (инвентарь) фонем, распределить эти фонемы по коррелятивным классам, построить на этой основе модель фонематической системы данного языка и определить место в ней каждой данной фонемы. Это место характеризуется набором ДП данной фонемы. Такой набор остаётся неизменным, инвариантным при любых реализациях той или иной фонемы в речи.

Фонема и аллофоны. Дистрибутивный анализ

Каждая фонема в потоке речи подвергается различным модификациям (видоизменениям) в результате:

коартикуляции (наложения артикуляций смежных звуков), комбинаторных звуковых изменений типа аккомодации и ассимиляции,

позиционных звуковых изменений типа редукции, обусловленных её реализацией в ударном или неударном слоге.

Возникают фонетически обусловленные (специфические) комбинаторные и позиционные варианты данной фонемы (аллофоны). В рамках одной и той морфемы, но в разных её морфах отмечаются

аллофонные чередования; например: разные [a] в да-л и да-м ([a]~[a~]); мат-к-а и мать ([a]~[a.]);

разные [d] в сад-а и сад-у; вад-а и вад-ой ([d]~[do]).

Представители дескриптивной лингвистики (Йельская школа в США, созданная Л. Блумфилдом),

разработавшие так называемый дистрибутивный метод как арсенал приёмов "обнаружения" языковой системы в речи, разбивают всю процедуру анализа на три этапа: сегментацию высказывания

(установление фонов), фонемную идентификацию фонов (выявление фонемной принадлежности

данного фона) и классификацию фонем.

Особенно эффективен дистрибутивный анализ на втором этапе. Его правила гласят:

Если два разных фона не встречаются в тождественном фонетическом окружении, то они находятся в отношении дополнительной дистрибуции и являются аллофонами одной фонемы.

Таковы, например, отношения между непридыхательными и придыхательными смычными [p] и

[ph], [t] и [th], [k] и [kh] в английском и немецком языках, между нелабиализованным и

лабиализованным согласными [p] и [po] в русском языке.

При таком подходе возможно ещё одно определение фонемы: фонема есть класс (семья, множество) звуков, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции.

Один из аллофонов, который оказывается наименее зависим от фонетического окружения, признаётся основным. Другие же считаются специфическими: их особенности обуславливаются либо комбинаторными, либо позиционными факторами.

Если два разных фона встречаются в тождественном фонетическом отношении и при этом могут служить различению разных слов, то они находятся в отношении контрастной дистрибуции и являются представителями двух разных фонем.

Если два разных фона встречаются в тождественном окружении и не различают при этом двух разных слов, то между ними имеет место отношение свободного варьирования и они являются факультативными вариантами одной фонемы. Таковы отношения между разными (многоударными и одноударными, переднеязычными и язычковыми) вариантами немецкой фонемы /r/, между смычной и щелевой реализациями русской фонемы /g/.

Дистрибутивный анализ даёт возможность:

- установить инвентарь фонем (уточняя результат оппозиционного анализа);
- выявить фонетические условия распределения фонем в речи;

- представить каждую фонему в виде класса её обязательных и факультативных вариантов (что, кстати, связывает фонемный анализ с установлением наборов перцептивных единиц).

Итоговые замечания

Итак, полная характеристика фонемы является многомерной, так как фонема может быть охарактеризована:

по отношению к языковым знакам (морфемам и словам), в построении экспонентов которых участвуют фонемы (конститутивная функция), обеспечивая различие и опознавание этих знаков (дифференцирующая и идентифицирующая функции);

по отношению к языковой системе в целом и к фонологической системе, где каждая фонема занимает своё определённое место, участвуя в разнообразных фонологических оппозициях и отличаясь от любой другой фонемы как единица-инвариант со своим стереотипным набором фонологических дифференциальных признаков;

по отношению к речи, где каждая фонема выступает в бесконечном множестве разнообразных звуков (фонов), сводимых в одну фонему в качестве её фонетически обусловленных вариантов (аллофонов) и факультативных вариантов на основе дистрибутивных критериев.

Фонемный анализ обычно имеет целью установление инвентаря фонем и обнаружение набора

коррелятивных оппозиций, которые лежат в основе системы фонем. Инвентарь фонем конечен, он

насчитывает от 20 до 80 или 100 элементов. Конечен и набор фонологических корреляций (около

десятка). Итогом такого анализа является представление системы фонем в виде их классификации.

О системе фонем можно говорить только по отношению к определённому конкретному языку.

Фонематическая система того или иного языка уникальна.

Классификации гласных и согласных фонем того или иного языка опираются на общefonетические

признаки и повторяют в известной степени универсальные классификации, но они могут строиться

более экономно, с учётом только используемых в данном языке дифференциальных признаков.

Акустические характеристики речи

Произносительный аппарат человека является весьма сложной и довольно совершенной акустической системой, возникшей в итоге длительной биологической эволюции.

Речевые сигналы акустически представляют собой распространяемые в воздушной среде сложные по своей структуре звуковые колебания, которые характеризуются в отношении их частоты (числа колебаний в секунду), интенсивности (амплитуды колебаний) и длительности. Все эти характеристики подвержены изменениям на протяжении одного речевого сигнала. Они могут быть зафиксированы и измерены посредством специальных электронно-акустических приборов (прежде всего осциллографа и спектрографа; ниже Вы увидите "картинки", на которых изображены данные спектрографического и осциллографического анализа).

Источниками возникновения речевых звуков в артикуляторном тракте человека являются:

периодические модуляции посредством колеблющихся голосовых связок воздушного потока, подаваемого из лёгких (голосовой источник);

турбулентные завихрения воздушного потока в сужениях произносительного тракта (шумовой, или вихревой, источник);

скачкообразное изменение давления воздуха в артикуляторном тракте при резком раскрытии смычки (взрывной, или импульсный, источник).

Голосовой источник лежит в основе образования гласных и сонорных ([a], [i], [u]; [l], [r]).

Шумовому источнику обязаны своим происхождением глухие щелевые ([f], [s], [x]) и глухие аффрикаты ([ts]), импульсному источнику - глухие взрывные ([p], [t], [k]).

Звонкие щелевые и звонкие аффрикаты возникают благодаря взаимной работе голосового и шумового источников ([v], [z]; [dz]).

Взаимодействие голосового и импульсного источников приводит к образованию звонких взрывных ([b], [d], [g]).

На следующем этапе возбуждённый речевой звук модифицируется в отношении своего частотного состава в акустическом фильтре, который образуют активные и пассивные артикуляторные органы (голосовые связки, задняя стенка полости зёва, надгортанник, нёбная занавеска вместе с язычком, язык, губы, зубы, альвеолы, нёбо) и система резонаторов (полость гортани, полость зёва, носовая полость, полость рта, а также полость, образуемая в пространстве между губами и зубами).

Ртовый резонатор, роль которого в модификации речевых звуков наиболее важна, может быстро менять свой объём и свою конфигурацию; он может быть более и менее жёстким. В результате отдельные составляющие возбуждённого звука усиливаются или ослабляются.

Каждый звук приобретает в итоге свои индивидуальные акустические особенности.

Его отличают от других звуков, во-первых, спектральные амплитудно-частотные характеристики, наблюдаемые при аппаратном анализе как полосы частот, усиленные резонаторами (форманты), и, во-вторых, его временная структура.

Для характеристики звука достаточно наличие примерно четырёх формант, т.е. областей концентрации энергии в спектре, которые связаны с особенностями артикуляции и необходимы для правильного опознавания звука (форманты

нумеруются в порядке возрастания частоты: F1, F2, F3, F4); из этих формант наиболее важны первая и вторая.

Для гласных установлено, что частота F1 связана со степенью закрытости гласного, а частота F2 отражает степень его продвинутой вперед.

Так, наиболее закрытые звуки [i], [u] имеют самую низкую по частоте F1, наиболее открытый гласный [a] имеет максимально высокую частоту F1. Наиболее передние {i}, [y] характеризуются самой высокой по частоте F2, у наиболее заднего гласного [u] максимально низкая частота F2. Огубленность звука понижает значения всех формант.

Формантная структура согласных сложнее.

Ниже приводится иллюстрация инструментального анализа нем. слова Gatte 'супруг'.

С учётом данных формантного анализа на основе работ Р.О. Якобсона и его коллег может быть построена акустическая классификация дифференциальных признаков речевых звуков (см., например, В.Б. Касевич, О.С. Широков).

В слитной речи один артикуляторный уклад быстро заменяется другим, в силу чего непрерывно изменяется акустическая картина. Весьма условно выделяются стационарные и переходные участки. Последние позволяют получить дополнительную информацию о соседних звуках.

Ниже приводится иллюстрация инструментального анализа нем. слова Dame 'дама'.

Просодическая структура высказывания, фразы, синтагмы, слова, слога акустически проявляется в виде непрерывных изменений во времени частоты основного тона, интенсивности и длительности соответствующего сегмента.

Артикуляционные и перцептивные характеристики речи

Артикуляционный аппарат

Устройство и функционирование произносительного и слухового аппаратов человека описаны во многих учебниках по курсам введения в языкознание и по общей фонетике. Студента можно просто отослать:

к пособию для первокурсников Лии Васильевны Бондарко, Людмилы Алексеевны Вербицкой и Мирры Вениаминовны Гординой "Основы общей фонетики" и к фундаментальному учебному пособию Льва Рафаиловича Зиндера "Общая фонетика" (любое издание).

Буквально каждый звук речи является продуктом комплекса произносительных работ, производимых разными активными органами артикуляции.

Наиболее активная роль при этом принадлежит языку (lingua), который может:

* быть распластанным или сжиматься в комок,

- * продвигаться вперёд или отодвигаться назад,
- * подниматься вверх в переднем или заднем направлении,
- * не мешать выходу воздушной струи либо создавать на её пути полную или частичную преграду,
- * вибрировать или просто совершать хлопок по пассивному артикулятору.

Далее, язык (условно выделяют его переднюю, вместе с кончиком, среднюю и заднюю части спинки) может

прижиматься или лишь приближаться:

- * к верхней губе,
- * к нижним или верхним зубам,
- * к альвеолам,
- * к твёрдому или мягкому нёбу.

Губы (*labia*) способны смыкаться или создавать отверстия различного рода, оставаясь нейтральными, выдвигаясь вперёд, округляясь или растягиваясь.

Язычок (*uvula*) может прижиматься или приближаться к спинке языка, а также вибрировать.

Нёбная занавеска (*velum palati*) либо закрывает доступ воздушной струи в носовую полость, либо открывает ей путь.

Задняя стенка зёва (*pharynx*) может приближаться к корню языка.

Различное положение могут занимать голосовые связки, пропуская струю воздуха. Они могут при этом колебаться либо же полностью или частично перекрывают путь воздушной струе.

Восприятие речи

Проблемами восприятия звучащей речи занимаются психоакустика и аудитивная (или перцептивная) фонетика.

Психоакустика исследует, как разные звуки (в том числе и речевые) обрабатываются слуховой системой человека (а в последнее время и животных), как акустические свойства речевых сигналов оцениваются слухом (соотношение в восприятии частоты звуковых колебаний и высоты звука, интенсивности звука и его громкости).

Она использует сведения об устройстве слуховой системы, включающей в себя:

периферический отдел (наружное, среднее и внутреннее ухо, где воздушные колебания преобразуются в нервные импульсы),
 центральный слуховой путь, по которому нервные импульсы передаются в слуховую зону коры головного мозга и происходит "отбор" звуковой информации, и, наконец, слуховую кору мозга, обеспечивающую окончательную обработку нервных импульсов и принимающую решения о фонетических свойствах воспринятого речевого сигнала. По некоторым данным, фонетическая классификация звуков происходит в левом полушарии мозга, а оценку временных и мелодических характеристик осуществляет правое полушарие.

Перцептивная фонетика изучает особенности восприятия звуковых единиц языка, используемых человеком в речевом общении.

Она призвана отвечать на вопросы, какие звуковые свойства существенны для восприятия речи человеком (например, для опознания данной фонемы) с учётом

меняющихся акустических и артикуляционных характеристик речевых сигналов, т.е. каковы перцептивные корреляты релевантных (существенных) признаков фонем и просодем.

Она считается также с тем, что люди в процессе восприятия звучащей речи извлекают информацию не только из акустических свойств высказывания, но и из языкового контекста и ситуации общения, прогнозируя общий смысл воспринимаемого сообщения.

Перцептивная фонетика выявляет универсальные и специфические перцептивные характеристики, присущие звукам человеческого языка вообще и звуковым единицам конкретных языков. Она приходит к выводу, что восприятие опирается не только на инвариантные свойства фонем, но и на их варианты свойства, что единиц восприятия (перцептивных единиц) существует, следовательно, больше, чем единиц дифференциальных (например, фонем).

ЮСМ (гл.2); ААР; ЛЭС/БЭС (статьи: Органы речи. Артикуляция. Фонация. Порождение речи. Восприятие речи).

Материалы для студентов-лингвистов

Лингвистическая гостиная

Компоненты языковой системы и их роль в дискурсе

Содержание сайта

Тверской

Классификация гласных

Разграничение звуков речи на гласные и согласные представляется достаточно нелёгким.

В теоретико-информационном отношении согласные более, чем гласные, информационно нагружены, слова могут быть во многих случаях опознаны по согласным, а гласные играют в передаче информации и, соответственно, в опознании слов как бы второстепенную роль. Но гласные часто выполняют роль носителей той информации, которая позволяет опознавать разные словоформы.

С точки зрения слогообразования гласные играют ведущую роль: они выступают в качестве ядер, вершин слогов, тогда как согласные являются лишь сопутствующими элементами. Во многих языках вершину слога могут образовать сонанты (носовые [m], [n], [N] и плавные [l] и [r]), но только в соседстве с шумными. По соседству же с гласными эти звуки функционируют как периферийные элементы слога.

В акустическом отношении существенно то, что гласные (в отличие от согласных) обладают чёткой формантной структурой, требуют большего расхода общей энергии, являются по преимуществу тонами. Сонанты акустически оказываются в промежуточном положении между гласными и шумными согласными.

С физиологической точки зрения при артикуляции гласных в надставной трубе отсутствуют преграды для выходящей из лёгких струи воздуха, для согласных наличие той или иной преграды является обязательным.

При образовании согласных напряжение имеет место только в какой-то одной части произносительного аппарата, а при образовании гласных наблюдается разлитое напряжение всего произносительного аппарата. Согласные характеризуются определённым фокусом образования, у гласных же фокус образования отсутствует. Это обстоятельство делает более надёжными самые детальные классификации согласных.

Классификации и гласных, и согласных опираются на множество признаков (более двух и в одном и в другом случае). Поэтому при попытке представить их в виде таблиц возникают трудности с выбором наиболее существенных признаков.

Различия между гласными, по Л.Р. Зиндеру, могут касаться следующих признаков, которые в неодинаковой степени отражаются в различных классификациях:

наличие - отсутствие голоса (возможны глухие гласные, которые производятся струёй воздуха, проходящей через надгортанные полости и возбуждающей их собственные тоны; разновидностью глухих гласных являются шёпотные гласные);

напряжённость - ненапряжённость (ненапряжёнными являются неударенные редуцированные гласные, распространённые во многих языках; различие по признаку [напряжённости - ненапряжённость] характеризует, в частности, противопоставление в нем. языке закрытых и открытых / узких и широких гласных);

длительность (эти различия могут зависеть от общих фонетических условий и быть от них независимыми, фонематически значимыми; в таких случаях может различаться порядка двух или более степеней длительности; так, в нем. языке признак долготы во многих случаях сопряжён с признаками закрытости и напряжённости гласного); наиболее решающие для классификации гласных различия в положении языка, лучше всего учитываемые в трапецевидных схемах (см. схемы у Л.В. Щербы, Л.Р. Зиндера, Ю.С. Маслова, Л.В. Бондарко и её соавторов, а также схему МФА):

в горизонтальной плоскости различия по ряду - гласные передние, задние и смешанные (в иных классификациях средние, или центральные; по Л.В. Щербе смешанные и центральные согласные предполагают неодинаковый уклад языка);

можно, далее, говорить о выдвинутых задних, об отодвинутых передних;

в вертикальной плоскости различия по степени подъёма (Л.В. Щерба отмечает произвольный характер их разграничения и намечает 6 ступеней как условные остановки при медленном опускании или подъёме языка).

также решающие для классификации гласных различия в действии губ / различия по отсутствию - наличию лабиализации (гласные неогублённые и огублённые);

относительная однородность - неоднородность артикуляции (монофтонги, дифтоГласные некоторых языков

О признаках, которые могут использоваться при классификации гласных, в предыдущем разделе уже шла речь. Вслед за Л.Р. Зиндером отмечалось, что различия между гласными могут опираться на следующие признаки:

наличие - отсутствие голоса,

напряжённость - ненапряжённость,

ряд,

степень раствора,

длительность,
наличие - отсутствие лабиализации,
относительная однородность - неоднородность артикуляции,
отсутствие - наличие дополнительных артикуляций (назализация, фарингализация).
Отмечалось, что звуковые различия между гласными в неодинаковой степени используются разными языками. Каждый язык выбирает из всего множества возможных звуковых различий те, которые обеспечивают различение фонем и оказываются, таким образом, функционально нагруженными.

В распоряжении всех языков (в силу общности физиологических возможностей всех людей, независимо от их расовой и этнической принадлежности) оказываются одно и то же вокалическое пространство. Но тот или иной язык членит пространство гласных по-своему, не так, как другие языки.

Так, в русском языке вокалическое пространство поделено между 6 фонемами, в то время как в немецком языке оно членится между 15 фонемами-монофтонгами. Следовательно, русская фонема /i/ имеет более широкий диапазон реализаций по сравнению с немецкой фонемой /i/.

Ниже приводятся классификационные таблицы гласных разных языков. В таблицы, естественно, в основном включены фонематически (функционально) различаемые гласные данных языков.

Таблица гласных французского языка иллюстрирует различия между гласными:
по ряду (передние - задние гласные),
по степени подъёма (до 5 степеней),
по наличию - отсутствию лабиализации (огублённые - неогублённые гласные),
по наличию - отсутствию назализации (носовые - ртовые гласные):

Вы можете посмотреть для сравнения таблицы гласных ряда других романских языков:

Португальский язык

Испанский язык

Итальянский язык (монофтонги)

Итальянский язык (дифтонги)

Румынский язык

Таблица гласных немецкого языка иллюстрирует различия:

по ряду (передние, задние и центральные гласные),

по степени подъёма (до 6 степеней),

по степени раствора (узкие - широкие гласные),

по длительности (долгие - краткие гласные),

в ряде случаев сопровождаемые различиями между ними по степени напряжённости,

по наличию - отсутствию лабиализации (огублённые - неогублённые гласные),

по однородности - неоднородности артикуляции (монофтонги - дифтонги).

Таблицы гласных английского языка (британский и американские варианты) свидетельствуют о различиях (притом неодинаково используемых):

по ряду (передние, задние и центральные гласные),

по степени подъёма (до 6 и 7 степеней),

по степени раствора (узкие и широкие гласные),
по наличию - отсутствию лабиализации (огублённые - неогублённые гласные),
по однородности - неоднородности артикуляции (монофтонги - дифтонги):
:

Для сравнения Вы можете посмотреть также таблицы гласных ряда других германских языков:

Нидерландский язык (монофтонги)

Нидерландский язык (дифтонги)

Датский язык (монофтонги)

Датский язык (дифтонги)

Шведский язык

Норвежский язык

Посмотрите для сравнения таблицу гласных ряда славянских языков:

Польский язык

Посмотрите для сравнения таблицы гласных балтийских языков:

Литовский язык

Латышский язык

Классификация согласных

О разбиении множества звуков речи на гласные и согласные уже говорилось.

В теоретико-информационном отношении согласные более, чем гласные, информационно нагружены, слова могут быть во многих случаях опознаны по согласным, а гласные играют в передаче информации и, соответственно, в опознании слов как бы второстепенную роль. Но гласные часто выполняют роль носителей той информации, которая позволяет опознавать разные словоформы.

С точки зрения слогаобразования гласные играют ведущую роль: они выступают в качестве ядер, вершин слогов, тогда как согласные являются лишь сопутствующими элементами. Во многих языках вершину слога могут образовать сонанты (носовые [m], [n], [ŋ] и плавные [l] и [r]), но только в соседстве с шумными. По соседству же с гласными эти звуки функционируют как периферийные элементы слога.

В акустическом отношении существенно то, что гласные (в отличие от согласных) обладают чёткой формантной структурой, требуют большего расхода общей энергии, являются по преимуществу тонами. Сонанты акустически оказываются в промежуточном положении между гласными и шумными согласными.

С физиологической точки зрения при артикуляции гласных в надставной трубе отсутствуют преграды для выходящей из лёгких струи воздуха, для согласных наличие той или иной преграды является обязательным.

При образовании согласных напряжение имеет место только в какой-то одной части произносительного аппарата, а при образовании гласных наблюдается разлитое напряжение всего произносительного аппарата. Согласные характеризуются определённым фокусом образования, у гласных же фокус образования отсутствует. Это обстоятельство делает более надёжными самые детальные классификации согласных.

Классификация согласных опирается на большее число признаков, чем классификация гласных. Различия между согласными, по Л.Р. Зиндеру, опираются на следующие признаки (см. классификационные таблицы Л.В. Щербы, Л.Р. Зиндера, Ю.С. Маслова, Л.В. Бондарко и её соавторов; таблицы МФА): наличие - отсутствие струи воздуха (согласные "дыхательные" и "недыхательные", в т.ч. "щёлкающие"); степень воздушности (согласные непридыхательные и придыхательные); участие голоса (согласные полновзвонкие, полувзвонкие с глухим взрывом или с звонким взрывом, глухие; "хриплые"); сила артикуляции (согласные сильные и слабые); длительность (согласные краткие и долгие); характер шумообразующей преграды / способ артикуляции (согласные смычные, щелевые и дрожащие); смычные подразделяются на взрывные, импловивные и аффрикаты; класс щелевых разбивается на ряд подклассов по расположению щели (серединные и боковые) и по форме щели (серединные круглощелевые и плоскощелевые). действующий орган (согласные однофокусные и двухфокусные; губные, язычные, язычковые / увулярные, глоточные / фарингальные, связочные / гортанные с дальнейшим разбиением большинства из этих классов; у ЛВБ добавляется класс язычно-губных; весьма существенны дальнейшие разбиения язычных: переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные; среди переднеязычных различаются дорсальные, апикальные, какуминальные и ретрофлексные); наличие - отсутствие дополнительных артикуляций (палатализация, лабиализация, веляризация, фарингализация); внутри классов смычных, щелевых и дрожащих могут различаться подклассы шумных и сонантов.

Особую проблему представляет место аффрикат в классификации. Л.В. Щерба, а вслед за ним М.И. Матусевич, Л.Р. Зиндер, Ю.С. Маслов, характеризуют их как двухфокусные (со вторым средним или задним фокусом).

В пособии Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой и М.В. Гординой аффрикаты трактуются как длиннощелевые (т.е. сближаются с круглощелевыми и плоскощелевыми), что существенно упрощает классификацию.

Классификация согласных по МФА характеризуется:

наличием отдельной таблицы для недыхательных согласных (щёлкающие, звонкие импловивные и эйективные),
отсутствием класса аффрикат (они квалифицируются как соединения артикуляций для смычного и щелевого),
учётом прежде всего не активного артикулятора, а места образования (двугубные, губнозубные, дентальные / зубные, альвеолярные, постальвеолярные, ретрофлексные, палатальные / нёбные, велярные / задненёбные, увулярные / язычковые, фарингальные / зёвные, гортанные / связочные),
различением по способу образования взрывных, носовых, дрожащих (многоударных), хлопающих (одноударных), фрикативных / щелевых, боковых фрикативных, срединных аппроксимантов (полугласных), боковых аппроксимантов (полугласных).

Ниже приводятся 2 таблицы согласных (дыхательных и недыхательных), представляющие собой фрагменты сводной таблицы Международного фонетического алфавита.

Универсальные классификации звуков не просто регистрируют то, что наблюдается в речи на разных языках мира. Они обладают прогностической силой. Так, с помощью таблиц согласных могут предсказываться звуки, которые не наблюдались, но артикуляторно возможны, и звуки, которые артикуляторно невозможны (в последних случаях соответствующие клетки зачёркиваются или затушёвываются).

Отмеченные звуковые различия между согласными в неодинаковой степени используются разными языками. Каждый язык выбирает из всего множества возможных звуковых различий те, которые обеспечивают различие фонем и оказываются, таким образом, функционально нагруженными.

В транскрипции SAMPA принято использовать только те символы, которые имеются на клавиатуре компьютера. С их помощью оказывается возможным передавать фонетическую информацию по межкомпьютерной связи.

Универсального и полного набора символов для согласных нет. Могут наблюдаться некоторые условности, которые ориентированы на тот или иной конкретный язык. Удвоенные (геминированные) согласные типа, например, итальянских передаются повторным написанием символа. Для обозначения долготы согласного используется двоеточие [:]. Палатализованность обозначается апострофом [']. Знаком главного ударения служит двойной апостроф /'/'.

Несколько примеров из русского языка: лук /l'uk/, шум /Sum/, мышь /mIS/, жуткий /Z"utk'ij/, чин /tS'in/, щи /S':i/, счёт /S':ot/.

Примеры из немецкого языка: Stunde /"StUnd@/ 'час', schreiben /"SRaIb@n/ 'писать', Zahl /tsa:l/ 'число', deutsch /dOYtS/ 'немецкий', rauben /"RaUb@n/ 'разбойничать', Kreuz /krOYts/ 'крест', besser /"bEs6/ 'лучше', Wirt /vI6t/ 'хозяин', schwer /Sve:6/ 'тяжёлый'.

Примеры из английского языка: this /DIz/ 'этот', thin /TIn/ 'тонкий', pat /p{t/ 'хлопок. шлепок', another /@"nVD@/ 'другой', shin /SIn/ 'голень', measure /"meZ@/ 'мера', chin /tSIn/ 'подбородок', gin /dZIn/ 'джин', nose /n@Uz/ 'нос', noise /nOIZ/ 'шум'.

Примеры из французского языка: temps /ta~/ 'время', champ /Sa~/ 'поле', oignon /oJo~/ 'лук, луковица', comme /kOm/ 'как', neuf /n9f/ 'девять', deux /d2/ 'два', justement /Zyst@ma~/ 'справедливо', seize /sEz/ 'шестнадцать', brun /bR9~/ 'коричневый', juin /ZHe~/ 'июнь'.

В следующем разделе можно найти таблицы классификации согласных французского, немецкого и английского языков, а также гиперссылки на таблицы согласных ряда других языков.

Согласные некоторых языков

Классификация согласных, как и гласных, опирается на множество признаков. В число этих признаков, по Л.Р. Зиндеру, входят:

наличие - отсутствие струи воздуха,
степень воздушности,
участие голоса,
сила артикуляции,
длительность,
характер шумообразующей преграды / способ артикуляции,
действующий орган и место артикуляции,
наличие - отсутствие дополнительных артикуляций (палатализация, лабиализация, веляризация, фарингализация),
соотношение шума и голоса.

Отмеченные звуковые различия между согласными в неодинаковой степени используются разными языками. Каждый язык выбирает из всего множества возможных звуковых различий те, которые обеспечивают различение фонем и оказываются, таким образом, функционально нагруженными.

Для сравнения предлагается таблица согласных французского языка:

В этой таблице представлено членение согласных по признакам:

модус образования: смычные и щелевые;
смычные подразделяются на ртовые и носовые;
участие - неучастие голоса: глухие - звонкие;
место артикуляции: двугубные - губно-зубные - апиально-зубные - переднеязычные альвеолярные - переднеязычные нёбные - средненёбные - язычно-нёбные или задненёбные / велярные - заднеязычно-язычковые.

См. также таблицы ряда других романских языков:

Итальянский язык

Испанский язык

Португальский язык

Румынский язык

В различении немецких согласных используются признаки (характеристика даётся в соответствии с щербовской традицией):

участие - неучастие голоса: глухие - звонкие согласные, причём последние являются скорее полувзвонкими, а данное противопоставление сопряжено с противопоставлением сильных и слабых согласных;
характер шумообразующей преграды / модус артикуляции: смычные - щелевые - многоударные / дрожащие и одноударные / хлопающие, выступающие как факультативные варианты фонемы /г/;
внутри смычных различаются чистые и аффрикаты;
чистые смычные делятся на ртовые и носовые;

внутри щелевых различаются срединные плоскощелевые, срединные круглощелевые и боковые, активный артикулятор: губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, язычковые / увулярные, связочные / гортанные согласные; губные делятся на двугубные / билабиальные и губно-зубные / лабиодентальные); переднеязычная и язычковая артикуляция характеризуют факультативные варианты фонемы /r/.

В приведённой таблице английских согласных классификационными признаками выступают:

способ образования: носовые - смычные - аффрикаты - щелевые - плавный боковой - плавный ретрофлексный - глайды (полугласные);

наличие - отсутствие голоса: глухие - звонкие;

частично активный артикулятор, частично место образования: двугубные - губно-зубные - межзубные - альвеолярные - нёбные / палатальные (куда попадают по существу переднеязычные аффрикаты и шипящие, а также среднеязычный j / в американской нотации y) - задненёбные / велярные - связочные (гортанные).

Для дополнительного знакомства предлагаются таблицы ряда других германских языков:

Нидерландский язык

Датский язык

Шведский язык

Норвежский язык

Вы можете также познакомиться с таблицами согласных польского, литовского и датского языков:

Польский язык

Литовский язык

Латышский язык

Фонологические характеристики морфемы и слова

Вводные замечания

Звуковые средства языка служат строительным материалом для экспонентов всех языковых знаков, и прежде всего таких, как морфема и лексема.

Характеризуя с фонологической точки зрения морфему и лексему, следует, однако, иметь в виду, что это единицы абстрактные, которые, с одной стороны, могут быть описаны как наборы существенных признаков, а с другой, как классы своих вариантов. А это значит, что лингвист должен сперва сосредоточить свои усилия на описании фонологической структуры более конкретных единиц, а именно морфов и лексов (словоформ) и лишь потом рассматривать фонологические характеристики морфем и слов, представляющие собой по сути дела совокупности фонологических характеристик морфов и словоформ.

Фонемный анализ морфемы и слова

Анализ на морфемном уровне (морф и морфема)

Фонемный анализ экспонента морфа включает в себя:

характеристику его сегментной структуры, а именно:

его описание его фонемной структуры (состав фонем, порядок их следования, ограничения на появление в начальной и конечной позициях определённых классов фонем, допустимые сочетания согласных в начале и конце морфа, длина морфа в фонемах);

описание его слоговой структуры (односложность или многосложность, длина морфа в слогах, виды слогов, соотношение слоговых границ с границами морфа);

Поскольку морфема представляет собой парадигматический класс морфов, то её фонологическая характеристика как раз и складывается из суммы характеристик морфов.

При этом может обнаружиться, что разные морфы одной морфемы могут иметь в составе своих экспонентов не одно и то же количество фонем (день /d'en'/ ~ дн-я /d'n'/) и даже разные фонемы (сад-а /s"ad/ ~ сад /s"at/ ~ саж-а-ж-у /saZ/; вод-ы /v"od/ ~ вод-ы /vad/).

Чередования фонем типа /d/ ~ /Z/ объясняются действием звуковых (фонетических) законов прошлых периодов развития русского языка, это исторические чередования. Чередования же типа /d/ ~ /t/ и /d/ ~ /Z/ отражают действие звуковых законов современного русского языка, это живые чередования.

В трактовке этих явлений как раз и расходятся Московская и Петербургская фонологические школы.

В щербовской школе живые чередования трактуются как чередования разных фонем, появление которых может быть ограниченным в определённых фонетических позициях.

А вот Московская фонологическая школа (А.А. Реформатский, П.С. Кузнецов и др.), заимствовав у Н.С. Трубецкого понятие нейтрализации фонологических противопоставлений и сделав упор на различении сильных и слабых позиций (позиций, в которых нейтрализации не происходит, и позиций, где наблюдается нейтрализация), видит в чередующихся в слабых позициях d ~ t, o ~ a реализации одних и тех же фонем в их разных вариантах.

Н.С. Трубецкой постулирует для этих случаев архифонему как своего рода надфонемную единицу, объединяющую в себе одинаковые различительные признаки чередующихся фонем.

А.А. Реформатский утверждает, что в так называемых несоотносительных слабых позициях (например, в позиции первого гласного в слове баран) опознание фонем невозможно и здесь выступает гиперфонема.

В словах же сад, вода в соотносительных с сильными слабыми позициями функционируют фонемы t, o, которые появляются в соответствующих сильных позициях (сада, `воды).

В позиции первого безударного гласного в словах сама и сома представители МФШ постулируют разные фонемы (ср. сам и сом). В результате имеет место пересечение классов реализаций разных фонем в одинаковых звуках, с чем категорически не соглашаются представители Петербургской фонологической школы.

Дело в том, что фонема в понимании МФШ оказывается более абстрактной единицей, чем фонема в понимании ПФШ. В Московской школе фонема оказывается

привязанной не к морфу, а к морфеме, тогда как в Петербургской школе фонема привязана к морфу (и словоформе).

Трактовка фонемы в МФШ лучше служит интересам исторической фонетики (диахронической фонологии) и теории письма, опирающегося на морфологический принцип орфографии.

Но она практически оторвана от учёта материальной стороны фонемы и в итоге менее приспособлена к целям преподавания поэзии.

Трактовка фонемы по-щербовски адекватнее отражает связь фонемы с её фонетическими (артикуляторно-акустико-перцептивными) коррелятами и лучше служит интересам лингводидактики и работ в области автоматического ввода и вывода речевой информации.

Анализ на лексико-морфологическом уровне (словоформа и слово)

Поскольку слово (лексема) представляет собой в принципе парадигматический класс словоформ, то его фонемное описание объединяет в себе более конкретные фонемные описания словоформ, т.е.

описание фонемной структуры (количество фонем, их инвентарь, ограничения на появление в определённых позициях тех или иных классов фонем, допустимые сочетания согласных в анлауте, т.е. абсолютном начале, и ауслауте, т.е. абсолютном конце, слова, длина слова в фонемах);

описание слоговой структуры (количество слогов, их виды, слоговые границы, их соотношение с границами словоформы, длина словоформы в слогах);

описание звуковых явлений, характеризующих взаимодействие соседних морфов в составе одной словоформы и соседних словоформ (явления стыка, включающие в своё число, в частности, явления элизии, сандхи, наличие или отсутствие гортанной смычки или нового приступа; образование фонетических слов благодаря процессам сингармонизма или наличию единой акцентной вершины).

Требуется обращать особое внимание на проявление живых звуковых законов в комбинаторных и позиционных изменениях звуков (коартикуляция, различные виды аккомодации, ассимиляции, эпентезы, гаплогонии, метатезы, редукции, оглушения звонких и озвончения глухих и пр.), которые иногда не ограничиваются модификациями фонем (т.е. возникновением аллофонных, внутрифонемных) чередований, но и приводят к чередованиям фонем.

Интересны ассимилятивные в своей основе явления гармонии гласных (тюркские и финно-угорские языки), ставшие уже историческими чередованиями гласных по ряду (умлаут) и по степени подъёма (преломление) в германских языках.

Просодический анализ морфемы и слова

Просодемы в составе морфемы и морфа

В фонологический анализ морфемы включается и выявление характеристики просодической структуры морфемы и входящих в её состав морфов (наличие или отсутствие тональной составляющей, при наличии таковой указание на употреблённую тонему; наличие или отсутствие акцентной составляющей, при её наличии характер ударения).

При описании просодической структуры морфемы тональных (политонических) языков особую проблему образует выявление системы различительных тонов (тонем): установление их числа; характеристика их фонетических коррелятов и т.п. Тоны характеризуются в фонетическом отношении по:

высоте тона,
направлению её изменений,
длительности слога,
качеству голоса,
иногда по интенсивности,
наличию фарингализации и
наличию гортанной смычки.

Различаются тоны
ровные (регистровые) и
скользящие (контурные).

Для ровных тонов существенно число функционально различимых уровней (порядка четырёх - пяти).

Скользящие тоны, кроме регистра, различаются характером движения: однонаправленные (восходящий и нисходящий) и разнонаправленные (восходяще-нисходящий и нисходяще-восходящий).

Физическим носителем той или иной тонемы (т.е. функционально различимого тона) является слог, роль функционального носителя тонемы является морфема (силлабоморфема). Тонемы могут служить либо дифференциации разных морфем (слов), либо различению грамматических и словообразовательных значений слов. Тонемами занимается тонология. Она выявляет инвентарь фонем (он в принципе конечен) и исследует варьирование тоном в различных дистрибутивных контекстах. Тон и ударение, как правило, несовместимы в одном языке. Если же их совмещение наблюдается, то оно свидетельствует о переходе языка от тонального типа к ацентному.

Просодемы в составе слова и словоформы

Фонологическая характеристика словоформы и слова включает в себя не только описание фонемного состава, но и описание просодической структуры слова (наличие в экспоненте словоформы суперсегментных явлений мелодического, динамического и временного характера, образующих соответствующие просодемы - слоговые акценты, словесные ударения).

Словоформа и слово как класс словоформ в ацентных языках характеризуются наличием словесного ударения, т.е. контраста соседних слогов. При обращении к фонетическим коррелятам различаются типы ударения мелодическое, динамическое, долготное и тембральное.

Его физическим носителем является последовательность слогов, контрастирующих друг с другом по степени выделенности, а функциональным носителем выступает слово (словоформа).

Сопоставление акцентных кривых словоформ одного слова (словоизменение) или же противопоставление слов производящего и производного (словообразование) позволяет построить для данного слова или группы однокоренных слов акцентную парадигму и охарактеризовать ударение

как свободное и связанное (по отношению к слоговой структуре) и как неподвижное и подвижное (по отношению к морфемной структуре).

Выявляются основные фонологические функции словесного ударения:

интегрирующая (кульминативная, вершинообразующая),

дистинктивная (различительная) и

делIMITATивная (разграничительная).

Ударение является объектом акцентологии.

Не следует смешивать тон и слоговой акцент (слоговую интонацию, word accent и word stress). Последний наблюдается в таких акцентных языках, как скандинавские, балтийские, сербскохорватский. Здесь нет тона как такового, есть лишь мелодическое варьирование словесного ударения, сопряжённое с варьированием интенсивности.

Исторические изменения в фонологической системе языка

Отдельно взятый язык может описываться как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте. Синхронический подход направлен на фиксацию элементов языка и структурных взаимозависимостей между ними в данный отрезок времени.

Имеется в виду, что эти элементы сосуществуют во времени, даны синхронно.

Синхронический подход господствует в восприятии своего языка его носителем. Ему лингвисты отдают предпочтение, когда описания языка делаются с целью его преподавания как родного или как иностранного. На синхронические описания опираются те специалисты, которых интересуют проблемы нормирования языкового употребления.

Но научное изучение языка будет неполным, если в стороне останутся проблемы исторических изменений в лексиконе, в грамматическом строе, в организации звуковой системы языка. Синхронический подход к языку дополняется подходом диахроническим, который позволяет во многих случаях давать ответы на вопросы типа "почему" и делает лингвистику наукой объяснительной.

Диахроническая точка зрения заключается в том, что друг другу противопоставляются состояния языка, относящиеся к разным временным срезам. Сопоставляться могут как одновременные состояния данной языковой системы в целом или одновременные состояния его, например, фонологической системы, так и отдельные языковые факты. Но увлечение отдельными фактами может привести к атомизму, т.е. к забвению того, что любой языковой факт есть элемент существующей в соответствующий исторический период языковой системы.

Диахроническая точка зрения лежит в основе истории языка, которая может строиться

как внутренняя история языка, если она обращена на познание процессов и закономерностей эволюции языковой системы самой по себе, и как внешняя история языка, когда в сферу её интересов вовлекается рассмотрение эволюции языка в контексте истории народа - носителя этого языка, изменений в этногеографических условиях, социальной структуре общества, материальной и духовной культуре, с учётом контактов данного народа с носителями других культур и языков.

В зависимости от исследуемого уровня (подсистемы) языка выделяются историческая фонетика (или диахроническая фонология), историческая грамматика, историческая лексикология.

Источниками знаний об исторических изменениях в языке являются прежде всего сведения, которые извлекаются из письменных памятников на этом языке, включая наиболее древние.

Кроме того, во внимание принимаются косвенные свидетельства в памятниках на других языках, где могут содержаться сведения о жизненном укладе и социальной организации народа - носителя исследуемого языка, собственные личные и местные имена.

Особое значение имеют данные сравнительно-исторического языкознания, позволяющие судить о прежних (особенно дописьменных) состояниях исследуемого языка по фактам родственных языков и осуществлять на этой основе внешнюю реконструкцию истории данного языка.

Структурный анализ фактов, наблюдаемых в данном языке в его современном состоянии (например, традиционных, или исторических, межфонемных чередований), позволяет обнаружить в нём пережитки прежних эпох и осуществить так называемую внутреннюю реконструкцию языковой эволюции.

Чрезвычайно важны сведения, которые добываются диалектологией (и диалектографией), дающие возможность обнаружить в диалектах реликты прежних языковых состояний и проследить пути распространения новых образований (инноваций), понять характер взаимовлияния диалектов между собой и между территориальными диалектами, с одной стороны, и наддиалектными формами языка (койне, литературный язык в его кодифицированной, т.е. книжно-письменной, и устно-разговорной разновидностях, просторечие), с другой стороны. В последнем случае могут быть привлечены данные исторической социолингвистики.

Обращаясь к звуковой стороне языка, нужно иметь в виду, что с точки зрения истории важны не медленные, постепенные сдвиги в артикуляции тех или иных звуков, как это часто неправомерно акцентируется, а фонологический статус элементов, которые были присущи прошлому состоянию, и фонологический статус элементов, фиксируемых в данный исторический период.

Не следует забывать, что каждая фонема является инвариантом, иначе говоря, совокупностью её дифференциальных признаков, которые воспроизводятся при каждом новом воспроизведении данной фонемы, в каждом из её вариантов. Этот набор дифференциальных признаков допускает достаточно широкий диапазон для варьирования. И только несовпадение наборов дифференциальных фонологических

признаков свидетельствует о наличии не одной, а двух или большего числа разных фонем.

Фонологический принцип в последние десятилетия стал господствующим в исторической фонетике (или, как сегодня нередко говорят, диахронической фонологии).

Язык не может функционировать, не оставаясь самим собой. И вместе с тем он непрерывно меняется. Перестраивается каждая из частных систем в его составе. Не является исключением и звуковая сторона языка.

Многое в фонологической системе сохраняется на протяжении столетий и тысячелетий. Но во многом она затрагивается изменениями, которые могут иметь либо нерегулярный, спорадический характер, либо следуют достаточно строгим закономерностям, оказываются регулярными. Регулярные изменения подводятся под понятие звуковых (или фонетических) законов.

Одни из них могут затрагивать, во-первых, фонологическую систему в целом (т.е. инвентарь её элементов и структурные отношения между ними), а другие фонологическую структуру экспонентов знаковых единиц (т.е. слов и морфем). В первом случае меняется число фонем и просодем в сторону увеличения или уменьшения, один тип строения слога заменяется другим (например, в общеславянском закрытые слоги уступили место открытым слогам, а в русском вновь оказались возможны наряду с открытыми и закрытые слоги), один тип акцентуации заменяется другим (например, музыкальное ударение в индоевропейских языках в основном уступило место динамическому; присущее праиндоевропейскому подвижное ударение в общегерманском стало неподвижным и закрепилось за корневой морфемой, а впоследствии, в отдельных германских языках, оно в силу различных причин вновь приобрело статус подвижного).

Во втором случае происходит перестройка фонологической (фонемной и просодической) структуры экспонентов слов и морфем.

Изменения, касающиеся системы фонем, относятся к следующим типам:

расщепление одной фонемы на две;

совпадение двух фонем в одной;

монофонемизация фонемного сочетания;

Расщепление одной фонемы на две представляет собой результат фонологизации аллофонов этой фонемы. Нефонематические различия между соответствующими аллофонами приобретают фонематическую значимость и становятся дифференциальным признаком, который ложится в основу фонологической оппозиции между ними. Если такой процесс касается не одной фонемы, а их серии, возникает фонологическая корреляция.

Так, в истории русского языка расщепление непалатализованных и палатализованных вариантов большого ряда согласных фонем привело к образованию двух больших коррелятивных рядов /p/ - /p'/, /b/ - /b'/, /t/ - /t'/, /d/ - /d'/, /k/ - /k'/, /g/ - /g'/, /m/ - /m'/, /n/ - /n'/, /f/ - /f'/, /v/ - /v'/, /s/ - /s'/, /z/ - /z'/, /x/ - /x'/, /r/ - /r'/, /l/ - /l'/. Первоначально палатализованные согласные появлялись в определённых фонетических позициях

(перед передними гласными и j) как комбинаторные варианты. Когда же они обрели способность функционировать и перед задними гласными или же в исходе слов, а также при случае различать разные слова в составе одной минимальной пары, они стали самостоятельными фонемами: ср., например, рад /rat/ - рать /rat'/, рад /rat/- ряд /r'at/, лук /luk/- люк /l'uk/, кот /kot/ - ткёт /tk'ot/. Благодаря расщеплению фонем русский консонантизм существенно обогатился.

Такое же обогащение консонантизма имело место и в более древние периоды развития славянских языков. Первая славянская палатализация состояла в том, что перед гласными переднего ряда праславянские заднеязычные согласные /k/, /g/, /x/, пройдя ступень палатализованных аллофонов [k'], [g'], [x'], стали шипящими аллофонами, а затем самостоятельными фонемами /t'S'/, /Z'/, /S'/ (ср. совр. русск. рук-а - руч-ной, друг-а - друж-ить, грех-а - греш-ник). Так, фонемный статус /t'S'/ получает, начиная употребляться и перед непередними гласными (krit'S'ati). Свою мягкость /Z'/ и /S'/ теряют уже в русском языке.

Вторая палатализация (тоже праславянского периода) привела к возникновению свистящих согласных /c' || t's'/, /z'/, /s'/ из палатализованных аллофонов тех же заднеязычных фонем /k/, /g/, /x/. Мягкость /t's'/ теряет в русском языке.

Третья палатализация тех же заднеязычных после передних гласных привела к близким результатам, что и вторая: общеслав. *къне~гъ (ср. общегерм. *kuninga- 'мужчина, происходящий из благородного рода; король', гот. kuningas, др.-в.-нем. kuning, нидерл. koning, швед. konung, англ. king) > къне~z'ъ > совр. русск. князь. В итоге, в современном русском языке оказались зафиксированы не только заднеязычные непалатализованные фонемы /k/, /g/, /x/, но и их рефлексy (по 4 альтернанта в каждой серии фонемных чередований): k - t'S' - ts (< t's') - k'; g - Z - z' - g'; x - S - s' - x'.

В немецком языке в результате дистантной предвосхищающей (регрессивной) ассимиляции возникли передние лабиализованные гласные фонемы /y:/, /Y/, /2:/, /9/, бывшие первоначально комбинаторными продвинутыми вперёд аллофонами соответствующих задних гласных фонем /u:/, /U/, /o:/, /O/. Расщепление фонем зафиксировано в чередованиях по умлауту (т.е. в чередованиях по ряду).

Возможно и обратное направление в развитии фонемной системы, а именно сокращение числа различающихся фонем (и соответственно, перечня фонологических оппозиций).

Так, в русском и во многих других славянских языках (кроме польского) исчезло противопоставление носовых и ротовых гласных.

В немецком языке исчезли расширяющиеся дифтонги io/ia > ie, uo/ua, совпав с долгими гласными /i:/ и /u:/. В современной немецкой фонеме /s/ совпали ещё различавшиеся в др.-в.-нем период две переднеязычные щелевые фонемы, одна из которых (старое s) обозначалась буквой s, а другая (перебойное s) буквой z "хвостатое": glas 'стекло' - daz (< dat) 'это'. Исчезло имевшее место в др.-в.-нем. фонематическое противопоставление кратких и долгих (геминированных) согласных. Примером монофонематизации двухфонемного сочетания является образование в немецком языке единой шипящей фонемы /S/ (< /s/ + /x/).

Перестройка системы фонем представляет собой процесс, результаты которого становятся явными через очень значительные промежутки времени. Акты перестройки фонемной структуры экспонентов слов и морфем, использующей подстановку (субституцию) в данной фонетической позиции одних фонем вместо других, более часты. Спорадические изменения касаются лишь некоторых слов (здравствуйте > здрасте > драсте > в быстрой речи драсть; февраль < февраль). Их именуют спорадическими.

Регулярные звуковые изменения затрагивают определённые фонемы (и фонемосочетания) либо во всех, либо в каких-то фонетических позициях, независимо от конкретных слов. В первом случае говорят о фронтальных, или спонтанных, независимых изменениях (например, замещение в славянских языках, кроме польского, всех носовых гласных во всех позициях неносовыми). Во втором случае в виду имеются изменения зависимые, которые обусловлены либо позиционно, либо комбинаторно.

Формулировка звукового закона фиксирует прежнее, исходное состояние и новое, результирующее состояние. Направление звукового перехода можно обозначить уголком, направленным направо ($b > p$, $s > s'$). При реконструировании предшествующего состояния сперва записывается то, что есть сейчас, а потом, что этому предшествовало ($s' < s$).

Сведения о звуковых переходах, имевших место в истории языка, черпаются из сопоставления разновременных памятников данного языка, извлекаются из анализа наблюдаемых в настоящее время фонетически не обусловленных межфонемных чередований, из сопоставлений материала родственных языков.

Фонетический закон отличается, например, от физического в следующих отношениях:

* Действие звукового закона ограничено определённым языком (или каким-то его региональным вариантом, диалектом или группой диалектов).

Так, германские языки (в соответствии с фонетическим законом, фиксирующим так называемое первое, или германское, передвижение согласных) заменили исконные индоевропейские звонкие смычные d , g в начале слов их глухими соответствиями (лат. duo, русск. два, гот. twai, англ. two). Верхненемецкий, в котором действовал фонетический закон, касающийся второго, или верхненемецкого, передвижения согласных, заменил германские начальные p , t , k аффрикатами pf , ts , kx , но эти звуковые изменения, зародившиеся в южнонемецком, в неравной степени распространились на более северные территории верхнемецкой языковой области и не затронули нижнемецкую языковую область.

* Действие звукового закона ограничено определёнными временными рамками. Так, в русском языке замена гласной фонемы /o/ в безударной позиции фонемой /a/ подчиняется действующему (или живому) звуковому закону. Точно так же замена звонких согласных в абсолютном исходе слова соответствующими глухими - это проявление живого звукового закона. В языковой системе мы обнаруживаем соответственно живые межфонемные чередования: /o/ ~ /a/; /d/ ~ /t/ и т.д.

А вот замена фонемы /g/ (друга) фонемой /Z/ (дружить, дружба) или же фонемой /z'/ (друзья) находит объяснение в исторических, ныне уже не действующих звуковых

законах. Их свидетельствами оказываются исторические (или традиционные) межфонемные чередования.

* Наличие исключений из звуковых законов может объясняться заимствованиями из другого языка (или диалекта) в тот период, когда соответствующий закон перестал быть действующим.

Поэтому, например, русское слово князь и его эквиваленты в других славянских языках имеют нач

Процессы номинации и лексические единицы языка

В языке взаимодействуют две сферы, одна из которых представляет собой план выражения (план манифестации), а другая - план содержания.

Средства плана выражения обеспечивают манифестацию знаковых единиц, соотносящихся с элементами человеческого опыта. Структуру плана выражения изучает фонология. К фонологическим (одноплановым по своему характеру единицам) близки двухплановые грамматологические, или графические, единицы, имеющие своими денотатами (если не принимать во внимание идеографию) слова, морфемы, слоги и фонемы (отдельные звуки). Но по своей функции графемы тоже скорее являются манифестационными средствами.

Плану содержания принадлежат смысловые единицы и конструкции. Структуру плана содержания изучает прежде всего семантика, а также прагматика.

Лингвистика может начинать описание языковой системы с её плана выражения и переходя от него к плану содержания (см. раздел 1.06). Между смысловым и звуковым планами располагается трансляционный план. Его средства, изучаемые лексикологией, синтаксисом и морфологией, обеспечивают кодирование значений посредством звуков (или графем) и переход от звуков (или графем) к значениям. Лексические единицы (лексемы), морфемы и синтаксические образования имеют двухплановое строение.

Говорящий (и пишущий) имеет дело прежде всего со смысловым планом, а слушающий (читающий) - с манифестационным планом.

ГОВОРЯЩИЙ / ПИШУЩИЙ -----Высказывание----- СЛУШАЮЩИЙ / ЧИТАЮЩИЙ

Сфера смыслов -----	Трансляционный план-----	Сфера звуков / графем
Семантика	Лексикология	Фонология
Прагматика	Синтаксис	Грамматология
	Морфология	

Для говорящего целью является построение осмысленного высказывания как целостной коммуникативной единицы. В процессе его порождения важную роль играют акты номинации. При осуществлении этих актов язык использует уже имеющиеся или создаёт новые номинативные единицы, посредством которых именуется реалии, представляющие собой как отдельные элементы опыта (физические объекты, одушевлённые существа, люди, признаки предметов, отношения между предметами), так и целые события, факты, состояния дел, ситуации,

выделенные в актах мышления и запечатлённые в сознании в качестве концептов и когнитивных структур (см. раздел 1.05).

Мышление и сознание расчленяют потоки информации, поступающей в мозг извне и распределяют её определённым образом по различным категориям, осуществляют, иными словами, категоризацию действительности. Язык, связанный с мышлением и сознанием, тоже по-своему участвует в процессах категоризации мира.

Отсюда и различия, например, в номенклатурах имён. Так, рус. слову рука соответствуют в нем. Hand (для нижней части руки, кисти) и Arm (для остальной части руки, от плеча до кисти), соответственно в англ. hand и arm, нидерл. hand и arm, швед. arm(en) и hand(en), фр. main и bras, исп. mano и brazo, португ. mão и braca, итал. braccio и mano.

Преувеличивать категоризирующую роль языка, как это делали Эдвард Сепир и в особенности его ученик Бенджамин Л. Уорф, выдвинувшие гипотезу языковой относительности, не стоит, но и не считаться с языковыми различиями в процессах номинации явлений мира (особенно лицам, изучающим разные языки), невозможно.

Языковой репрезентации отдельных, относительно простых составляющих целостных событий служат элементные номинации (слова, фразеологизмы, а также непредикативные словосочетания атрибутивного характера). Природу таких номинативных единиц, как слова и фразеологизмы, изучает лексикология (а именно лексическая семантика).

Реальные и вымышленные ситуации как ансамбли взаимосвязанных элементов репрезентируются событийными, или пропозитивными, или предикативными, номинациями (а именно предложениями, а также текстами). Взаимоотношению между ситуациями и предложениями изучаются в синтаксисе (а именно в синтаксической семантике).

Связь некоего элементарного или сложного явления действительности (реалии) и именуемого его языкового знака (как лексического, так и синтаксического) можно представить следующей схемой: Реалия --- Языковой знак.

Именно это отношение выражалось дошедшей до нас средневековой формулой знака *Aliquid stat pro aliquo* 'Что-то стоит вместо чего-то (другого)'. В теории номинации и семантике это отношение может изучаться в двух направлениях:

от именуемой реалии к её номинации (Реалия --> Наименование); такой подход лежит в основе ономазиологии;

от наименования к называемой ею реалии (Реалия <-- Наименование); данный подход характерен для семасиологии.

Но отношение реалии и знака не существует само по себе, оно устанавливается человеком, в сознании которого связь реалии и знака опосредствуется неким психическим образованием (представлением, понятием, суждением, пропозицией). Поэтому часто отношения между обозначаемым предметом, знаком и понятием (или пропозицией) представляют в виду так наз. семантического (или семиотического) треугольника, помещая понятие в верхний угол и связывая знак и обозначаемый объект прерывистой линией (связь, которая в действительности опосредована

понятием), а объект и понятие (или суждение о нём), а также понятие (суждение) и знак соединяя сплошными линиями.

Отношение знака к понятию (и суждению) нередко именуют сигнификацией (т.е. значением), а отношение знака к реалии (и денотату) - денотацией.

Однако фактически отношения между составляющими знаковой ситуации имеют более сложный характер. Их можно представить в виде следующей цепочки:

Реалия --> Денотат --> Понятие (Суждение) --> {Сигнификат --> Сигнификант}

Реалия имеет своим соответствием денотат, т.е. не сам предмет по себе, а совокупность свойств всех однородных реалий, которые и определяют выбор данной номинации (наименования). Под один и тот же денотат может быть подведено множество (класс) близких реалий. Денотату в соответствие может быть поставлено понятие (концепт) как абстрактное, схематическое отображение наиболее существенных признаков класса денотатов. Понятию в соответствие ставится языковой знак (см. раздел 1.03), образуемый сигнификатом (означаемым) и сигнификантом (означающим, экспонентом). Сигнификат языкового знака вбирает в себя из денотата (и понятия) только то, что коммуникативно значимо для данного языка.

В структуру сигнификата, помимо объективных по своему характеру денотативно (и концептуально) ориентированных составляющих (т.е. концептуального ядра), могут войти большей частью субъективные составляющие экспрессивно-эмоционального, а также стилистического характера (так называемые коннотации; их наличие в сигнификатах слов словарями обычно указывается в виде помет бранное, высокое, ироническое, книжное, ласкательное, неодобрительное, официальное, презрительное, пренебрежительно, просторечное, разговорное, специальное, уничижительное, шутливое). См. схему:

Сигнификат { +	Концептуальное ядро
	Коннотации

Акты номинации осуществляются в рамках индивидуальных актов языковой деятельности. Их результаты могут стать достоянием общего для говорящих на этом языке узуса, соответствующей языковой нормы и, в конечном итоге, языковой системы.

Лексические номинативные единицы, возникающие в результате обозначения "кусочков" действительности, служат строительным материалом для предложения как единицы, предназначенной для описания сложного фрагмента действительности. В соответствии со своими номинативными особенностями они берут на себя в предложении различные функции.

Главенствуют знаменательные слова, а именно назывные слова (существительные, глаголы, прилагательные, наречия, числительные, так наз. предикативы, или слова

категории состояния), а также близко к ним стоящие местоимённо-указательные, или дейктические, слова). К ним примыкают модальные слова.

Знаменательным и модальным словам противостоят служебные слова, номинативный потенциал которых менее очевиден. Они либо именуют реально имеющие место отношения между элементами ситуаций (предлоги, послелоги, союзы, связки), либо указывают на характер отношения говорящего к описываемому явлению или к самому акту высказывания (частицы и, в определённой степени, модальные слова), либо характеризуют их принадлежность к определённым грамматическим классам и подклассам (артикли, вспомогательные глаголы).

Среди знаменательных слов одни (существительные как предметные слова) обеспечивают идентификацию наблюдаемых в природе предметов и живых существ, масс вещества, созданных человеком предметов (артефактов), человеческих общностей, социальных институтов и отношений и т.п. (куст, трава, камень, собака, человек, песок, вода, стол, компьютер, племя, партия, население, государство, армия).

Другие же противостоят существительным как предикатные (или признаковые) слова. Среди них главенствующая роль в приписывании (предикировании) тех или иных характеристик (предикатов) "предметам" или их признакам принадлежит собственно глаголам. Финитный (личный) глагол участвует в акте предикации, создавая вместе с именем предложение как пропозитивный знак. Далее, к предикатным словам относятся прилагательные, наречия, вербоиды (неличные формы глагола), а также отглагольные существительные (выступление писателя <-- писатель выступает) и вообще абстрактные существительные. Для предикатных слов характерно наличие валентностей, открывающих синтаксические позиции для имён носителей признака.

Между предикатными и предметными словами располагаются наименования лиц, характеризующие либо их функцию, либо их отношение к другим лицам или предметам (учитель <-- тот, кто учит; хозяин (дома) <-- тот, кто владеет (домом); землевладелец <-- тот, кто владеет землёй).

Воздействие прагматических факторов на акт номинации проявляется в выборе таких имён, как личико, мордочка, мордашка, солнышко, малюсенький, плюгавый, главарь и т.п.

Лексический фонд любого языка содержит возникшие в результате так называемой первичной номинации первообразные имена типа небо, река, море, берёза, жить, сестра, мать.

Такие слова возникли в далёком прошлом и не осознаются, например, носителями современного русского языка как производные, мотивированные. Их источники могут быть иногда раскрыты благодаря этимологическому анализу.

Так, рус. слово река, генетически родственное ст.-слав. рЕка (Е как знак для буквы ять), укр. ріка, болг. река, сербскохорв. ријека, словен. гека, словац. ріека, пол. rzeka, н.-луж. и в.-луж. гека, полаб. гека (диакритические знаки здесь вынужденно опущены), через общеслав. *rЕка и на основе сравнения с др.-инд. rāyas 'течение, ток', riyate

'двигается, начинает течь', ritis 'ток, бег', retas 'течение', rinas 'текущий', галльск. Renis 'Рейн', ср.-ирл. rian 'река, дорога', лат. rivus 'ручей, канава', др.-ирл. riathor 'бурный поток', алб. rite 'влажный, мокрый', др.-англ. riD 'ручей, река', англ. диал. rithe и ср.-нж.-нем. rin 'ток воды' может быть возведено к праиндоевропейскому языковому состоянию.

Во многих других случаях (при так называемой вторичной номинации) мотивировка наименования (и, соответственно, внутренняя форма слова) осознаётся носителями языка. Так, носители рус. языка достаточно уверенно возводят слова кукушка и куковать к звукоподражательному ку-ку; то же справедливо по отношению к словам типа жужжать и жук, мяукать, мычать и т.д.

В нем. есть слово Draht 'провода, провод'. Когда были изобретены первые телеграфные аппараты, сообщения передавались от одного аппарата к другому по проводам. Отсюда глагол drahten 'телеграфировать (букв. передавать по проводам)'. Осознаётся внутренняя форма рус. слова подснежник (букв. вырастающий из-под снега). Французы осознают внутреннюю форму слова cache-nez (букв. 'прячь нос').

Мотивировка производных и сложных слов может осознаваться благодаря знанию значений деривационной базы и деривационного показателя; ср. факультетский <-- факультет- + -ск-(со значением 'относящийся к факультету'); дружить и дружба <-- друг; англ. housewife 'домашняя хозяйка' <-- (a) house 'дом' + (a) wife 'жена, женщина'.

Подсказывать мотивировку может наличие связей между исходным и производным значениями слова в разных его семантических вариантах. Ср. фр. de fer '1) железный, сделанный из железа' --> '2) жестокий, непреклонный'; англ. green '1) зелёный, зелёного цвета' --> '2) незрелый, неспелый (о фруктах)' --> '3) неопытный, новый, необученный (о новичках, новобранцах)'.

Но с течением времени мотивировка может стираться и более не осознаваться носителями языка. Так, большинство русских уже не осознают этимологическую связь слов око и окно, городить и жердь, коса и чесать, городить и город. Обычно не осознаётся связь однокорневых слов, пришедших в русский язык разными путями: студент, студия и штудировать; мастер, магистр, мэтр, мэр.

В ряде случаев может быть предложена своя, не отвечающая реальным связям мотивировка (так называемая ложная, или народная, этимология), сопровождаемая преобразованием облика слова: пиджак --> спинжак (потому что надевают на спину), бульвар --> гульвар (место, где гуляют), гувернантка --> гувернянька, микроскоп --> мелкоскоп (для рассматривания маленьких предметов).

Одним из источников пополнения лексикона является образование фразеологизмов, т.е. многословных образований, ставших в силу частичного или полного переосмысления значений их компонентов целостными воспроизводимыми, инвентарными языковыми единицами и по своему номинативному статусу равными отдельному слову.

Наличие мотивировки может наблюдаться во фразеологизмах, относящихся, по В.В. Виноградову, к так называемым фразеологическим единствам. Так, она хорошо ощущается носителями русского языка при восприятии фразем (фразеологизмов со сдвигом значения лишь в одном компоненте) типа письменный стол, холодное оружие и при восприятии идиом (фразеологизмов с общим переосмыслением всех компонентов) типа сесть за один стол, держать камень за пазухой, белый уголь. И напротив, она утрачена в так называемых фразеологических сращениях, а именно во фраземах типа дело табак и в идиомах типа чёрта с два, куда ни шло, очертя голову.

Пополнению инвентаря номинативных лексических единиц служит также заимствование из разных языков.

Классификация лексических номинативных единиц как единиц словаря прежде всего опирается на специфику их лексических значений, характер связей лексических значений со своими означающими и особенности их системной организации.

Лексические значения лексем и фразеологизмов (в данном курсе они будут именоваться семантемами) сгруппированы в семантическом компоненте языковой системы. Это односторонние, т.е. незнаковые, единицы языка, так же как и означаемые граммем (собственно морфологических знаков) и означаемые дериватем (словообразующих знаков). Они не наблюдаемы в прямом опыте, и о них приходится судить лишь по поведению слов и фразеологизмов.

Принципы лексемного анализа

Термин лексемный анализ введён здесь по аналогии с термином морфемный анализ, чтобы показать значительное сходство процедур в исследовательской работе с морфемами и словами как основными единицами морфологического уровня языка и вместе с тем обратить внимание на имеющиеся различия, связанные с тем, что слово одновременно принадлежит и морфологическому, и номинативному (лексическому) компоненту языковой системы.

Основные цели лексемного анализа заключаются в следующем:

сегментация высказывания на отрезки (лексы), которые соотносимы со словами (лексемами) как абстрактными, инвариантными единицами языковой системы, являясь их актуальными предшественниками в высказывании;

установление лексемного статуса выделенных лексов, т.е. определение того, какую лексему этот лекс репрезентирует, относятся ли два сравниваемых лекса к одной лексеме или являются реализациями (аллолексами) двух разных лексем;

инвентаризация лексем;

выявление принадлежности этих лексем к различным формальным и семантическим классам.

Трудности лексемного анализа обуславливаются тем, что слово является одновременно и лексической, и грамматической единицей, в соответствии с чем

в лексиконе языка оно может быть охарактеризовано как класс носителей лексических значений (семантем), или как класс (в другой терминологии) лексико-семантических вариантов (ЛСВ),

а в морфологической системе как класс грамматических видоизменений (словоформ). При линейной репрезентации высказывания оно может выступать как последовательность слов вообще (лексем), как последовательность семантем, как последовательность словоформ.

В силу этого речевой представитель слова оказывается соотнесён с одной из семантем, лексико-семантических вариантов (носителем определённой семантемы),

с одним из морфологических формообразующих вариантов (словоформой как носителем грамматического значения).

Установить однозначно линейные границы слова (вернее, лекса как его речевой реализации) чрезвычайно трудно. Эти границы задаются системой соответствующего языка и определяются далеко неодинаково при использовании разных универсальных критериев.

Критериями делимитации (разграничения) слов могут быть:

Графический (орфографический) признак:

В этом случае говорится о графическом слове. Предполагается, что данное слово на письме отграничивается от предшествующего и последующего слов пробелами, но не содержит пробела внутри себя. Возражения: 1) Не все языки имеют письменность. 2) В ряде систем графики (например, в китайской) пробелы между иероглифами или группами иероглифов не используются. 3) Орфография во многих языках очень непоследовательна; ср., например, раздельное написание целостных слов: в открытую, во избежание.

Фонетические признаки:

В этом случае говорится о фонетическом (или фонологическом) слове. Его границы и границы графического слова могут не совпадать. Ниже характеризуются лишь некоторые из фонетических признаков.

Наличие гортанной смычки в начале слов. Признак не абсолютен. Так, нем. слово может иметь гортанную смычку в начале (das Eis [ʔ aIs] 'лёд'), но тот же признак может сигнализировать границу между префиксом и корнем (ver[ʔ aIz]en 'оледенеть').

Наличие одной акцентной вершины в слове. Возражения:

1) В слове может быть более одного ударения: трин"адцатиэт"ажный.

2) Слово может быть неударным и примыкать в качестве проклитики к последующему или в качестве энклитики к предыдущему слову, входя в структуру так называемого акцентного слова: на_ст"ол, н"а_пол, ст"ал_бы.

3) Язык может не принадлежать к числу акцентных, как, например, французский. Здесь одно синтагматическое (и фразовое) ударение может объединить в единое акцентное целое большую группу слов: Je_ne_le_lui_ai_jamais_dit 'Я этого ему никогда не говорил'.

Собственно говоря, в языках со свободным и подвижным словесным ударением количество акцентных вершин может свидетельствовать лишь о числе слов (практически знаменательных), но не о начальных или конечных их границах, и только в языках с неподвижным начальным или конечным ударением могут быть определены соответствующие границы слов.

Наличие в слове гармонии гласных (например, в финно-угорских или тюркских языках). Но в венгерском языке гармония гласных не охватывает составляющих сложных слов: *Vuda-pest*. И к тому же явление гармонии гласных не сигнализирует межсловных границ.

Морфологические признаки:

Цельнооформленность слова (наличие единого показателя грамматической формы). На основе этого признака иван-чай признаётся одним словом (ср. иван-чая), а диван-кровать придётся рассматривать как сочетание двух слов (ср. дивана-кровати). Во фр. показатель мн. ч. может появиться и внутри: *bonhomme* 'добряк' --> мн. ч. *bonshommes*, что противоречит ощущению целостности данного слова. Англ. *silver spoons* 'серебряные ложки' имеет единый показатель мн. ч., но вряд ли это образование можно признать единым словом. Межсловные границы этим признаком не сигнализируются.

Синтаксические признаки:

Способность слова (в отличие от морфемы) самостоятельно вступать в синтаксические связи; ср. англ. *stone wall* 'каменная стена' --> *stone-of-Carrara-wall* 'стена из каррарского камня'; *button shoes* 'туфли с пуговицами' --> *red-button shoes* 'туфли с красными пуговицами'.

Способность выступать в качестве минимума предложения.

Возражение: служебные слова тогда оказываются исключёнными из корпуса слов.

Способность выступать в роли члена предложения.

Возражение: из числа слов опять-таки исключаются служебные.

Возможность вставить слово между двумя словами (и вытекающая отсюда непроницаемость слова, невозможность вставить внутрь него другое слово): На лекцию пришли все. --> На эту лекцию пришли все. Контрпримеры:

В португ. между основой глагола и окончанием буд. времени может быть вставлено личное местоимение (*dar-ei* 'дать - 1 л. ед. ч. будущего времени' --> *dar-vos-ei* '(я) вам дам').

В нем. так называемая отделяемая приставка наречного происхождения (собственно говоря, наречный компонент сложного глагола) не только может отрываться от глагольного компонента, но и допускает вставление слова или словосочетания между обоими компонентами: *aufstehen* 'вставать' --> *ich stehe auf* 'я встаю' --> *ich stehe um sechs Uhr auf* 'я встаю в шесть часов'. Такой глагол ведёт себя то как цельнооформленное сложное слово, то как сочетание двух слов, часто обладающее свойствами фразеологизма.

Ср., далее, рус. никем --> ни с кем.

Можно предложить различение слов синтагматических и парадигматических. Так, *stehe auf* представляет собой два синтагматических слова, *aufstehen* - одно синтагматическое слово, парадигматически же (т.е. в системе языка) мы имеем дело с одним словом. Таким же образом могут трактоваться так называемые аналитические формы слов (англ. *am writing* 'пишу', нем. *wird kommen* 'придёт', фр. *ai dit* 'сказал') и так называемые аналитические слова (англ. *pride oneself* 'гордиться', нем. *sich erholen* 'отдыхать', фр. *s'enfuir* 'убегать'): парадигматически каждая из этих единиц представляет собой целостное слово, синтагматически же каждая представлена двумя или более словами.

Признак непроницаемости слова, таким образом, не позволяет однозначно установить ни линейные словесные границы, ни количество слов. И контрпримеры из многих

языков поневоле побуждают к допущению даже такой "еретической" мысли, что слова всё-таки членимы, что они обладают свойством "разрывности".

Позиционный признак: переместимость слов внутри предложения: Профессор читает лекцию. --> Профессор лекцию читает. --> Читает профессор лекцию. --> Читает лекцию профессор. --> Лекцию профессор читает. --> Лекцию читает профессор.

Возражение:

Перемещаются при перестановках собственно не всякие слова как таковые, а слова как носители синтаксических функций членов предложения (синтаксемы), т.е.

знаменательные слова в сочетании с служебными. Ср. (здесь звёздочка * обозначает неграмматичность соответствующей конструкции): На лекцию пришли все. --> * На пришли лекцию все. --> * На все пришли лекцию... (служебные слова "не обладают правом" на свободное перемещение). Правда, линейные границы во многих случаях благодаря этому признаку определяются однозначно.

Семантический признак:

Идиоматичность слова, что можно понимать тройко: 1) Идиоэтничность данного слова, принадлежность его именно данному языку и невозможность его точного, адекватного перевода на другие языки. 2) Немотивированность данного слова, невозможность установить его этимологическое значение. 3) Наличие целостного, "идиоматического" значения у слова, несводимость этого значения к сумме значений элементов, составляющих слово. Возражение по последнему пункту:

Значение нем. сложного существительного Sprachwissenschaft 'языкознание, наука о языке' вполне выводимо из значений частей этого композита: Sprache 'язык' + Wissenschaft 'наука' = 'наука о языке'. Данный критерий опять-таки не указывает на сами словесные границы и не может с достаточной достоверностью свидетельствовать о количестве лексемных сегментов в том или ином речевом фрагменте.

Итак, ни один из рассмотренных здесь критериев сегментации речи на лексемные сегменты (лексмы) не обладает достаточной диагностирующей силой, не оказывается абсолютным. Относительной большей надёжностью в установлении границ между словами в речи обладает признак позиционной подвижности. Остальные же признаки скорее могут служить приблизительному определению того, сколько слов содержится в анализируемом речевом отрезке.

Некоторые учёные, опираясь скорее на соображения педагогического, нежели научного порядка, стремятся во что бы то ни стало найти определение слова. Они выражают неудовольствие по поводу того, что Л.В. Щерба мог говорить и в лекциях в студенческой аудитории, и в научных публикациях, что он не знает, что такое слово. Этот выдающийся исследователь подчёркивал, что в каждом конкретном языке слово характеризуется своими особенностями и что нужно обращаться ко множеству самых разных и самых экзотичных языков, а не только европейских. Э. Сепир ещё в 1921 г. в своём учебнике "Язык. Введение в изучение речи" (см. его: Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993) смог убедительно показать на материале множества языков (и особенно америндских) трудности отграничения слова от смежных явлений.

Как при фонемной и морфемной сегментации, так и при сегментации высказывания на слова следует принять положение о том, что и "остатки", обнаруженные в результате лексемной сегментации, квалифицируются тоже как представители слов (ср.: радиопередача, где и радио, и передача способны функционировать самостоятельно;

русско-английский словарь, где русско- придётся, хотя с натяжкой, приравнять по своему статусу лексу английский).

На этапе лексемной идентификации могут использоваться, как и в морфемном анализе, приёмы дистрибутивного анализа, и тоже с учётом двухсторонней природы слова. Поэтому первым условием лексемного анализа при сопоставлении двух выделенных в высказывании лексов является требование наличия у них:

тождественного лексического значения (или, во всяком случае, наличия у них лексических значений, связи между которыми могут рассматриваться как следствие процессов образования новых, производных значений; ср. стол¹ 'предмет мебели' и стол² 'пища, еда, съестное'). В противном случае приходится говорить о том или ином типе омонимии слов; ср. лук^I 'растение' и лук^{II} 'оружие' ;

тождественного грамматического значения (а вместе с тождеством формального показателя и соответствующей граммемы) или комплекса грамматических значений (иначе нужно фиксировать наличие омонимичных словоформ; ср. стол-# 'сущ., им. п. ед. ч.' и стол-# 'сущ., вин. п. ед. ч.').

Критерий дополнительной дистрибуции предполагает, что два лекса, если они относятся к одной лексеме на правах её аллолексов, не могут употребляться в одинаковом окружении. Примерами этому могут служить только что приведённые иллюстрации: лексы, репрезентирующие два лексико-семантических варианта слова стол (Стол стоял у стены. - В санатории богатый стол); лексы, представляющие две словоформы слова стол (Стол стоял у стены. - Он подвинул стол к стене).

Среди семантических вариантов одной лексемы один может быть признан основным. Точно так же среди морфологических формообразующих вариантов один выделяется как основной.

Критерий свободного варьирования предполагает, что два лекса могут встречаться в одном окружении, не выступая при этом представителями разных лексем. При этом наблюдаются факультативные варианты разного вида; ср. кОмпас - компАс, свеклА - свЁкла, тоннель - туннель, лиса - лисица, картофель - картошка, кафе - кафешка. Между такими вариантами имеют место различия по стилю, принадлежности к литературному языку либо к просторечию и т.п.

При этом между экспонентами этих вариантов сохраняется частичное фонемное сходство. Иначе пришлось бы говорить о синонимах различного рода (умный - сообразительный, валенки - пимы, петух - кочет). Факультативными вариантами словоформы являются нем. формы слова Tag 'день' в дат. п. ед. ч.: (dem) Tag-# - (dem) Tag-e.

Классификация слов может осуществляться на основании множества разнообразных формальных и семантических признаков. Это различие слов ударных и безударных, односложных и многосложных, одноморфемных и многоморфемных, знаменательных и служебных, однозначных и многозначных, одноформенных (неизменяемых) и многоформенных (изменяемых), простых и производных и т.п.

Для лексической семантики существенна принадлежность слова к определённому синонимическому и антонимическому ряду, тематическому и лексико-семантическому полю и т.п.

Для грамматики и вообще для лингвистического анализа особое значение имеет классификация по частям речи.

Полисемия слова и омонимия слов

Познавая мир, выделяя в нём относительно целостные ансамбли элементов (ситуации, положения дел) и отдельные входящие в них элементы, отражая их в своём сознании и образуя языковые номинации, люди имеют дело с неизмеримым множеством явлений мира и своих восприятий этих явлений. Язык же в принципе стремится к конечности числа своих элементарных знаковых единиц (слов, морфем) и используемых при создании конструктивных знаковых единиц (словосочетаний, предложений, текстов) синтаксических способов "упаковки" передаваемой информации.

Бесконечность выделяемых при познании мира элементов опыта (предметов, их свойств, состояний, действий, отношений) при необходимости их номинации предполагает использование ряда номинативных способов. Это:

создание новых (как правило, производных и сложных) слов, фразеологизация сочетаний слов, т.е. употребление таких словочетаний как не конструктивных, а элементных, семантически нечленимых номинативных единиц, заимствование слов из других (родственных и неродственных) языков, а также использование тропов, т.е. употребление уже наличных слов в новых для них значениях, переносное употребление слов. Механизм тропов позволяет существенно увеличить номинативные ресурсы языка, сделать их поистине неисчерпаемыми. Ни один естественный человеческий язык не может успешно функционировать при отсутствии этого механизма. К тропам, в принципе, не обращаются искусственные языки логики и математики, языки программирования и т.п.

Многозначность (полисемичность) присуща как словам, так и морфемам (и корневым, и аффиксальным), она присуща также и конструктивным объектам (словосочетаниям, предложениям, текстам). Многозначность характеризует подавляющее большинство слов (и знаменательных, и служебных), в чём легко можно убедиться, открыв толковый словарь любого языка.

Возьмём рус. слово кружить. В числе его значений (семантем) могут быть указаны:

1. 'Заставлять что-либо, кого-либо двигаться по кругу, сообщать чему-либо кругообразное движение': Он плавно кружил её в танце.
2. 'Делать, описывать круги на лету'. = Одно из значений слова кружиться: Над нами в небе кружит ястреб.
3. 'Двигаться извилистым путём, часто меняя направление, блуждая, плутая в поисках чего-либо': Мы долго кружили по городу || 'Делать многочисленные повороты, изгибы (дороге, тропинке)': Тропа в лесу часто кружит и делает мелкие извилины.
4. 'Взметать снег, пыль и т.д. (о вьюге, метели и т.п.); мети': На улице снова кружила метель.

Набор значений одного и того же слова в работах В.В. Виноградова и его последователей называется семантической структурой слова. Отдельные составляющие семантической структуры слов А.И. Смирницкий называл лексико-семантическими вариантами (ЛСВ), Ю.С. Маслов говорил о семантических вариантах слова, В.А. Звегинцев предлагал термин моносема. Л.В. Щерба различал слова вообще и слова-понятия, имея в виду однозначные слова. Следуя ему, можно говорить, что в лексикон языка входят концепты (слова-понятия) и лексемы, считая последние совокупностями концептов.

Можно выстроить следующую цепочку понятий, исходя из того что реалии принадлежат предметному миру, концепты познавательной сфере, а значения (семантемы) семантическому компоненту языковой системы: реалии --> денотат --> концепт --> семантема.

Слово как носитель отдельного значения (моносемичное слово) будет здесь дальше именоваться концептом, а слово как единица лексикона, независимо от числа выражаемых им отдельных значений (как полисемичное, так и моносемичное слово), - лексемой. Одна лексема может быть реализована одной или несколькими концептами.

Каждый язык индивидуален, неповторим в том, что касается конкретного состава его элементарных знаков. Слова разных языков, относящиеся к одному и тому же денотату (именуемому предмету или классу однородных предметов), отличаются друг от друга наборами своих значений.

Возьмём др.-греч. слово *kosmos*. Оно восходит к глаголу *kosmeo* 'украшаю; привожу в порядок, устраиваю, ставлю в строй'. Существительное имеет следующие значения: 1. 'Украшение, наряд'. 2. а) 'Порядок'. б) 'Государственный порядок, государственное устройство'. в) 'Устройство, строение'. 3. 'Мир, вселенная; небо' 4. 'Мирские и земные дела'.

Латин. язык, заимствуя это слово из греч. в форме *cosmos*, сохраняет по существу производное значение 'мир, вселенная' (латин. синоним *mundus*). Остальные значения греч. прототипа закрепляются за другими словами.

То же наблюдается во фр. (*le cosmos = le monde*), в нем. (*Kosmos = Weltraum, Weltall*), в рус. (космос, вселенная).

Англ. слово *cosmos* имеет значения: 1. 'Космос, вселенная'. 2. 'Упорядоченная система, гармония'. 3. бот. 'Космос (*Cosmos gen.*)'.

Любопытно, что в греч. от глагола *kosmeo* образованы разные прилагательные: *kosmetike* 'имеющий отношение к украшательству' (*technē kosmetike* 'искусство украшать') и *kosmikos* 'космический, вселенский'. Подобные пары прилагательных мы находим во многих др. языках: рус. косметический и космический, фр. *cosmétique* и *cosmique*, нем. *kosmetisch* и *kosmisch*, англ. *cosmetic / cosmetical* и *cosmic / cosmical*.

Следует напомнить некоторые положения общей теории знака. Слово представляет собой типичный языковой знак, в котором взаимосвязаны означаемое (сигнификат, содержание) и означающее (сигнификант, выражение, экспонент).

Знак в целом соотносим с денотатом (т.е. выделенным для наименования отдельным предметом, свойством или отношением, действием или состоянием либо же классом

предметов и т.д.). Отношение к денотату именуется денотацией, или предметной отнесённостью. Внутризнаковое отношение означающего к означаемому называется сигнификацией, т.е. означиванием (фр. signification и англ. signification часто переводятся на рус. язык словом значение). Если в сигнификате выделяется в качестве ядра понятие, или концепт, окружённый коннотациями разного рода, то можно говорить о понятийном, или концептуальном, значении, знака.

Означаемым слова является семантема (или - в иной терминологии - семема, лексическое значение) как единица семантического компонента языковой системы. Для однозначного слова характерно наличие единственной семантемы (Лексема <--> Семантема), многозначные слова соотносятся с двумя, тремя или большим числом семантем (Лексема <--> Семантема1, Семантема2, ... Семантеман). Между семантемами как означаемыми одного слова обязательна связь, предполагающая возможность мотивировать одну (производную) семантему на основе другой (исходной) семантемы (Семантема1 --> Семантема2). В противном случае приходится говорить об омонимии, т.е. о противопоставлении двух или большего числа лексем (Лексема1 <--> Семантема1, Лексема2 <--> Семантема2), семантемы которых не находятся в отношении мотивируемости одна другой.

Связь между семантемами, являющимися означаемыми многозначного слова, определяется действием двух ассоциативных механизмов.

В одном случае образование производного значения (производной семантемы) обуславливается действием парадигматического механизма ассоциаций по сходству. Так возникают метафоры - семантически производные наименования по преимуществу с характеризующей функцией. Поэтому метафорическими чаще оказываются наименования, которые употребляются в предикатных (признаковых) позициях. Метафорическое и неметафорическое наименования легко заменяют друг друга в одном контексте: У неё золотой / прекрасный / замечательный / добрый / ангельский / кроткий / ласковый / мягкий / нежный характер.

В другом случае образование производной семантемы объясняется действием синтагматического механизма ассоциаций по смежности. Так возникают метонимии - семантически производные наименования по преимуществу с идентифицирующей функцией. Поэтому метонимические наименования чаще встречаются в предметных позициях. Взаимозамена метонимических и неметонимических наименований предполагает преобразование контекста: Я читаю Пушкина <--> Я читаю произведения Пушкина; Аудитория была переполнена <--> Аудитория тепло встретила писателя.

Характеризующая функция метафор наиболее явно проявляется у глаголов (Время бежит; Мысли текут; Совесть грызёт; Студент провалился на экзамене), у прилагательных (колючий ответ, дерзкий взгляд, золотой характер, тупая боль, тупой ученик, острый ум, деревянные рубли), но она может наличествовать и у существительных (отец народа, баловень судьбы, море слёз, брильянты росы, тростники мачт, Собакевич был настоящий медведь). Идентифицирующая функция

наблюдается у именных образований в таких случаях, как рукав реки, ножка стола, спинка стула, городской голова, газетная полоса.

Наблюдаются следующие виды метонимических наименований:

действие --> его результат: номинация 'процесс наименования' --> 'имя, наименование';
вместилище, объём содержимого --> содержимое: блюдо 'большая тарелка' -- 'еда';
материал --> изделие из него: медь 'металл' --> 'медные деньги';
деревня, город, регион, страна --> жители (Вся Тверь с нетерпением ожидала этого события);

организация, учреждение --> совокупность сотрудников (Весь университет говорит об этом);

форма выражения содержания --> само содержание: книга 'полиграфическое изделие' (толстая книга) --> 'содержание' (интересная книга);

отрасль знания, наука --> изучаемый объект: грамматика 'наука о грамматическом строе языка' --> 'сам грамматический строй языка';

целое --> часть: груша 'дерево' --> 'плод';

часть --> целое (синекдоха): человек в шляпе --> шляпа;

имя автора --> его проиведение: любоваться Рембрандтом, слушать Моцарта, читать Гумбольдта.

От полисемии языковых и речевых знаков следует отличать омонимию знаков.

Омонимичные знаки имеют совпадающие экспоненты (или звуковые, или графические, или и те, и другие). Между семантемами омонимичных слов отсутствует связь, которая могла бы свидетельствовать об отношении семантической мотивированности.

Источниками слов-омонимов являются:

совпадение экспонентов слов, различных в прошлом по звучанию: так, слова лук (растение) и лук (оружие), второе слово характеризуется переходом носовое о > у; разные пути происхождения исконных слов: шип (< шипеть; звукоподражательное) и шип (розы);

образование омонимичных слов от одной и той же деривационной основы в разное время: ветрянка ('оспа') и ветрянка ('ветряная мельница');

появление рядом с исконным словом заимствованного слова: брак ('женитьба'; от глагола брать) и брак ('изъян'; от нем. brechen 'ломать' в нижненем. форме);

заимствования слов из разных источников: рейд ('место стоянки кораблей'; из нидерл) и рейд ('военный набег в тыл противника'; из англ.);

распад полисемии слова: свет ('лучистая энергия') и свет ('мир, вселенная').

Формальные критерии разграничения полисемии и омонимии (разные словообразовательные потенции и разные синтаксические функции омонимичных слов) весьма зыбки. Примеры не свидетельствуют о наличии достаточно регулярных различий, например, типа языковой (языковое общение) и языковый (языковая колбаса).

Омонимия может быть полной и частичной. В последнем случае совпадают не все словоформы омонимичных слов, Поэтому говорят об омоформах: стих (глагол стихать в прош. вр.) и стих ('стихотворение', сущ. в им. п. ед. ч.); три (числ.) и три (глагол тереть в повелит. накл.).

Иногда выделяют также омографы (слова с одинаковым графическим экспонентом, но неодинаковым звуковым экспонентом): мука (с ударением на первом слоге) и мука (с ударением на втором слоге); англ. lead [led] 'свинец' и lead [li:d] 'вести'.

В отличие от них омофоны различаются в написании, но произносятся одинаково: костный и косный, пруд и прут (в отдельных словоформах), англ. write 'писать' и right 'правый'.

Полисемия и омонимия являются свидетельствами о так называемой асимметрии сторон знака и о наличии относительной свободы у тесно взаимосвязанных означаемых и означающих: обе эти стороны как бы скользят относительно друг друга. При синонимии могут использоваться разные означающие для одного означаемого (языкознание, языковедение, лингвистика), при полисемии и омонимии одному и тому же (или одинаковым) означающим) в соответствие ставятся разные означаемые.

ЮСМ; ААР.

ЛЭС/БЭС (Статьи: Единицы языка. Знак языковой. Номинация. Семантика. Означаемое. Денотат. Лексикология. Лексика. Семасиология. Слово. Лексема. Сема. Лексическое значение слова. Асимметрия в языке. Полисемия. Тропы. Метафора. Метонимия. Фигуры речи. Омонимия. Парадигматика).

Материалы для студентов-лингвистов

ЛингвиСистемные связи между единицами лексикона

Системный принцип организации языка распространяется и на его лексические единицы. Слова (лексемы) связаны друг с другом и парадигматическими, и синтагматическими отношениями, т.е. и отношениями выбора (селекционными отношениями), и отношениями сочетаемости друг с другом (комбинаторными отношениями). В своём взаимодействии они образуют лексическую систему (а поскольку нас слова интересуют прежде всего как носители лексических значений, или семантем, иногда говорят о лексико-семантической системе).

Правда, нужно учитывать, что лексическая система существенно отличается от системы фонологической, морфологической и синтаксической, потому что она содержит в своём инвентаре трудно исчислимое множество слов и фразеологизмов. Она открыта для внешних воздействий, чутко отражая всесторонние запросы человеческой практики, повседневно включая в свой состав новые слова и новые их значения, отказываясь вместе с тем от устаревших слов или же их значений.

Отличия лексико-семантической системы можно показать на примере сопоставления системы фонем и системы лексем. Фонемы (например, гласные) делят между собой всё артикуляторное пространство. Внешние границы звукового пространства заданы возможностями человеческого произносительного аппарата, внутренние же границы

определяются числом различающихся в данном языке фонем и системой фонемных оппозиций. Что же касается лексем, то они соотносимы с семантическим пространством, внешние границы которого в принципе отсутствуют: возможности человеческого познания мира по сути дела беспредельны.

В семантическом (или когнитивном) пространстве языка получаемая извне информация существует как бы в виде сгущений. Каждое из таких информационных, когнитивных сгущений выступает как значение, которое обрабатывается соответствующим языком

как значение знаменательного слова (семантема),
как грамматическое значение словоформы и граммема,
как значение служебного слова, как значение словообразовательной модели,
как значение грамматической категории,
как значение части речи и т.д.

Число лексических значений (семантем) как единиц плана содержания языка скорее всего не может быть подсчитано. Есть семантемы устойчивые, воспроизводимые и, следовательно, инвентаризируемые. Есть семантемы-"однодневки", и они не могут быть сосчитаны. Число лексем оказывается меньше числа семантем, так как большинство слов многозначны.

Громоздкость и практическая необозримость лексико-семантической системы в целом побуждают исследователей ограничиваться частными системами в её характере, выделяя различного рода лексико-семантические группы, классы, поля.

Исходя из методических соображений, удобнее начать описание лексико-семантических систем с семантического (илексического) поля.

Понятие поле соотносимо с понятием категория. Категория, как правило, замкнута, она насчитывает относительно небольшое и при этом конечное число членов, образующих между собой оппозиции и чётко отграничиваемых друг от друга. В поле же объединяются элементы, число которых не обязательно должно быть конечным и неизменным. Внешние границы поля размыты. Точно так же могут быть размыты и границы между элементами поля, хотя отношения между ними имеют тоже характер оппозиций. На одну и ту же "делянку" здесь могут претендовать несколько конкурирующих элементов. И наоборот, на роль "хозяина" какой-либо "делянки" может не претендовать ни один элемент, так что возникает своеобразная лакуна. Одно поле может входить в другое, быть его сегментом. Так, лексико-семантическое поле НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ РОДСТВЕННИКИ является частью поля РОДСТВЕННИКИ, а последнее, в свою очередь, представляет собой часть поля ЛЮДИ.

В семантическом поле группируются семантемы, имеющие какие-то общие компоненты значения (интегрирующие семы). Между собой семантемы различаются не менее чем одним компонентом значения (дифференциальной семой). В лексическом (или, более точно, лексико-семантическом поле) объединяются слова (а также фразеологизмы), семантемы которых обладают одним или несколькими тождественными семами. Лексические оппозиции опираются на различия в семном

составе семантем. Одна и та же сема может быть в одних случаях интегрирующей, а в других дифференцирующей.

Семы представляют собой минимальные элементы, выявляемые при "расщеплении" значений слов. Они выделяются (как и фонологические признаки) в результате оппозиционных тестов, составляющих так называемый метод компонентного анализа.

Так, двучленное (бинарное) противопоставление слов *лицо* и *затылок* предполагает наличие интегрирующей семы [часть головы человека] и дифференцирующих сем [+ передняя часть (головы человека)] и [+ задняя часть (головы человека)].

Слова *отец* и *мать* имеют в составе своих семантем интегрирующую сему [родители] и дифференцирующие семы [+ мужской пол] и [+ женский пол].

Нередки трёхчленные (тернарные) семантические оппозиции. Возьмём для примера пропорцию: *жеребец* : *кобыла* : *жеребёнок*, *бык* : *корова* : *телёнок*, *боров* : *свинья* : *поросёнок*, *петух* : *курица* : *цыплёнок*. Сопоставление слов, входящих в данную пропорцию, позволяет установить наличие в семантеме каждого первого слова семы [+ животное], [+ взрослость], [+ мужской пол], в семантеме каждого второго слова - семы [+ животное], [+ взрослость], [+ женский пол], в семантемах каждого третьего слова семы [+ животное], [- взрослость (т.е. незрелость)]. Слова *жеребец*, *кобыла*, *жеребёнок* объединяются в том отношении, что они обозначают элементы класса лошадей. Соответственно следующие тройки имён обозначают элементы класса коров, класса свиней, класса кур.

А вот на вопрос, какая, например, сема интегрирует семантемы первой тройки имён и какими дифференциальными признаками (семами) семантема 'лошадь' отличается от семантем 'корова', 'свинья', 'курица', компонентный анализ ответить не может. Так, например, в семантеме слова *слон* можно выделить сему [+ наличие хобота]. В семантемах имён остальных животных придётся постулировать сему [- наличие хобота]. Ясно, что такой путь непродуктивен и компонентный анализ значения ограничен в своих возможностях. Он хорошо, например, проявляет себя в описании семной структуры имён родственных отношений.

Используя семный анализ, можно представить замкнутое лексико-семантическое поле в виде матрицы, где в каждой клетке на пересечении соответствующего слова и соответствующего семантического признака проставляется знак + для положительного значения данного признака, знак - для отрицательного значения этого признака, а знаком 0 будет символизироваться несущественность (нерелевантность) данного признака для соответствующей лексемы (и его семантемы).

Возьмём для примера (опираясь на предложенную М. Бирвишем матрицу для немецкого языка) поле слов, характеризующих родственные отношения между людьми (пронумеруем признаки: 1 - [одушевлённое существо], 2 - [человек], 3 - [находящийся в родственных отношениях], 4 - [находящийся в прямом родстве], 5 - [принадлежащий к одному поколению], 6 - [старше возрастом], 7 - [мужской пол], 8 - [женский пол], 9 - [множ. ч.]):

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Verwandter 'родственник'	+	+	+	(-)	0	0	0	0	0
Eltern 'родители'	+	+	+	+	-	+	0	0	+
Vater 'отец'	+	+	+	+	-	+	+	-	0
Mutter 'мать'	+	+	+	+	-	+	-	+	0
Bruder 'брат'	+	+	+	+	+	0	+	-	0
Schwester 'сестра'	+	+	+	+	+	0	-	+	0
Geschwister 'брат и сестра'	+	+	+	+	+	+	0	0	0
Kind 'ребёнок'	+	+	+	+	-	-	0	0	0
Sohn 'сын'	+	+	+	+	-	-	+	-	0
Tochter 'дочь'	+	+	+	+	-	-	-	+	0
Onkel 'дядя'	+	+	+	-	-	+	+	-	0
Tante 'тётя'	+	+	+	-	-	+	-	+	0
Cousin 'двоюродный брат (кузен)'	+	+	+	-	+	0	+	-	0
Cousine 'двоюродная сестра (кузина)'	+	+	+	-	+	0	-	+	0
Neffe 'племянник'	+	+	+	-	-	-	+	-	0
Nichte 'племянница'	+	+	+	-	-	-	-	+	0

Подобная матрица позволяет идентифицировать ту или иную семантему как инвариантный набор её семантических компонентов. Сема [+ человек] свидетельствует о включении поля РОДСТВЕННИКИ в поле ЛЮДИ, а сема [+ одушевлённое существо] является показателем включения поля ЛЮДИ в поле ОДУШЕВЛЁННЫЕ СУЩЕСТВА. Сема [+ находящиеся в родственных отношениях] интегрирует поле РОДСТВЕННИКИ.

А вот внутри этого поля начинает проявляться то интегрирующая, то дифференцирующая сила той или иной семы. Так, сема [+ мужской пол] объединяет семантемы слов отец, брат, сын, дядя, кузен, племянник, но отграничивает их от семантем слов мать, сестра, дочь, тётя, кузина, племянница. Семантема слова отец идентифицируется на основе её семного набора: [+ одуш. существо], [+ человек], [+ находящийся в родстве], [+ находящийся в прямом родстве], [- принадлежащий к одному поколению], [+ старше], [+ муж. пол], [- жен. пол].

Внутри семантического поля между словами могут возникать иерархические отношения. Слово, которое стоит выше по рангу (гипероним), называет более широкий класс денотатов, чем слово, ему подчинённое (гипоним), именуящее более ограниченный класс денотатов. Ср.: цветок - роза, дерево - берёза. Гипероним может подчинять себе несколько гипонимов одного порядка (ко-гипонимов или со-гипонимов): дерево - берёза, ольха, дуб.

Идентификация очень многих слов, семантемы которых не имеют чёткой семной структуры (слон, лошадь, золото и т.п.), опирается на так называемые стереотипы, или прототипы, которые могут содержать в себе некоторые ассоциативные, психологические по своей природе признаки. Например, с семантемой 'золото' часто ассоциируются признаки [драгоценный металл], [жёлтый цвет].

Теория поля является методологическим инструментом для построения идеографических словарей (тезаурусов). Одним из наиболее известных является Тезаурус П.М. Роже, доступ к ряду версий которого можно найти посредством гиперссылок на файле Словари, переводчики и тезаурусы on-line.

Внимание языковедов привлекают также лексико-семантические классы слов, элементы которых связаны отношениями синонимии, конверсии и антонимии.

Синонимические отношения, реализуя тенденцию знака к асимметрии его сторон - означаемого и означающего, связывают слова одной и той же части речи, которые обладают тождественным лексическим значением или же близкими лексическими значениями. Синонимы относятся к одному и тому же денотату (и к одному и тому же сигнификату или же к близким по денотативной основе сигнификатам). Часто используется операциональный тест: проверяется возможность взаимозамещений (субституций) между словами в одной и той же позиции в тексте; если при этом смысл текста не изменяется, то слова-субституты являются синонимами; ср.: Наталия увлеклась языкознанием / языковедением / лингвистикой / наукой о языке.

Синонимы могут отличаться друг от друга тем, что, обозначая один и тот же денотат, выражают (в зависимости от точки зрения говорящего) разные эмоционально-экспрессивные оценки обозначаемого предмета: лицо / лик / морда / харя... При широком понимании синонимии, в число синонимов включаются также слова, между денотатами которых имеются некоторые различия: ключ ('источник, в котором вода выходит с напором, с силой' / родник 'источник, в котором вода просачивается на поверхность земли'; лицо / личико ('лицо небольшого размера, принадлежащее ребёнку или женщине' + ласкательность). Многозначные слова синонимичны, как правило, лишь в одном из значений и могут расходиться в других (дорога / путь; дорога / путь в горах, отрезок дороги / пути, собираться в дорогу / в путь).

Итак, семантическая сущность синонимии заключается в эквивалентности:

всего содержания лексических единиц (языкознание / лингвистика),
отдельных семантем многозначных слов (дорога / путь),
совпадающих компонентов (семантических признаков) семантем (друг / товарищ;
совпадающая часть их значений - 'близкий человек').

В тексте синонимы выполняют семантические функции замещения и уточнения, а также стилистические функции.

В состав одного семантического класса синонимов могут входить слова (или их семантические варианты), находящиеся в разных семантических и стилистических отношениях друг с другом: бой / битва / сражение / схватка / стычка / баталия (устар.) / сеча (устар.); лицо / лентяй / ленивец / лодырь (разг.) / бездельник (разг.) / лоботряс (прост.) / лежебок (разг.) / лежебока (разг.) / байбак (разг.); жечь / сжигать / палить (разг.) / предавать огню.

Многозначное слово своими разными значениями (своими разными концептемами) может входить сразу в несколько синонимических классов:

высокий¹ (о человеке) - рослый, длинный (разг.), долговязый (разг.);
высокий² (о стиле, языке, выражении) - возвышенный, приподнятый, торжественный, патетический (книжн.);
высокий³ (о звуке, голосе) - тонкий, писклявый (разг.).

Синонимическую парадигму возглавляет слово, наиболее простое, широко употребительное, стилистически нейтральное и синтаксически наиболее свободное. Так, в синонимическом ряду испытать / пережить / перенести / узнать / познать (книжн.) / изведать (высок.) / увидеть (разг.) / повидать (разг.) / испробовать / попробовать / отведать (разг. и устар.) / вкусить (высок.) / испить (прост. и устар.) / хлебнуть (разг.) / хватить (разг.) (общее значение 'на собственном опыте получить представление о чём-либо') доминантой является слово испытать.

Синонимия может быть полной (отношение $X = Y$: правописание - орфография) и частичной ($X \sim Y$: линия - черта). Синонимы могут быть идеографическими, когда они оттеняют разные стороны обозначаемого предмета (кроткий - незлобивый, покорный, смиренный), и стилистическими (убежать - удрать (разг.), смыться (разг.)). Нередко идеографические и стилистические характеристики совмещаются (идти - тащиться (разг., 'идти медленно, с трудом')). В файле Словари, переводчики и тезаурусы on-line можно найти гиперссылки на ряд синонимических словарей.

Конверсные отношения между грамматическими конструкциями реализуются с помощью чередования Действительный залог <--> Страдательный залог. Благодаря конверсии меняется перспектива предложения, т.е. производится выбор нового исходного пункта сообщения.

Слова-конверсивы типа продавать - покупать, моложе - старше, вмещать - входить в, муж - жена. используются с той же целью. Ср.: Олег продаёт магнитофон Петру <--> Пётр покупает магнитофон у Олега; Максим старше Антона <--> Антон моложе Максима; Николай -- муж Ларисы <--> Лариса - жена Николая.

Ср. ещё примеры: Он сдаёт нам дачу <--> Мы снимаем у него дачу; Л.Р. Зиндер - ученик Л.В. Щербы <--> Л.В. Щерба - учитель Л.Р. Зиндера; Он шёл слева от неё <--> Она шла справа от него. Конверсивы обладают одинаковой денотативной отнесённостью, а в конверсных конструкциях обозначается одно и то же положение дел и выражается одна и та же пропозиция.

Антонимические отношения связывают слова по контрасту, противоположности их значений. Антонимы обычно образуют устойчивые пары, тройки и т.п.: большой - маленький, новый - старый, война - мир, друг - враг, входить - выходить, любить - ненавидеть, прошлое - настоящее - будущее (прошлое - настоящее, настоящее - будущее, прошлое - будущее), засыпать - спать - просыпаться - бодрствовать (засыпать - просыпаться, спать - бодрствовать).

Многозначные слова могут вступать в несколько антонимических отношений: лёгкий / тяжёлый чемодан, лёгкий / сильный ветер, лёгкий / плотный завтрак, лёгкий / трудный вопрос.

Классификация лексических единиц

Словарный состав языка, насчитывающий сотни тысяч единиц, имеет очень сложную организацию. Распределение его элементов (лексем и устойчивых словосочетаний) опирается на большой ряд признаков.

О признаках семантических, лежащих в основе тематических полей, лексико-семантических полей, групп синонимов, конверсивов и антонимов, речь шла в разделе 3.04. Теперь речь пойдёт о распределении единиц лексикона по слоям (пластам, стратумам) на основе иных признаков.

Во-первых, будут охарактеризованы многословные единицы словаря, среди последних будут выделены фразеологизмы различных классов.

Во-вторых, коротко будет сказано о стилистических пластах (о стилистической стратификации) лексических знаков. Наше внимание будет уделено тем слоям лексики, которые ограничены в своём употреблении в силу своей диалектной принадлежности, своего преимущественного употребления в определённой профессионально-терминологической сфере, употребления в определённой социальной группе.

По поводу такой характеристики, как принадлежность к числу ещё не ставших широкоупотребительными новообразований или уже ставших фактами прошлого для данного языка, речь пойдёт в следующем разделе.

Фразеологизмы и их место в лексиконе

В инвентарь номинативных знаков языка входят не только слова (простые, производные и сложные), но и устойчивые, воспроизводимые сочетания слов. Те словосочетания, единство которых создаётся переосмыслением либо одной из составляющих, либо данного комплекса в целом, именуются фразеологизмами.

Н.А. Амосова (а эта точка зрения представлена в ЮСМ) делит фразеологизмы на фраземы (образования с частичным сдвигом значения) и идиомы (с полным сдвигом значения).

Вместе с тем возможно разбиение всего множества фразеологизмов на два подмножества: фразеологизмы, сохранившие свою мотивировку, и фразеологизмы, утратившие мотивировку. В классификации В.В. Виноградова первые именуются фразеологическими единствами, а вторые получают имя фразеологических сращений.

Оба подхода можно совместить в одной таблице:

Фразеологические единства Фразеологические сращения

Фраземы письменный стол

холодное оружие

накрыть на стол дело табак

положить на стол (готовую работу)

Карты на стол!

Идиомы белый уголь
держат камень за пазухой
сестра за один стол
выносить сор из избы очертя голову
чёрта с два
куда ни шло
(кричать) во всю ивановскую

Вне этой схемы остаются устойчивые словосочетания, в которых отсутствует сдвиг значения (по В.В. Виноградову фразеологические сочетания) и в которых один из компонентов характеризуется узкой, ограниченной, избирательной сочетаемостью: беспробудный сон, закадычный друг, заклятый враг, ни зги не видно.

Единицы фразеологического фонда языка точно так же как слова, могут относиться к разным лексическим пластам (кодифицированная и некодифицированные формы языка, экспрессивно-оценочные стили, профессионально-терминологические инвентари лексических средств).

Кодифицированная и некодифицированные формы языка

Язык того или иного этноса обычно представлен рядом вариантных форм. Каждая из них характеризуется своим инвентарём лексических средств. Каждое слово или фразеологизм либо принадлежит языку в целом, либо ограничено в своём употреблении в одной из вариантных форм языка.

Наддиалектной формой, рекомендуемой для употребления в таких сферах, как школьное и высшее образование, наука, управление, пресса, радио и телевидение, отправление религиозных культов, межэтническое и межкультурное общение, дипломатический протокол, является литературный язык. Он возникает относительно поздно, его развитие в значительной мере определяется сознательным вмешательством общества и государства. Нормы литературного языка нередко закрепляются (кодифицируются) в актах официальных учреждений. Литературный язык часто существует в двух разновидностях - книжно-письменной (более строгой в своих требованиях) и устно-разговорной (несколько более свободной). Литературным языком пользуются, как правило, представители образованного слоя общества.

Один и тот же литературный язык может обслуживать несколько этносов. Например, французский литературный язык употребляется во Франции, Бельгии, Швейцарии, Канаде и ряде других стран; немецкий литературный язык используется в Германии, Австрии, Швейцарии, Люксембурге; английский литературный язык в ходу в Англии, США, Канаде, Австралии, Индии, Южной Африке и некоторых других странах. У разных этносов определённый литературный язык может выступать в виде более или менее заметно различающихся национальных вариантов.

Литературному языку присуща дифференциация функциональных стилей, т.е. способов его использования в разных сферах письменного и устного общения (деловой, научной, публицистической, обыденной разговорной и т.п.). К

литературному языку примыкает поэтическая речь, элементы которой, как правило, обладают положительной экспрессивно-оценочной характеристикой.

Литературный язык обычно складывается в одном из центров, господствующих в политическом, экономическом, культурном отношениях. Его основу может образовать, соответственно, диалект данной территории.

Литературному языку противостоит множество территориальных диалектов, на которых говорят носители данного языка. Могут различаться говоры отдельных населённых пунктов и объединяющие их наречия крупных регионов. Взаимодействие диалектов на территории, прилегающей к крупному центру, часто приводит к их сближению (конвергенции) и к образованию так называемых полудиалектов.

Письменная фиксация диалекта может иметь место, но она для него необязательна. Диалект обладает своими нормами (лексической, грамматической, фонетической), но эти нормы не кодифицируются.

В сферу некодифицированных форм данного языка входит также просторечие. Оно общепонятно для всех носителей данного языка. Элементы просторечия отличаются от соответствующих единиц литературного языка либо ударением (килОметр, прОцент, магАзин), либо морфологически (выборА, хочут). В просторечии немало нейтральных слов (учёба, отгул). Вместе с тем часты экспрессивно сниженные оценочные слова, вплоть до фамильярных и грубых. См., например: шарахнуть - ударить, дрыхнуть - спать, драпануть - убежать.

Среди некодифицированных форм языка особо должны быть упомянуты жаргоны. К ним относятся жаргоны профессиональных групп, возрастные и половые жаргоны, социально-сословные жаргоны, арготизмы групп деклассированных элементов, сленг.

Экспрессивно-оценочные стили

Если иметь в виду стилистические пласты лексики с учётом их экспрессивно-оценочных потенциалов, то соотношение этих пластов можно показать в следующей таблице:

Возвышенный стиль (включая поэтизмы) лик почить очи
Нейтральный стиль лицо умереть глаза
Нейтрально-просторечный стиль физиономия
Грубо просторечный стиль морда
рыло подохнуть зенки
буркалы

Исторические изменения в лексической системе языка

В то время как синхроническая лексикология ставит своими задачами описание лексических ресурсов языка в данный период его существования и функционирования,

на долю диахронической (или исторической) лексикологии приходится такие задачи, как выяснение того,

что в лексиконе данного языка (и почему) устойчиво сохраняется на протяжении многих столетий и даже тысячелетий,

что и на каком этапе исторического развития, какими путями было приобретено, что и по какой причине оказывалось в тот или иной период утраченным.

В отличие от диахронической фонологии, которая в основном замкнута на изучении внутриязыковых звуковых законов, историческая лексикология постоянно обращается к фактам истории народа, который является носителем этого языка, к изменениям в географических, экономических, политических условиях его существования, к развитию его материальной и духовной культуры, к техническим и технологическим достижениям, к характеру его контактов с другими культурами и этносами, к языковой ситуации, в которой функционировал в тот или иной исторический период исследуемый язык.

Передаваясь по традиции во времени, язык должен обеспечивать непрерывность общения, возможность взаимопонимания между представителями смежных поколений. И эта непрерывность поддерживается тем, что в лексиконе языка от прошлых эпох сохраняется значительное количество слов и фразеологизмов, звуковая сторона которых не испытала серьёзных изменений и семантический потенциал которых всё ещё позволяет говорить об одних и тех же реалиях.

Так, в современном русском языке имеется немало слов, восходящих к праиндоевропейскому лексическому фонду. Современное индоевропейское языкознание пришло к выводу, что первоначальный индоевропейский язык был не единой системой, а совокупностью диалектов родственных племён, которые в процессе своих миграций контактировали и сближались то с одними, то с другими племенами.

Племена, диалекты которых легли в основу общеславянского, первоначально были тесно связаны с племенами - носителями индоиранских языков, особенно с иранскими племенами.

После разъединения с индоиранцами славянские племена сближаются с балтийскими. Славянский и балтийский в последние вв. до н.э. - первые вв. н.э. вместе с германскими, кельтскими и италийскими племенами объединяются большим рядом фонетических, морфологических и лексических черт, позволяющих говорить об общеевропейском языковом единстве.

В рамках этого единства сближение славянских языков с германскими наметилось относительно поздно (до этого германский и славянские языковые ареалы были разделены балтийским ареалом).

В приводимых ниже примерах называются слова современного русского языка, имеющие своими истоками либо индоевропейские слова, либо индоевропейские корни как общеиндоевропейского, так и общеевропейского фонда:

* мать (др.-инд. *mata*, *matar-*, авест. *matar*, тохар. *masar*, ново-перс. *madar*, арм. *mair*, греч. *meter*, алб. *motre*, лат. *mater*, ирл. *mathir*),

- * сын (лит. *sunus*, др.-прусск. *souns*, вин. п. *sunun*, др.-инд. *sunus*, авест. *hunu-*, гот. *sunus*, др.-в.-нем. *sunu*, греч. *huiys*, тохар. А *se*, тохар. Б *soya*)
- * дочь (др.-инд. *duhita*, авест. *dugedar-*, тохар. А *скасар*, тохар. Б *tkacer*, арм. *dustr*, греч. *dygater*, гот. *dauhtar*, нем. *Tochter*, англ. *daughter*),
- * сестра (лит. *sesuo*, др.-прусск. *swestro*, др.-инд. *svasar-*, арм. *k'oir*, гот. *swistar*, лат. *soror*, др.-ирл. *siur*, тохар. *sar*)
- * брат (др.-инд. *bhrata*, авест. *bratar-*, тохар. *pracar*, греч. *frater*, *frator*, лат. *frater*, ирл. *brathir*, нем. *Bruder*, англ. *brother*),
- * вдова (др.-инд. *vidhava*, авест. *vidava*, лат. *vidua*, гот. *widuwo*, др.-в.-нем. *wituwa*),
- * овца (др.-инд. *avika*, лит. *avis*, латыш. *avs*, греч. *ois*, лат. *ovis*, ирл. *oi*, др.-в.-нем. *ou*),
- * небо (др.-инд. *nabhas* 'туман, пар, небо', авест. *nabah-* 'воздушное пространство, небо', греч. *nepho* 'облако', лат. *nebula*, др.-в.-нем. *nebul* 'туман'),
- * ветер (лит. *vetra* 'буря', др.-прусск. *wetro* 'ветер', лтш. *vetra* 'буря, непогода', др.-инд. *vatas* 'ветер', *vayati* 'веет', авест. *vata-* 'ветер', вероятно гот. *winds* 'ветер' < **vento-*),
- * вода (лит. *vanduo*, др.-в.-нем. *wazzar*, гот. *wato*, греч. *hydor*, др.-инд. *udakam*, *uda-*, *udan-* 'вода'),
- * снег (др.-прусск. *snaygis* 'снег', лит. *sniegas*, латыш. *sniegs*, гот. *snaiws*, лат. *nivit* 'идёт снег', др.-ирл. *snigid* 'идёт снег, дождь', др.-инд. *snihyati* 'мокнет, становится клейким, прилипает'),
- * зима (латыш. *ziema*, др.-прусск. *semo*, др.-инд. *himas*, авест. *zimo* 'мороз, зима', греч. *cheima*, лат. *hiems*).

Общеиндоевропейского происхождения также слова два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, стоять, сеять, умереть, жить, быть, вертеть, зерно, ночь и многие другие.

Множество исконных русских слов восходит к общеславянскому и общевосточнославянскому корнеслову.

Из общеславянского фонда (до 6 в.) унаследованы слова (не исключено и их более древнее происхождение): золото, серебро, железо, медь, олово, глина, олень, тур, медведь, лиса, ворона, заяц, голова, рука, нога, чело, лоб, желудок, палец, борода, плечо, бок, бедро, ладонь, яма, поле, озеро, пруд, брод, вечер, вчера, завтра, месяц, весна, час, туча, холод, жара, гром, липа, тополь, ель, верба, жёлудь, тыква, гриб, слуга, сосед, холоп, племя, посол, суд, войско, стража, вера, надежда, страх, гнев, разум, воля, дух, стыд, грех, вина, кара, рай, бог, чёрт, свобода, слава, мощь, сила, мудрый, глупый, добрый, злой, скупой, щедрый, милый, хитрый и т.д.

К древнерусскому (общевосточнославянскому) возводятся слова совсем, галка, говорун, снегирь, ледяной и др. После 14-15 вв. появляются собственно русские слова.

Точно так же современный немецкий язык сохранил в своём лексиконе множество слов и корней, унаследованных от общеиндоевропейской, общеевропейской, общегерманской и общезападногерманской эпох. В общегерманском и в фонетике, и в морфологии, и в лексике наиболее заметны были сперва следы взаимодействия с балтийскими языками на востоке, затем следы взаимодействия с итальянскими (и, возможно, также с иллирийским и венецианским) на юге, позднее с кельтскими языками на юге и западе.

Вместе с тем язык с течением времени утрачивает немало лексических единиц. Часто это происходит вместе со сменой реалий, с которыми имеют дело носители данного языка.

Так, в современном русском языке к числу ушедших в прошлое слов относятся смерд, оброк, барщина, опричник, крепостник, подьячий, царь, царица, боярин, государь, сей, оный, чужестранец, воевода, градоначальник, поведать, очи, хладный и т.д. Часть таких слов может быть понятна носителю русского языка, довольно многие уже непонятны: тук 'жир' (ср. тучный), скоро 'шкура' (ср. скорняк), котора 'ссора', одрина 'спальня', братьяница 'амбар, кладовая', корзно 'плащ' и др. Слова такого рода образуют пласт архаизмов и историзмов.

Но развитие общественных отношений, экономического уклада, науки и техники, духовной культуры постоянно побуждает к пополнению лексикона языка. Новые единицы лексикона (неологизмы) могут:

- * возникать из имеющихся корней и основ с использованием имеющихся деривационных моделей как слова производные и сложные различных типов;
- * возникать в силу частичного или полного переосмысления компонентов словосочетаний как фраземы и идиомы;
- * заимствоваться литературным языком из территориальных и социальных диалектов, а тем или иным диалектом - из литературного языка или из другого диалекта;
- * заимствоваться из других языков в результате межэтнических и межкультурных контактов или же смешения языков.

В лексико-семантическую систему языка входят не только слова-лексемы (как однозначные, так и многозначные, т.е. совокупности лексико-семантических вариантов (ЛСВ) этих слов), но и слова как носители отдельных лексических значений, слова-понятия (по Л.В. Щербе), концептемы. Их образование предполагает расщепление слова-лексемы на два или большее число слов-концептем в результате процессов метафоризации и метонимизации.

Основные единицы морфологического анализа

Слово и морфема как знаковые единицы языка

Аналитический подход к языку (путь от языковых средств к их функциям и значениям) во многом предполагает использование одинаковых исследовательских процедур по отношению к единицам фонологического, морфологического и синтаксического структурных уровней. Но есть и серьезные различия, обусловленные неодинаковой природой единиц разных уровней.

Так, единицы фонологического и морфологического уровней одинаковы в том отношении, что они инвентаризируемы, т.е. образуют множества принципиально исчислимых величин. Входящие в фонологическую систему того или иного языка фонемы неслоговых языков, синлабемы языков слогового строя и просодемы (а именно тонемы, слоговые акценты, акцентные структуры слов, интонемы) воспроизводимы в речи, как и входящие в морфологическую систему морфемы и слова. Однако фонологические единицы, хотя и выделяются на основе семиотических

критериев, не являются знаками (принадлежность интоном к знакам многими лингвистами не признаётся).

Слова и морфемы принадлежат к знакам, они обладают своими соотнесёнными друг с другом означаемыми и означающими. В силу этого существенного различия морфологический анализ, имеющий дело с морфемами и словами как двусторонними единицами, более сложен, чем фонологический. Он предполагает обращение к целому ряду дополнительных критериев.

Выше в структурной иерархии языковых знаков расположены такие неинвентаризируемые, конструктивные единицы, как словосочетания, предложения, тексты. Это тоже знаки, поскольку они обладают своими означаемыми и означающими в их взаимной соотнесённости. Но они конструируются каждый раз заново в коммуникативном акте. Воспроизводимы лишь основные структурные схемы и правила конструирования синтаксических объектов. И это обстоятельство, в свою очередь, обуславливает неодинаковость исследовательских процедур морфологического и синтаксического анализа.

Словоцентрический vs. морфемцентрический подход

Слово и морфема являются основными единицами морфологического компонента языковой системы - верхней и нижней. Отношения между ними трактуются по-разному в различных направлениях лингвистической мысли.

В истории индийской языковедческой мысли сперва внимание исследователей было обращено на слово, но уже в древнеиндийских грамматических трудах исследовалось членение слова на его значимые части, т.е. стали выявляться элементы морфологической структуры слова. То же самое наблюдалось и в истории арабской лингвистической мысли. В античной (средиземноморской, греко-римской) языковедческой традиции и вслед за этим на протяжении многих веков в европейском языкознании в центре внимания стояло слово. Внутреннее его строение эпизодически описывалось уже в 16 в., но лишь в работах, посвящённых древнееврейскому и арабскому языкам. К значимым частям слова на материале языков иного строя европейские языковеды начали обращаться лишь в 19 в., когда пробудился интерес к сравнительно-историческим и типологическим исследованиям, когда стало ясно, что при сравнении родственных языков и при построении морфологических классификаций языков должны соотноситься не столько слова в целом, сколько их корневые и аффиксальные составляющие.

В конце 19 в. И.А. Бодуэн де Куртенэ объединил такие элементы в строении слова, как корень, суффикс, флексия (окончание), префикс (приставка), под общим именем морфема. Впоследствии понятия слова и морфемы стали центральными в грамматическом анализе.

И тем не менее есть различия в национальных лингвистических традициях.

Языкознание в России и Германии преимущественно словоцентрично (лексицентрично), объявляя слово центральной единицей языка и отводя морфеме второстепенную роль, выделяя морфему из слова.

Напротив, языкознание во Франции и США по преимуществу морфемцентрично, выводя слово из морфемы и описывая его как своего рода синтаксическую конструкцию, построенную из морфем. Под понятие морфемы многие представители

французской и американской мысли стали подводить не только сегментные единицы, но и суперсегментные явления, служащие выражению грамматических значений (значащие чередования фонем, чередования тонов и акцентных кривых, удвоение и т.п.).

У словоцентрического и морфемоцентрического подходов есть свои положительные моменты. Психологически носитель языка скорее выделяет слово, чем морфему. Для него слово конкретнее, а выделение морфемы требует определённых аналитических действий. Правда, это наблюдение в основном справедливо по отношению к языкам флективным (таким, как индоевропейские), где выделимость слова (словоформы) ощущается довольно хорошо и где различие слова и морфемы более контрастно. Для лингвиста-аналитика морфема представляет собой более определённый в своих границах объект, и этим понятием удобнее оперировать в описании мало изученных языков. Для лексикографии важнее понятие слова.

Выбор часто определяется целями исследования. Поэтому не надо жёстко противопоставлять словоцентрический и морфемоцентрический подходы и признавать только один из них правомерным.

Положение осложняется тем, что в большом ряде языков слово и морфема не могут быть чётко противопоставлены.

Это касается аналитических языков типа вьетнамского, китайского и т.п. Поэтому разграничение слова и морфемы для китайского языковеда оказывается своего рода псевдопроблемой. В японском языкознании, которое в своих истоках во многом опиралось на китайскую языковедческую традицию (хотя и имеет дело с языком принципиально иного строя, где границы слогов и морфем в основном совпадают, но система имени агглютинативна, а система глагола флективна), под словом понимают и то, что словом называется в европейском языкознании, и то, что совпадает с формообразующей основой слова и даже с корнем в европейском понимании. В языках, которые используют инкорпорацию, предполагающую построение предложения или словосочетания в результате сложения "голых" основ, без использования формальных показателей связи (как, например, в чукотском), разграничение слов и морфем тоже затруднено.

Слово агглютинативных языков (типа тюркских, финно-угорских) устроено не так, как слово флективных языков.

Надо иметь в виду, что современное языкознание в значительной мере европоцентрично, ориентируясь прежде всего на строй флективных индоевропейских языков (в средние века на строй латинского языка) и нередко стремясь описывать языки иного строя с использованием своих выработанных в течение более чем двух тысячелетий грамматических канонов. Однако общее языкознание, если оно действительно хочет быть общим, должно считаться с материалом самых разных языков мира.

Сходства и различия между словом и морфемой
Под словом обычно понимается минимальная значимая единица языка, которая
в функциональном плане:

а) прежде всего является основной номинативной единицей языка и предназначена служить чаще всего прямому называнию отдельных элементов опыта (предметов, качеств, свойств, состояний, действий, оценок и т.п.; ср.: стол, студент, умный, рослый, дремать, рубить, отлично), а также

отсылке к этим элементам опыта (вышеназванный, этот, я, здесь, сейчас) или выражению отношений между элементами опыта (и, к, для);

в структурном плане:

б) вступает в синтаксические связи с другими словами в данном словосочетании и предложении;

в) во многих случаях представляет собой возможный минимум предложения и берёт на себя функцию члена предложения (Что он пил утром? - Чай.);

г) обладает позиционной самостоятельностью и, соответственно, способностью перемещаться в пределах словосочетания или предложения, отделяться словом или словосочетанием от предшествующего или последующего слова.

Признак б) отличает слово от морфемы, которая сама по себе не способна вступать в синтаксические связи в предложении или словосочетании, а также от компонента сложных слов. Слово оказывается минимальным звеном предложения, носителем синтаксических связей.

Признак в) обладает слишком большой диагностической силой. Этому требованию отвечают лишь слова знаменательные (полнозначимые), но из перечня слов исключаются слова служебные (неполнозначимые, грамматические).

Признак г) был подробно охарактеризован в разделе 3.03, где обсуждался вопрос о выделительности слов в речи с использованием процедур сегментации. Но уже сейчас следует подчеркнуть, что слово представляет собой минимальный свободный знак. Под морфемой (во французской лингвистической традиции в этом случае употребляют, вслед за Андре Мартине, термин монема) обычно понимают минимальную значимую единицу языка, которая:

в функциональном плане:

не выступает сама по себе в качестве номинативной единицы и может лишь соучаствовать в сочетании с другими морфемами в образовании номинативных единиц: чай-ник, при-город, вы-сып-а-ть;

в структурном плане:

не обладает названными выше формальными признаками слова б), в), г);

может являться одной из составляющих слова (в случае многоморфемного слова) или же совпадать в своих линейных границах со словом (в случае одноморфемного слова).

Итак, и слово, и морфема являются минимальными знаками языка. При этом слово характеризуется как минимальный свободный знак. Морфема тоже оказывается минимальным языковым знаком, который, однако, в отличие от слова лишён признака свободного. Морфема представляет собой, как правило, связанный знак. На этом, в частности, основании морфема дом- как связанный знак отличается от слова дом как свободного знака.

В отношении слова можно говорить о его членении на более элементарные значимые единицы, т.е. о его морфемной структуре (даже и в том случае, когда слово одноморфемно; ср: но, уже, здесь, и, однако, у, в, за).

Морфема же не членится на более элементарные значимые единицы. При сегментации высказывания на знаки она вычленяется как конечная составляющая, как предельный знак.

Отношение морфологии к лексикологии и синтаксису
Слово и морфема - основные единицы (верхняя и нижняя) морфологического уровня языковой структуры. Их описанием занимается морфология как один из разделов грамматики. К её компетенции в принципе могло бы быть отнесено изучение слов и морфем в таких аспектах, как:

- 1) их свойства, позволяющие осуществлять сегментацию речи на слова и морфемы и инвентаризацию этих единиц в лексиконе и морфемиконе;
- 2) особенности строения слов и морфем как знаков со своими означаемыми и означающими;
- 3) характер оппозиций между словами (и, соответственно, между морфемами), лежащих в основе системной организации лексикона и морфемикона;
- 4) дифференциальные признаки, определяющие место слов и морфем в соответствующих системах и обеспечивающие их различие и отождествление;
- 5) характер варьирования слов и морфем в речи и дистрибутивные отношения между вариантами одного слова (аллолексами) и, соответственно, между вариантами одной морфемы (алломорфами);
- 6) фонемная и просодическая структура экспонентов как слов (и лексов), так и морфем.(и морфов).

Однако рядом с морфологией (одной из древнейших лингвистических дисциплин, хотя созданный И.В. Гёте термин морфология из естествознания был перенесён в грамматику только в 19 в.) выстраивается относительно новая дисциплина лексикология, которая претендует, в первую очередь, на исследование слов, причём не слов в целом, а слов как единиц лексикона (словаря), только в аспекте их лексических значений, в отвлечении от фонологического и морфологического аспектов. О проблемах лексикологии шла речь в модуле 3. Здесь нас интересует вопрос о различии лексикологии и морфологии.

В центре внимания семасиологии (или лексической семантики) как главного раздела лексикологии оказываются такие вопросы, как:

природа лексического значения,
разграничение слов по типам лексических значений,
структура лексико-семантических систем различного вида (синонимы и антонимы, тематические и семантические поля),
расщепление значения слова на "смысловые атомы" (семы),
природа многозначности слов и взаимосвязи между исходными и производными лексическими значениями,
отграничение полисемии от омонимии,
поиск мотивов образования (внутренней формы) номинативных единиц и т.д.
В сферу лексикологии, далее, оказывается втянутой этимология, ищущая исторически начальное значение данного слова. К лексикологии примыкает или же в неё включается фразеология как учение об устойчивых сочетаниях слов и их различных типах. В состав учебных курсов лексикологии в вузах нашей страны (на факультетах

лингвистического профиля) часто включается теория словообразования. Тесно контактирует с лексикологией исторически возникшая раньше грамматики лексикография, которая разрабатывает принципы описания слов в словарях. Тем самым на долю морфологии в том, что касается слов, остаются сегодня такие проблемы, как:

грамматические значения и грамматические категории слов, системы формальных показателей грамматических значений, принципы грамматической классификации слов на части речи, способы организации морфемных, формообразовательных и (в значительной мере, пока по унаследованной традиции, словообразовательных) структур слов. Что касается морфем, то их исследование целиком входит в компетенцию морфологии.

Морфологию обычно противопоставляют синтаксису. В последнем исследуются правила образования связной речи. В то время как морфология сосредоточивает своё внимание на слове и его морфологической структуре, работая с морфемой как простейшей значимой единицей и словом как единицей более сложной, чем морфема, на долю синтаксиса приходится исследование всех более сложных, чем слово, образований, т.е. надсловных единиц.

Но границы между морфологией и синтаксисом на основе этого критерия нелегко провести.

С одной стороны, есть словоформы (например, падежные), в образовании которых использованы морфологические способы, но которые выполняют синтаксические функции (связи между словами).

С другой стороны, есть словоформы (их обычно называют сложными или аналитическими), которые образуются с использованием синтаксических средств (сочетание слов), но имеют морфологическое назначение и входят в состав морфологических формообразовательных парадигм слов (ср.: буду писать - пишу, (он) стал бы - станет, более интересный - интересней, (tu) as finit - (tu) finis, (ich) werde schreiben - (ich) schreibe, (I) shall work - (I) work, un docteur - le docteur - docteur, a language - the language - language, ein Student - der Student - Student).

Принципы морфемного анализа

Вводные замечания

Морфемный анализ имеет своими целями:

сегментацию высказывания на кратчайшие речевые сегменты, могущие обладать значением, т.е. выделение морфов;

установление морфемной идентичности выделенных морфов, т.е. выявление их статуса как представителей тех или иных морфем, которые характеризуются как абстрактные, инвариантные сущности и могут трактоваться как классы, включающие множества морфов в качестве своих элементов (алломорфов);

инвентаризацию морфем;

их распределение по различным формальным и семантическим классам.

Морфема выделяется при членении высказывания на значимые единицы как предельная составляющая. Она не может быть расчленена на более короткие единицы, обладающие и означаемым, и означающим. На фонемы членится не сама морфема (или морф), а только экспонент морфа. При этом ни одна из фонем, составляющих этот морф, не "наследует" какой-то доли его значения. Значение морфа линейно нечленимо.

В языкознании разработан ряд формальных исследовательских приёмов, служащих морфемной сегментации.

Методики морфемной сегментации

С именем А.М. Пешковского связан ассоциативный анализ по двум рядам - вертикальному и горизонтальному. Так, членение слова стекло на две значимые части поддерживается возможностью заполнить каждый из этих рядов:

стекл о, окн о, весл о, сукн о, долот о и т.д.

стекл а

стекл янный

стекл яшка

стекл ышко

Вертикальный ряд иллюстрирует возможность выделения составляющей (а именно корневой морфемы) стекл-, обладающей вещественным (лексическим) значением ('прозрачное твёрдое вещество, получаемое при остывании расплава кварцевого песка с добавлением некоторых других веществ'). Горизонтальный ряд показывает возможность выделения составляющей (аффиксальной морфемы) о, обладающей грамматическим значением 'существительное, им. или вин. пад., ед. ч.'

Примечание. А.М. Пешковский не прибегает к транскрипции и анализирует слова в их орфографической форме. Более строгий анализ приводит к выделению морфов: /s't'ikl/ ~ /s'tikl/ ~ /s't'okl/. Критерии объединения морфов на правах алломорфов одной морфемы обсуждаются ниже. Они подобны критериям, применяемым при фонемной идентификации.

Слово домой нечленимо (может быть выстроен вертикальный ряд: дом ой, дом, дом а, дом у, дом ом, дом ашний, дом овый, дом овничать и т.д., но отсутствует горизонтальный ряд типа *город ой, *стол ой, *стул ой и т.д.). Точно так же нечленимо слово вчера (возможен горизонтальный ряд типа завтра, иногда, всегда, тогда, когда, но не выстраивается вертикальный ряд).

Возможно выделение и нулевой составляющей (нулевой морфемы; вернее, морфа с нулевым экспонентом #):

стол -, стул -, пол -, дом - и т.д.

стол а

стол у

стол овый

стол ешница

и т.д.

Словоформа им. и/или вин. пад. ед. ч. слова стол может быть представлена записью стол -#.

Членение многоморфемных слов осуществляется многоступенчато (о чём часто забывают упоминать школьные учебники русского языка, обсуждая анализ по составу слова). Так, слово разговорчивый с использованием того же ассоциативного анализа сперва расчленяется на две части (разговорчив ый), первая составляющая делится в свою очередь (разговор чив), на следующем этапе расчленяется разговор (раз говор). В результате мы получаем на последней ступени анализа предельную составляющую говор.

В США в рамках дескриптивной лингвистики подобная процедура сегментации была формализована в так называемом ИС-анализе (анализе по непосредственно составляющим, *immediate constituents analysis*, IC-analysis). Так, следуя этому методу, можно взять из набора его формализмов для представления морфемной структуры слова разговорчивый скобочную запись: (((раз(говор))чив)ый).

Широко известен приём морфемной сегментации, именуемый "квадратом Дж. Гринберга". Джозеф Гринберг, предложивший этот приём в графическом представлении, размещает по двум противоположным сторонам квадрата (или ромба) англ. слова *sleeps* 'спит' и *eats* 'ест', по двум другим противоположным сторонам слова *sleeping* 'спящий' и *eating* 'едящий'. Можно то же самое записать в виде пропорции *sleeps:eats = sleeping:eating*. Совпадение в фонемном и семантическом отношениях одних составляющих и различие в тех же аспектах других составляющих позволяют выделить четыре морфа: *sleep*, *eat*, *s*, *ing*.

Описанные приёмы, служащие выделению морфов, основаны на наличии у сопоставляемых слов как совпадающих, так и различающихся составляющих. При этом данные составляющие соотносятся как двухсторонние сущности.

Американский языковед Зеллиг З. Харрис предложил вероятностную методику морфемной сегментации. В качестве иллюстрации он приводит англ. предложение *He's clever* [hiyzklev@r] 'он умён'. Отыскиваются все предложения, которые, подобно приведённому, начинаются с [h]; затем предложения, начинающиеся с [hi], [hiy], [hiyz], [hiyzk] и т.д. На каждом из этапов движения от начала предложения к его концу подсчитывается число возможных выборов на роль "преемников". З.З. Харрис получил такие показатели: 9 после первой фонемы, 14 после второй, 29 после третьей, 29 после четвёртой, 11 после пятой, 7 после шестой. Пики свидетельствуют о наличии границ между морфами. Соответственно, анализируемое предложение может быть записано в виде цепочки морфов: *He-'s-clever*. Для дополнительной проверки может быть осуществлено движение от конца предложения к его началу.

Трудности, возникающие при морфемной сегментации
В принципе, всякая сегментация предполагает членение на соответствующие звенья без остатка. При членении на фонемы не должно оставаться сегмента, который не был бы соответствующим образом идентифицирован как представитель какой-то фонемы. Точно так же при морфемной сегментации не могут оказаться в остатке сегменты, не идентифицируемые как представители каких-то морфем.

Однако возникает немало казусов, которые ставят лингвистов в трудное положение. Так, в слове читатель выделяется морфема -тель со значением 'производитель действия, названного корневой морфемой' (в нашем случае: 'тот, кто читает'). Но неясно, что делать со вторыми составляющими в словах стекл-ярус, почт-амт, поп-ад'-j-а, с начальными составляющими в словах мал-ин-а, буз-ин-а, бужен-ин-а. Чтобы признать их морфемный статус, нужно найти другие слова, где бы эти же составляющие повторялись с тем же самым значением.

Если это оказывается невозможным, то остаётся либо не признавать их морфемными сегментами, либо говорить о так называемых уникальных морфемах. Решение часто зависит от принадлежности исследователя к определённой научной школе или от принятых им исходных определений.

Идентификация морфемных сегментов (морфов)
При морфемной сегментации высказывания вычленяются морфы. Это кратчайшие значимые единицы речи. Они являются речевыми реализациями абстрактных языковых единиц - морфем. Исследователю-лингвисту предстоит теперь осуществить морфемную идентификацию морфов, т.е. определить, представителем (репрезентантом) какой морфемы будет тот или иной конкретный морф.

Для целей идентификации в этом случае используются те же самые приёмы дистрибутивного анализа, которые применяются и по отношению к фонемам. Но учитывается двухсторонний характер морфов, сопряжённость в их структуре двух сторон - означающего и означаемого. Обязательным условием для идентификации двух разных морфов считается наличие у них одинакового значения (или, во всяком случае, при возможной многозначности морфем, близости значений разных морфов, выводимости одного значения из другого). Возьму для иллюстрации стихотворение Марины Цветаевой, которое позволяет увидеть, что при различиях в семантическом плане разных морфов, репрезентирующих служебную морфему (аффикс) раз-, все варианты данной морфемы семантически (идея разделения) сводятся воедино:

Рас-стояние: вёрсты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли.
Рас-стояние: вёрсты, дали...
Нас рас-клеили, рас-паяли,
В две руки раз-вели, рас-паяв.
И не знали, что это - сплав

Вдохновений и сухожилий...
Не рас-сорили - рас-сорили,
Рас-слоили...
 Стена да ров,
Рас-селили нас, как орлов-
Заговорщиков: вёрсты, дали...
Не рас-строили - рас-теряли.

По трущобам земных широт
Рас-совали нас, как сирот.

Который уж - ну который - март?!
Раз-били нас - как колоду карт!

Выделенные при сегментации морфы при соблюдении условия семантической тождественности подвергаются дистрибутивным тестам:

Тест на дополнительную дистрибуцию: Два разных морфа принадлежат одной морфеме на правах её алломорфов, если они не встречаются в тождественном фонемном окружении (/raz/ перед гласными и звонкими согласными ~ /ras/ перед глухими согласными; англ. показатели мн. ч. имён существительных /s/ ~ /z/ ~ /ɪz/, реализующие одну морфему {-S}); один из алломорфов квалифицируется как основной, для остальных могут быть сформулированы (в рамках морфонологии) правила перехода; ср., например, рук- /ruk/ в рук-а > /ruk'/ (перед передними гласными, как в рук-е), /rutS/ (перед суффиксом -н-, как в руч-н-ой).

Тест на свободное варьирование: Если два разных морфа, будучи составляющими слов (словоформ), при появлении в тождественном окружении не различают двух разных слов (словоформ), то они являются по отношению друг к другу и к данной морфеме факультативными вариантами (соб-ой /oj/ ~ соб-ою /oju/).

Тест на контрастную дистрибуцию служит проверке того, с одной ли морфемой или двумя разными морфемами мы имеем дело: Если появление двух разных морфов в тождественном окружении связано с различием слов (словоформ), то они являются представителями двух разных, омонимичных морфем (вод1 и вод2 в словах вод-н-ый и пут-е-вод-н-ый).

Учёт критерия дополнительной дистрибуции и, соответственно, тождества фонемного окружения не допускает объединения в одну морфему морфов, у которых различие в фонемном составе экспонентов не обусловлено действующими или историческими звуковыми законами. Поэтому в одну морфему не сводимы разные показатели мн. ч. русских существительных (-и/-ы, -а и т.д.), нем. существительных (-e, -en, -er и т.д.), англ. уже проиллюстрированная морфема {-S} и показатель /ɪn/ в ox-en. Не является элементом англ. морфемы {-S} фонемное чередование в корне (man - men, goose - geese, break - broke). То же самое относится и к нем. умлауту как показателю мн. ч. имён существительных. В таких случаях можно говорить об омосемии разных морфем (подобно тому, как говорят о синонимии слов).

Такова позиция многих отечественных, и не только отечественных лингвистов. Но в последние десятилетия в американском языкознании стала утверждаться точка зрения, в соответствии с которой названный критерий не обязателен и достаточно лишь семантическое (функциональное) тождество. В этом случае постулируется наличие, допустим, морфемы {мн. число имён существительных} и допускается её любая реализация. Морфема тогда выступает как класс, в который входят и сегментные морфы, и суперсегментные показатели.

Итогом процедуры индентификации оказывается установление инвентаря морфем.

Классификация морфем

Единицы этого инвентаря (морфемикона) могут быть распределены по классам на основе ряда разных классификационных критериев.

1. Если исследователь исходит из того, что признаёт морфемами элементарные суперсегментные показатели грамматических значений, то могут быть, соответственно, выделены класс сегментных морфем и класс суперсегментных морфем. В последний включаются из числа приложимых к отдельному слову, как значащее чередование гласных или согласных фонем (по старой терминологии, средства внутренней флексии), усечение корня, сдвиг ударения, мена тонов, удвоение (редупликация). Так, в частности, солидаризуясь со взглядами некоторых дескриптивистов, поступает Ю.С. Маслов. Он именуёт суперсегментные показатели грамматических значений морфемами-операциями, подчёркивая таким названием, что данные операции совершаются над сегментными морфемами (или их последовательностями).

Есть основания, однако, говорить не о морфемах-операциях, имеющих суперсегментный характер и применимых к неким неопределённым сегментным морфемам (или их цепочкам), а о морфологических операциях (или трансформациях) вообще, объектами которых являются такие их функциональные носители, как словоформы. Сюда правомерно войдут и аффиксация, представляющая собой взаимную мену аффиксов (в том числе и чередование нулевого аффикса с ненулевым) в морфологической структуре слова, и чередование синтетических и аналитических способов образования словоформ, и чередование супплетивных корней. Но это уже проблема формальных показателей грамматических значений слов (см. раздел 4.03).

2. Собственно морфемы, т.е. морфемы сегментные, подразделяются на два класса: морфемы как части слов (и знаменательных, и служебных) и морфемы-слова (и знаменательные, так и служебные). К морфемам-словам (словоморфемам) относятся вчера, здесь, вот, у, при, перед, но, а, и, или и т.п. Нет особого смысла отказывать им в двойственном статусе. Они ведут себя и как слова, т.е. как свободные знаки, могущие вступать в синтаксические связи, и как морфемы, т.е. как минимальные значимые единицы языка.

3. Морфемы - части знаменательных и служебных слов распределяются между двумя классами: корни и аффиксы. Корневые морфемы знаменательных слов являются носителями лексических значений простых слов (ср.: дом- и дом-#, дом-а, дом-у) и опорой для мотивировки более сложных слов (ср.: дом-ов-ый, дом-о-вод-ств-о). Число корневых морфем равняется нескольким десяткам тысяч. Аффиксы выполняют служебную функцию, участвуя в морфологических операциях над словами в процессах формообразования слов и словообразования. Число аффиксов достигает нескольких сотен. Иногда выделяются полуаффиксы, т.е. аффиксы, ещё не порвавшие своих связей со знаменательными словами, от которых они происходят (ср. нем. auf-, hoch-, -mann в составе aufsehen 'посмотреть вверх', hochbringen 'возвысить', Steuermann 'штурман'). Экспоненты корневых морфем, как правило, обладают большей средней протяжённостью по сравнению с аффиксами, т.е. содержат в среднем большее число фонем. В распоряжении корневых морфем оказывается также более широкий инвентарь фонем, чем у аффиксов.

4. Морфемы могут распределяться на два больших функционально-смысловых класса: лексические (знаменательные) и грамматические (служебные) морфемы. В первый класс входят корни знаменательных слов и морфемы - знаменательные слова. Во втором классе группируются аффиксальные морфемы знаменательных слов, морфемы - служебные слова и морфемы (и корневые, и аффиксальные) служебных слов. Иногда под именем аффиксов объединяют аффиксальные морфемы и все служебные слова (и одноморфемные, и многоморфемные).

5. Морфемы могут быть непрерывными и прерывистыми. Прерывистыми оказываются, например, корневые морфемы в арабском, древнееврейском (и продолжающем его иврите) и, соответственно, аффиксальные морфемы (именуемые трансфиксами). Прерывистыми являются нем. аффиксы *ge-___-t*, *ge-___-en*, участвующие в образовании вторых причастий (*ge-frag-t* 'спрошенный', *ge-schloss-en* 'закрытый'). Их называют конфиксами, или циркумфиксами. При трактовке суперсегментных показателей как особого вида морфем некоторые исследователи предполагают, что, например, в нем. и англ. морфемы значащего чередования "разрывают" корневую морфему (*broke* 'поломал' = *break* + *ea* /eI/ > o /@U/; *brach* 'поломал' = *brech* + *e* /E/ > a /a:/).

6. Морфемы, подобно словам, могут быть моносемичными и полисемичными, т.е. допускать содержательное варьирование.

7. Морфеме присуще также экспонентное варьирование. Фонемный состав морфемы является величиной, производной от фонемного состава экспонентов морфов, репрезентирующих данную морфему. Так, русская префиксальная морфема *c-* {S} реализуется в виде набора морфов /s/, /s'/, /z/, /z'/, /S/, /Z/ (*c-растись*, *c-тянуть*, *c-дуть*, *c-держать*, *c-шить*, *c-жать*). Если морфеме соответствует один морф, то можно говорить о её постоянном облике. То же самое справедливо и по отношению к чередованию ударности - неударности морфемы во многих акцентных языках, к чередованию гласных при действии механизма сингармонизма в финно-угорских и тюркских языках.

8. По способности сочетаться с другими морфемами морфемы могут быть многовалентными (при их практически неограниченной сочетаемости) и одновалентные (так, корень *бужен'*- является уникальным потому, что он сочетается только с суффиксом *-ин-*).

9. Аффиксальные морфемы классифицируются по своей позиции относительно корня. Предшествуют корню префиксы, следуют за ним постфиксы, среди которых различаются окончания (флексии), сигнализирующие наличие синтаксической связи, и суффиксы, лишённые этой функции. Внутри корня вставляются инфиксы (ср. лат. *fidi* 'раскол' - *findo* 'раскалываю'). Корень охватывают (как в нем.) циркумфиксы. В "пазы" (слоты, slots) обычно трёхсогласного семитского корня вставляется двух- или трёхгласный трансфикс (ср. араб. корень *_k_t_b_* 'идея связи с процессом письма': *kataba* 'он написал', *kutiba* 'был написан', *kaatibun* 'пишущий', *kitaabun* 'письмо, книга', *maktabun* 'место, где пишут: школа, кабинет, контора и т.д.').

10. По характеру своей связи с корнем аффиксы могут быть агглютинативными и флективными.

Агглютинативные аффиксы:

построены по схеме "одно означающее - одно означаемое (грамматическое значение)"; их набор стандартен, случаи их омосемии (~ синонимии) аффиксов не наблюдаются; не наблюдаются также случаи омонимии аффиксов;

экспонентное варьирование ограничено только пределами действия механизма фонетически обусловленных чередований чередований;

соседние аффиксы чётко отграничиваются друг от друга;

нулевые аффиксы используются только в исходных словоформах;

отсутствие аффикса не лишает словоизменительную основу её права на автономность, присущую словоформе.

Флективные аффиксы, напротив:

часто построены по схеме "одно означающее - пучок одновременно реализуемых грамматических значений" (ср. ая /аја/ в красивая как носитель грамматических значений 'имя прилагательное, ед. ч., им. п., жен. род');

часто они реализуют схему "множество означающих - одно грамматическое значение", так как велик набор конкурентов среди омосемичных (синонимичных) аффиксов;

широко представлена омонимия аффиксов (так, рус. фонема /а/ может быть

экспонентом омонимичных морфем а1 (сущ., жен. род, им. п., ед. число: рек-а), а2

(сущ., муж. р., род. п., ед. ч.: стол-а), а3 (сущ., им. п. мн. ч.: сёл-а), а4 (прил., кр. форма, ед. ч., жен. род: умн-а), а5 (глагол, прош. вр., жен. р. ед. ч.: сел-а и т.д.);

экспонентное варьирование очень широко;

границы между морфемами могут утрачивать чёткость по причине слияния (фузии) соседних морфем;

нулевые аффиксы используются и в исходных, и в косвенных словоформах;

словоизменительная основа часто неспособна без сочетания с аффиксами быть автономной словоформой.

11. Активная роль в процессах ассимилятивного взаимодействия корня и аффикса может принадлежать корню (как в агглютинативных языках - тюрских и финно-угорских, где передний или непредний ряд гласных постфиксов определяется рядом гласного предшествующего корня; ср. чередование показателя мн. ч. -lag ~ -leg в тюркских языках) или же постфиксу (как в истории германских языков, где наличие в суффиксе -i-/-j- было причиной умлаута, т.е. чередования по заднему и незаднему ряду гласных корня и возникновения передних лабиализованных, и где наличие узких или широких гласных в суффиксе явилось причиной преломления, т.е. чередования гласных корня по степени подъёма).

12. В соответствии со своей функцией аффиксы могут отнесены к числу собственно грамматических (формообразующих), лексико-грамматических (словообразовательных) и формальных, служащих либо соединителями морфем в сложных словах (пар-о-ход, земл'-е-паш-ец), либо показателями словоизменительных классов (пах-а-ть, стел'-и-ть).

Грамматические значения слов и морфологические категории

Грамматические значения

Язык как коммуникативная система обеспечивает передачу информации различного рода. Это и информация о предметах, явлениях, положениях дел во внешней действительности, и информация о субъективных актах когнитивной (познавательной) деятельности и личных переживаниях говорящего, и информация служебного характера, касающаяся используемых способов построения связной речи и особенностей поведения в ней употребляемых языковых единиц и их вариантов.

Передачу служебной информации берут на себя грамматические средства, в том числе и морфологические.

В традиционной лингвистике принято разграничивать в содержательной структуре слова значения лексические и значения грамматические. Первые обычно характеризуют как вещественные, конкретные, а вторые как формальные, абстрактные. Грамматические значения, по А.А. Потебне, сопровождают значения лексические, накладываются на них. Но дело в том, что и лексические значения тоже нередко бывают абстрактными (например, значения слов отношение, правило, функция, информация, дружба). Сопоставление языков разного типа показывает, что то значение, которое в одном языке бывает выражено морфологически, в другом языке либо находит выражение с помощью лексических средств, либо обнаруживается благодаря вербальному и ситуационному контексту.

Иногда предлагается квалифицировать грамматические значения (в отличие от лексических) как обязательные. Так, в русском языке для любого существительного обязательно выражение значений предметности, числа, падежа, а в ед. ч. и рода. Но и этот критерий не абсолютен. В одном и том же языке одно и то же значение может быть передано в одних случаях грамматически, в других лексически, в третьих остаться невыраженным.

Поэтому можно просто исходить из того, что лексические значения выражаются знаменательными словами, формообразующими основами знаменательных слов, корневыми морфемами знаменательных слов. Носителями же грамматических значений выступают используемые в формообразовании слов аффиксальные морфемы, служебные слова, морфологические операции типа значащих чередований фонем и т.п. Но многие из этих средств используются также в словообразовании, т.е. в процессах построения новых лексических единиц (например, -суффикс -ск- в университетский, префикс при- в пригород). Такого рода факты затрудняют разграничение лексических и грамматических значений.

Можно, наконец, считать, что грамматические значения слов:

затрагивают их функции в речи, отношения между словами в предложении или словосочетании - синтагматическое, или реляционное, значение;

фиксируют принадлежность данного слова к той или иной части речи - частеречное значение;

характеризуют отношения между их формобразовательными вариантами в рамках парадигмы каждого данного слова - собственно морфологическое значение; соотносят между собой в рамках одного словообразовательного поля однокорневые слова и прежде всего слово производное со словом мотивирующим - словообразовательное (или деривационное) значение.

В данном разделе предметом разговора являются прежде всего собственно морфологические значения, элементарные значения словоформ многоформенных слов. Они могут:

иметь референциальный характер (т.е. относить данную словоформу к какому-то внеязыковому моменту). Так, например, значение ед. ч. имени существительного в принципе опирается на идею единичности данного предмета;

характеризоваться конкретной коммуникативно-ситуационной соотнесённостью. Так, значение первого лица предполагает указание на говорящего как активного участника данного коммуникативного акта;

указывать на характер структурно-синтаксических отношений между словами внутри предложения. Таково, например, значение вин. п. имени существительного; служить основой для классификации слов внутри одной части речи. Таково, в принципе, значение ср. р. имени существительного.

Грамматические категории слов

Элементарные грамматические значения даны в противопоставлениях друг другу. Так, в нем. противопоставлены друг другу значения четырёх падежей (им., род., дат. и вин.); англ. систему оппозиций образуют 16 временных форм глагола. Система падежных противопоставлений образует грамматическую категорию падежа. Система противопоставлений значений временных форм образует грамматическую категорию времени.

Но элементарные грамматические значения в рамках грамматических категорий противопоставлены не сами по себе. Семиотический подход к языковым единицам предполагает, что нет языковых значений самих по себе, как и нет языковых форм, которые были бы лишены значений. О грамматическом значении можно говорить лишь тогда, когда в данном языке имеется регулярно с ним соотносимый экспонент, т.е. формальный показатель грамматического значения. Таких показателей для одного и того же значения может быть несколько.

Единство грамматического значения и соотносимого с ним стандартного формального показателя образует двухстороннюю языковую единицу, грамматический знак, которому в отечественной лингвистике (А.В. Бондарко и др.) было присвоено имя граммемы. Это понятие близко к понятиям "формальной категории" у А.М. Пешковского и "категориальной формы" у А.И. Смирницкого. Его эквивалентами являются понятия "разряда грамматической категории", "частной грамматической категории" и "грамматической формы".

Соответственно и грамматическая категория слова (морфологическая категория) представляет собой не просто систему оппозиций элементарных грамматических значений, а систему противопоставлений грамем как двусторонних сущностей, обладающих каждая своим означаемым и своим означающим (или стандартным

набором означающих). Надо отметить, что если нет подобного противопоставления граммем определённого вида в данном языке, то нет и соответствующей грамматической категории. Так, например, не приходится говорить о категории падежа во фр., исп. или ит. языках.

В языках с развитым словоизменением различаются морфологические категории формообразовательные, члены которых представлены формами одного и того же слова в рамках его парадигмы (например, рус. категории падежа и числа имён существительных, категории падежа, числа, рода и степеней сравнения имён прилагательных) и категории классификационные, или неформообразовательные, члены которых представлены разными словами (например, рус. категория рода имён существительных).

Морфологическая категория представляет собой закрытую систему с ограниченным числом элементов. Число таких элементов предопределяет число морфологических оппозиций и набор дифференциальных семантических признаков граммем. Так, в немецком языке различаются 4 граммемы падежа, между которыми фиксируется 6 оппозиций. В некоторых диалектах этого языка число падежных граммем (за счёт совпадения дат. и вин. п.) редуцируется до трёх. Соответственно число оппозиций равняется трём. Грамматическая категория падежа в рус. включает в себя 6 граммем, число оппозиций между ними достигает 16.

От морфологических категорий отличаются:

лексико-семантические разряды слов внутри той или иной части речи (например, рус. имена существительные собирательные, конкретные, отвлечённые, вещественные, имена прилагательные качественные и относительные и др. подобные классы, где внутри соответствующего класса группируются слова на основе общего для их лексических значений дифференциального семантического признака); формальные классы слов (например, нем. конъюгационные классы сильных и слабых глаголов или же деклинационные классы имён существительных разных типов склонения, в которых их неодинаковое формообразование не мотивируется семантически).

Наборы граммем и грамматических категорий слов определённых частей речи неодинаковы от языка к языку. Так, нем. и англ. имена существительные обладают категориями числа, падежа и соотносённости (внутри которой противопоставлены граммемы несоотносённости, неопределённой соотносённости и определённой соотносённости), но в англ. отсутствует категория рода. В ходе исторического развития данного языка инвентари грамматических категорий слов и различаемых в них граммем могут испытывать изменения. Так, категория соотносённости имён существительных в герм. и ром. языках формировалась в тот исторический период, когда эти языки уже обладали письменностью. Современные славянские и германские языки не сохранили граммему дв. ч., входившую в формообразовательную парадигму праиндоевропейского глагола.

Грамматические категории вместе с противопоставленными внутри каждой из них грамеммами обеспечивают системную организацию морфологического компонента данного языка.

Грамматическим категориям слов как языковым сущностям могут ставиться в соответствие так называемые логические (внеязыковые) категории. Так, например, может проводиться различие между физическим временем, логической категорией времени и грамматической категорией времени. В рамках теории функциональной грамматики, развиваемой А.В. Бондарко, морфологическая категория квалифицируется как структурный центр, вокруг которого формируется функционально-семантическая категория (или функционально-семантическое поле), куда включаются, кроме морфологических, лексические и интонационные средства. Так, центр функционально-семантического поля темпоральности образует грамматическая категория времени. Грамматическая категория наклонения является ядром функционально-семантического поля модальности.

Единство логической, или понятийной, или мыслительной, категории и языковой, или речевой, категории, образует так называемую когнитивно-коммуникативную категорию.

Формообразовательная и словообразовательная структура слов

Вводные замечания

При морфологическом анализе слова его членение может осуществляться в трёх направлениях, что позволяет обнаружить три различные структуры - формообразовательную, словообразовательную и морфемную. Формообразовательная структура слова выявляется при сопоставлении всех словоформ данного слова, словообразовательная структура раскрывается при соотнесении мотивирующего (производящего) слова (или основы слова) и мотивируемого (производного) слова. К выявлению морфемной структуры приводит сопоставление всех словоформ данного языка.

Слово как класс словоформ

Формообразовательной (или словоизменяющей) структурой обладают только многоформенные (изменяемые) слова, не имеют её слова одноформенные (неизменяемые). Многоформенное слово представляет собой класс словоформ, выступающих в качестве элементов морфологической парадигмы. Данная парадигма отражает реализацию грамматических категорий и входящих в их состав грамм, которыми обладает данное слово как представитель определённой части речи. Одноформенное слово представлено единственной словоформой.

Парадигма может быть большой и малой. Большая парадигма (макропарадигма) охватывает, например, все категориальные изменения рус. существительных по 6 падежам и 2 числам, т.е. 12 словоформ; все категориальные изменения рус. прилагательных (от 24 до 29 словоформ, реализующих изменения по 2 числам, 3 родам в ед. ч., 6 падежам, 3 степеням сравнения, чередованию полных и кратких форм). Внутри большой парадигмы могут выделяться малые, или частные, парадигмы

(микропарадигмы), например, парадигма мн. ч. прилагательных, парадигма ед. ч. прилагательных (с дальнейшими подразделениями по родам - муж., жен. и ср.). Возможно выделение ряда промежуточных парадигм с охватом разного числа членов. Так, в англ. яз. парадигма личных индикативных форм, противопоставляемая парадигме неличных глагольных форм (вербоидов), при 16 временных формах, 6 формах 1, 2 и 3 л. в ед. мн. ч. насчитывает 96 членов. С учётом категории залога количество членов данной парадигмы удвоится (192). Если сюда добавить различие личных индикативных вопросительных, отрицательных и вопросительно-отрицательных форм глагола, количество членов парадигмы возрастёт до 576. Если мы примем во внимание противопоставление изъявительного и сослагательного наклонений, то получим 1152 члена личной глагольной парадигмы. За пределами этого множества пока остались императивные формы.

Сравнение синтетических словоформ, входящих в одну парадигму, позволяет их расчленивать на две структурные составляющие: основу, остающуюся в принципе инвариантной при морфологических видоизменениях и обеспечивающую тождество данного слова как лексем, и тот или иной форматор (форматив, формальный показатель), являющийся экспонентом соответствующей граммемы (или совокупности граммем).

Можно говорить о парадигме отдельного конкретного слова и о парадигме класса слов (части речи в целом или отдельного словоизменительного - деклинационного либо конъюгационного - класса). В первом случае парадигму представляют в виде записи всех словоформ данного слова одним или несколькими столбцами. Ср., например парадигму рус. существительного стол:

Ед. число Мн. число
 Им. пад. стол-# стол-ы
 Род. пад. стол-а стол-ов
 Дат. пад. стол-у стол-ам
 Вин. пад. стол-# стол-ы
 Твор. пад. стол-ом стол-ами
 Предложн. пад. о стол-е о стол-ах

Во втором случае строят парадигму, фиксируя в таблице лишь форматоры. Так, ниже приводится пример парадигмы словоформ рус. существительных муж. рода неодушевлённых (стол, столб, чайник, учебник, студент, университет, курс, экзамен, зачёт, деканат, фильтр и т.д.):

Ед. число Мн. число
 Им. пад. _-# _-ы
 Род. пад. _-а _-ов
 Дат. пад. _-у _-ам
 Вин. пад. _-# _-ы
 Твор. пад. _-ом _-ами

Предложн. пад. о(б) _-е о(б) _-ах

Одна из словоформ в рамках соответствующей парадигмы может квалифицироваться как основная, или исходная. Формообразование слова представляет собой процесс построения по определённым правилам морфологических преобразований (трансформаций) из исходной словоформы той или иной производной словоформы (или производных словоформ), иначе говоря, процесс перехода от основной формы к косвенной словоформе или косвенным словоформам.

В качестве начальной словоформы выбирается та, которая выступает как наиболее простая или позволяет построить наиболее оптимальным образом правила перехода ко всем другим словоформам. Она обычно фиксируется в словарях. Так, в словарях рус. яз. принято приводить для существительных словоформу им. п. ед. ч., для прилагательных словоформу им. п. ед. ч. муж. р., для глагола форму инфинитива. Лат. и греч. грамматики предпочитают в качестве словарной формы глагола словоформу 1 л. ед. ч. наст. вр. Например, лат. *subiecto* 'кладу вниз, подкладываю', греч. *kosmeo* 'привожу в порядок, устраиваю; ставлю в строй; украшаю'.

Однако правила формообразования слов чаще строятся с учётом не словарной формы данного слова, а его формообразующей основы. Формообразующая основа слова в целом и основа отдельных его словоформ могут совпадать, как, например, в случае разговорчив-ый. Но общая, инвариантная формообразующая основа слова может реализоваться в двух или более частных, парциальных, комплементарных по отношению друг к другу основах. Ср., рус. болгар-ин-у - болгар-ам (болгар- ~ болгарин-), порос-ёнок - порос-ят-а (поросён(о)к- ~ поросят-). Комплементарны относительно друг друга рус. глагольные основы зна- (зна-ть, зна-л) и знај- (знај-у, знај-ут).

Существенно усложняют картину значащие чередования фонем, участвующие в формообразовании слов. Они могут служить образованию разных основ, к которым возводятся соответствующие классы словоформ. Так, правила формообразования словоформ нем. и англ. нерегулярных (нестандартных) глаголов формулируются с учётом того, что имеются основы инфинитива (и наст. вр.), основы прош. времени и основы причастия прош. времени (*wir brech-en* 'мы ломаем' - *wir brach-en* 'мы ломали' - *ge-broch-en* 'поломанный'; *I begin* 'я начинаю' - *I began* 'я начал' - *begun* 'начатый').

Если же теперь обратить внимание на структуру аналитической словоформы, то обнаружится, что и она двучленна. В её состав входят:

знаменательное слово (как аналог формообразовательной основы в синтетической словоформе) и

служебное слово (как форматор, выступающий экспонентом той или граммемы и имеющий своим аналогом в синтетической словоформе аффикс или комплекс аффиксов).

Ср. рус. буду читать, где на долю буду приходится выражение граммемам 1 л. ед. ч. наст. времени изъявит накл., а на долю конструкции "служебное слово быть + инфинитив знаменательного глагола читать" - выражение буд. вр.; читал бы, где служебное слово

бы в составе конструкции, в которой знаменательный глагол содержит суффикс -л-, выступает экспонентом граммы сослагат. накл.

Форматоры аналитических словоформ могут быть однокомпонентными и многокомпонентными. Ср. примеры для комплексных форматоров: англ. I had been working (for a long time...) 'я уже долго работал (к определённому моменту)', I shall have been working (for seven hours...) 'я буду работать уже в течение семи часов (к определённому моменту)'.
Многочленные аналитические словоформы, состоящие из двух или более синтагматических слов, входят в парадигму словоформ различного типа. Чередуясь с синтетическими словоформами, они оказываются равны по своему статусу одночленным словоформам и, тем самым, парадигматическим словам. Участие в подобных парадигмах обеспечивает структурную целостность, внутреннюю спаянность аналитических форм.

В выборе соответствующих форматоров и, тем самым, в построении словоформ участвуют следующие морфологические процессы:

аффиксация (т.е. употребление соответствующих постфиксов, префиксов, инфиксов, циркумфиксов, трансфиксов, морфем с нулевыми экспонентами);

значащие чередования фонем (чередования гласных, возникшие в результате аблаута, умлаута, преломления; чередования согласных; ср. англ. goose 'гусь' - geese 'гуси', man 'человек; мужчина' - men 'люди; мужчины');

мена акцентных кривых (в языках с подвижным ударением; ср. пил-ы (им. п., мн. ч.) - пил-ы (род. п., ед. ч.);

мена тоном; ср.: язык нуэр lei (с восходящим тоном) 'животное' - lei (с нисходящим тоном) 'животные';

мена слоговых акцентов (тонических ударений, сопутствующих динамическим ударениям); ср. швед. en stol (тоническое простое, т.е. однонаправленное, либо падающее, либо восходящее ударение) 'стул' - stolarna (тоническое сложное нисходяще-восходящее ударение) 'стулья'; сербскохорв. сел-а (с кратким восходящим тоническим ударением) 'села (род. п., ед. ч.)' - сел-а (с долгим нисходящим тоническим ударением) 'сёл (род. п., мн. ч.)';

удвоение (редупликация) целых слов или частей слов (индонез. orang 'человек' - orang orang 'люди; греч. grapho 'пишу' - ge-grapha 'я написал', thyo 'приношу жертву' - te-thyka 'я принёс жертву'; гот. slepan 'спать' - sai-slep 'спал');

мена разных корней с тем же лексическим значением (явление супплетивизма: человек- - люд-и, ид-у - шё-л-, один- - перв-ый, хорош-ий - лучш-е);

использование служебных слов (предлоги и послелого, частицы, вспомогательные глаголы, слова-артиклы; ср.: фр. de la langue 'языка (эквивалентно рус. род. п. 'языка)'; of the language 'то же самое ('языка)'; читал бы; будет читать; Sprache - eine Sprache - die Sprache 'язык (формы несоотнесённости, неопределённой соотнесённости и определённой соотнесённости)'; des Studenten - dem Studenten - den Studenten 'студента - студенту - студента (формы род., дат. и вин. п.)'.

Нередко форматоры (и это можно отчасти наблюдать на вышеприведённых примерах) строятся как комплексы ряда показателей (например, словоформы им. п. мн. ч. бород-ы и род. п. ед. ч. бород-ы различаются употреблением двух разных (омонимичных)

морфем (ы1 и ы2) совместно с акцентным выделением в первом случае корневой морфемы, а во втором случае аффикса.

Во флективных языках форматор, как правило, является экспонентом нескольких граммем. Так, одно рус. окончание -у в пиш-у, пойд-у реализует 5 граммем (1 л., ед. ч, настояще-будущее вр., изъявит. накл., действ. залог). В азерб. бахабилмамаг 'не мочь смотреть' идею видения реализует основа (она же корневая морфема) бах-, а форматор абилмамаг представляет собой цепочку аффиксов (-абил- передаёт граммему возможности, -ма- выражает отрицание, -маг является аффиксом инфинитива).

Словообразование

Словообразовательная (деривационная) структура обнаруживается в словах-дериватах, т.е. производных и сложных словах. Её выявлению служит сопоставление слов мотивирующих и мотивируемых. В мотивируемом слове (слове-деривате) выделяются две части: словообразовательная основа (деривационная база) и дериватор как формальный показатель словообразовательного значения. Ср., например, чита-тель, посети-тель, строи-тель, раде-тель, лёт-чик, навод-чик, началь-ник, стрелоч-ник, учитель-ск-(ий), ментор-ск-(ий).

Как деривационная база, так и дериватор могут быть комплексными; ср., например, машин-о-пис-н-(ый), письм-о-нос-ец, где машин- и пис-, письм- и нос- принадлежат к составу соответствующих деривационных баз, а -о- и -н- в первом слове, -о- и -ец входят в состав форматоров. Словообразовательное значение и его формальный показатель можно объединить как две стороны (означаемое и означающее) языкового знака - дериватемы.

Дериватемы подобны граммемам, но отличаются от них тем, что они не объединяются в ограниченные по количеству противопоставляемых элементов, закрытые и жёстко структурированные множества, подобные морфологическим категориям.

Словообразовательные значения (в отличие от формообразовательных) выражаются менее стандартизованными, менее регулярными способами. Если мы попытаемся отобразить в таблице структуру словообразовательной парадигмы (например, парадигмы наименований "производитель действия", образуемых от глаголов активного действия), то мы обнаружим в этой таблице много пустых ячеек. Ср., например, *езди-тель, *лета-тель, *грузи-тель, *копа-тель, *запева-тель.

Выбору дериваторов служат следующие деривационные процессы:

аффиксация (при этом выбираются не формообразующие, а деривационные аффиксы; среди них не фиксируются морфемы с нулевыми экспонентами);

усечение мотивирующего слова (аббревиация); ср. англ. doctor > doc, laboratory > lab; нем. Laboratorium > Labor, Mathematik > Mathe, Universitaet > Uni;

значащее чередование фонем; ср. вез-у > воз, англ. sing - sang - sung > song 'пение'; house /haUs/ 'дом' > house /haUz/ 'проживать';

значащее чередование тонов;

значащее чередование слоговых акцентов (тонических ударений, сопутствующих динамическим ударениям);

значащее чередование акцентных кривых; ср. англ. export 'вывозить, экспортировать' > export 'экспорт';

удвоение (редупликация); ср. синий-синий, едва-едва; нем. Wittwarr 'неразбериха'; словообразовательная конверсия (транспозиция слова из одной части речи в другую, означающая включение слова в иную формообразовательную парадигму и приобретение им другого набора граммем): ср. нем. schreiben 'писать' > (das/ein) Schreiben 'письмо, послание'; англ. scalp 'кожа черепа, скальп' > (to) scalp 'скальпировать';

соположение слов (или основ слов) как компонентов деривационной базы; ср. яркосиний, жёлто-голубой; нем. Grundform 'основная форма', aufschreiben 'надписывать', hinausgehen 'выйти наружу (по направлению от говорящего)'; англ. shrill-gorges 'горластый', stand up 'встать';

соположение усечённых частей слов; ср. филфак, физмат; биохим, завлаб; использование служебных слов; ср. нем. sich erholen 'отдыхать'.

В конкретном акте словообразования могут взаимодействовать разные процессы, приводя к появлению комплексных дериваторов.

В целом проблемы словообразования занимают морфологию лишь постольку, поскольку многие деривационные процессы близки к формообразовательным и поскольку деривационный анализ, вместе с анализом формообразовательным, способствует в конечном итоге выявлению морфемной структуры слов и инвентаризации морфем, а также выяснению того, как сегментные морфемы взаимодействуют с суперсегментами морфологическими средствами.

Исторические изменения в морфологическом строе языка

Исторические изменения языковой системы в наибольшей степени касаются лексикона как её самого "мобильного" компонента. Но они могут затрагивать и другие компоненты - фонологический, морфологический и синтаксический.

Изменения в морфологическом строе языка (включая и систему формообразования, и систему словообразования) могут быть следующих видов:

изменения в инвентаре грамматических категорий,
перестройка внутренней структуры грамматической категории,
изменения в морфологическом типе языка,
перестройка морфемной структуры слова.

Инвентарь морфологических категорий может возражать. Так, в германских и романских языках сформировалась грамматическая категория соотносительности существительного (в терминологии Л.Р. Зиндера и Т.В. Строевой), более известная под традиционным именем категории определённости - неопределённости. Она представляет собой систему, в которой (в идеальном варианте) друг другу противопоставлены 3 граммемы: несоотносительность - соотносительность, а внутри разряда соотносительности - граммемы определённой и неопределённой соотносительности. Несоотносительность предполагает употребление имени для того или иного понятия в целом, соотносительность же имеет место при употреблении имени для отдельного

элемента данного класса предметов. Имя может выделять какой-то один из предметов класса, не уточняя его ближе (a book, ein Buch, un livre 'книга (какая-то из книг)', или же идентифицировать именно данный (а не любой другой) элемент класса (the book, das Buch, le livre 'книга (именно данная книга)'). Значение определённой соотнесённости обычно передаётся определённым артиклем, передаче значения неопределённой соотнесённости служит определённый артикль. Значение несоотнесённости выражается нулевым артиклем, т.е. артиклем, не имеющим материального экспонента и стоящим в оппозиции артиклям определённому и неопределённому. Значения несоотнесённости, определённой и неопределённой соотнесённости противостоят друг другу в единственном числе. Во множественном числе различаются лишь определённая и неопределённая соотнесённость, причём в последнем случае неопределённый артикль может иметь нулевую форму (the books - books, die Buecher - Buecher), которую не следует смешивать с нулевым артиклем как носителем значения несоотнесённости.

Инвентарь грамматических категорий может уменьшаться. Так, в английском языке отмерла категория рода существительных. Категория рода сохранилась здесь лишь у личного местоимения: he - she - it. По отношению же к английскому существительному иногда говорят, что оно обладает скрытой категорией рода, поскольку она обнаруживается лишь при замене имени личным местоимением. Французский язык (как и многие романские) утратил категорию падежа.

Перестройка внутренней структуры грамматической категории имеет место, во-первых, в тех случаях, когда число противопоставляемых в ней граммем уменьшается (сокращение числа родов во французском языке с трёх до двух за счёт исчезновения граммы среднего рода, сокращение числа родов в шведском с трёх до двух в связи со слиянием граммем мужского и женского родов, редуцирование числа граммем числа с трёх до двух в новых индоевропейских языках в связи с утратой граммы двойственного числа), и, во-вторых, в тех случаях, когда в рамках уже существующей категории возникают новые граммы (появление граммы будущего времени во многих индоевропейских языках, формирование сложной системы времён в английском языке, где в рамках одной категории друг другу противостоят 16 граммем). Изменение числа граммем связано и с изменением системы оппозиций внутри данной грамматической категории.

Изменения в морфологическом типе языка могут быть связаны, с одной стороны, с нарастанием тенденции к аналитизму, к замене синтетических форм аналитическими (например, во французском и английском языках) и, с другой стороны, с нередкой обратной тенденцией к преобразованию аналитических форм слова в синтетические (при переходе служебных слов в аффиксы; ср. фр. j'aimeraï и лат. amare habeo).

Перестройка морфологической структуры слова может происходить в виде следующих процессов:

опрошение (по В.А. Богородицкому), дестимологизация, т.е. исчезновение морфемного шва, слияние соседних морфем в одну: ср. русск. пояс, пол. pas, чеш. и словац. pas, но лит. juosta; русск. орёл, но нем. Aar, хет. haras, русск. запах, воздух,

англ. lord < др.-англ. hlafweord 'хранитель хлеба', англ. lady < др.-англ. hlafdige 'замешивающая хлеб';
переразложение (по В.А. Богородицкому), метанализ, т.е. перемещение морфемного шва: например, передвижение границы: рука-ми, где -а входило в основу в качестве тематического гласного > рук-ами, где -а вошло в состав окончанания; переход согласного -n-, которым оканчивались в др.-русск. варианты (алломорфы) префиксов в- и с- перед гласными, в состав корневых морфем (объять - обнять, приятие - принять, подымать - поднимать, ухо - внушить, утроба - внутрь, ядро - внедрить, еда - снедь, искать - снискать; его - отнего, им - с ним, их - у них);
осложнение (по Ю.С. Маслову), т.е. появление нового морфологического шва при народно-этимологическом переосмыслении слова; исп. hamasa, фр. hamas, русск. гамак, но нидерл. сложное слово hangmat 'подвесной коврик, мат'.

Предложение как основная единица синтаксического анализа

В отличие от фонологии, морфологии и лексикологии, синтаксис имеет дело не с воспроизводимыми, инвентарными языковыми единицами, а с единицами конструктивными, которые строятся каждый раз, в каждом отдельном речевом акте заново

- а) с использованием конструктивных средств соответствующего языка
- б) применительно к данному, конкретному положению дел (Sachverhalt, state of affairs), о котором предполагается сообщить, и
- в) применительно к данному, конкретному коммуникативному акту, к его прагматическому контексту, включающему в себя автора высказывания и его адресата (или адресатов), места, времени и условий высказывания.

К числу синтаксических конструкций относятся текст (как графически зафиксированное развёрнутое высказывание, выступающее в виде связной последовательности предложений), предложение и словосочетание. Каждая из них может характеризоваться в трёх аспектах: формально-структурном (строевом), семантическом и прагматическом. Словосочетание, предложение и текст могут изучаться как с позиций формального подхода, т.е. в направлении от формы к её значению, так и с позиций функционального, и прежде всего содержательного, подхода, т.е. от значения к выражающим его средствам. Первый подход лежит в основе "пассивной" грамматики, а второй - в основе "активной" грамматики (термины Л.В. Щербы). Формальный подход воспроизводит путь читателя, а вместе с тем путь лингвиста-аналитика. Функциональный подход, по сути дела, моделирует путь говорящего.

Привязка к коммуникативно-прагматическому контексту в наибольшей степени присуща тексту как полному знаку, обладающему относительной коммуникативной завершёностью. Прагматические свойства текста делают его дискурсом, т.е. позволяют квалифицировать его не просто как замкнутую последовательность предложений, а как замкнутую последовательность речевых актов. Строевые же свойства текста отодвигаются на задний план. К тому же они настолько варьируют от одного текста к другому, что практически нет возможности

постулировать наличие в языковой системе некоего формально-структурного инварианта текста. Разрабатываемые в лингвистике текста понятия типа (или вида, или сорта, или жанра) текста мало информативны в том, что касается исходных формально-структурных схем, которые были бы воспроизводимы, т.е. принадлежали бы системе языка, и могли бы лежать в основе порождения текста определённого типа. Экспериментально их существование не было подтверждено. Формальные средства типа повтора слов, словосочетаний и предложений, а также разнообразных текстовых скреп (или коннекторов), межфразовых отсылок, единого для данного текста мелодического регистра и т.п. используются весьма нерегулярно и непоследовательно и не образуют особой системы. Модели конструирования текста в целом не являются по существу языковыми явлениями.

В тексте могут быть обнаружены из принадлежащих языку конструктивных схем: а) структурно-семантические схемы построения элементарных (бинарных) словосочетаний, б) способы соединения элементарных словосочетаний в более сложные, в) элементарные пропозициональные (предикатно-актантные) и, по всей вероятности, субъектно-предикатные схемы построения предложений, г) способы сцепления элементарных пропозиций в сложные, комплексные пропозициональные структуры. Но уже для развёрнутого предложения характерно, что его многопропозициональная структура после того, как это предложение было построено и произнесено, рассыпается на свои составляющие. Точно так же рассыпается пропозициональная макроструктура целого текста после того, как текст был построен и произнесён. Многопропозициональные структуры - это своего рода "однодневки". Сам же текст, как и любое синтаксическое образование, не характеризуется свойством воспроизводимости. В экспериментах по нарочитому воспроизведению текста обнаруживается, что информанты, т.е. участники опыта (если они не обладают уникальной памятью или не заучили текст наизусть), строят каждый раз новый текст, в разной степени приближённый к опытному образцу и выступающий в виде его пересказа, который обычно не совпадает у разных участников эксперимента. В том или ином пересказе могут сохраняться (и то не в полном и часто даже в изменённом виде) лишь тематические, содержательно-композиционные и прагматические свойства опытного образца.

Направления, в которых может развёртываться текст / дискурс, практически непредсказуемы. Отсутствие в языковой системе набора достаточно жёстких инвариантных формально-структурных характеристик текста даёт основание считать, что текст представляет собой сугубо речевую, а отнюдь не языковую единицу. Именно сугубо речевым статусом текста (дискурса) объясняется единичный, невоспроизводимый характер его пропозициональной структуры, выступающей в виде сцепления пропозициональных структур предложений.

Это не значит, что текст не может быть объектом лингвистического анализа. Но, занимаясь исследованием текста, при построении которого используются воспроизводимые языковые элементы, лингвист не должен упускать из вида, что многое в построении текста определяется не языком, а конкретной темой, сферой общения, творческим замыслом автора, действующими в данном этнокультурном коллективе композиционными и стилистическими канонами и т.п. Весьма

примечательно, что при множестве имеющихся типологий текстов (дискурсов) нет собственно лингвистической типологии.

В минимальной степени коммуникативно-прагматические свойства проявляются в словосочетании. В его структуре главенствуют формально-структурные и семантические составляющие. Сами словосочетания не воспроизводимы, но воспроизводимы формально-структурные и семантические схемы, которые и реализуются в процессах порождения актуальных словосочетаний, т.е. сочетаний конкретных слов определённых грамматических классов. Это как раз и даёт основание говорить и о речевом, и о языковом статусе словосочетаний. Под понятие словосочетания разными учёными подводятся:

любые сочетания слов, в том числе и сочетания знаменательных слов со служебными (например: в университет, на экзамене, der Tisch, la table, the table);
сочетания любых двух (и более) знаменательных слов (например: сдать экзамен, вернуться домой, увлекательный рассказ, применять новую методику; студенты поют);
сочетания двух (и более) знаменательных слов, не строящиеся по структурной схеме "Имя (в им. п.) + Глагол (в личной форме)" (у В.В. Виноградова и его последователей).
В синтаксической системе соответствующего языка наличествует конечный набор инвариантных схем (или моделей) словосочетаний, в которых формальные и семантические аспекты выступают в тесном единстве. Такие схемы фиксируют не просто типы сочетаний слов как носителей лексических и грамматических значений, т.е. семантем и граммам, но и приобретаемые данными словами синтаксические функции, характеризующие их в отношении друг к другу и к конструкциям в целом. Поэтому такие схемы могут быть представлены и в терминах грамматических классов сочетающихся слов (например, Существительное + Прилагательное, Глагол + Существительное в косв. п., Глагол + Наречие), и в терминах синтаксических функций / позиций сочетающихся слов (например, Подлежащее + Сказуемое, Сказуемое + Дополнение, Сказуемое + Обстоятельство). Слово в синтаксической конструкции, приобретая синтаксическую функцию, становится элементарным синтаксическим знаком - синтаксемой. Синтаксема представляет собой слово (обычно знаменательное слово или же сочетание знаменательного слова со служебным) в его синтаксическом использовании, слово как носитель синтаксической функции. Она может входить в предложение и как элемент словосочетания, и непосредственно.
С точки зрения функциональной могут различаться словосочетания: предикативные (образующие, с точки зрения сторонников обязательности для предложения подлежащно-сказуемой структуры формально-структурный и содержательный каркас предложения и поэтому не квалифицируемые В.В. Виноградовым как словосочетания), атрибутивные, объектные (или комплетивные) и обстоятельственные. Схемы словосочетаний атрибутивного, объектного и обстоятельственного типов служат средствами для распространения формально-семантического каркаса предложений и введения в структуру предложения его второстепенных членов.

В истории языкознания (начиная ещё от представителей Александрийской школы грамматики (в особенности Аполлония Дискола, 2 в. н.э.) синтаксис нередко сводился к описанию правил сочетания слов и, тем самым, к теории словосочетания. В

формальной грамматике, идеи которой у нас развивали глава Московской лингвистической школы Ф.Ф. Фортунатов и его ученики и последователи), предложение было объявлено одним из видов словосочетаний, а именно предикативным словосочетанием (у некоторых исследователей законченным словосочетанием). Но подход к предложению со стороны слова (и словосочетания) не адекватен его природе, так как акцентирует внимание только на межсловных связях в предложении и не учитывает качественной специфики предложения в целом, прежде всего в семантическом и прагматическом аспектах. Поэтому в современном языкознании либо рядом с теорией словосочетания строится теория предложения (В.В. Виноградов), либо теория предложения поглощает теорию словосочетания, используя последнюю как объяснительный инструмент при рассмотрении механизмов образования распространённых предложений.

Виноградовский подход означает признание и словосочетания, и предложения в равной степени основными синтаксическими единицами. Выдвижение на первый план теории предложения опирается на идею о центральном положении предложения в синтаксической системе языка.

В отличие от словосочетания предложение предназначено для описания некоего положения дел как целостного ансамбля элементов ситуации. Его прагматический потенциал значительно выше прагматического потенциала словосочетания. В отличие же от текста привязка к коммуникативно-прагматическому контексту лишь в некоторой степени характеризует предложение, когда оно является лишь одной из составляющих текста, а не выступает автономно (будучи потенциальным минимумом текста) в роли речевого акта, т.е. минимального дискурса. Но как раз эта способность быть возможным минимумом текста побуждает рассматривать предложение как единицу текста, т.е. как единицу, более близкую к тексту, нежели к словосочетанию, имеющую, как и текст, коммуникативную предназначенность и вместе с тем оформленную интонационно.

Предложение выступает и как речевая, и как языковая единица, что его сближает со словосочетанием, но отличает от текста. Предложение, как словосочетание и текст, само по себе не воспроизводимо как готовая, инвентарная единица. Но оно каждый раз строится заново в речи, во-первых, в процессе реализации (актуализации) одной из входящих в синтаксическую систему языка инвариантных формально-содержательных схем (моделей) и, во-вторых, в процессе использования тех или иных (тоже инвариантных, принадлежащих языку) правил его преобразования из исходной формы в конечную.

Схема 1

Текст Предложение Словосочетание

Речевой статус + + +

Языковой статус - + +

Схема 2

Текст Предложение Словосочетание

Коммуникативность + + -

К определению предложения нужно подходить, учитывая его многоаспектный характер.

Во-первых, в определении предложения должно быть указано на его принадлежность к числу коммуникативных знаков, точнее к числу комплексных знаковых образований, способных служить передаче сообщения. Словосочетанию коммуникативная функция и интонационная оформленность не присущи. Коммуникативным знаком прежде всего является текст. Предложение же в потенции (при его автономном употреблении) может быть минимумом высказывания и текста, и потому оно выступает как минимальная коммуникативная единица, как единица, непосредственно соотносящаяся с минимальным коммуникативным действием - речевым актом. У предложения, как и у речевого акта, есть свой автор и свой адресат, оно может реализоваться в конкретном коммуникативно-прагматическом контексте. Отвлечение от факторов этого контекста, обычное для синтаксического описания, представляет собой чисто методический приём, используемый исследователями.

Во-вторых, предложение соотносится с определённым классом сложных по строению ситуаций как своим комплексным денотатом в предметном ряду и соответственно с комплексным сигнификатом в мыслительном ряду (это свойство позволяет говорить о ситуативной отнесённости предложения). В отдельном акте коммуникации его ситуативная соотносённость актуализируется с помощью средств, обеспечивающих референцию предметных (актантных) составляющих предложения к реальным или гипотетическим предметам как участникам (партиципантам) конкретных, единичных ситуаций.

В-третьих, "привязка" предложения к конкретной ситуации осуществляется с помощью средств, относящих описываемую ситуацию к тому или иному модальному плану и тому или иному временному плану. В.В. Виноградов соответственно постулирует существование синтаксических категорий модальности и темпоральности, объединяя их в рамках синтаксической надкатегории предикативности и объявляя предикативность важнейшим (наряду с интонацией) признаком предложения.

В-четвёртых, предложение, как и словосочетание, строится из слов (точнее, из словоформ). Входящие в его структуру синтаксемы могут быть членами предложения непосредственно (например, сказуемое) или как зависимые конститuentы словосочетаний, функционирующих в роли членов предложения (например, определений).

В-пятых, у каждого предложения в принципе имеется структурный минимум, исходная структура, которая может сводиться либо к включающей главные члены предложения подлежащно-сказуемой структуре (в терминологии НС-грамматики, к сочетанию "Именная группа [noun phrase] + Глагольная группа [verb phrase]"), либо к конструкции, включающей в свой состав необходимые члены предложения ("Подлежащее + Сказуемое + Дополнение"), либо к наличию предикатного ядра (например, "Глагол") с его сочетаемостными потенциями (валентностями), подлежащими заполнению соответствующими именами. Валентности могут быть сильными и слабыми, обязательными и факультативными (их особенности изучали

С.Д. Кацнельсон, Люсьен Теньер, А.А. Холодович, Герхард Хельбиг, И.П. Сусов).

Реализация валентностных связей слов приводит к появлению в структуре предложения его второстепенных членов.

В-шестых, распространение и свёртывание предложений, их соединение в более сложные комплексы и происходящие при этом разнообразные преобразования (трансформации) предполагают наличие конечных наборов правил развёртывания и трансформационных правил. Г.Г. Почепцов к числу синтаксических процессов относит расширение (образующее сочинительные ряды слов), усложнение (прежде всего усложнение сказуемого модальными, фазовыми и пр. словами), развёртывание (замена слова подчинительным словосочетанием), совмещение, или контаминация (образование сложного сказуемого за счёт включения в его состав предикативного определения), обособление, замещение (прономинализация), опущение (эллипсис). В.Б. Касевич даёт более общую классификацию этих процессов, именуя их синтаксическими трансформациями, и разграничивает трансформации распространения (куда, в частности, входит введение отрицаний, фазовых, модальных и пр. слов), свёртывания, вставления (включение предварительно трансформированных предикативных конструкций в позицию актанта, в том числе придаточных "предложений"), замещения (прономинализации), перемещения. К синтаксическим трансформациям следовало бы также отнести линейризацию (развёртывание исходной нелинейной синтаксической конфигурации при образовании предложения в цепь).

В-седьмых, при грамматическом описании предложения выявляется следующая иерархия синтаксических значимых единиц: синтаксема - член предложения - предложение. Отказываться от понятия члена предложения, как это наблюдается в ряде синтаксических теорий, нет необходимости. Каждая из названных единиц является и речевой, и языковой. В последнем случае каждая из них отвлечена от конкретного словесного наполнения. Это относится и к синтаксеме. Так, она при первом приближении может быть определена как слово (словоформа), но её инвариантные свойства заключаются в том, что она выступает как элемент синтаксической конструкции, находящийся в определённых отношениях к другим синтаксемам и к данной конструкции в целом. Конкретность же слова не существенна для данной синтаксемы. Поэтому иногда можно трактовать синтаксему как семантически маркированную синтаксическую позицию, допускающую её замещение любым словом из множества тех, которые могут быть носителями, допустим, функции активного производителя действия или функции инструмента.

В-восьмых, содержательная структура предложения многоаспектна (и об этом подробнее пойдёт речь в следующих разделах данного учебного модуля).

Предложение

а) как комплексная номинация описывает некое целостное положение дел (как ансамбль участников ситуации и связывающего их отношения, т.е. единство семантических актанта и семантического предиката),

б) как предикативная единица выражает некое целостное суждение (как единство логического субъекта и соотносимого с ним логического предиката),

в) как коммуникативно-информационная единица передаёт некое целостное сообщение о чём-то, которое вкладывается в ту или иную "упаковку" (как единство данного и нового, как единство определённого и неопределённого, как единство темы и ремы и т.д.),

г) как коммуникативно-прагматическая единица включает в свой состав инвариантную, контекстно независимую часть (пропозициональную, или фактуальную, составляющую, диктум) и переменную, контекстно обусловленную часть (прагматическую рамку, или коммуникативный модус).

Можно, соответственно, утверждать, что в одном и том же предложении совмещены несколько различных содержательных и формальных структур, а именно: Пропозициональная (пропозитивная, предикатно-аргументная) структура; Предикационная (предикативная, субъектно-предикатная) структура, Актуализационные структуры, обеспечивающие "привязку" предложения к описываемой предметной ситуации и к ситуации высказывания (информационная, идентификационная, тематическая и ряд других дополнительных структур - с топиком, с фокусом контраста и с фокусом эмпатии, или личного интереса говорящего; а также структуры, посредством которых реализуются обладающие формоизменяющимися парадигмами понятийные категории модальности, темпоральности, персональности, или личности - безличности, утверждения - отрицания и т.д.), Интенциональная (речеактовая, или коммуникативно-прагматическая) структура. Каждая из таких структур выступает в качестве способа "упаковки" передаваемой посредством предложения информации. Сосредоточение в этой единице множества разноплановых, но тем не менее собственно языковых характеристик, для выражения которых имеются соответствующие формальные средства, создаёт большие трудности для его исследователей. Но именно в предложении сполна реализуются свойства единиц лексических, морфологических, просодических и фонематических. Можно признать справедливым утверждение Л. Теньера, что с предложением мы покидаем сферу языка и вступаем в сферу речи. Такие особенности предложения делают его центральной единицей синтаксической системы, а по мнению многих современных лингвистов, вообще центральной единицей языка, порождению которой в речи служат, в конечном итоге, все прочие компоненты языковой системы в целом.

Пропозициональная структура предложения

Предложение как конструктивный знак соотносится с внеязыковой реальной или мыслимой ситуацией как своим денотатом. Оно вычленяет в действительности тот или иной её фрагмент и представляет этот кусок действительности как расчленённое и вместе с тем целостное единство. Его денотатом является не просто совокупность отдельных элементов опыта, а их ансамбль. Связанные в рамках ситуации неким отношением предметы (в самом широком смысле слова, т.е. люди и животные, предметы природы и артефакты и т.п.) квалифицируются как участники (партиципанты) ситуации. В ситуации с одним партиципантом его характеризует некое свойство. Отношения и свойства предметов (предметных участников ситуации) - это и есть те признаки, выражению которых служат предложения.

Люди имеют дело с бесконечно разнообразными ситуациями. Но, познавая действительность, они конкретные, единичные ситуации сводят в классы, относят их к определённым структурным типам. И в этом процессе категоризации положений дел

значительная роль принадлежит языку, который в процессе своей эволюции вырабатывает соответствующие конструктивные схемы.

Отдельным элементам ситуаций (как предметам, так и объединяющим их отношениям) в семантической сфере языка ставятся в соответствие семантемы. Это единицы значения, являющиеся по своей природе односторонними. Они выступают в качестве означаемых таких элементарных знаков, как, с одной стороны, лексемы и фразеологизмы, и, с другой стороны, синтаксемы, представляющие собой элементарные значимые единицы в составе синтаксических конструкций. Внеязыковая ситуация отображается семантической конструкцией, или конфигурацией. Её ядром служит семантема, отображающая признак, т.е. отношение или свойство. Это ядерная семантема, или признаковая семантема, или предикатная семантема, или семантический предикат. Предикатная семантема, обладая определённым валентностным потенциалом, стремится создать своё окружение. В это окружение входят семантемы, отображающие участников ситуации. Это предметные семантемы, или актантные семантемы, или семантические актанты. Актанты квалифицируются в зависимости от той роли, которые играют в описываемых ситуациях их предметные участники. Им приписываются семантические роли агента (производителя действия), объектива (объекта действия), инструмента и т.д. Семантическую конфигурацию часто называют пропозицией. В принципе пропозиция, или семантическая конфигурация, не линейна, т.е. составляющие её семантемы не следуют друг за другом. Предикат пропозиции главенствует над своими актантами. В скобочной записи его главенствующая роль выражается в том, что символ для предиката помещается перед скобками, открывая для своих актантов рамку (frame). Пропозиция выступает как начальный способ "упаковки" информации, которая подлечит передаче посредством высказывания. Одна пропозиция или соединение ряда пропозиций образует семантическую основу предложения, его глубинную (или смысловую) структуру.

Пропозиция есть означаемое элементарной синтаксической конструкции, или конфигурации. Учитывая семантическое содержание каждой синтаксемы, точнее было бы говорить о синтаксико-семантической конфигурации. Ядром этой конфигурации является синтаксема, имеющая своим означаемым предикатную семантему. Это ядерная синтаксема, или предикатная синтаксема, или синтаксический предикат (некоторые исследователи говорят в этом случае о реляторе, функторе и т.п. и избегают термина предикат при описании структуры предложения в номинативном аспекте). Окружение предикатной синтаксемы образуют синтаксемы, означаемыми которых выступают актантные семантемы. Это актантные синтаксемы, или синтаксические актанты. Валентностный потенциал предикатной синтаксемы предопределяется прежде всего валентностным потенциалом предикатной семантемы. Синтаксическая конфигурация также в принципе не линейна.

Итак, мы наблюдаем следующие соответствия:

Схема 1

Явления внеязыкового ряда Означаеые конструктивных знаков Конструктивные знаки

Расчленённые, но целостные ситуации (положения дел) Семантические конфигурации как ансамбли семантем (пропозиции) Синтаксические конфигурации как ансамбли синтаксем

Отношения и свойства участников ситуаций (партиципантов) Предикатные семантемы (семантические предикаты) Предикатные синтаксемы (Синтаксические предикаты) Участники ситуаций Актантные семантемы (Семантические актанты) Актантные синтаксемы (Синтаксические актанты)

Одна или несколько объединённых друг с другом пропозиций образуют пропозициональную структуру, которая выступает как фундамент организации смысла в предложении и, по сути дела, предопределяет набор всех основных конститuentов предложения и иерархический характер отношений между ними, при условии доминирующей роли предиката. Иерархическую структуру предложения воспроизводит, в частности, вербоцентрическая модель, принадлежащая Люсьену Теньеру. Выше приводится пример построенной в его духе стеммы для предложения Вчера Антон подарил маме красивые цветы. Здесь А1 - первый актант (подлежащее) Антон, А2 - второй актант (прямое дополнение) цветы, А3 - третий актант (косвенное дополнение) маме, С - сирконстант (обстоятельство) вчера, Attr - атрибут (определение) красивые.

Предикатные семантемы и предикатные синтаксемы обладают свойством активной валентности (т.е. сочетательной потенции). Благодаря своим валентностным свойствам именно они и выступают ядрами тех или иных конструкций. Предметным (актантным) семантемам и синтаксемам присуща в принципе пассивная валентность. Это означает, что они входят в сочетания, лишь реализуя валентности предикатных компонентов и образуя их окружения. Отсюда вытекает семантически господствующая роль предикатного компонента в том или ином сочетании и семантически подчинённая роль предметного (непредикатного) компонента. Валентность может быть обязательной, т.е. предполагать необходимость замещения вакантных позиций при данном предикатном компоненте. Она может быть и необязательной, факультативной, и реализующие её компоненты не входят в необходимое и достаточное окружение ядерного компонента.

Возможности группировки внеязыковых ситуаций и, соответственно, семантических конфигураций (пропозиций) в классы заключаются в том, что:

во-первых, тот или иной участник ситуации по отношению к другим её участникам и по отношению к ситуации в целом выступает носителем какой-то типовой роли; например, в ситуации дарения (а это типовая ситуация с тремя партиципантами) роли распределяются следующим образом: <даритель>, <получатель подарка>, <объект дарения> (в более обобщённом описании вторая роль характеризуется как <бенефициант / бенефициатив>);

во-вторых, в соответствующей семантической конфигурации дарения предикатная семантема проявляет себя как её активный элемент, в котором как бы уже содержится

схема развёртывания конфигурации, где каждому потенциальному актанту задаётся семантическая роль или "даритель", или "получатель подарка", или "объект дарения"; в-третьих, предикатная семантема по числу её распространителей (иначе по мощности необходимого и достаточного окружения) может квалифицироваться как одноместная (одновалентная) или многоместная (многовалентная);

в-четвёртых, число возможных семантических ролей актантов в принципе не очень велико, хотя об их числе пока не приходится определённо говорить (одни лингвисты говорят о 8 ролях, у других этот список превышает 40 ролей).

Соответствующие семантические роли (или функции) приписываются и синтаксическим актантам, выступая в качестве их важнейшей содержательной характеристики. Предикат пропозиции включает в свою рамку актанты с указанием присущих им семантических ролей (в терминологии Ч. Филлмора, глубинных падежей). Например, глагол открывать создаёт при себе следующую рамку (frame): открывать [Объектив, Инструмент, Агенс]. Используя подобные схемы, можно построить типологию синтаксических конфигураций (и лежащих в их глубинной основе пропозиций).

Наиболее однозначно различение следующих семантических ролей (или функций), иллюстрируемое в нижеприводимых предложениях:

"агенс" (или "агентив") - одушевлённый производитель действия: Мама печёт пирожки; Сыном построена дача;

"экспериенсер" (или "экспериенсив") - одушевлённое существо, являющееся субъектом восприятия, носителем эмоций и т.п.: Отец смотрит телефильм; Сестра радуется подарку; Погода огорчает лыжников;

"бенефактив" (или "бенефициатив") - одушевлённое существо, на пользу (или во вред) которому совершается действие: Отец подарил сыну часы; Сын получил в подарок часы; У Пети украли мяч;

"элементив" - стихийная сила как источник изменения в положении дел: Молния ударила в дерево; Водой унесло лодку;

"фактитив" (или "результатив") - одушевлённый или неодушевлённый предмет, возникший, прекративший существование или подвергшийся изменению: Она родила дочь; Мама печёт пирожки; Мальчик нарисовал картину;

"объектив" - одушевлённый или неодушевлённый предмет, участвующий в действии, но не подвергающийся изменениям в своём качестве: Сестра ставит вазу на стол;

"перцептив" - предмет восприятия: Картина радует зрителя;

"инструмент" - предмет, посредством которого совершается действие: Я открываю дверь ключом; Ключ открывает дверь; Мел пишет хорошо;

"локатив" - место, где происходит действие: Мы живём в Твери; Тверь - красивый город;

"аблатив" - место, откуда начинается перемещение в пространстве: Он покинул Тверь; Поезд отошёл от перрона;

"директив" (или "финитив") - место, являющееся конечным пунктом передвижения: Я направился в Интернет-Центр;

"транзитив" - место, через которое пролегает путь: Я иду по коридору; Поезд из Москвы в Брюссель идёт через Варшаву.

Как сам синтаксический предикат, так и каждая из семантических ролей синтаксических актантов в принципе кодируются определёнными, стандартными для данного языка формальными показателями.

Если в представлениях единичных семантических конфигураций опустить указания на конкретных участников соответствующих ситуаций и не конкретизировать отношения (или свойства), то мы получим абстрактное представление для класса семантических конфигураций, например: "Отношение, возникающее в процессе передачи собственности + Объектив + Бенефактив + Агентив". Такие структурные схемы представляют собой конструктивно-семантические инварианты, о которых можно говорить, что они являются фактами не только речи, но и языка.

Инвариантный характер таких пропозициональных схем подтверждается, в частности, возможностями построения перифраз, не нарушающих инвариантного характера пропозиций. Ср.: Отец оставил сыну в наследство дом -- Дом перешёл / остался сыну в наследство от отца -- Сын унаследовал / получил в наследство дом от отца.

Между семантемами и синтаксемами не всегда имеет место одно-однозначное отношение. Так, в позиции синтаксического актанта может появиться и предикатное, или пропозициональное, имя (Он размышлял о проблемах семантического синтаксиса. Размышления прервал приход друга).

При описании посредством предложения или же текста сложных денотативных ситуаций элементарные пропозиции могут соединяться в семантические блоки, в соответствие которым ставятся блоки пропозиций. В синтаксических блоках образующие их элементарные конструкции могут просто присоединяться одна к другой или включаться (иногда после определённых трансформаций, в частности прономинализации, номинализации и т.д.) одна в другую (включающая синтаксическая конструкция выступает как матричная). Аналогично (путём соединения элементарных пропозиций в сложную пропозицию и менее сложных пропозиций в ещё более сложную) строится пропозициональная структура текста (его макроструктура). Например:

Пришёл Максим. Он (Максим) принёс компакт-диск. Схема: <прийти (Максим) + принести (Максим, компакт-диск), Максим --> прономинализация: он>;
Пришёл Максим. Его приход (= то, что он пришёл) всех обрадовал. Схема: <прийти (Максим) + радовать (р (= Максим пришёл), всех), Максим --> его>; здесь пропозиция р в номинализованной форме включается в состав матричной пропозиции в качестве её актанта;

Пришёл Максим. Мы его ждали. Он принёс взятый у меня компакт-диск. Схема: <прийти (Максим) + ждать (мы, Максим), Максим --> его + принести (Максим, компакт-диск), Максим --> + взять (Максим, компакт-диск, у меня), Максим --> опущение, компакт-диск --> опущение>.

Связанные в одном тексте предложения должны отвечать принципу релевантности, т.е. относиться к одной и той описываемой ситуации, к одному положению дел, к теме (содержанию) данного текста. Тема текста может быть репрезентирована одной элементарной пропозицией. Так, всё содержание новеллы, рассказывающей о том, как

Пушкин познакомился с Натальей Гончаровой, как он ухаживал за ней, как делал предложение, как он приводил в порядок свои хозяйственные дела, чтобы изыскать средства для содержания семьи, как проходила свадьба и как стала складываться в самом начале его семейная жизнь, можно свести к пропозиции Пушкин женится на Наталье Гончаровой (в результате номинализации та же пропозиция выступает следующим образом: Женитьба Пушкина на Наталье Гончаровой). Номинализации пропозиций часто используются в качестве заголовков текстов.

Некоторые семантические конфигурации или их отдельные элементы могут не найти соответствия в синтаксической структуре, т.е. остаться не выраженными, скрытыми, имплицитными, что, однако, не всегда препятствует пониманию (так, например, при восприятии высказывания Даже он не смог перевести этот текст мы можем достаточно легко восстановить так называемую пресуппозицию 'Я не ожидал этого'; осознание пресуппозиций как раз и позволяет лучше понимать воспринятое высказывание).

Итак, семантическая конфигурация (пропозиция) моделирует внеязыковую (денотативную) ситуацию в основных её элементах и отношениях. Синтаксическая структура языка располагает набором конструктивных возможностей для номинации фактов действительности и сведения необозримого множества конкретных элементарных ситуаций к относительно небольшому числу их схем. Такие схемы пропозитивной номинации заложены в самой природе предложения. Воспроизводимы не схемы распространённых и усложнённых предложений, а схемы элементарных синтаксико-семантических конструкций и правила их развёртывания и преобразования при конструировании предложений. На этом и основана трактовка предложения как ведущей единицы синтаксической (конструктивной) номинации. При развёртывании текста (дискурса) происходит сцепление пропозициональных структур отдельных предложений в пропозициональную структуру текста (макроструктуру).

При исследовании предложения в номинативном (или собственно семантическом) аспекте устанавливается соответствие между структурой репрезентируемой ситуации и структурой предложения. Этот аспект предложения долгое время оставался в тени, так как в традиционной синтаксисе прежде всего (начиная с Платона и Аристотеля) соотносилось строение предложения (грамматические субъект и предикат, иначе - подлежащее и сказуемое) и логического суждения (логические субъект и предикат), а впоследствии стали также сопоставляться строение предложения (подлежащее и сказуемое) и структура передаваемого в нём сообщения (тема и рема).

Номинативный (пропозитивный) план предложения оказался в центре особого внимания исследователей с конца 60-х гг. 20 в. в связи с запросами со стороны представителей дисциплин, занимающихся автоматической обработкой текста и порождением речи человеком. Это отразилось в появлении в лингвистике ряда теоретических моделей, исходящих из приоритетной роли глагола (предиката) в развёртывании предложения. Предикатному компоненту была отведена роль верхнего узла (вершины, корня) в графическом представлении предложения в виде дерева порождения. На первый план были выдвинуты идеи валентностного анализа, синтаксиса зависимостей, семантической роли, глубинной (или смысловой) структуры и т.п. Таковы теории Л. Теньера (актантный синтаксис), А.А. Холодовича (валентностный синтаксис), С.Д. Кацнельсона (структура "предикат +

предикандумы"), Ч. Филлмора (падежная грамматика), И.П. Сусова (реляционная структура с релятором и релятами, аналог пропозиции с её предикатом и актантами), В.В. Богданова (структура "предикат + актантами"). В то же время лингвистика использовала и достижения так называемой реляционной логики, которая в структуре пропозиции выделяет предикат (предикатную функцию, функтор), подчиняя ему аргументы (предметные переменные, термы, актантами). Многие языковеды впоследствии взяли на вооружение разработанное в логике понятие пропозиции как семантического инварианта, лежащего в основе исходного предложения и его трансформов (ср.: Студенты сдают экзамен. - Сдают ли студенты экзамен? - Если бы студенты сдавали экзамен... - Сдача экзамена студентами). В психолингвистике было подтверждено, что в основе работы механизма порождения высказывания лежит именно предикатно-актантная схема.

Внимание к номинативному аспекту предложения, к его предикатно-актантной (или, в иной терминологии, пропозициональной) структуре позволило по-новому подойти и к проблеме членов предложения.

Во-первых, выдвижение на роль конструктивного ядра (вершины) предложения глагола как слова, обладающего наибольшими валентностными потенциями, означает необходимость рассматривать подлежащее как член предложения, подчинённый сказуемому и равный по своему иерархическому статусу дополнениям (Л. Теньер, С.Д. Кацнельсон, И.П. Сусов, В.В. Богданов и др.).

Во-вторых, рядом с понятием главных членов предложения (подлежащее и сказуемое), наличие которых не всегда достаточно для выделения конструктивного минимума предложения, так как не обеспечивает его завершенности, можно постулировать понятие необходимых членов предложения (подлежащее, сказуемое и дополнение).

Кстати, синтаксическая типология обычно оперирует этой трёхчленной схемой.

В-третьих, иерархические отношения между членами предложения можно представить следующим образом. Вершину образует сказуемое. Ему подчинены подлежащее и дополнение (или дополнения), входящие вместе со сказуемым в конструктивный минимум предложения. Обстоятельства относятся к периферии, а определение по существу является не членом предложения, а лишь частью члена предложения. Их объединяет наличие у них предикатного статуса (в их позициях выступают, как правило, предикатные слова, т.е. носители предикатных семантем), поэтому определения и многие обстоятельства нередко трактуются как предикаты второго порядка. Они реализуют включённые пропозиции. Обстоятельства места, в позиции которых обычно выступают предметные слова, т.е. носители непредикатных семантем, фактически близки к дополнениям. И поэтому они, как правило, включаются в конструктивный минимум предложения.

Пропозициональная структура предложения

Предложение как конструктивный знак соотносится с внеязыковой реальной или мыслимой ситуацией как своим денотатом. Оно вычленяет в действительности тот или иной её фрагмент и представляет этот кусок действительности как расчленённое и вместе с тем целостное единство. Его денотатом является не просто совокупность

отдельных элементов опыта, а их ансамбль. Связанные в рамках ситуации неким отношением предметы (в самом широком смысле слова, т.е. люди и животные, предметы природы и артефакты и т.п.) квалифицируются как участники (партиципанты) ситуации. В ситуации с одним партиципантом его характеризует некое свойство. Отношения и свойства предметов (предметных участников ситуации) - это и есть те признаки, выражению которых служат предложения.

Люди имеют дело с бесконечно разнообразными ситуациями. Но, познавая действительность, они конкретные, единичные ситуации сводят в классы, относят их к определённым структурным типам. И в этом процессе категоризации положений дел значительная роль принадлежит языку, который в процессе своей эволюции вырабатывает соответствующие конструктивные схемы.

Отдельным элементам ситуаций (как предметам, так и объединяющим их отношениям) в семантической сфере языка ставятся в соответствие семантемы. Это единицы значения, являющиеся по своей природе односторонними. Они выступают в качестве означаемых таких элементных знаков, как, с одной стороны, лексемы и фразеологизмы, и, с другой стороны, синтаксемы, представляющие собой элементарные значимые единицы в составе синтаксических конструкций. Внеязыковая ситуация отображается семантической конструкцией, или конфигурацией. Её ядром служит семантема, отображающая признак, т.е. отношение или свойство. Это ядерная семантема, или признаковая семантема, или предикатная семантема, или семантический предикат. Предикатная семантема, обладая определённым валентностным потенциалом, стремится создать своё окружение. В это окружение входят семантемы, отображающие участников ситуации. Это предметные семантемы, или актантные семантемы, или семантические актанты. Актанты квалифицируются в зависимости от той роли, которые играют в описываемых ситуациях их предметные участники. Им приписываются семантические роли агента (производителя действия), объектива (объекта действия), инструмента и т.д. Семантическую конфигурацию часто называют пропозицией. В принципе пропозиция, или семантическая конфигурация, не линейна, т.е. составляющие её семантемы не следуют друг за другом. Предикат пропозиции главенствует над своими актантами. В скобочной записи его главенствующая роль выражается в том, что символ для предиката помещается перед скобками, открывая для своих актантов рамку (frame). Пропозиция выступает как начальный способ "упаковки" информации, которая подлежит передаче посредством высказывания. Одна пропозиция или соединение ряда пропозиций образует семантическую основу предложения, его глубинную (или смысловую) структуру.

Пропозиция есть означаемое элементарной синтаксической конструкции, или конфигурации. Учитывая семантическое содержание каждой синтаксемы, точнее было бы говорить о синтаксико-семантической конфигурации. Ядром этой конфигурации является синтаксема, имеющая свои означаемым предикатную семантему. Это ядерная синтаксема, или предикатная синтаксема, или синтаксический предикат (некоторые исследователи говорят в этом случае о реляторе, функторе и т.п. и избегают термина предикат при описании структуры предложения в номинативном аспекте). Окружение предикатной синтаксемы образуют синтаксемы, означаемыми которых выступают

актантные семантемы. Это актантные синтаксемы, или синтаксические актанты. Валентностный потенциал предикатной синтаксемы предопределяется прежде всего валентностным потенциалом предикатной семантемы. Синтаксическая конфигурация также в принципе не линейна.

Итак, мы наблюдаем следующие соответствия:

Схема 1

Явления внеязыкового ряда Означаеваемые конструктивных знаков Конструктивные знаки

Расчленённые, но целостные ситуации (положения дел) Семантические конфигурации как ансамбли семантем (пропозиции) Синтаксические конфигурации как ансамбли синтаксем

Отношения и свойства участников ситуаций (партиципантов) Предикатные семантемы (семантические предикаты) Предикатные синтаксемы (Синтаксические предикаты)

Участники ситуаций Актантные семантемы (Семантические актанты) Актантные синтаксемы (Синтаксические актанты)

Одна или несколько объединённых друг с другом пропозиций образуют пропозициональную структуру, которая выступает как фундамент организации смысла в предложении и, по сути дела, предопределяет набор всех основных конститuentов предложения и иерархический характер отношений между ними, при условии доминирующей роли предиката. Иерархическую структуру предложения воспроизводит, в частности, вербоцентрическая модель, принадлежащая Люсьену Теньеру. Выше приводится пример построенной в его духе стеммы для предложения Вчера Антон подарил маме красивые цветы. Здесь A1 - первый актант (подлежащее) Антон, A2 - второй актант (прямое дополнение) цветы, A3 - третий актант (косвенное дополнение) маме, C - сирконстант (обстоятельство) вчера, Attr - атрибут (определение) красивые.

Предикатные семантемы и предикатные синтаксемы обладают свойством активной валентности (т.е. сочетательной потенции). Благодаря своим валентностным свойствам именно они и выступают ядрами тех или иных конструкций. Предметным (актантным) семантемам и синтаксемам присуща в принципе пассивная валентность. Это означает, что они входят в сочетания, лишь реализуя валентности предикатных компонентов и образуя их окружения. Отсюда вытекает семантически господствующая роль предикатного компонента в том или ином сочетании и семантически подчинённая роль предметного (непредикатного) компонента. Валентность может быть обязательной, т.е. предполагать необходимость замещения вакантных позиций при данном предикатном компоненте. Она может быть и необязательной, факультативной, и реализующие её компоненты не входят в необходимое и достаточное окружение ядерного компонента.

Возможности группировки внеязыковых ситуаций и, соответственно, семантических конфигураций (пропозиций) в классы заключаются в том, что:

во-первых, тот или иной участник ситуации по отношению к другим её участникам и по отношению к ситуации в целом выступает носителем какой-то типовой роли; например, в ситуации дарения (а это типовая ситуация с тремя партиципантами) роли распределяются следующим образом: <даритель>, <получатель подарка>, <объект дарения> (в более обобщённом описании вторая роль характеризуется как <бенефициант / бенефициатив>);

во-вторых, в соответствующей семантической конфигурации дарения предикатная семантема проявляет себя как её активный элемент, в котором как бы уже содержится схема развёртывания конфигурации, где каждому потенциальному актанту задаётся семантическая роль или "даритель", или "получатель подарка", или "объект дарения";

в-третьих, предикатная семантема по числу её распространителей (иначе по мощности необходимого и достаточного окружения) может квалифицироваться как одноместная (одновалентная) или многоместная (многовалентная);

в-четвёртых, число возможных семантических ролей актантов в принципе не очень велико, хотя об их числе пока не приходится определённо говорить (одни лингвисты говорят о 8 ролях, у других этот список превышает 40 ролей).

Соответствующие семантические роли (или функции) приписываются и синтаксическим актантам, выступая в качестве их важнейшей содержательной характеристики. Предикат пропозиции включает в свою рамку актанты с указанием присущих им семантических ролей (в терминологии Ч. Филлмора, глубинных падежей). Например, глагол открывать создаёт при себе следующую рамку (frame): открывать [Объектив, Инструмент, Агенс]. Используя подобные схемы, можно построить типологию синтаксических конфигураций (и лежащих в их глубинной основе пропозиций).

Наиболее однозначно различение следующих семантических ролей (или функций), иллюстрируемое в нижеприводимых предложениях:

"агенс" (или "агентив") - одушевлённый производитель действия: Мама печёт пирожки; Сыном построена дача;

"экспериенсер" (или "экспериенсив") - одушевлённое существо, являющееся субъектом восприятия, носителем эмоций и т.п.: Отец смотрит телефильм; Сестра радуется подарку; Погода огорчает лыжников;

"бенефактив" (или "бенефициатив") - одушевлённое существо, на пользу (или во вред) которому совершается действие: Отец подарил сыну часы; Сын получил в подарок часы; У Пети украли мяч;

"элементив" - стихийная сила как источник изменения в положении дел: Молния ударила в дерево; Водой унесло лодку;

"фактитив" (или "результатив") - одушевлённый или неодушевлённый предмет, возникший, прекративший существование или подвергшийся изменению: Она родила дочь; Мама печёт пирожки; Мальчик нарисовал картину;

"объектив" - одушевлённый или неодушевлённый предмет, участвующий в действии, но не подвергающийся изменениям в своём качестве: Сестра ставит вазу на стол;

"перцептив" - предмет восприятия: Картина радует зрителя;

"инструмент" - предмет, посредством которого совершается действие: Я открываю дверь ключом; Ключ открывает дверь; Мел пишет хорошо;

"локатив" - место, где происходит действие: Мы живём в Твери; Тверь - красивый город;

"аблатив" - место, откуда начинается перемещение в пространстве: Он покинул Тверь; Поезд отошёл от перрона;

"директив" (или "финитив") - место, являющееся конечным пунктом передвижения: Я направился в Интернет-Центр;

"транзитив" - место, через которое пролегает путь: Я иду по коридору; Поезд из Москвы в Брюссель идёт через Варшаву.

Как сам синтаксический предикат, так и каждая из семантических ролей синтаксических актантов в принципе кодируются определёнными, стандартными для данного языка формальными показателями.

Если в представлениях единичных семантических конфигураций опустить указания на конкретных участников соответствующих ситуаций и не конкретизировать отношения (или свойства), то мы получим абстрактное представление для класса семантических конфигураций, например: "Отношение, возникающее в процессе передачи собственности + Обьектив + Бенефактив + Агентив". Такие структурные схемы представляют собой конструктивно-семантические инварианты, о которых можно говорить, что они являются фактами не только речи, но и языка.

Инвариантный характер таких пропозициональных схем подтверждается, в частности, возможностями построения перифраз, не нарушающих инвариантного характера пропозиций. Ср.: Отец оставил сыну в наследство дом -- Дом перешёл / остался сыну в наследство от отца -- Сын унаследовал / получил в наследство дом от отца.

Между семантемами и синтаксемами не всегда имеет место одно-однозначное отношение. Так, в позиции синтаксического актанта может появиться и предикатное, или пропозициональное, имя (Он размышлял о проблемах семантического синтаксиса. Размышления прервал приход друга).

При описании посредством предложения или же текста сложных денотативных ситуаций элементарные пропозиции могут соединяться в семантические блоки, в соответствие которым ставятся блоки пропозиций. В синтаксических блоках образующие их элементарные конструкции могут просто присоединяться одна к другой или включаться (иногда после определённых трансформаций, в частности прономинализации, номинализации и т.д.) одна в другую (включающая синтаксическая конструкция выступает как матричная). Аналогично (путём соединения элементарных пропозиций в сложную пропозицию и менее сложных пропозиций в ещё более сложную) строится пропозициональная структура текста (его макроструктура). Например:

Пришёл Максим. Он (Максим) принёс компакт-диск. Схема: <прийти (Максим) + принести (Максим, компакт-диск), Максим --> прономинализация: он>;

Пришёл Максим. Его приход (= то, что он пришёл) всех обрадовал. Схема: <прийти (Максим) + радовать (р (= Максим пришёл), всех), Максим --> его>; здесь пропозиция р в номинализованной форме включается в состав матричной пропозиции в качестве её актанта;

Пришёл Максим. Мы его ждали. Он принёс взятый у меня компакт-диск. Схема: <прийти (Максим) + ждать (мы, Максим), Максим --> его + принести (Максим, компакт-диск), Максим --> + взять (Максим, компакт-диск, у меня), Максим --> опущение, компакт-диск --> опущение>.

Связанные в одном тексте предложения должны отвечать принципу релевантности, т.е. относиться к одной и той описываемой ситуации, к одному положению дел, к теме (содержанию) данного текста. Тема текста может быть репрезентирована одной элементарной пропозицией. Так, всё содержание новеллы, рассказывающей о том, как Пушкин познакомился с Натальей Гончаровой, как он ухаживал за ней, как делал предложение, как он приводил в порядок свои хозяйственные дела, чтобы изыскать средства для содержания семьи, как проходила свадьба и как стала складываться в самом начале его семейная жизнь, можно свести к пропозиции Пушкин женится на Наталье Гончаровой (в результате номинализации та же пропозиция выступает следующим образом: Женитьба Пушкина на Наталье Гончаровой). Номинализации пропозиций часто используются в качестве заголовков текстов.

Некоторые семантические конфигурации или их отдельные элементы могут не найти соответствия в синтаксической структуре, т.е. остаться не выраженными, скрытыми, имплицитными, что, однако, не всегда препятствует пониманию (так, например, при восприятии высказывания Даже он не смог перевести этот текст мы можем достаточно легко восстановить так называемую пресуппозицию 'Я не ожидал этого'; осознание пресуппозиций как раз и позволяет лучше понимать воспринятое высказывание).

Итак, семантическая конфигурация (пропозиция) моделирует внеязыковую (денотативную) ситуацию в основных её элементах и отношениях. Синтаксическая структура языка располагает набором конструктивных возможностей для номинации фактов действительности и сведения необозримого множества конкретных элементарных ситуаций к относительно небольшому числу их схем. Такие схемы пропозитивной номинации заложены в самой природе предложения. Воспроизводимы не схемы распространённых и усложнённых предложений, а схемы элементарных синтаксико-семантических конструкций и правила их развёртывания и преобразования при конструировании предложений. На этом и основана трактовка предложения как ведущей единицы синтаксической (конструктивной) номинации. При развёртывании текста (дискурса) происходит сцепление пропозициональных структур отдельных предложений в пропозициональную структуру текста (макроструктуру).

При исследовании предложения в номинативном (или собственно семантическом) аспекте устанавливается соответствие между структурой репрезентируемой ситуации и структурой предложения. Этот аспект предложения долгое время оставался в тени, так как в традиционном синтаксисе прежде всего (начиная с Платона и Аристотеля) соотносилось строение предложения (грамматические субъект и предикат, иначе - подлежащее и сказуемое) и логического суждения (логические субъект и предикат), а впоследствии стали также сопоставляться строение предложения (подлежащее и сказуемое) и структура передаваемого в нём сообщения (тема и рема).

Номинативный (пропозитивный) план предложения оказался в центре особого внимания исследователей с конца 60-х гг. 20 в. в связи с запросами со стороны представителей дисциплин, занимающихся автоматической обработкой текста и

порождением речи человеком. Это отразилось в появлении в лингвистике ряда теоретических моделей, исходящих из приоритетной роли глагола (предиката) в развёртывании предложения. Предикатному компоненту была отведена роль верхнего узла (вершины, корня) в графическом представлении предложения в виде дерева порождения. На первый план были выдвинуты идеи валентностного анализа, синтаксиса зависимостей, семантической роли, глубинной (или смысловой) структуры и т.п. Таковы теории Л. Теньера (актантный синтаксис), А.А. Холодовича (валентностный синтаксис), С.Д. Кацнельсона (структура "предикат + предикандумы"), Ч. Филлмора (падежная грамматика), И.П. Сусова (реляционная структура с релятором и релятами, аналог пропозиции с её предикатом и актантами), В.В. Богданова (структура "предикат + актаны"). В то же время лингвистика использовала и достижения так называемой реляционной логики, которая в структуре пропозиции выделяет предикат (предикатную функцию, функтор), подчиняя ему аргументы (предметные переменные, термы, актаны). Многие языковеды впоследствии взяли на вооружение разработанное в логике понятие пропозиции как семантического инварианта, лежащего в основе исходного предложения и его трансформов (ср.: Студенты сдают экзамен. - Сдают ли студенты экзамен? - Если бы студенты сдавали экзамен... - Сдача экзамена студентами). В психолингвистике было подтверждено, что в основе работы механизма порождения высказывания лежит именно предикатно-актантная схема.

Внимание к номинативному аспекту предложения, к его предикатно-актантной (или, в иной терминологии, пропозициональной) структуре позволило по-новому подойти и к проблеме членов предложения.

Во-первых, выдвижение на роль конструктивного ядра (вершины) предложения глагола как слова, обладающего наибольшими валентностными потенциями, означает необходимость рассматривать подлежащее как член предложения, подчинённый сказуемому и равный по своему иерархическому статусу дополнениям (Л. Теньер, С.Д. Кацнельсон, И.П. Сусов, В.В. Богданов и др.).

Во-вторых, рядом с понятием главных членов предложения (подлежащее и сказуемое), наличие которых не всегда достаточно для выделения конструктивного минимума предложения, так как не обеспечивает его завершенности, можно постулировать понятие необходимых членов предложения (подлежащее, сказуемое и дополнение).

Кстати, синтаксическая типология обычно оперирует этой трёхчленной схемой.

В-третьих, иерархические отношения между членами предложения можно представить следующим образом. Вершину образует сказуемое. Ему подчинены подлежащее и дополнение (или дополнения), входящие вместе со сказуемым в конструктивный минимум предложения. Обстоятельства относятся к периферии, а определение по существу является не членом предложения, а лишь частью члена предложения. Их объединяет наличие у них предикатного статуса (в их позициях выступают, как правило, предикатные слова, т.е. носители предикатных семантем), поэтому определения и многие обстоятельства нередко трактуются как предикаты второго порядка. Они реализуют включённые пропозиции. Обстоятельства места, в позиции которых обычно выступают предметные слова, т.е. носители непредикатных семантем, фактически близки к дополнениям. И поэтому они, как правило, включаются в конструктивный минимум предложения.

Предикационная структура предложения

Представление о предикационной структуре как первооснове предложения возникло ещё в античный период, когда предложение и суждение строго не разграничивались, их компоненты по существу зачастую отождествлялись. И в предложении, и выражаемой им мысли (суждении) друг другу противопоставлялись субъект и предикат. И хотя постепенно росло стремление развести, с одной стороны, логический и грамматический субъекты, а с другой стороны, логический и грамматический предикаты, в традиционной грамматике прочно утвердилось представление о двусоставности как важнейшем признаке предложения.

В классической логике, восходящей к Аристотелю, исследовались прежде всего атрибутивные суждения. Субъект здесь определяется как предмет, о котором выносится суждение. Субъект может соотноситься либо с объектом действительности, либо с понятием об объекте. Суждение о нём выносится в форме предиката, т.е. утвердительного или отрицательного высказывания. Это высказывание содержит указание на признак предмета: Сократ человек. Человек смертен. Сократ смертен. Компоненты суждения находятся в предикативном отношении: субъекту предикация (присуждается; ср. украинскую кальку лат. *praedicatum* - присудок). Структуру атрибутивного суждения представляет формула $S - P$. В эту структуру может вводиться связка (глагол существования *есть*) как компонент, выражающий присущность или неприсущность признака предмету: Сократ *есть* человек. Связку иногда выделяют и в семантической структуре других глаголов: Человек бежит. = Человек *есть* бегущий. Благодаря связке суждению придаётся значение истинности или ложности. Субъект и предикат как основные конститутивные компоненты атрибутивного суждения имеют одинаковый статус, ни один из них не подчинён другому.

Впоследствии атрибутивную логику стала вытеснять реляционная логика, определяющая предикат не как свойство отдельного предмета ($S - P$ или S *есть* P), а как отношение между двумя (или тремя и т.д.) предметами (аргументами, термами), что нашло отражение в использовании формул типа $P(x, y)$, $P(x, y, z)$, где P символизирует двухместный или одноместный предикат: располагаться на (Тверь, Волга) = Тверь располагается на Волге; располагаться между (Тверь, Москва, Петербург) = Тверь располагается между Москвой и Петербургом. Понятие субъекта в новейшей логике почти не употребляется. В приводимых формулах символ для предиката помещают за скобками, чтобы подчеркнуть господство предиката над другими компонентами суждения. По этой причине и атрибутивное суждение может быть представлено формулой $P(x)$, где P теперь символизирует одноместный предикат. Анализ пропозициональной структуры предложения во многом опирается на подобный подход.

На точку зрения реляционной логики становится синтаксис зависимостей (ср. стеммы Л. Теньера). Но тем не менее отсюда не вытекает необходимость отказа от

использования в анализе предложения его трактовки в терминах атрибутивного, субъектно-предикатного суждения (как одной из главных форм мысли).

В результате многовековых исследований получены очень важные результаты в отношении того, что представляют собой грамматические субъект и предикат в отличие от логических субъекта и предиката, в чём заключается языковая специфика предикативного отношения и предикации, какую роль играет в языке субъектно-предикатная (подлежащно-сказуемая) структура.

Грамматический субъект (подлежащее) является одной из конститутивных знаковых единиц в составе предложения. Его означаемым является прежде всего один из семантических актантов с присущей ему ролевой функцией (агентив, экспериенсер, элементив, инструмент, локатив и т.п.: Студенты пишут диктант; Пётр рассматривает рисунок; Буря сломала много деревьев; Ключ открывает дверь; Комната вмещает немного людей). Наряду с этим, его означаемым часто оказывается логический субъект как представление об исходном предмете мысли. Субъект обеспечивает идентификацию носителя признака. Наложение на функцию одного из нескольких семантических актантов (если их в пропозиции более одного) функции логического субъекта придаёт суждению (и выражающему его предложению) свойство ориентированности и по отношению к предикату, и по отношению к дополнению (или дополнениям). Тем самым маркируется выдвижение одного их актантов на роль первого, главенствующего в логическом плане среди равных. Ср. примеры с изменяющейся ориентацией представления одной и той же предметной ситуации (и выражения одной и той же пропозиции): Отец оставил сыну в наследство дом. - Сын получил в наследство от отца дом. - Дом был получен сыном в наследство от отца; Максим подарил сестре книгу. - Книга подарена сестре Максимом; англ. John showed Caroline a new dictionary. - A new dictionary was shown Caroline by John. - Caroline was shown a new dictionary by John.

Формальными признаками грамматического субъекта могут быть его начальная позиция в линейной структуре предложения (Мать любит дочь. - Дочь любит мать.), интонационная невыделенность, а в языках с развитой системой словоизменения падежные флексии. Так, в языках номинативного строя за подлежащим в основном закрепилась форма именительного падежа, в языках эргативного строя выбор падежа для подлежащего зависит от переходности или непереходности глагола, в языках активного строя для подлежащего при сказуемом со значением действия используется активный падеж, а при глаголах со значением состояния инактивный падеж.

Морфологический признак, однако, не абсолютен. Так, в предложениях типа Меня тошнит, Мне страшно, Бурей сорвало крышу с сарая с точки зрения логической на роль подлежащего претендуют меня, мне, бурей. Здесь в позиции подлежащего реализуется либо единственный актант, либо первый (наиболее близко связанный с предикатом) актант.

В субъектной позиции могут появляться не только предметные, но и пропозициональные (предикатные) имена: Неуверенность помешала ему принять правильное решение; Курение сокращает жизнь).

Грамматический предикат (сказуемое) является второй из двух конститутивных знаковых единиц в составе предложения. Его смысловой опорой является семантический предикат, т.е. признаковая семантема. С функцией семантического предиката может совместиться функция логического предиката. С ориентацией на неё различаются предикаты (по Н.Д. Арутюновой):

- а) характеризующие (Лошадь бежит; Мальчик спит; Суп варится; Комната тёплая; Этот юноша - студент; Ему грустно; Жаль книги),
- б) реляционные (Сергей - друг Петра = Сергей дружит с Петром; Михаил старше Ильи = Илья младше Михаила; Тверь лежит севернее Москвы = Москва лежит южнее Твери; К познанию мира ведёт изучение языков),
- в) таксономические, или классифицирующие (Роза - цветок; Земля - планета),
- г) пространственной и временной локализации (Наталия в университете; Звонить ему поздно).

Грамматический предикат может характеризоваться определённым местом в линейной структуре предложения. В его позиции чаще всего выступает глагол. В языках с развитой системой глагольного словоизменения в словоформе глагола выражается набор самых разных граммем, принадлежащих к формоизменяемым категориям времени, вида, наклонения, залога, отрицания, вопросительности, а также к согласовательным категориям лица, числа, иногда рода и т.д. Сказуемое может быть также представлено другими предикатными словами (прилагательное, наречие, предикатив, неличные формы глагола), а также существительным (со связкой или без неё). Возможны различные способы усложнения сказуемого, и граница между сложным глагольным сказуемым как целостным членом предложения и сочетанием сказуемого с другими компонентами часто устанавливается произвольно.

Наличие предикативно связанных грамматических субъекта и предиката многие исследователи считают обязательным свойством предложения. Эти члены предложения квалифицируются как главные, поскольку они формируют предикативную основу предложения, его конструктивный минимум. Но в конструктивный минимум некоторые исследователи включают, кроме подлежащего и сказуемого, также дополнение. В конструкциях с безобъектными, непереходными (в широком смысле) глаголами отсутствует позиция дополнения (иначе выражаясь, представлена нулём). Точно так же может отсутствовать и позиция подлежащего, когда предложение развёртывается на основе бессубъектного глагола (Смеркается; Морозит). Субъектная позиция здесь также представлена нулём. В ряде языков появляется нечто вроде формального подлежащего (ср. нем. *Es regnet*, англ. *It is raining*, фр. *Il pluit*). Бессубъектными следует признать предложения, ядром которых являются событийные имена и имена состояний (Война; Пожар; Мороз; Морозно).

Тем самым предикативная основа предложения может пониматься тройко:

- а) как единство подлежащего и сказуемого,
- б) как единство подлежащего, сказуемого и дополнения или же
- в) как только сказуемое само по себе.

В последнем случае все предложения делят на двукомпонентные и однокомпонентные (академическая "Русская грамматика". Т. II. М., 1980); ср.

примеры русских двукомпонентных подлежащно-сказуемых предложений: Отец - учитель; Ночь тёмная; Дети веселы; Работа закончена; Отец в саду; Задача - победить; Ложь - это непростительно; Строить - почётное дело; Кататься весело;

примеры двукомпонентных предложений, не содержащих подлежащего (в обычно принятом смысле): Можно ехать; Приказано наступать; Видно следы; Не видно следов; Подтверждения не получено; Много дел; Нет времени; Не о чём горевать; Ни звука;

примеры однокомпонентных (сказуемых) предложений: Светает; Знобит; Стучат; Зовут; Тишина; Народу!; Цветов!; Чаю! Врача!; Ему рады; Здесь не пройти; Цвести садам; Молчать; Холодно; Закрыто.

Языковеды, настаивающие на абсолютном, универсальном характере двусоставности предложения (как, например, Герман Пауль), исходят из того, что отсутствующий в структуре предложения субъект тем не менее представлен каким-то предметом, явлением, фактом в действительности. Например, субъектом предложения Пожар! может быть признано реальное явление, субъект предложения Мороз представлен состоянием окружающей среды.

В содержательно-ориентированных теориях синтаксиса особо подчёркивается, что на сказуемый конститuent, выступающий в качестве ядра, вокруг которого организуется ближайшее окружение, или же на предикативное отношение, связывающее сказуемое с подлежащим, ложится функция актуализации предложения в модально-временном плане, отнесения его содержания к описываемой ситуации действительности, утверждения или отрицания существования этой ситуации (по идее некоторых логиков, в одном из возможных миров). И сама связь между сказуемым и предикатом, и отнесённость предложения в целом к действительности (независимо от наличия или отсутствия в нём подлежащего) характеризуются в терминах предикации и предикативности.

Противопоставляя предложения, имеющие общую пропозициональную структуру, но отличающиеся друг от друга модальными и временными (темпоральными) значениями, можно построить (как это сделано Н.Ю. Шведовой в академической "Русской грамматике" (М., 1980. Т. II) синтаксическую парадигму типа

Синтаксической индикатив

Наст. вр. Он работает.

Прош. вр. Он работал.

Буд. вр. Он будет работать.

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат накл. Он работал бы.

Условн. накл. Работал бы он... (Если бы он работал...) / Работай он...(Работай бы он...)

Желат накл. Работал бы он! / Если бы (хоть бы, лишь бы...) он работал!

Побудит. накл. Пусть он работает! / Чтоб он работал!

Долженств. накл. Он работай (...)

Но содержание предложения соотнесено с действительностью не только благодаря предикату, но и благодаря тому, что предметные составляющие предложения характеризуются определённой или же неопределённой референцией по отношению к именуемым ими участникам (партиципантам) данной ситуации действительности:

фр. Le chauffeur me tend un livre 'Шофёр (этот) протягивает мне (какую-то) книгу (не какой-то иной предмет)'. - Le chauffeur me tend le livre 'Шофёр (этот) протягивает мне (эту) книгу';

нем. Das Buch liegt auf dem Tisch 'Книга (данная, эта, определённая) лежит на (этом) столе'. - Ein Buch liegt auf dem Tisch 'Книга (не какой-либо иной предмет, а книга; какая-то, неопределённая) лежит на (этом) столе';

англ. When I write, I always use a pencil 'Когда я пишу, я пользуюсь карандашом (любым предметом этого рода)'. - The pencil is on the table 'Этот карандаш лежит на (этом) столе'.

Референция того или иного вида подлечит обязательному выражению, и не только посредством артиклей. Только совокупность средств выражения предикации и референции (иначе, средства пространственно-временной локализации) обеспечивают привязку предложения к действительности, его актуализацию.

В грамматике непосредственно составляющих (или фразовых структур), возникшей в русле дескриптивной лингвистики (американского направления структурализма), представление о двусоставности предложения сохранено. Но члены предложения (синтаксические функции) определяются в этой теории на основе формальных признаков: не по отношению к их возможному или реальному семантическому содержанию, а по отношению к тому месту, которое они занимают в дереве порождения предложения. Верхний узел здесь обозначается символом S (sentence 'предложение'). Предложение анализируется как конструкция, включающая две НС - именную группу (NP, noun phrase) и глагольную группу (VP, verb phrase). Подлежащее и сказуемое могут быть соответственно определены как узлы, непосредственно подчинённые узлу S. Дополнение может квалифицироваться как узел, который подчинён узлу VP. НС-структуру предложения можно представить в виде древовидного графа и в скобочной записи (значение символов: S - предложение, NP - именная группа, VP - глагольная группа, Adj - прилагательное, N - существительное, V - глагол):

Маленькие дети доставляют большие хлопоты

((маленькие)Adj (дети)N)NP ((доставляют)V ((большие)Adj (хлопоты)N)NP)VP)S)

В психолингвистических экспериментах доказано, что двухвершинная модель непосредственно составляющих (immediate constituents) лежит в основе механизма распознавания высказывания (в то время как в основе механизма порождения высказывания лежит одновершинная предикатно-аргументная (или пропозициональная) модель, т.е. модель синтаксиса зависимостей. Следует отметить, что в прикладной лингвистике, строя представления предложения, в основном оперируют моделями синтаксиса зависимостей и синтаксиса составляющих.

Актуализационные структуры предложения

Рассмотренная в разделе 5.02 синтаксического модуля пропозициональная структура предложения служит не только способом кодирования языковыми средствами информации о конкретных положениях дел в действительности, но и способом

начального упорядочения этой информации. Этому служат инвариантные конструктивные схемы с позициями для синтаксического предиката и синтаксических актантов. Смысловая и структурная информация на этом этапе как бы сгущается вокруг предиката. Каждый язык обладает определённым набором формальных показателей (интонация, расстановка конститuentов, служебные слова, грамматические морфемы), посредством которых маркируются, во-первых, позиция предиката и, во-вторых, позиции и ролевые функции актантов.

Рассмотренная затем (раздел 5.03) предикационная структура предполагает очередной этап упорядочения смысловой информации, на котором одному из ряда актантов данной пропозиции приписывается роль первого, ведущего, а именно функция подлежащего (субъекта), а за другими актантами закрепляются функции дополнений (объектов). Соединение подлежащего со сказуемым создаёт предикативную основу предложения, обеспечивающую возможность соотносить предложение в целом с тем или иным фактом действительности, который локализуется во времени и пространстве. Информационное сгущение имеет теперь своим центром субъектно-предикатную (или же субъектно-предикатно-объектную) основу. Каждый язык располагает своими формальными возможностями для маркировки членов предложения: предиката, субъекта и объекта (или объектов). Уже в отношении "субъект - предикат" или же "субъект - предикат - объект(ы)" задаётся некая смысловая перспектива и содержатся предпосылки для линейного развёртывания (линеаризации) предложения.

На следующих этапах формирования предложения осуществляется его актуализация, т.е. дальнейшая привязка к описываемому в нём факту действительности и к речевой ситуации, в которой осуществляется соответствующий акт высказывания (речевой акт, коммуникативный акт). Происходит дальнейшее упорядочение предназначенной для передачи смысловой информации. Вопрос о том, как маркируется привязка высказывания к коммуникативно-прагматическому контексту, будет рассмотрен в разделе 5.05.

В данном же разделе речь пойдёт о том, какую роль в упорядочении смысловой информации играют такие её звенья, которым могут быть приписаны статусы данного, определённого, темы, а также топика, фокуса контраста и фокуса эмпатии. Эти явления часто смешиваются, и здесь предлагается один из возможных подходов (с использованием ряда идей Уоллеса Л. Чейфа).

Предложение в принципе редко выступает обособленно. Лингвиста в первую очередь интересуют предложения, в минимальной степени зависящие от вербального контекста и коммуникативной ситуации (можно использовать в собирательном смысле термин конситуация). Затем, естественно, его внимание обращается на те явления, которые обусловлены включением предложения в конситуацию (вербальный контекст + речевая ситуация). Можно соответственно различать основной (конситуативно необусловленный) и специфические (конситуативно обусловленные) варианты предложения.

Конситуативная обусловленность проявляется прежде всего в том, что предложение не только и не столько конструктивно, сколько своим лексическим составом показывает свою привязку к определённом информационному комплексу. Так, о предложении Студентам предстоит трудный экзамен по введению в теоретическое языкознание. можно сказать, что оно отнесено к информационной сфере УНИВЕРСИТЕТ или к более широкой информационной сфере ОБРАЗОВАНИЕ. Если при разговоре об университете вставить высказывание типа Белоруссия граничит с Польшей, то его можно будет квалифицировать как неуместное, как несущественное (нерелевантное) для данного разговора. Первое же высказывание будет признано релевантным (оно относится к существу разговора об университетской жизни).

Таким образом, нормально присущее предложению как речевой единице предметно-ситуативное свойство можно именовать РЕЛЕВАНТНОСТЬЮ. Именно релевантность данного предложения позволяет включить его пропозициональную структуру в пропозициональную структуру (смысловую макроструктуру) текста. С опорой на понятие релевантности предложения можно уточнить содержание ряда понятий, относящихся к речевой актуализации предложения.

ДАННОЕ, выступая как компонент конситуативно обусловленного релевантного предложения, соотносимо с тем элементом конситуации, который представляется уже известным, присутствующим и в сознании говорящего, и (по его убеждению) в сознании слушателя, не требующим особых пояснений. Высказывание строится с тем, чтобы сообщить о данном что-то НОВОЕ, чтобы внести какие-то изменения в сознание слушателя. Выражению данного могут служить любые слова или словосочетания, которые называют факт, предмет, лицо, действие, признак и т.п., уже упомянутые в предтексте или подсказываемые конситуацией. Ср. (разрядкой здесь выделены конститuentы, именующие данное):

Он поступил в университет. У н и в е р с и т е т оказался для него совершенно новым миром. В п е ч а т л е н и я переполняли его душу.

Летом многие мои одноклассники поступили в университет. П о с т у п и л а Наталия. П о с т у п и л а Вера. П о с т у п и л также Афанасий.

Я прочёл интересный роман Умберто Эко "Имя розы". Я загрузил е г о по Интернету из электронной библиотеки Максима Мошкова.

Прошла неделя, и между ними завязалась переписка. П о ч т о в а я к о н т о р а учреждена была в дупле старого дуба. (Пушкин)

(Я говорю своему собеседнику, обратившему внимание на книгу, лежащую на моём столе): Я купил е ё вчера.

Обычно данное не выделяется особо в интонационном плане, в то время как новое может (но не всегда) маркироваться высоким тоном и сильным ударением).

ОПРЕДЕЛЁННОЕ выступает как компонент релевантного предложения. Оно соотносимо с каким-то классом предметов, о котором имеет представление мой адресат и в котором он, благодаря его наименованию в соответствующей форме в моём высказывании, может выделить и опознать (идентифицировать) именно тот предмет, который я имею в виду, т.е. установить определённую референцию (соотнесённость) данного имени к данному индивидуальному предмету. Определённое противостоит НЕОПРЕДЕЛЁННОМУ, т.е. чему-то, что ещё не идентифицировано. Я

строю высказывание, стремясь помочь моему адресату среди множества предметов вообще и предметов данного класса найти и идентифицировать тот, о котором я собираюсь говорить. В ряде языков определённый предмет, называемого существительным, выражается определённым артиклем. Ср.

англ.: Вы спрашиваете дома кого-либо из членов семьи: *Did you feed the dog?* 'Ты накормил(а) собаку?' (если у Вас одна собака, то её идентифицированность не вызывает сомнений).

нем. *Ich habe ein Buch in der theoretischen Sprachwissenschaft gekauft. Das Buch ist ziemlich teuer* 'Я купил книгу по теоретическому языкознанию. Книга довольно дорогая'.

фр. *C'est le directeur* 'Это директор'; *J'ai un chien. Le chien est joli* 'У меня есть собака. Собака красивая'.

швед. *På bordet* (опред.) *ligger en bok* (неопред.). *Boken* (опред.) *tar jag med mig* 'На столе лежит книга. Книгу я беру с собой'.

Определённый референт обычно бывает данным, но может быть и новым: Вчера утром я разговаривал с нашим плотником. Он согласился принять мой заказ, а неопределённый референт, как правило, оказывается новым.

Понятие ТЕМА очень часто соотносится с понятиями подлежащего (грамматического субъекта) и логического субъекта. Сочетание темы и противостоящей ей РЕМЫ образует своеобразный аналог предикативной (субъектно-предикатной) структуре, и тогда понятие ремы подменяют понятием предикации. Под темой обычно имеется в виду предмет, о котором делается высказывание. Но так же определялось уже в античную пору подлежащее (субъект). О сказуемом же (предикате) говорилось, что оно является высказыванием о подлежащем (ср. начальное греч. название сказуемого *rhema*). Тот же смысл часто вкладывается в пару взаимосвязанных понятий ТОПИК (*topic*) и КОММЕНТАРИЙ (*comment*), широко употребляемых в англосаксонской лингвистической литературе. Но целесообразно сразу же оговорить, что понятия темы и топика теперь часто разводятся и под топиком понимается некая иная сущность, о которой речь пойдёт несколько позже.

Тема нередко совпадает с подлежащим, но предметом сообщения может быть референт любого другого конституента предложения. Ср.: *Антон // приезжает из Германии в воскресенье.* - *Из Германии // Антон приезжает в воскресенье.* - *В воскресенье // Антон приезжает из Германии.*

Темой может оказаться и сказуемое: *Приезжает // Антон из Германии в воскресенье.*

Для темы обычно начальное место в предложении. Поэтому для установления темы можно воспользоваться тестом на тематизацию (или топикализацию), в процессе которого проверяется способность того или иного компонента занять первое место в предложении (без мены интонационного контура, с сохранением нейтрального характера высказывания - без эмфазы, без экспрессивной окраски). Идентификация ремы производится посредством вопросно-ответного теста. Ремой является то, что служит ответу на вопрос: *Что сообщается об Антоне?; Что происходит в воскресенье?*

Тема часто совпадает с данным. Данное и тема, во взаимодействии друг с другом, приводят в действие механизмы линеаризации предложения (т.е. его равёртывания в

цепь, линейную последовательность конституентов) и синтагматического членения предложения / фразы (разбиения последовательности на элементарные речевые интонгационно-смысловые единицы; в этом тексте границы фонологических синтагм обозначены двумя правыми наклонными скобками //). И новое, и рема могут выделяться не только паузами, но и более высоким тоном (tone, accent) и более сильным ударением (stress).

Тема часто совмещается с определённым компонентом высказывания.

Возможно опущение компонента, выражающего тему. Допускается существование коммуникативно нечленимых (т.е., по сути дела, рематических) высказываний: Светает; Морозит; Стояланошь; Началась война.

Что касается понятия ТОПИК, то оно нередко соотносится с пропозициональной структурой. Топик ограничивает в отношении своего референта применение главной предикации некоторой определённой областью. Он устанавливает пространственные, временные и личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация:

кит. *Nei - ie shu mu shu-shen da* 'досл.: те деревья дерева-ствол большой; значение: стволы тех деревьев большие' (здесь подлежащее *shu-shen* 'дерева-ствол' и топик *nei-ie shumu* 'те деревья').

Нечто подобное наблюдается в англ.: *Tuesday I went to the dentist*; *In Dwindle Hall* *all people are always getting lost* 'В Двинелл-Холле легко заблудиться'.

Таким образом, истинные топики, по У.Л. Чейфу, означают не столько то, о чём говорится в предложении, сколько указывают те рамки, в которые заключается содержание предложения. Есть языки, в которых регулярно выделяются топики (топикальные), и языки, в которых регулярно выделяются подлежащие (подлежащные).

Поскольку топики часто смешиваются с подлежащими, Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон называют 6 признаков, отличающих их друг от друга. Топики, в противоположность подлежащим, характеризуются грамматической определённой, не обязательно должны входить в пропозициональную рамку в качестве аргументов (актантов), их наличие не предопределено глаголом, они выступают "центром внимания", в то время как подлежащие могут "пустыми", или "фиктивными", не согласуются синтаксически с глаголом-сказуемым, не участвуют в процессах рефлексивизации, пассивизации, опущения идентичных именных групп, построения глагольных цепочек, перевода предложений в повелительные.

Членение высказывания на тему и рему, обозначаемое часто (вслед за В. Матезиусом) актуальным членением предложения, изучается многими лингвистами и может составлять объект так называемого актуального (или коммуникативного) синтаксиса. Постепенно выясняется его многослойность. Так, если ограничиться при описании актуального членения только линейным планом предложения, то следует принять положение о том, что тема начинается предложения, намечая направления развёртывания высказывания по поводу той или другой темы. В этом случае речь идёт о нейтральных, экспрессивно не окрашенных предложениях.

Если же принять во внимание интонационные средства (особенно эмфатическое ударение), обособление в начальной позиции, расщеплённые конструкции, частицы и т.п.), то обнаруживается особое явление, именуемое **ФОКУСОМ КОНТРАСТА** (проминентностью, выделением). Фокус часто отождествляют с новым или ремой, говоря о таком процессе, как рематизация. Предлагается даже устанавливать его наличие с помощью вопросно-ответного теста, как это делается при выявлении ремы.

Но фокус контраста отличается от нового и ремы тем, что он открывает указание на возможность выбора из ряда конкурирующих референтов, одновременно называя нужный референт и блокируя выбор любого другого: **ВИК**тор сдал экзамен на отлично (а не Валентин, Светлана...). Контрастивное высказывание в глубинном плане оказывается двухпропозиционным (<X сдал экзамен на отлично, X есть Виктор>), а в поверхностной структуре получает конструктивное выражение лишь одна пропозиция. Фокус контраста предполагает наличие фонового знания, общего для говорящего и слушающего (<Студенты нашей группы сдавали сегодня утром трудный экзамен. Среди сдававших были Валентин, Светлана, Виктор... Кто-то из них сдал экзамен на отлично.>). Выделяемое не обязательно должно быть новым.

Находящийся в фокусе контраста (подвергаемый фокализации) компонент высказывания обычно выделяется эмфатическим (логическим) ударением, которое резко меняет интонационный рисунок, обуславливая понижение тона и ослабляя ударение на всех последующих словах. Этот компонент может быть (в силу инверсии, нарушающей нормальный, объективный порядок слов) выдвинуться на первое место в предложении. Это выдвижение в переднюю позицию, впрочем, при сохранении эмфатического ударения оно не обязательно: Экзамен на отлично сдал **ВИК**тор. Возможно использование выделительных частиц: Именно **ВИК**тор сдал экзамен на отлично; Это **ВИК**тор сдал экзамен на отлично.

В разных языках имеются расщеплённые конструкции: Не кто иной ... как ... > Не кто иной, как **ВИК**тор, сдал экзамен на отлично; Что касается ... то ... > Что касается **ВИК**тора, (то) он сдал экзамен на отлично. Ср. расщеплённые конструкции в других языках: англ. It was **RON**ald who made the hamburgers 'Сэндвичи приготовил именно Рональд'; фр. C'est **MOI** qui ai fini le premier 'Это я кончил первым'.

Контрастирование может быть выражено обособлением имени референта в начальной позиции: англ. **THE PLAY**, John saw yesterday 'Пьеса, Джон видел её вчера' = As for **THE PLAY**, John saw it yesterday 'Что касается пьесы, то Джон видел её вчера'. В некоторых языках контраст может выразиться служебными словами или грамматическим морфемами. В одном предложении могут быть два фокуса выделения: **ВИК**тор сдал экзамен на от**ЛИ**чно, а **СветЛ**Ана сдала его на хоро**ШО**.

Внимание исследователей недавно привлекло явление, которое именуется **ЭМПАТИЕЙ** (греч. *empathia* 'сопереживание, сочувствие', англ. *empathy* 'сочувствие, переживание; умение поставить себя на место другого') или точкой зрения. Эмпатия предполагает возможность варьирования в способах упаковки передаваемой смысловой информации. В нормальной ситуации говорящий придерживается своей собственной точки зрения: Степан бьёт свою жену. Здесь фокус эмпатии отмечает

компонент Степан, причём говорящий может не принимать сторону Степана. А вот в высказывании Муж Марии бьёт её фокус сочувствия явно перемещается на Марию. Говорящий может занимать объективную точку зрения (нулевая эмпатия): Фёдор задал вопрос Ирине. В предложении Фёдор задал вопрос своей жене говорящий занимает позицию Фёдора, как бы идентифицирует себя с Фёдором. В предложении Муж Ирины задал ей вопрос фокусом эмпатии оказывается референт имени Ирина.

Двух фокусов эмпатии в одном предложении не может быть, иначе предложение становится неотмеченным (неправильным): * Тогда муж Ирины спросил свою жену. Фокус эмпатии часто совпадает с референтом подлежащего и определённым референтом. Говорящий чаще отдаёт предпочтение себе, затем слушающему и лишь потом третьему лицу. Сперва предпочитается человек, потом одушевлённое существо, а затем лишь неодушевлённый предмет. Сперва эмпатия связывается с данным и темой, а потом с новым и ремой.

Во многих языках наличествуют глаголы направленного движения, образующие пары "движение в направлении от говорящего - движение по направлению к говорящему". Так, в нем. различаются соответственно глаголы *gehen* (от говорящего, от меня) и *kommen* (к говорящему, ко мне). Можно сказать *Und nachher gehe ich ins Cafe* 'И потом я иду/отправляюсь в кафе', а также сказать *Und nachher komme ich ins Cafe* 'и потом я прихожу в кафе (когда там находится кто-то другой, например адресат)'. В япон. языке эмпатия проявляется в том, что предикат открывает при каждом из своих актантов возможность для локализации эмпатии говорящего. Здесь выражение эмпатии обязательно.

При пассивизации фокус эмпатии переходит к объекту действия, рефлексивизация (добавление возвратного местоимения или аффикса) означает перенос эмпатии на субъекта возвратного действия.

Интенциональная структура предложения

Предложение представляет собой минимальную коммуникативную единицу. Это означает, что оно само по себе может быть самостоятельным высказыванием и конституировать текст. Включаясь в ситуацию общения, в так называемый коммуникативно-прагматический контекст, оно выступает как минимальная составляющая дискурса - речевой акт.

Коммуникативно-прагматический контекст высказывания образуют прежде всего участники коммуникации (коммуниканты). Один из них выступает как автор данного высказывания (продуцент), как отправитель сообщения. Другому коммуниканту (или группе коммуникантов) отводится роль индивидуального или коллективного адресата, получателя (или получателей) / реципиента (или реципиентов) передаваемого сообщения. В устном общении (при использовании акустических средств и вокального канала связи) между коммуникантами распределены роли говорящего и слушающего. В этом случае коммуниканты находятся в непосредственном контакте друг с другом

(face-to-face-communication). В письменной коммуникации (когда используются графические средства и передача высказывания производится по зрительному каналу) коммуниканты противопоставлены друг другу как пишущий и слушающий. В данном случае коммуниканты могут быть разделены в пространстве и времени.

Поэтому оси пространственная (Здесь - Там), временная (сейчас, т.е. когда я говорю - позже - раньше) и персональная (Я - Ты - Он), а также ось социального статуса (равный мне как говорящему по статусу - находящийся выше или ниже меня по статусу) представляют собой систему важных для описания коммуникативного взаимодействия координат. В этом случае говорят о дейксисе пространственном, темпоральном, личном и социальном.

Языковое взаимодействие между коммуникантами обычно происходит во внешней среде, составляющими которой являются различного рода предметы, явления, события, положения дел. Именно в состоянии внешней среды обычно обнаруживаются какие-то причины, делающие необходимым коммуникативное взаимодействие людей. Так, например, довольно частым мотивом, побуждающим одного из коммуникантов к высказыванию, оказывается такое положение дел, которое им может восприниматься как неудобное, неприятное, дискомфортное, требующее осуществить какое-то действие, чтобы изменить ситуацию к лучшему с помощью своего собеседника. Подобного рода мотив лежит в основе формирования коммуникативного намерения (или коммуникативной интенции). Говорящий осуществляет своё высказывание не только почему-то, но и зачем-то, с какой-то коммуникативной и более общей (посткоммуникативной) целью.

Говорящий использует предложение как конструктивную единицу, как средство, и тогда о его языковом акте (действии) мы говорим как о локутивном акте (Джон Остин). Эта сторона речевого акта специалистов по прагматике интересует мало. Ответы о строении предложения можно найти в формальном синтаксисе. Высказывание может опираться через предложение на его семантическую (пропозициональную) структуру, и тогда мы говорим (вслед за Джоном Р. Сёрлом) о пропозициональном акте, выделяя в нём акт референции и акт предикации. Эта сторона акта коммуникации в общем-то достаточно полно описывается в семантическом синтаксисе. Конструктивный и семантический синтаксис описывают то, что относится к языковой компетенции носителей языка.

Но высказывание вместе с тем целенаправленно, интенционально. Совершая своё речевое действие, говорящий вкладывает в высказывание информацию о своей коммуникативной интенции. И тогда мы говорим о том, что, строя высказывание, говорящий совершает иллокутивный акт (Джон Л. Остин, Дж. Сёрл). Вот этот-то аспект и интересует особо специалистов по прагматике (в частности по прагматическому синтаксису, объектами которого могут быть и предложения, и тексты в их использовании для выражения своих коммуникативных намерений и достижения каких-то более глобальных целей). В прагматическом синтаксисе изучается то, что относится к коммуникативной компетенции носителей языка.

Иногда предметом исследования высказывания оказываются условия достижения с его помощью так называемого перлокутивного эффекта, т.е. предполагавшегося или же побочного результата в изменении сознания адресата.

Интенциональная структура предложения как обязательное его свойство может быть представлена в формуле I_p , где p символизирует пропозицию (пропозициональное содержание), а I обозначает иллокутивную составляющую. Различный характер выражаемых языковыми средствами иллокуций обуславливает наличие разных типов иллокутивных актов и, соответственно, разных прагматических (или интенциональных) типов предложений, обеспечивающих определённые социальные потребности общающихся. пропозиция может быть идентичной в высказываниях, различающихся интенционально. Ср., например: Лариса сдала экзамен. - Сдала ли Лариса экзамен? - Пусть Лариса сдаст экзамен. Первое высказывание просто информирует, второе содержит запрос информации, третье выражает пожелание. Но во всех трёх высказываниях при одном и том же предикате содержатся одни и те же актанты.

Выражению иллокуции служит прежде всего перформативный глагол. Он именуется коммуникативное действие (например: говорить, сообщать, просить, требовать, приказывать, советовать, запрещать, приглашать, предлагать, спрашивать), которое в определённом коммуникативно-прагматическом контексте оказывается не просто именем действия, но и самим действием. Такой контекст создаётся благодаря отнесённости действия в план настоящего (и обычно реального) и присутствию знаков личного дейксиса. Структура перформативного высказывания может быть представлена (как своеобразная пропозициональная структура) следующим образом:

"Перформативный глагол в наст вр. (изъявит. накл.)
+ Я + Ты / Вы + включённая пропозиция p ".

V Perform Praes + Я + Ты/Вы + Prop

Ср.: Я приглашаю тебя на свой доклад = ((я приглашаю тебя на p (Я делаю доклад))). Данное перформативное высказывание не просто языковой акт, а вместе с тем и акт приглашения. Перформативная формула не обязательно должна реализоваться в высказывании полностью: С праздником! = Я поздравляю Вас с праздником.

Классификация прагматических типов высказываний, число которых относительно невелико, но пока колеблется от 5 до нескольких десятков (в зависимости от теоретических позиций исследователя и степени детализированности классификационных признаков), обычно включает в себя :

Констативы / Ассертивы (в таких высказываниях описываются какие-либо ситуации, утверждаются какие-либо факты: Земля вращается вокруг Солнца; Студенты увлеклись теоретическим языкознанием).

Комиссивы (высказывания-обещания), которые могут подразделяться на предложения-обещания (промисивы) и предложения-угрозы (менасивы): Я обещаю скоро прийти; Я

скоро приду (адресат заинтересован в том, чтобы это произошло); Я тебе задам (адресат не заинтересован в осуществлении обещанного действия).

Экспрессивы (посредством таких высказываний регулируются взаимоотношения между коммуникантами: Я благодарю тебя за то, что ты помог; Извини меня за то, что я был груб; Поздравляю тебя с успешной сдачей экзамена).

Декларации / Декларативы (такими высказываниями говорящий, если ему позволяет социальный статус, вносит изменения в положение своего адресата или присваивает какому-то объекту имя: Я назначаю тебя ответственным за подготовку конкурса; Объявляю собрание законченным; Я называю эту звёздочку именем РФФ).

Директивы (высказывания, служащие побуждению адресата к действию или, наоборот, настаивающие на невыполнении действия, т.е. приказы, распоряжения, просьбы, советы, приглашения, предложения чего-либо, запрещения, предостережения: Прошу тебя записать это предложение; Советую Вам уделить серьёзное внимание теоретической лингвистике; Приходите ко мне в гости; Приглашаю посетить мой сайт; Приказываю взять высоту 217; Запрещаю Вам входить сюда; Не курить).

Интеррогативы / Эротетивы / Квеситивы (высказывания, содержащие запрос необходимой информации: Чем завершились переговоры?).

Вокативы (высказывания-обращения: Виктор Николаевич!; Господин советник!).

Оптативы (высказывания-пожелания: Лётной Вам погоды!; Чтоб у Вас всегда было хорошее настроение!; Понять бы природу языка!).

Принято различать прямые и непрямые / косвенные речевые акты. Непрямые акты имеют место в результате своеобразной прагматической транспозиции. Так, вопросительные предложения в своей первичной функции служат запросу информации. Но они же могут выражать констатацию (Ты ещё здесь?), просьбу (Ты не можешь передать мне соль?), приглашение (Ты не хочешь сходить со мной в кино?) и т.п.

Включаясь в более широкий контекст, предложение, с тем чтобы обеспечивать достижение успеха в языковом взаимодействии, должно также удовлетворять следующим требованиям, формулируемым в виде постулатов (или максим) в рамках Принципа сотрудничества ради успеха в коммуникативном взаимодействии (Пол Г. Грайс):

Достаточная полнота высказывания (постулат количества): Говори столько, сколько нужно, чтобы тебя поняли (не меньше, но и не больше)!

Релевантность высказывания (отношение к теме разговора): Не говори о постороннем (не имеющем отношения к обсуждаемому вопросу)!

Искренность (постулат качества): Говори то, что ты считаешь истинным! Не говори то, что ложно!

Ясность, недвусмысленность: Выражайся чётко, ясно, недвусмысленно!

Смыслы, которые связываются с указанными постулатами, остаются невыраженными. Поэтому их и именуют коммуникативными импликатурами.

Часто говорят также о Принципе вежливости с его постулатами такта, великодушия (щедрости), одобрения, скромности и т.п., о Принципе иронии и других принципах.

Средства выражения синтаксических связей и функций

В словосочетаниях, предложениях и текстах в качестве строительного материала используются слова (точнее, словоформы) с присущими им означаемыми и означающими. Выполнение таких задач, как соединение слов в речи, оформление предложений и текстов (развёрнутых высказываний) как целостных образований, членение текста на предложения, а предложений на их составляющие (конституенты), различение предложений разных коммуникативных типов, выражение синтаксических функций выделяемых в предложении конституентов и их синтаксически господствующего или подчинённого статуса, приходится на долю формальных синтаксических средств. В большинстве случаев одновременно используется несколько формальных показателей (например, интонационный показатель + линейный показатель, или аранжировка).

Наиболее универсальным синтаксическим средством является интонация. В формальном отношении именно наличие интонации отличает предложение и текст как коммуникативные единицы от словосочетания. Она всеми своими компонентами (и прежде всего мелодической и динамической составляющими) обеспечивает единство коммуникативных образований. Фразовая интонация может выделять предложения в тексте и синтагмы в предложении, обеспечивать интеграцию фразы и синтагмы вокруг ударных слов, выделять наиболее важные в смысловом плане звенья предложения и синтагмы, разграничивать тему и рему высказывания. Интонационные средства могут способствовать различению вопросительных и повествовательных, восклицательных и невосклицательных предложений, сигнализировать наличие перечислительных конструкций и т.д.

Другим наиболее универсальным синтаксическим средством является порядок слов (их аранжировка), а в более сложных конструкциях и порядок предложений. Порядок слов в предложениях характеризуется тенденцией к непосредственному соположению связанных друг с другом конституентов, т.е. их позиционному соседству, примыканию друг к другу. (Здесь имеется в виду позиционное примыкание вообще, безотносительно к тому, выражается ли или не выражается данная синтаксическая связь морфологически. В русской грамматической традиции примыкание как морфологически не маркированная синтаксическая связь отграничивается от морфологически маркированных согласования и управления, хотя в реальности примыкание зависимого слова к господствующему не исключается и при синтаксической связи типа согласования и управления.) Обычно говорят о примыкании синтаксически зависимого слова к синтаксически господствующему (например, о примыкании определения к определяемому существительному: англ. blue eyes 'голубые глаза'; калм. хурех махла 'мерлушковая шапка'; чукот. эргатык трээгъэ 'завтра приду').

Если подчинённое слово находится перед господствующим, то говорят о препозиции (регрессивный порядок слов: интересная лекция). Если же подчинённое слово следует за господствующим, то мы имеем дело с постпозицией (прогрессивный порядок слов: читать текст). Преимущественное использование препозиции или постпозиции

определения является одной из важных типологических характеристик синтаксического строя разных языков. Так, препозиция определения доминирует в славянских и германских языках, постпозиция определения является характерной чертой романских языков.

Примыканию как контактному способу синтаксической связи может противостоять дистантное расположение синтаксически связанных слов. Так, в нем. предложении при наличии нескольких дополнений то, которое по смыслу более тесно связано с глаголом (обычно дополнение адресата), может быть отделено от него другими дополнениями: *Er schenkte der Schwester eine Vase* 'Он подарил сестре вазу'. Дистанцируется и располагается в конце предложения наречный компонент сложного глагола (*Er ruft seinen Bruder nach* 'Он позвонил своему брату'). Иногда такое дистанцирование пытаются объяснить тем, что в праиндоевропейском могла господствовать тенденция к конечной позиции глагола, к которому соответственно примыкало более тесно связанное с ним слово.

При наличии у данного господствующего слова нескольких подчинённых одно из зависимых слов может вместе с господствующим словом образовать рамочную конструкцию, замыкая другие зависимые слова. Такую рамку образуют, например, в нем. и англ. языках артикль и существительное: *ein neues Buch*, *a new book* 'новая книга (в обоих случаях)'.

Порядок слов в предложении может быть свободным и фиксированным. В типологических исследованиях языков за основу берут взаимное расположение относительно друг друга подлежащего (S), глагола (V) и дополнения (O). Возможны 6 вариантов: SVO, SOV, VSO, VOS, OSV, OVS.

Одни языки характеризует тенденция к свободному порядку слов. Таковы, например, русский и латинский языки, обладающие богатыми возможностями морфологического маркирования синтаксических функций (членов предложения). Ср.: *Студенты сдают экзамен.* - *Студенты экзамен сдают.* - *Сдают студенты экзамен.* - *Сдают экзамен студенты.* - *Экзамен студенты сдают.* - *Экзамен сдают студенты.* Другие языки, особенно те, где синтаксические функции морфологически не маркируются, тяготеют к фиксированному порядку слов. Так, в исп. языке из 6 возможных вариантов реализуются 4, а во фр. только два. Порядок слов нем. предложения более строг, чем в рус. языке. В англ. предложении он строже, чем в нем., но свободнее, чем во фр.

В принципе расстановка слов должна соответствовать движению мысли. В этом случае говорят об объективном порядке слов, который выполняет своего рода иконическую функцию (сперва называется то, что является исходным в описании данного положения дел). Но отступления от стандартного для данного языка порядка слов допускаются:

а) при инверсии, обусловленной необходимостью различения коммуникативных типов предложения. Так, в нем. повествовательном предложении обычен прямой порядок слов, с подлежащим в начальной позиции (*Er kommt morgen* 'Он придёт завтра'), а в

- вопросительном предложении (общий вопрос) глагольное сказуемое предшествует подлежащему (Kommt er morgen? 'Он придёт завтра?');
- б) при выдвигании в начальную позицию слова, служащего связи предложения с предтекстом (Сейчас мы изучаем введение в теоретическое языкознание. Лекции по этому курсу читает профессор N);
- в) при вынесении в начальную позицию тематизируемого, т.е. употребляемого в качестве темы, компонента высказывания (так, темой высказывания может быть указание на деятеля: Мой брат поедет завтра в Москву, указание на пункт назначения: В Москву мой брат поедет завтра, и т.д.);
- г) при выражении говорящим своих эмоций (в данном случае необычная, эмфатическая расстановка слов подкрепляется эмфатическим ударением: Этому преподавателю я не хочу сдавать экзамен);
- д) при необходимости выразить дополнительное значение (например, значение приблизительности: два часа - часа два).

Близко к позиционному примыканию синтаксическое основосложение, используемое для создания инкорпоративных конструкций, в составе которых свободно соединяются корни (или основы). Инкорпоративные комплексы могут служить:

для выражения атрибутивных связей (коряк. эчвы-в'алата 'острым ножом', кытпылв'ыеты-в'алата 'стальным ножом');

для выражения отношений между действием и его объектом или обстоятельством (чукот. Тумг-ыт копра-нтыват-гыат 'Товарищи поставили сети', букв. 'сете-поставили', Мыт-винвы-эквэт-ыркын 'тайно отправляемся');

для построения предложения в целом (яз. нутка unikw-ihl-'minih-'is-it-a 'Несколько огоньков было в доме', букв. 'огонь-дом-мн. ч.-уменьшительность-прош. вр.-изъявит. накл.').

Далее, в качестве формального способа выражения синтаксических связей и функций широко распространено использование служебных слов (союзов и союзных слов, частиц, предлогов и послелогов, связок).

В аффиксальных языках широко используются морфологические показатели. Они сигнализируют наличие управления, при котором синтаксически господствующее слово предопределяет наличие в структуре словоформ зависимого слова той или иной граммы (например, граммы одного из косвенных падежей) и согласования, при котором в структуре словоформы зависимого слова повторяются одна или несколько грамм словоформы господствующего слова, т.е. наблюдается своего рода уподобления одного граммемного комплекса другому (например, в рус. прилагательном при его атрибутивном употреблении в его словоформе присутствуют граммы падежа, числа, а также - в случае ед. ч. - и рода: трудного экзамена). В языках, имеющих согласовательную грамматическую категорию именных классов существительного, показатели определённого класса появляются в синтаксически связанных словах: яз. лингала Lo-lenge lo-ye l-a lo-beki lo-nalo-ko lo-zali lo-lamu 'Форма эта горшка того одного есть хорошая'.

Возможно одновременное использование показателей управления и показателей согласования: пяти столам (здесь связи разнонаправлены: числительное управляет существительным и само в то же время согласуется с ним); груз. Deda shvils zrdis 'Мать (абс. п.) сына (дат. п.) растит (наст.вр.)' (здесь глагол согласуется с подлежащим

(постфикс -s) и одновременно управляет существительным, требуя его употребления в дат. п.).

Показатель синтаксической связи обычно появляется в словоформе зависимого слова. Но он может, однако, характеризовать словоформу господствующего слова.

В арабистике (а под её влиянием в описаниях тюркских и иранских языков) отмечают наличие так называемого изафета: перс. ketabe xub 'хорошая книга', букв. ketab 'книга' + -e 'показатель атрабутивной связи' + xub 'хороший (без каких бы то ни было морфологических показателей)'; аналогично азерб. ат баши 'лошадь + голова + показатель связи'.

В отличие от изафета, идафа представляет собой связь двух существительных - господствующего и зависимого, при которой ведущий компонент своей так называемой сопряжённой формой, не имеющей ни необходимых окончаний, ни определённого артикля, уже тем самым сигнализирует наличие зависимого от него компонента: араб. джаамуусату-л-фаллаахи 'буйволица крестьянина'.

Морфологические показатели могут маркировать синтаксические функции существительных (подлежащее, дополнения, предикатив, определение, обстоятельства), прилагательных (определение, предикатив), глагола (сказуемое) и т.д.

Дивергенция и конвергенция языков

На Земле существует огромное количество больших и малых этносов, которые более или менее тесно взаимодействуют друг с другом. Соприкасаются и взаимодействуют также их языки и диалекты. Они могут (в силу географических, экономических, политических, культурных и прочих причин) сближаться друг с другом или, напротив, отдаляться друг от друга. В первом случае говорят об интеграции (или конвергенции) языков (и диалектов), а во втором случае - о дифференциации (или дивергенции) языков (и диалектов). Процессы конвергенции и дивергенции протекают в противоположных направлениях и с разной силой в разное время, в ходе истории они могут сменять друг друга, но в принципе развитие того или иного языка никогда не сводится лишь к одному из этих двух направлений.

Понятие дивергенции обычно относят к процессам центробежного развития родственных языков и диалектов одного языка. Причины такого направления развития коренятся прежде всего в социально-исторических условиях. Пути миграции родственных этносов (особенно в условиях перенаселения той или иной территории) могут не совпадать, что ведёт к их географическому обособлению. Родственные этносы (или же разные части одного этноса) могут оказаться расщеплёнными в силу того, что они попадают в состав разных государственных образований, функционируют в условиях общения их носителей в разных социумах, где их языки (и диалекты) становятся составляющими неодинаковых языковых ситуаций, играя роль

господствующих, более престижных или, напротив, менее престижных средств общения. Менее престижные в данном социуме языки (и диалекты) могут даже уступить место более престижным и прекратить своё существование. Каждый из родственных этносов в пределах ареала своего распространения вступает в контакты со своим кругом других (родственных и неродственных) этносов, что, естественно, ведёт к появлению различий в их языках и диалектах.

Процессы дивергенции являются исходными при расселении какого-либо этноса на значительных территориях и расщеплении прежде единого языка (или расхождении его диалектов), приводящем к появлению отдельных самостоятельных языков, находящихся в родственных отношениях и образующих языковую семью. Родственные языки выступают предками общего для них источника - праязыка.

Так, дивергентные процессы привели к расщеплению общеславянского (или праславянского) языка, бывшего реальностью ещё в первые века н.э. Из общеславянского в течение первой половины 1-го тыс. вычленились (по одной из версий) в качестве промежуточных праязыков пралужицкий, пралехитский, пращешско-словацко-словенский, працентрально-южнославянский, прапериферийно-южнославянский, прасеверно-восточнославянский, праюжно-восточнославянский. Пращешско-словацко-словенское единство перестало быть реальностью к концу 1-го тыс., после переселения носителей венгерского языка на территорию Венгрии.

Дивергентные процессы обусловили расщепление прагерманского, выделение из него сперва северногерманского, носители которого мигрировали в Скандинавию, в результате чего возникло противоположение северногерманского и южногерманского, затем переселение готов из Скандинавии в верховья Вислы и Одера, что привело к противопоставлению уже трёх ветвей - восточногерманской, западногерманской и северногерманской.

Но одновременно с факторами, ведущими к дивергенции языков, действуют факторы, обуславливающие конвергенцию языков. Понятие конвергенции относят к центростремительным процессам, которые возникают при совместном проживании носителей разных языков и диалектов на одной территории, при их вхождении в одно и то же государственное образование, при их длительных и интенсивных контактах. Конвергентные процессы могут затрагивать как родственные, так и неродственные языки, а также диалекты одного языка. Они могут вести к лексическим заимствованиям и к структурной перестройке фонологических, морфологических и синтаксических систем.

Так, конвергентные процессы обусловили сближение родственных германских диалектов в рамках восточногерманской ветви в 3-1 вв. и в начале н.э. в устьях Вислы и Одера, где рядом с племенами готов поселились племена вандалов, ругиев, бургундов.

Взаимодействие процессов конвергенции и дивергенции часто наблюдается на одном отрезке истории данного языка. Это наглядно иллюстрирует история германских

языков и в особенности история немецкого языка, у которого не было предка в виде "пранемецкого".

Как известно, с переселением части германских племён в Скандинавию возникли две группы германских диалектов - северная (скандинавская) и южная (континентальная), а миграция ряда германских племён из Скандинавии на континент привела к противопоставлению трёх групп - северной, восточной и западной (бывшей до этого южной). Внутри западногерманской группы племён уже к 1 в. н.э. выделялись племена ингвеонские (северноморские, куда входили англ, саксы, фризы), иствеонские (рейнско-везерские, прежде всего франки) и эрмионские (приэльбские, к числу которых принадлежали алеманны и баварцы). Англ, часть саксов, часть фризов в 5-6 вв. переселяются на Британские острова, где формируется англосаксонский, или древнеанглийский. Эрмионы, начиная с 1 в., передвигаются с нижней и средней Эльбы в южную Германию. Франки-иствеоны продвигаются на запад, захватывают область романизованной северной Галлии, и создают в конце 5 в. мощное двуязычное государство Меровингов. Под властью франков в королевстве Меровингов и Каролингов (5-9 вв.) были объединены алеманны и баварцы, хатты (гессы), туринги. Карл Великий ведёт долгие и кровопролитные войны с саксами, стремясь включить их в состав своего государства и навязать им христианство. На территории этого государства под сильным воздействием франкского складывается верхненемецкое единство (Hochdeutsch), внутри которого активно взаимодействуют сперва диалекты эрмионские, ставшие основой для южнонемецкого (Oberdeutsch), и иствеонские (франкские, образовавшие основу для средненемецкого, Mitteldeutsch). Затем в процесс сближения под воздействием того же франкского втягиваются саксонские диалекты (ингвеонские по происхождению), постепенно (на протяжении 9-16 вв.) утрачивая свою самостоятельность и образуя основу для нижненемецкого диалекта немецкого языка (Niederdeutsch).

Нидерландский формировался на протяжении 9-16 вв. на основе одного из франкских диалектов в тесном взаимодействии с фризскими и саксонскими диалектами.

Среди результатов конвергенции отмечается наличие в том или ином языке так называемых субстратных, суперстратных и адстратных черт. О субстрате говорят тогда, когда в данном языке могут быть выделены материальные элементы или структурные особенности, восходящие к языку прежних обитателей данной территории, смешавшихся с завоевателями (пришельцами) и принявшими их язык. Теория субстрата широко распространена в романистике, где наличием субстратной конвергенции пытаются объяснить расхождения между новыми романскими языками, продолжающими один и тот же латинский язык. Безусловно, только к субстрату эти различия не могут быть сведены (так, римская колонизация различных территорий происходила в разные исторические периоды, а латинский язык менялся с течением времени).

Реже говорят о суперстрате, имея в виду те черты, которые данный язык заимствует из языка пришельцев, со временем ассимилированных коренным населением. Такая судьба, например, постигла язык франков в романизованной Галлии. Во французский

язык вошло некоторое количество германских элементов, за страной сохранилось франкское имя (France < frankono richi, Frankenreich, Frankreich 'империя франков').

Под адстратом понимают те черты, которые выделяются в продолжающих существовать языках, которые находились в долгом взаимодействии друг с другом. В отличие от субстрата и суперстрата здесь не предполагается этнического смешения.

Но во всех этих случаях имеет место широко распространённое массовое двуязычие. Функции используемых языков редко оказываются одинаковыми. За одним из языков может закрепляться использование в официальной сфере, науке, образовании, богослужении, другой язык может использоваться в более узких сферах (например, только в семейно-бытовом общении). Социальные функции взаимодействующих языков могут с течением времени перераспределяться. Хорошо известны такие примеры, как длительное использование в разных сферах общения двух языков (так, наряду с родными языками в Западной Европе долго был в употреблении латинский язык, на Руси - древнеславянский (древнецерковнославянский), в странах ислама - арабский. При использовании разных форм одного и того же языка одна из этих форм может признаваться более престижной. Тогда говорят о диглоссии. Так, для носителя современного русского языка наиболее престижной формой признаётся, безусловно, литературный язык.

В условиях массового и индивидуального двуязычия часто наблюдаются случаи интерференции, т.е. воздействия, ведущего к отклонениям от нормы и системы второго языка, которые обусловлены нормой и системой родного языка. Проявления интерференции могут наблюдаться и в произношении, и в употреблении слов, и в употреблении грамматических форм. Возможно, субстратные черты представляют собой наследие массовой интерференции при освоении языка пришельцев.

В рамках того или иного государственного образования взаимодействие родственных диалектов может иметь своим результатом формирование койне как средства наддиалектного, надтерриториального общения. Так, в эллинистический период (4-3 вв. до н.э.) на ионийско-аттической диалектной основе сложилось койне, которое обслуживало и устно-разговорное, и письменное общение вплоть до 2-3 вв. н.э. В социолингвистике под койне понимают любые наддиалектные системы общения (и прежде всего устного) в рамках всей страны, отдельного её региона и даже в ряде сопредельных стран.

В межэтническом общении по узкому кругу тем может использоваться лингва франка. Первая из таких коммуникативных систем сложилась в средние века как конкретный смешанный язык с элементами из европейских языков (в частности, франкского, а также французского, провансальского, итальянского), арабского, турецкого. Этот язык использовался преимущественно в Средиземноморье. Сегодня в социолингвистике термин лингва франка применяется по отношению к любому устному вспомогательному средству межэтнического общения и даже к реально существующему языку. Так, в Западной Африке роль таких средств общения при торговом обмене играют хауса, бамана, в Восточной Африке эту роль берёт на себя суахили.

К лингва франка близки тоже служащие межэтническому общению пиджины. Под ними имеют в виду языки, не имеющие коллектива исконных носителей. Они возникают в результате взаимодействия разнотипных языков и характеризуются весьма упрощённой структурой. Известны пиджины, сложившиеся на основе английского, французского, испанского, португальского языков. Если пиджин передаётся внутри данного народа из поколения к поколению и становится основным средством общения, он превращается в креольский язык.

Итогом длительного контактного взаимодействия родственных и неродственных языков в пределах единого географического пространства может быть языковой союз. Он предполагает взаимообмен между взаимодействующими языками теми или иными структурными чертами, касающимися фонологической, морфологической и синтаксической систем, словаря. Особенно интересен для исследователей Балканский языковой союз, охватывающий такие языки, как греческий, албанский, болгарский, македонский, частично сербскохорватский, румынский и молдавский, венгерский. Некоторые исследователи (Н.С. Трубецкой и др.) допускают, что индоевропейская языковая общность является не результатом распада единого праязыка, а продуктом сближения контактировавших длительное время языков.

ЮСМ; ВБК; ААР.

ЛЭС/БЭС (Статьи: Языки мира. Дивергенция. Родство языковое. Праязык.

Конвергенция. Скрещивание языков. Субстрат. Суперстрат. Адстрат. Контакты языковые. Многоязычие. Диглоссия. Интерференция. Заимствования. Лингва франка. Койне. Пиджины. Креольские языки. Языковой союз. Балканский языковой союз).

Languages of the World

Каталог языков мира (более 6700 языков)

Каталог языковых семей

Индоевропейские языки

Неиндоевропейские языки

Учебники по 92 языкам online

Принципы сравнительно-исторического языкознания

Сравнительно-историческое языкознание представляет собой область исследований, посвящённых группам языков, которые находятся в отношениях родства, т.е. могут быть возведены к одному и тому же генетическому источнику (праязыку, языку-основе) и образуют семьи. О родстве языков говорят тогда, когда между их исконными (не заимствованными путём контактов) значимыми единицами фиксируются строго определённые, регулярные звуковые и семантические соответствия.

Чаще всего для сравнения привлекаются тождественные или близкие по значению минимальные значимые единицы, а именно корневые и аффиксальные морфемы. Генетическое тождество этих единиц считается доказанным, если их звуковые экспоненты совпадают в целом, а в случае неполного совпадения экспонентов

наблюдаемые отклонения могут быть объяснены действием в одном из сравниваемых языков в процессе его самостоятельного развития регулярных преобразований, подводимых под понятие фонетических законов. Эти преобразования могут иметь своим результатом расщепление (дивергенцию) первоначально единой праформы (т.е. морфемы праязыка). Регулярность того или иного звукового преобразования должна быть подтверждена наличием серии значимых единиц, содержащих соответствующие звуки.

Так, верхненемецкий в начале слов (корневых морфем) в результате так называемого второго германского передвижения согласных (верхненемецкого перебоя), затронувшего по существу все смычные шумные согласные, имеет, как правило, аффрикату *z* [ts] там, где в других германских языках в данной позиции появляется переднеязычное смычное *t*:

zwei 'два' - др.-в.-нем. *zwene* (м.р.), *zwo* (ж.р.), *zwa* (ср.р.), нидерл. *twee*, др.-англ. *twegen*, *twa*, *tu*, англ. *two*, дат. *to*, норв. *to*, др.-исл. *tveir*, *tvaer*, *tvau*, гот. *twai*, *twos*, *twa*; *zehn* 'десять' - нидерл. *tien*, др.-англ. *tien(e)*, англ. *ten*, дат. *tí*, швед. *tio*, др.-исл. *tiu*, гот. *taihun*;

Zunge 'язык' - нидерл. *tong*, др.-англ. *tunge*, англ. *tongue*, швед. *tunga*, норв. *tunge*, др.-исл. *tunga*, гот. *tuggo*.

Начальное *t* германских языков в результате так называемого первого германского передвижения, тоже затронувшего смычные согласные, соответствует, как правило, начальному *d* в других индоевропейских языках (в верхненемецком совершилось очередное преобразование: *t* > *z* [ts]). Ср.: гот. *twai* 'два' - лат. *duo*, *duae*, греч. *dyo*, ст.-слав. *дѣва*, лит. *du*, латыш. *divi*, др.-прусск. *dwai*, др.-инд. *duvau*, *duva*, *dvau*, *dva*, авест. *dva*, *duye*, ирл. *dau*, *da*, *dí*. Регулярность этого соответствия может быть подтверждена наличием соответствующей серии значимых единиц.

Славянские языки различаются между собой, в частности, тем, какое развитие в них получили присущие раннему праславянскому сочетания гласных с плавными *r*, *l*. Действие общеславянского закона открытых слогов привело к перестройке сочетаний типа * (t)ort, * (t)ert, * (t)olt, * (t)elt (где звёздочка / астериск * означает реконструированную праформу), а именно к перестановке (метатезе) гласных и плавных перед согласными. В старослав. и чеш. имеют место формы *vrana*, *hlava*, *mleko*. В русск. развились формы *ворона*, *голова*, *берег*. В польск. появились формы *wrona*, *brzeg*, *glowa*, *mleko*. От общеиндоевропейского общеславянский отличался рядом регулярных звуковых преобразований, в частности переходом и.-е. кратких гласных верхнего подъёма *u*, *e* в сверхкраткие (редуцированные) гласные *ъ*, *ь*. Ср.: лат. *muscus* - ст.-слав. *мъхъ*; санскр. *avika*, лат. *ovis* - ст.-слав. *овьца*, др.-русск. *овьца*.

Чем большее количество подобных соответствий наблюдается в сравниваемых языках, тем более близким оказывается их генетическое родство, тем больше вероятность их происхождения из единого языка-основы. Уменьшение числа регулярных соответствий свидетельствует о том, что сравниваемые языки связаны отношением родства в меньшей степени и что начало их дивергенции лежит в более отдалённом прошлом.

Сравнительно-историческое языкознание в основном исходит из идеи о распаде первоначального языкового единства, будь это некий монолитный язык, либо, что более реально, группа близкородственных диалектов, носители которых могли общаться друг с другом практически без помех. Эта идея является основополагающей для сравнительно-исторического метода, включающего в себя набор приёмов и процедур, с помощью которых:

доказывается общность происхождения сравниваемых языков, их принадлежность к одной языковой семье, а внутри неё - к одной ветви, группе и т.п.;
предпринимаются попытки реконструировать систему праязыка (исходного языкового состояния) и его архетипы (систему фонем и просодем, систему словоизменения, систему словообразования, элементы синтаксиса, инвентарь древнейших лексем и морфем), а также реконструировать промежуточные праязыки (промежуточные языковые состояния);
прослеживаются процессы самостоятельной диахронической эволюции родственных языков;
делаются попытки установить относительную хронологию языковых изменений как в праязыке, так и в восходящих к нему языках;
строятся историко-генетические (генеалогические) классификации языков данной семьи (в виде схем родословного древа).

Формироваться сравнительно-исторический метод начал в первой четверти 19 в. (Франц Бопп, Расмус Кристиан Раск, Якоб Гримм, Александр Христофорович Востоков). Значительных успехов в реконструкции праязыкового состояния достиг в середине 19 в. Август Шлайхер, который одним из первых предложил схему родословного древа для индоевропейских языков, но уже он сам и тем более лингвисты следующих поколений стали сомневаться в том, что история родственных языков может быть сведена к последовательности актов распада (дивергенции). В 70-х гг. Йоханнесом Шмидтом была выдвинута волновая теория, в соответствии с которой во внимание должны приниматься и результаты взаимодействия географически соседствующих родственных языков. Успехи диалектографии и лингвистической географии привели к формированию так называемой ареальной (пространственной) лингвистики, для которой важны не только процессы дивергенции языков (и диалектов), но и процессы их конвергенции в результате длительных контактов. Основным понятием нового подхода стало понятие изоглоссы, характеризующей зоны распространения тех или иных звуковых изменений, лексических единиц и т.п. В результате сравнительно-исторический метод был дополнен методом лингвистической географии, лежащей в основе ареальной лингвистики. Сравнительно-историческое языкознание использует сегодня также достижения структурного анализа, типологии языков, обращается к количественным и вероятностным методам, методу моделей. Ареальный подход позволил по-новому поставить вопрос о временной локализации языковых изменений, об установлении архаических фактов (реликтов) и инноваций, о пространственной локализации родственных языков (и диалектов) в рамках более древних и более новых языковых ареалов, об уточнении принципов генеалогической классификации родственных языков, о диалектном членении праязыка, о языковых прародинах. Благодаря структурным методам рядом с методиками внешней реконструкции (на основе сравнения фактов разных

родственных языков) были развиты методики внутренней реконструкции, опирающиеся на разновременные факты данного языка как развивающейся системы.

Принципы и методы сравнительно-исторического языкознания формировались на основе историко-генетического исследования индоевропейских языков, что привело к становлению индоевропеистики, а внутри неё германистики, романистики, славистики, кельтологии, иранистики, индологии и т.д. Впоследствии рядом с индоевропеистикой в сравнительно-историческом языкознании выделились финно-угроведение, тюркология и другие области.

Понятия семьи языков и праязыка относительны. Так, можно говорить о семье восточнославянской, включая сюда языки русский (великорусский), белорусский и украинский (малорусский); о семье славянской, выделяя в ней языки восточнославянские, южнославянские и западнославянские; о семье индоевропейской. Точно также можно считать разговорную латынь (романскую речь) праязыком современных романских (неолатинских) языков, латинский язык возводить, в свою очередь, к являющемуся для него праязыком италийскому диалекту, для которого праязыком является один из диалектов праиндоевропейского.

В современном сравнительно-историческом языкознании (компаративистике) множатся попытки возведения больших языковых семей к ещё более крупным генетическим объединениям - макросемьям. Так, в уральскую макросемью объединяются семьи финно-угорская и самодийская. В соответствии с алтайской гипотезой, в одну макросемью включаются языки тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, а также генетически изолированные корейский и японский языки. В составе ностратической (бореальной, бореической, евразийской) макросемьи объединяют языки афразийские, индоевропейские, картвельские, уральские, дравидийские и алтайские. Если существование праиндоевропейского условно можно локализовать примерно в 5-6 тыс. до н.э, то существование праностратического следует отнести к периоду более 10 тыс. до н.э. Но некоторые компаративисты ищут более глубокие генетические связи, постулируя наличие всего нескольких очень больших макросемей, а иногда (в соответствии с теорией моногенеза) возводя и их к диалектам одного человеческого протоязыка, который стал реальностью вместе с появлением современного человека (*Homo sapiens sapiens*) около 100-30 тыс. лет назад.

Результаты сравнительно-исторических исследований фиксируются, во-первых, в сравнительно-исторических (и сравнительных) грамматиках (включая фонетику) и, во-вторых, в этимологических словарях семей и групп родственных языков.

Сравнительно-исторический метод доказал свою значительную точность и высокую эффективность. Разумеется, с обращением к очень удалённым во времени периодам сокращаются возможности поиска достоверного материала для сравнения и ослабевает точность метода реконструкции. Значительные трудности возникают в связи с проблемой конвергенции языков, появления смешанных, креолизованных языков. И тем не менее сравнительно-историческое языкознание, являющееся и сегодня наиболее развитой областью лингвистических исследований, стимулировало появление целого ряда близких по духу направлений в литературоведении, мифологии, культуроведении, религиоведении.

Генеалогическая классификация языков

Точное число естественных (т.е. спонтанно возникших в ходе биолого-социальной эволюции человеческого рода и отдельных этносов) человеческих языков практически не поддаётся подсчёту. Во многих случаях неясно, имеем ли мы дело с двумя диалектами одного и того же языка или же с двумя разными, самостоятельными языками. Очень многие языки нам известны лишь фрагментарно по косвенным свидетельствам (собственные имена и другие слова в исторических, географических, этнографических сочинениях древних авторов). Часто в таких сочинениях встречаются имена уже исчезнувших этносов, но по этим этнонимам невозможно судить, на каких языках говорили эти племена. Огромное число этносов, вероятно, сошло с исторической арены, даже не оставив нам своих имён. Имеются, кроме того, ещё не дешифрованные памятники письменности, не позволяющие пока считать, с каким языком мы имеем дело и каков его генетический статус. Есть языки изолированно живущих племён, которые до сих пор ещё не стали объектами лингвистических описаний.

Поэтому говорят о полутора-двух тысячах языков, но всё чаще доводят это число до трёх, четырёх, пяти, шести или семи тысяч. Если воспользоваться справочником "Языки и диалекты мира", изданным Институтом языкознания АН СССР в 1982 г., в котором содержится порядка 30 тысяч лингвонимов (названий языков), и вычестить из этих 30 тысяч те лингвонимы, которые снабжены пометами диалект, полоса диалектов и т.п., то останется значительно больше 8 тысяч языков, описать которые в серии справочников обещали авторы указанного руководства. В перечне, предлагаемом Летним институтом лингвистики / Summer Institute of Linguistics (США), перечислено более 6700 языков.

Генеалогические классификации группируют языки по отношениям родства, учитывая степень этого родства с точки зрения количества "шагов", отделяющих тот или иной язык от времени распада праязыка (или праязыковой диалектной общности). Так, о современном русском языке можно условно говорить, что от праиндоевропейского его отделяют 3 "шага": общеиндоевропейский - общеславянский - древнерусский (древневосточнославянский) - великорусский. Можно добавить ещё один "шаг", если согласиться, что общеславянскому предшествовало балтославянское единство. Вместе с тем, необходимы и поправки, учитывающие не только дивергентные процессы, но и процессы конвергенции, вплоть до образования креольских (т.е. смешанных) языков. Для германских языков справедливо утверждение о том, что существовал общегерманский, из которого вычленился потом северногерманский. А вот для языков западногерманских и восточногерманских вряд ли можно говорить, что им предшествовали праязыки западногерманский и восточногерманский. Эти общности объединялись скорее под воздействием ареальных факторов.

Весьма относительно и понятие семьи языков, как и понятие языковой макросемьи. Поэтому нелегко сказать, сколько же существует малых и больших языковых семей. Генеалогическая классификация, служащая распределению известных языков по языковым семьям, нередко опирается не только на имеющиеся доказательства общности материальных языковых единиц, но и на соображения географического порядка.

Если принять во внимание только что сказанное, то генеалогическая классификация языков в основных своих чертах сводится к перечню языковых семей и макросемей, с которым можно познакомиться в путешествии по лингвистической карте мира. В гиды можно взять Вяч. Вс. Иванова, автора статьи "Языки мира" в "Большом лингвистическом словаре", и составителей руководства "Языки и диалекты мира" (перечень языковых семей в учебнике А.А. Реформатского "Введение в языковедение" интересен, но он успел устареть и нуждается в серьёзных коррективах. Увлекательно описание языков и их семей в учебнике О.С. Широкова "Введение в языкознание"). Вяч. Вс. Иванов перечисляет языковые семьи в порядке, определяемом с учётом гипотез об их генетической близости.

Индоевропейские языки (они лучше всего изучены, им посвящён специальный раздел).
Афразийские языки (старое название: семито-хамитские). В эту семью входят языки семитские (аккадский; ханаанейские, включая сюда эблаитский, финикийский, моавитский, др.-еврейский и продолжающий его иврит, угаритский; арамейские, к которым относится ассирийский; арабский, южноаравийские, эфиосемитские), др.-египетский и продолживший его коптский, берберо-ливийские (ливийско-гуанчские), чадские, кушитские и омотские.

Картвельские (южнокавказские) языки: грузинский, мегрельский, лазский (чанский), сванский.

Финно-угорские и самодийские языки, объединяемые в уральскую макросемью.

Тюркские языки.

Монгольские языки.

Тунгусо-маньчжурские языки.

Японский и рюкюский.

Дравидийские языки. В соответствии с ностратической гипотезой (В.М. Иллич-Свитыч) все перечисленные языки объединяются в рамках ностратической макросемьи (с добавлением некоторых других языковых семей).

Чукотско-камчатские языки.

Севернокавказские языки (абхазско-адыгские и нахско-дагестанские).

Хурритский язык.

Урартский язык.

Хаттский язык.

Этрусский язык.

Баскский

Шумерский язык.

Бурушаски.

Енисейские языки. Предполагается наличие генетической связи между языками ряда только что названных групп и изолированных языков, начиная с севернокавказских.

Китайско-тибетские языки (тибето-бирманская ветвь и китайский язык).

Возможно, близкие к ним языки на-дене в Америке.
Близкие к китайско-тибетским языки мяо-яо.
Тайские языки.
Австронезийские языки.
Кадайские языки.
Аустроазиатские (австроазиатские) языки.
Папуасские языки и многие языки Новой Гвинеи.
Австралийские языки.
Конго-сахарские языки (нигеро-кордофанские, нило-сахарские, койсанские).
Условно выделяемая группа палеоазиатских (палеосибирских) языков.
Айнский язык.
Эскимосско-алеутские языки.
Алгонкин-ритванские языки.
Салишские языки.
Чимакуа-вакаш языки.
Пенути языки.
Чинук-цимшиан языки.
Хокальтекские языки.
Ючи-сиу языки.
Ирокуа-каддо языки.
Язык керес.
Язык юки.
Галф языки.
Ряд вымерших неклассифицированных языков юго-востока США.
Юто-ацтекские языки.
Отмангские языки.
Майя-соке-тотонак языки.
Аравакские языки.
Же языки.
Карибские языки.
Куика-тимоте языки.
Такана-пано языки.
Тупи-гуарани языки.
Салива языки.
Гуайтака языки.
Варау языки.
Комечингон языки.
Уарпе языки.
Карири языки.
Мура языки.
Алакалуфские языки.
Намбиквара языки.
Боротуке языки.
Самуко языки.
Маской языки.
Уаньям языки.
Чапакура языки.

Юракаре языки.
Мосетене языки.
Агуано языки.
Муниче языки.
Каупана языки.
Пуинаве языки.
Гуахибо языки.
Тинигуа языки.
Шириана языки.
Канела языки.
Сабела языки.
Омурано языки.
Пеба-ягуа языки.
Хиваро языки.
Арауа языки.
Дуле-вилела языки.
Чикито языки.
Юнко-пуруа языки.
Мокоа языки.
Чибча языки.
Кечумара языки.
Арауканские языки.
Макро-гуайкуру языки.
Чон языки.
Катукина языки.
Тукано языки.
Большое число изолированных и неклассифицированных языков Южной Америки.
Особо могут классифицироваться многочисленные креольские языки и пиджины.

Индоевропеистика и её объекты

1. Общая характеристика индоевропейских языков как объектов индоевропеистики
Индоевропейские языки представляют собой одну из крупнейших семей языков Евразии (более 200 языков). Она распространилась в течение последних пяти веков также в Северной и Южной Америке, Австралии и отчасти в Африке. Наиболее активной была экспансия языков английского, испанского, французского, португальского, нидерландского, русского, что привело к появлению индоевропейской речи на всех материках. В число первых 20 наиболее распространённых языков (считая как их исконных носителей, так и использующих их в качестве второго языка в межнациональном и международном общении) сейчас входят английский, хинди и урду, испанский, русский, португальский, немецкий, французский, панджаби, итальянский, украинский.

Индоевропейская (по традиции, принятой в среде немецких учёных, индогерманская) семья языков наиболее хорошо изучена: на материале исследования её языков в 20-х гг. 19 в. начало формироваться сравнительно-историческое языкознание, исследовательские методы и приёмы которого были затем перенесены на другие

языковые семьи. К родоначальникам индоевропеистики и компаративистики относят немцев Франца Боппа и Якоба Гримма, датчанина Расмуса Христиана Раска и русского Александра Христофоровича Востокова.

Компаративисты ставят своей целью установить характер и степень подобия (прежде всего материального, а также в некоторой мере и типологического) исследуемых языков, выяснить пути его возникновения (из общего источника или в силу сближения в результате длительных контактов) и причины расхождения (дивергенции) и схождения (конвергенции) между языками одной семьи, реконструировать праязыковое состояние (в виде набора архетипов как своеобразной матрицы, в которой фиксируются накопленные знания о внутренней структуре гипотетического праиндоевропейского) и проследить направления последующего развития.

Сегодня чаще всего считают, что область первоначального или достаточно раннего распространения носителей индоевропейского языка простиралась от Центральной Европы и Северных Балкан до Причерноморья (южнорусских степей). Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что начальный центр иррадиации индоевропейских языков и культур лежал на Ближнем Востоке, в близком соседстве с носителями картвельских, афразийских и, вероятно, дравидийских и урало-алтайских языков. Следы этих контактов дают основание для выдвижения ностратической гипотезы.

Индоевропейское языковое единство могло иметь своим источником либо единый праязык, язык-основу (или, вернее, группу близкородственных диалектов), либо ситуацию языкового союза как итога конвергентного развития ряда первоначально различных языков. Обе перспективы в принципе не противоречат друг другу, одна из них обычно получает перевес в определённый период развития языковой общности.

Отношения между членами и.-е. семьи из-за частых миграций непрерывно менялись, и поэтому принятая ныне классификация индоевропейских языков должна корректироваться при обращении к разным этапам истории этой языковой общности. Для более ранних периодов характерна близость языков индоарийских и иранских, славянских и иранских, балтийских и славянских, менее заметна близость италийских и кельтских. Много общих черт есть у языков балтийских, славянских, фракийского, албанского с индоиранскими, а италийских и кельтских - с германскими, венетским и иллирийским.

Основы признаки, характеризующие относительно древнее состояние индоевропейского языка-источника:

в фонетике: функционирование [e] и [o] как вариантов одной фонемы; вероятность отсутствия у гласных на более ранней ступени фонематического статуса; особая роль [a] в системе; наличие ларингальных, исчезновение которых привело к оппозиции долгих и кратких гласных, а также к появлению мелодического ударения (слоговой интонации); различие смычных звонких, глухих и придыхательных; различие трёх рядов заднеязычных, тенденция к палатализации и лабиализации согласных в определённых позициях;

в морфологии: гетероклитическое склонение; вероятное наличие эргативного (активного) падежа; относительно простая падежная система и более позднее появление ряда косвенных падежей из сочетаний имени с послелогом и т.п.; близость номинатива на -s и генитива с тем же элементом; наличие "неопределённого" падежа; противопоставление одушевлённого и неодушевлённого классов, давшее начало трёхродовой системе; наличие двух серий глагольных форм, приведшее к развитию тематического и атематического спряжения, переходности/непереходности, активности/инактивности; наличие двух серий личных окончаний глагола, ставшее причиной дифференциации настоящего и прошедшего времени, форм наклонения; наличие форм на -s, приведшее к появлению одного из классов презентных основ, сигматического аориста, ряда форм наклонений и производного спряжения; в синтаксисе: взаимозависимость мест членов предложения; роль частиц и превербов; начало перехода ряда полнозначных слов в служебные элементы; некоторые начальные черты аналитизма.

2. Анатолийские языки

В число анатолийских языков включают карийский, лидийский, ликийские, лувийский иеороглифический, лувийский клинописный, хеттский и ряд других. Все они являются мёртвыми. Их носители во 2—1-м тысячелетиях (возможно, и ранее) обитали на территории современной Турции и Северной Сирии. Принято выделять подгруппы: хетто-лидийскую (хеттский, лидийский, возможно, и карийский), и лувийско-ликийскую (лувийский клинописный, лувийский клинописный, сидетский и некоторые другие). Палайский занимал обособленное положение.

Письмо: северомесопотамско-хурритский вариант староаккадской клинописи для хеттского (18—13 вв. до н.э.), лувийского клинописного и палайского (14—13 вв. до н.э.); близкая к египетской иероглифика для лувийского иеороглифического; буквенное "малоазийское" письмо (испытывавшее греческое влияние) для поздних анатолийских языков: лидийского, карийского, ликийского, сидетского; обычное греческое письмо для писидийского.

3. Индоарийские языки

В число индоарийских (индийских) языков (более 40) входят: группа языков апабхрانشа, языки ассамы, бенгали, бходжпури, ведийский, гуджарати, магахи, майтхили, мальдивский, маратхи, непали, ория, пали, панджаби, группа языков пахари, санскрит, сингальский, синдхи, урду, хинди, цыганский. Области распространения живых индийских языков: северная и центральная Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Мальдивская республика, Непал. Общее число говорящих 770 млн. человек.

Все они восходят к древнеиндийскому языку и вместе с иранскими, дардскими и нуристанскими языками принадлежат к индоиранской языковой общности.

Древнейший период развития представлен ведийским языком (языком культа, с 12 в. до н.э.) и санскритом (эпический период: 3—2 вв. до н.э.; эпиграфический период: первые века нашей эры; классический период: 4—5 вв. н.э.).

4. Иранские языки

В число иранских языков (более 60) входят языки авестийский, азери, аланский, бактрийский, башкарди, белуджский, ванджский, ваханский, гилянский, дари, древнеперсидский, заза (язык/диалект), ишкашимский, кумзари (язык/диалект),

курдский, мазандеранский, мидийский, мунджанский, ормури, осетинский, группа памирских языков, парачи, парфянский, персидский, пушту/пашто, сангисари язык/диалект, саргулямский, семнанский, сивенди язык/диалект, скифский, согдийский, среднеперсидский, таджикский, таджриши язык/диалект, талышский, татский, хорезмийский, хотаносакский, шугнано-рушанская группа языков, ягнобский, язгулямский и др. Они относятся к индоиранской ветви индоевропейских языков. Области распространения: Иран, Афганистан, Таджикистан, некоторые районы Ирака, Турции, Пакистана, Индии, Грузии, Российской Федерации. Общее число говорящих 81 млн. человек.

По культурно-историческим критериям различают периоды древний, средний и новый, по структурным признакам выделяются два периода: древний (древнеперсидский, авестийский, мидийский, скифский) и последующий, включая средний и новый этапы (все остальные языки).

Первые письменные памятники с 6 в. до н.э. Клинопись для древнеперсидского; среднеперсидские (и ряда др. языков) памятники (со 2—3 вв. н.э.) на разновидности арамейского письма; специальный алфавит на базе среднеперсидского для авестийских текстов.

5. Дардские языки

К дардским языкам относятся башкарик, гавар, глангали, дамели, калаша, катаркалай, кашмири, курдари, кховар, майан, пашаи, пхалура, сави, тмарахи, торвали, шина, шумашти и др. Они представляют собой ответвление индийских языков и вместе с ними, а также близкими к ним нуристанскими языками принадлежат к индоиранской ветви семьи индоевропейских языков. Области распространения: горные районы северного Афганистана, Пакистана, Индии.

Многовековую письменную традицию имеет только кашмири (на индийской основе). Ряд языков получили письменность недавно (на основе арабской графики).

6. Нуристанские языки

В число нуристанских (кафирских) языков входят ашкун, вайгали, земнаки, кати, прасун, трегали и ряд др. Они близки к дардским и вместе с ними, индоарийскими и иранскими языками образуют индоиранскую ветвь индоевропейской семьи языков. Распространены в Афганистане. Письменность лишь на кати.

7. Тохарские языки

В группу тохарских языков включают мёртвые языки, носящие условные имена "тохарский А" и "тохарский Б". Иногда их именуют по названиям оазисов в Восточном Туркестане (Китай, провинция Синьцзян), где жили тохары, карашарским, или агнеанским, и кучанским. Найденные тексты датируются 5—8 вв., но отдельные тохарские слова и имена богов встречаются в текстах на пракрыте из оазисов юга Восточного Туркестана, относящихся к началу н.э.

Тохары оказались тем индоевропейским народом, который продвинулся в период миграций дальше всех с запада на восток. На своём пути они вступали в оставившие свои следы в общетохарском языке и в обоих позднее выделившихся тохарских языках контакты с носителями многих языков (возможно, с носителями диалектов, из которых возникли анатолийские языки и которые были связаны с италийско-кельтской группой индоевропейских диалектов, с предками носителей балтославянских и германских языков, а также финно-угорских языков, а затем с носителями восточноиранских языков). На конечном этапе они оказались в тюркоязычном окружении.

Ко времени составления текстов на тохарском А этот язык, вероятно, уже вышел из употребления (об этом свидетельствуют пояснительные пометы на тохарском Б и древнетюркском). Он продолжал использоваться только для культовых целей (буддийской монастырской проповеди среди населения, говорившего на тюркских языках и на тохарском Б). Основную массу текстов на обоих тохарских языках образуют переводы санскритских религиозных текстов. На тохарском Б, кроме того, сохранились надписи на стенах и рисунках, караванные пропуска на деревянных табличках, деловые и любовные письма, а также манихейский гимн с параллельным древнетюркским текстом (около 10 в. н.э.). Между отдельными рукописями имеются диалектные различия.

Для письма использовалась сильно изменённая индийская система брахми, точно воспроизводившая фонологические особенности тохарского языка.

8. Армянский язык

Армянский язык составляет особую группу внутри индоевропейской семьи языков. Он распространён в Армении, Грузии, Азербайджане, России, Сирии, Ливане, США, Иране, Франции и др. странах. Общее число говорящих свыше 6 млн. человек.

Предполагается, что в основе армянского языка лежит язык племенного союза хайаса-арменов в составе государства Урарту. Армянский этнос сформировался в 7 в. до н.э. в Армянском нагорье.

В истории письменно-литературного языка выделяют 3 этапа: древний (с начала 5 в., со времени создания армянского алфавита, по 11 в., когда устный древнеармянский вышел из употребления; письменный вариант, грабар, функционировал в литературе, конкурируя с новым литературным языком, до конца 19 в., а в культовой сфере сохранился до сих пор); средний (с 12 по 16 вв.; формирование диалектов), новый (с 17 в.), характеризующийся наличием восточного и западного вариантов литературного языка и наличием множества диалектов.

9. Фригийский язык

Фригийский язык был распространён в древности в северо-западной части Малой Азии и образует особую группу внутри индоевропейской общности. Фригийцы пришли сюда из Европы во 2-м — начале 1-го тысячелетия до н.э.

Язык сохранял архаическую и.-е. структуру и следы близких связей с языками греческим, индоиранскими, армянским, а также с албанским, балтийскими и славянскими.

Свидетельства: старофригийские надписи в Малой Азии (свыше 200; 8—6 вв. до н.э.; буквенный алфавит, близкий к греческому), новофригийские тексты (свыше 100; 2—3 вв. н.э.; греческое письмо) и глоссы у греческих и римских авторов.

10. Фракийский (фрако-дакийский) язык

Фракийцы населяли в древности северо-восток Балканского полуострова и северо-запад Малой Азии. Их язык выделяется в особую группу в индоевропейской семье. Иногда в его состав включают мизийский язык и, напротив, выделяют из него дакомизийский и дако-гетский. Фракийский язык сыграл роль субстрата в образовании языков румынского, албанского, болгарского.

Свидетельства: несколько надписей 6—3 вв. до н.э. (греческое письмо), многочисленные имена собственные, глоссы из сочинений античных и византийских авторов, список дакийских названий растений.

11. Иллирийский язык (включая мессапский)

Иллирийский язык, наиболее близкий к албанскому и обнаруживающий связи с языками балтийскими, славянскими и германскими, представлен двумя разновидностями - балканоиллирийским и мессапским языками. Первый, распространённый на северо-западе Балканского полуострова в 2 диалектных зонах — далматинской и паннонской, был вытеснен впоследствии латинским языком, не оставив своих памятников. Сведения о нём содержатся у античных авторов (с 7 в. до н.э. по 4 в. н.э.). Его восстановлению служат многочисленные имена собственные (антропонимы, топонимы, этнонимы), небольшое число глосс из сочинений античных авторов. Мессапский засвидетельствован примерно в 350 кратких надписях на юго-востоке Италии (6 в. до н.э. — 1 в. н.э.), в нескольких глоссах.

12. Албанский язык

Албанский язык занимает изолированное положение и составляет внутри индоевропейской общности особую группу. Генетически он наиболее близок иллирийскому и мессапскому языкам, существенны и его связи с фракийским. Этот язык распространён в Албании, Югославии (Косово), Италии, Греции и ряде др. стран. Носителей языка около 4 млн. человек.

Языковой ареал делится на две диалектные области: тоскскую (южную) и гетскую (северную). Литературный язык существует соответственно в 2 вариантах. Тоскский диалект является в Албании господствующим.

Албанский язык в силу длительного исторического взаимодействия входит в балканский языковой союз.

13. Греческий язык

Греческий язык образует особую группу в индоевропейской общности. Генетически наиболее тесно связан с древнемакедонским языком. Распространён на юге Балканского полуострова и прилегающих к нему островах Ионийского и Эгейского морей, а также в южной Албании, Египте, Южной Италии, Украине, России.

Основные периоды: древнегреческий (14 в. до н.э. — 4 в. н.э.), среднегреческий, или византийский (5—15 вв.), новогреческий (с 15 в.).

Основные этапы развития древнегреческого: архаический ((14—12 вв. до н.э. — 8 в. до н.э.), классический (с 8—7 по 4 вв. до н.э.), эллинистический (время формирования койне; 4—1 вв. до н.э.), позднегреческий (1—4 вв. н.э.). В древнегреческом выделялись диалектные группы: ионийско-аттическая, аркадо-кипрская (южноахейская), эолийская (северноахейская, связанная с языком крито-микенских памятников), дорийская.

С конца 5 в. до н.э. литературным языком становится аттический наддиалект. В эллинистическую пору на основе аттического и ионийского диалектов формируется общегреческое койне в литературной и разговорной разновидностях. Позднее наметился возврат к аттической норме, что привело к конкуренции 2 автономных языковых традиций.

Новогреческое койне формируется на основе южных диалектов и широко распространяется в 18-19 вв. Литературный новогреческий язык существует в двух вариантах: кафаревуса "очищенный" и димотика "народный".

В греческом языке многие структурные свойства проявляются в силу длительного исторического взаимодействия в ходе образования балканского языкового союза.

Древнейшие крито-микенские памятники: 14—12 вв. до н.э. Первые памятники алфавитного письма: 8—7 вв. до н.э.

14. Древнемакедонский язык

Древнемакедонский был языком этноса, населявшего в античный период историческую область Македонию на Балканском полуострове. С современным македонским языком, входящим в славянскую группу, он не имеет ничего общего: проживающие сегодня здесь славяне лишь унаследовали имя территории.

Свидетельства древнемакедонского языка: отдельные глоссы (апеллятивы и имена собственные), зафиксированные в произведениях греческих авторов, прежде всего в словаре Гесихия Александрийского, греческого лексикографа 5 в. (около 150 слов). Одни исследователи считают древнемакедонский диалектом греческого языка, другие настаивают на его негреческом характере, подчёркивая связи с другими древнебалканскими языками (иллирийским, фригийским, фракийским) и отмечая сильное влияние на него греческого языка с последующей эллинизацией древних македонцев.

15. Венетский язык

На венетском языке говорили племена, населявшие территорию современной северо-восточной Италии и прилегающих областей Австрии и Хорватии. Он был вытеснен латинским языком.

Венетский язык связан рядом изоглосс с языками итальянскими, германскими и иллирийскими.

Язык засвидетельствован в кратких надписях (около 250 текстов). Использовалось частью северноэтрусское письмо с добавлением греческих знаков (6—2 вв. до н.э.), а частью латинское письмо (2—1 вв. до н.э.).

16. Итальянские языки

Италики пришли на Апеннинский полуостров во 2-м тысячелетии до н.э.

К италийским языкам относят языки, принадлежащие к латино-фалисской и оскско-умбрской ветвям.

Латино-фалисскую ветвь образуют языки латинский и фалисский. Древнейшие фалисские тексты датируются 7—6 вв. до н.э. Они в основном содержат ономастику, подвергшуюся сильному этрусскому воздействию. В отличие от латинского в нём сохранились неизменными гласные срединных слогов, ряд древних окончаний, но монофтонгизация дифтонгов *aiē*, *au* произошла раньше; и.-е. инлаутные **-dh-*, **-bh-* перешли в *-f-* (в латинском в *-b-*). На долю латинского языка выпала особая историческая миссия, и он наиболее хорошо изучен по сравнению с другими италийскими языками.

Оскско-умбрская ветвь включает языки оскский и умбрский. Оскский представлял собой совокупность родственных диалектов или языков, на которых говорили сабельские племена (пелигны, вестины, марруцины, самниты и др.). Ведущую роль играл язык кампанских осков, на котором писались официальные документы. Оскские памятники датируются 5 в. до н.э. — 1 в. н.э. Памятники умбрского языка относятся к 3—1 вв. до н.э. К этому языку близко стоит язык вольсков (Игувинские таблицы, 3—2 вв. до н.э.). Из-за скудости данных не идентифицируется достаточно надёжно сикульский язык (несколько надписей, небольшое число глосс и собственных имён), а также языки моргетов, энотров, опиков, авзонов и др. Некоторые исследователи сикуло-авзонийский выделяют в особую ветвь, другие связывают авзонийский (опико-сикульский) с латинским или умбрским. Не определено место южнопиценского языка. Экспансия латинского Рима повлекла за собой романизацию (и латинизацию) всех италийских племён. Дольше всех оставался живым оскский язык (до 1 в. н.э.).

Латинским языком пользовалось первоначально племя латинов, населявшее область Лаций (*Latium*) в средней части Италии с центром (с 8 в. до н.э.) в Риме. Этот язык постепенно распространялся за пределы Рима вместе с ростом могущества этого государства, вытесняя, начиная с 4—3 вв. до н.э., языки других италийских племён, а также языки иллирийский, мессапский и венетский и др. Латинизация Апеннинского полуострова (за исключением юга Италии и Сицилии, где сохранялось господство греческого языка) в основном закончилась к 1 в. до н.э. Дальнейшие завоевания рабовладельческого Рима привели к распространению латинского языка на севере Африки, в Испании, Галлии, прирейнской Германии, Реции, Паннонии и Дакии, к романизации многих населявших эти территории народов.

В истории латинского языка античного времени выделяют несколько периодов.

От архаического периода сохранилось несколько надписей 6—4 вв. до н.э., фрагменты древнейших законов, отрывки из сакрального гимна салиев, гимн арвальских братьев. В доклассический период (3—2 вв. до н.э.) происходит становление на основе диалекта Рима литературного латинского языка (комедии Плавта и Теренция, сельскохозяйственный трактат Катона Старшего, фрагменты произведений ряда др. авторов).

Особо выделяется период классической ("золотой") латыни (1 в. до н.э.; развитие лексики, становление терминологии, устранение старых морфологических дублетов; расцвет литературы: Цицерон, Цезарь, Саллюстий, Вергилий, Гораций, Овидий). В период послеклассической ("серебряной") латыни окончательно складываются фонетическая, морфологическая и орфографическая нормы.

Период поздней латыни (2—6 вв.) характеризуется разрывом между письменным и народно-разговорным языком: ускорилась региональная дифференциация народной латыни, началось формирование на её базе романских языков, окончательно обособившихся к 9 в.; письменная латынь продолжала долгое время использоваться в административной сфере, религии, дипломатии, торговле, школе, науке, литературе, остаётся языком католической церкви и официальным языком Ватикана. Она стала (вместе с греческим языком) ценнейшим достоянием человечества.

17. Романские языки

Романская группа объединяет порядка 21 возникших на основе латыни языков: арумынский (аромунский),

галисийский,

гасконский,

далматинский (вымерший в конце 19 в.),

испанский,

истрорумынский,

итальянский,

каталанский,

ладино (язык евреев Испании),

мегленорумынский (мегленитский),

молдавский,

португальский,

провансальский (окситанский),

ретороманские; в их составе выделяются:

швейцарский, или западный, ретороманский / граубюнденский / курвальский /

романшский, представленный по крайней мере двумя разновидностями:

сурсельвским / обвальдским и

верхнеэнгадинским языками (иногда швейцарский ретороманский подразделяется на большее число языков);

тирольский, или центральный, ретороманский / ладинский / доломитский /

трентинский и

фриульский / восточный ретороманский, часто выделяемый в особую группу,

румынский,

сардинский (сардский),

франко-провансальский,

французский.

Свои варианты имеют литературные языки: французский — в Бельгии, Швейцарии, Канаде; испанский — в Латинской Америке, португальский — в Бразилии.

На основе французского, португальского, испанского возникло более 10 креольских языков.

В Испании и странах Латинской Америки эти языки часто называют неолатинскими. Общее число говорящих около 580 млн. человек. Более чем в 60 странах романские языки используются в качестве национальных или официальных.

Зоны распространения романских языков:

"Старая Романия": Италия, Португалия, почти вся Испания, Франция, юг Бельгии, запад и юг Швейцарии, основная территория Румынии, почти вся Молдавия, отдельные вкрапления на севере Греции, юге и северо-западе Югославии;

"Новая Романия": часть Северной Америки (Квебек в Канаде, Мексика), почти вся Центральная Америка и Южная Америка, большая часть Антильских островов; Страны, бывшие колониями, где романские языки (французский, испанский, португальский), не вытесняя местных, стали официальными — почти вся Африка, небольшие территории в Южной Азии и Океании.

Романские языки являются продолжением и развитием народно-латинской речи на территориях, вошедших в состав Римской империи. В их истории отмечаются тенденции к дифференциации (дивергенции) и интеграции (конвергенции).

Выделяются несколько исторических этапов в их развитии:

3 в. до н.э. — 5 в. н.э. (период романизации, т.е. замены местных языков народно-латинским); причины различий: диалектный характер народной латыни, изменения в самой латыни ко времени завоевания этой территории, темпы и социальные условия романизации в силу неодинаковых языковых ситуаций, влияние индоевропейского и доиндоевропейского языков-субстратов (иберского в Испании, кельтского в Галлии, северной Италии Португалии, ретского в Реции, дакийского на Балканах, оскско-умбрского в Италии и Реции, далее лигурийского в северной Италии и южной Франции, этрусского в Италии и Реции и т.п.), ослабление связей между провинциями и метрополией;

5—9 вв. (период становления романских языков в в условиях распада Римской империи и образования варварских государств): изоляция диалектов, влияние языков-суперстратов (вестготского в Испании, особенно сильно франкского в северной Галлии, бургундского в юго-восточной Галлии, лангобардского и остготского в Италии, чрезвычайно сильно славянского в Дакии; наиболее сильно "германизован" французский язык); влияние языков-адстратов (греческий в южной Италии и Сицилии, арабский в Испании, немецкий в зоне ретороманских языков); осознание особого характера новых языков, перевод на них религиозных богослужений в ряде стран, появление первых письменных свидетельств (Страсбургские клятвы, 842);

9—16 вв.: развитие письменности на романских языках, расширение их социальных функций, возникновение наддиалектных литературных языков;

16—19 вв.: формирование национальных языков, возвышение одних и утрата своих позиций другими романскими языками;

современный этап: большое разнообразие языковых ситуаций в странах, где используются романские языки; движение за утверждение и расширение общественных функций каталанского, окситанского, франкоканадского и т.д.

Романские языки испытывают постоянное воздействие латинского языка (заимствование слов, словообразовательных моделей, синтаксических конструкций, устранение некоторых фонетических тенденций). Различаются слова "народного фонда" (унаследованные из народной латыни) и заимствования из литературного латинского языка. Часты заимствования из соседних романских и нероманских языков. Широко используется международная латинско-греческая терминология.

Классификация романских языков наталкивается на затруднения в связи с разнообразием и постепенностью переходов от языка к языку. В практике часто используется географический принцип. Выделяются подгруппы: иберо-романская

(португальский, галисийский, испанский, каталанский), галло-романская (французский, провансальский), итало-романская (итальянский, сардинский), ретороманская, балкано-романская (румынский, молдавский, аромунский, мегленорумынский, истрорумынский). Предлагается и деление с учётом некоторых структурных черт, на языки "непрерывной Романии" (итальянский, окситанский, каталанский, испанский, галисийский, португальский), "внутренний" язык (наиболее архаичный по строю сардинский), "внешние" языки, с большим числом инноваций и испытавшие наибольшее влияние инносистемных языков (французский, ретороманские, балкано-романские). Языки "непрерывной Романии" в наибольшей степени отражают общероманский языковой тип.

Основные черты романских языков:

в фонетике: отказ от количественных различий гласных; общероманская система насчитывает 7 гласных (наибольшая сохранность в итальянском); развитие специфических гласных (носовые во французском и португальском, лабиализованные передние гласные во французском, провансальском, ретороманских; смешанные гласные в балкано-румынских); образование дифтонгов; редукция безударных гласных (особенно конечных); нейтрализация открытости/закрытости е и о в безударных слогах; упрощение и преобразование групп согласных; возникновение в результате палатализации аффрикат, перешедших в некоторых языках в щелевые; ослабление или редукция интервокального согласного; ослабление и редукция согласного в исходе слога; тенденция к открытости слога и ограниченной сочетаемости согласных; тенденция к фонетическому связыванию слов в речевом потоке (особенно во французском);

в морфологии: сохранение флективности с сильной тенденцией к аналитизму; у имени 2 числа, 2 рода, отсутствие категории падежа (кроме балкано-романских), передача объектных отношений предлогами; разнообразие форм артикля; сохранение падежной системы у местоимений; согласование прилагательных с именами в роде и числе; образование наречий от прилагательных посредством суффикса -mente (кроме балкано-румынских); разветвлённая система аналитических глагольных форм; типовая схема романского глагола содержит 16 времён и 4 наклонения; 2 залога; своеобразные неличные формы;

в синтаксисе: порядок слов в ряде случаев фиксирован; прилагательное обычно следует за существительным; детерминативы предшествуют глаголу (кроме балкано-романских).

18. Кельтские языки

Кельтскую группу образуют языки бретонский, валлийский (кимрский), галльский, гэльский, ирландский, кельтиберский, корнский, кумбрский, лепонтийский, мэн(к)ский, пиктский, шотландский (эрский). В 1-м тысячелетии до н.э. кельтские языки были распространены на значительной части Европы (ныне это часть Германии, Франции, Великобритания, Ирландия, Испания, север Италии), доходя на востоке до Карпат и через Балканы до Малой Азии. Позднее зона их распространения сильно сократилась; языки мэнский, корнский, кельтиберский, лепонтийский, галльский вымерли. Живыми являются ирландский, гэльский, валлийский и бретонский. Ирландский является одним из официальных языков в Ирландии. Валлийский

используется в прессе и на радио, бретонский и гэльский используются в бытовом общении.

Кельтские языки делят прежде всего по географическому признаку на континентальные и островные. Принято также деление по фонетическому признаку - различному рефлексу и.-е. лабиовелярного kw, которое в островных языках в гойдельской подгруппе (ирландский, гэльский, мэнский) отражается как k, а в бриттской подгруппе (валлийский, корнский, бретонский) даёт p. Из континентальных к q-ветви принадлежит кельтиберский, к p-ветви относятся лепонтийский и галльский.

Кельтские языки ближе всего стоят к италийским (некоторые учёные постулируют итало-кельтскую группу, другие допускают их одновременное отделение от и.-е. праязыка и происхождение из одного диалекта). Они обладают рядом общих для них морфологических особенностей.

От древнего и.-е. типа резко отклоняются островные языки: многочисленные комбинаторные изменения (аспирация, лениция, палатализация и лабиализация согласных); инфиксация местоимений в формах глагола; "спрягаемые" предлоги; специфическое употребление отглагольных имён; порядок слов по схеме VSO. Этими и многими другими чертами кельтские языки выделяются среди и.-е. языков (объяснения: влияние неиндоевропейского субстрата; исторические инновации). Сохранение ряда архаичных черт. Изменения в живых языках: утрата оппозиции личных абсолютных и конъюнктивных окончаний глагола во многих формах времён и наклонений (ирландск.). Порядок слов: в галльском SVO, в кельтиберском SOV, в островных языках VSO, для протокельтского реконструируется SOV (как в протоиндоевропейском).

Сведения: Надписи, глоссы, монетные легенды на иберийском, этрусском, греческом, латинском (5 в. до н.э. — 4 в. н.э.); старейшие надписи на кельтиберском (иберийское письмо, 3—1 вв. до н.э.) и более поздние надписи на камне (лат. письмо); надписи на лепонтийск. (этрусское письмо; север Италии; 3—2 вв. до н.э.); надписи на галльском (этрусское письмо; 2 в. до н.э.; Цизальпинская Галлия) и галло-лат. билингвы, несколько граффити на вазах; свыше 60 надписей (Нарбонская Галлия, греческий алфавит), свыше 100 надписей на основе латинского алфавита (начало н.э.), большого объёма галльский календарь из Колиньи и надпись из Шамальера); на островных языках огамические надписи (с 4 в.), глоссы на основе латинского алфавита (с 7 в.); на гэльском памятники (с 16 в.); мэнский вымер в 20 в.; валлийский известен с 6 в. (валлийско-латинские глоссы, личные имена, топонимы, отдельные фразы в латинских текстах (с 8 в.); корнский известен с 9 в., вышел из употребления в 18 в.; памятники бретонского (языка бриттских переселенцев Бретань): глоссы 9—11 вв.

19. Германские языки

К германским языкам относятся английский, африкаанс (бурский), готский, датский, идиш, исландский, люксембургский, немецкий язык, нидерландский, норвежский, норн (диалект/язык?), фарерский, фризский, шведский, швейцарский. Ареал распространения современных германских языков: Великобритания, Германия, Австрия, Нидерланды, часть Бельгии, часть Швейцарии, Люксембург, Швеция, Дания,

Норвегия, Исландия, США, Канада, ЮАР, Индия, Австралия, Новая Зеландия. Общее число говорящих свыше 550 млн. человек.

Традиционно германские языки делят на северные, или скандинавские (шведский, датский, норвежский, исландский, фарерский), западные (английский, немецкий, нидерландский, люксембургский, швейцарский, идиш, фризский, нидерландский, аффриканс).

Английский развился из англосаксонского, немецкий из древневерхненемецкого с втягиванием впоследствии в свою орбиту нижнесаксонского на правах нижненемецкого, нидерландский (с фламандским в Бельгии) из древненижнефранкского, африкаанс из нидерландского, идиш сложился на базе верхненемецкого, как и швейцарский и люксембургский; из древнесеверного возникли скандинавские языки (шведский, датский, норвежский, а из последнего исландский и фарерский).

Источники для реконструкции прагерманского языкового состояния и построения генетической классификации германских языков:

древние письменные памятники разных эпох (4—13 вв. н.э.) на готском, древнесеверном (древнескандинавском), древнесаксонском (древненижненемецком), англосаксонском (древнеанглийском), древнефризском, древненижнефранкском, древневерхненемецком; письмо латинское (с 7—8 вв.) и руническое (с 3 в. н.э.; в Англии вплоть до конца древнеанглийского периода, в Скандинавии вплоть до 14 в., а в порядке исключения до 16—17 вв.); лексические заимствования из германских языков в финском и лапландском (около начала н.э.), в текстах римских классиков (Цезарь, Плиний, Тацит и др.); лексические заимствования из германского суперстрата в романских языках (во французском из франкского, в провансальском из бургундского и вестготского, в языках Пиренейского полуострова из вестготского, в итальянском из лангобардского и остготского); германские слова в "варварских правдах" (6—8 вв.); германские собственные (личные и местные) имена в сочинениях латинских и греческих писателей классической поры и раннего средневековья); данные истории народов и истории языков, свидетельствующие о сближении родственных германских племён и формировании (к 3 в. н.э.) больших племенных союзов, которые сыграли решающую роль в эпоху "великого переселения народов", о складывании народностей и об ассимиляции иноязычных народов в рамках формирующихся феодальных государств; о новых тенденциях к дифференциации внутри языков народностей и новых процессах сближения, что привело к переходу от диалектов племенных к диалектам территориальным, об экономическом, политическом, культурном и языковом обособлении (Германия и Нидерланды, Германия и Швейцария, Германия и Люксембург, Англия и Шотландия), о насильственном включении древних саксов в 8 в. в империю Карла Великого и превращении нижнесаксонского в группу северных диалектов немецкого языка; о формировании смешанных по происхождению национальных языков на базе смешанных по происхождению наречий ведущих экономических, политических и культурных центров;

данные археологии (истории материальной культуры);

латинские истории германских племён;

памятники древнегерманского эпоса;

данные анализа с применением методов ареальной лингвистики и лингвистической географии (и диалектографии), конкретно методики изоглосс, подтверждающих наличие исторических связей между двумя диалектами, в особенности связей контактного характера.

Древнейшие мелкие и крупные германские племена (*Germani*), упоминаемые в истории, начиная с 1 в. до н.э.: узипы (узипеты), тенктеры, тубанты, марсы, хамавы, сугамбры, дулгубнии, хазуарии, амсиварии, ангриварии, убии, вангионы, трибоки, неметы, тевтоны, бастарны, кимвры, свевы, семноны, квады, маркоманны, хавки, фризы, юты, харуты, реудигии, авионы, варины, эудосы, сварины (свардоны), нуитоны, херуски, хатты, бруктеры, батавы, алеманны, вестготы, остготы, франки, лангобарды, англы, саксы, даны и т.д. Формирующиеся в в 3 в. н.э. племенные союзы франков (*franci* 'свободные'), саксов (*Saxsi* < *sachsnotas* 'Schwergenossen; товарищи по мечу'), алеманнов (*alamanni* 'все мужи').

Перестройка отношений между германскими диалектами (языками):

начальное членение германцев на северную (готоскандинавскую) и южную (континентальную) группы;

миграция готов в 3—1 вв. до н.э. из Скандинавии на южный берег Балтийского моря (устье Вислы) и последующее их движение на юг, до Чёрного моря, а затем на запад; возникновение вследствие этого членение германских диалектов на группы северную (скандинавскую), восточную (готскую) и западную (континентальную);

наличие в западной группе (1—5 вв.) деления на подгруппы ингвеонскую (северноморскую), куда входили древнесаксонский, англосаксонский и фризский; иствеонскую, ядром которой были франкские диалекты, позже (8—15 вв.)

разошедшиеся под воздействием идущего из алеманнского верхненемецкого передвижения согласных; эрмионскую, куда входили баварский, алеманнский, а также, возможно, лангобардский;

формирование немецкого языка (6—7 вв.) на базе взаимодействующих иствеонских (франкских) и эрмионских (баварских и алеманнских) диалектов с последующим включением части ингвеонских наречий (древнесаксонского, в некоторой степени фризского).

формирование немецкого национального языка (15—18 вв.);

формирование английского языка на базе взаимодействующих ингвеонских диалектов (английский, саксонский, фризский, ютский и пр.) после переселения в Британию (5—6 вв.) их носителей, с последующими волнами воздействия скандинавских диалектов, а также в период норманского завоевания и старофранцузского языка;

сложный путь формирования отдельных скандинавских языков, изобилующий сменяющимися друг друга периодами дифференциации и интеграции;

Периодизация истории отдельных германских языков: древний период, когда происходит становление языков (от возникновения письменности до 11 в.); средний, когда позиции этих языков укрепляются и их социальные функции расширяются (12—15 вв.); новый, когда формируются национальные языки и происходит выработка их литературных норм (с 16 в. по настоящее время).

Отличительные особенности германских языков:

в фонетике: динамическое ударение на первом (корневом) слоге; редукция безударных слогов; ассимилятивное варьирование гласных, приведшее к историческим чередованиям по умлауту (по ряду) и преломлению (по степени подъёма); общегерманское передвижение согласных;

в морфологии: широкое использование аблаута в словоизменении и словообразовании; образование (рядом с сильным претеритом) слабого претерита с помощью дентального суффикса; различие сильного и слабого склонений прилагательных; проявление тенденции к аналитизму;

в словообразовании: особая роль именного словосложения (основосложения); превалирование суффиксации в именном словопроизводстве и префиксации в глагольном словопроизводстве; наличие конверсии (особенно в английском);

в синтаксисе: тенденция к фиксации порядка слов;

в лексике: слои исконно индоевропейский и общегерманский, заимствования из языков кельтских, латинского, греческого, французского;

наличие уже в древнее время, кроме общих инноваций, фонетических и морфологических различий между группами языков (см.: ЛЭС/БЭС. Статья: Германские языки); многочисленные изоглоссы между скандинавскими и готским, скандинавскими и западногерманскими, готским и западногерманскими, свидетельствующие об исторических связях в разные эпохи.

20. Балтийские языки

В балтийскую группу (название принадлежит Г.Г.Ф. Нессельману, 1845) включают языки латышский, литовский, прусский. Языки этой группы полнее сохраняют особенности древней и.-е. языковой системы, чем другие современные группы и.-е. семьи языков. Объясняют это по-разному:

По мнению одних, балтийские языки представляют собой остаток древней индоевропейской речи, сохранившейся после выделения из неё других языков.

Другие, учитывая участие балтийских языков в инновациях, свойственных для так называемых центрально-европейских языков, а также наименьшую полноту сатемизации среди языков группы satem, балтийским языкам приписывают промежуточный (переходный) статус.

Балтийские языки особенно близки к славянским. Возможны разные трактовки:

Изначальная принадлежность к одной группе и.-е. диалектов, находившихся в близком соседстве и переживших ряд общих процессов в русле тенденций и.-е. развития. Более позднее территориальное сближение носителей балтийских и славянских языков, обусловившее их конвергенцию, результатом которой явились многие общие элементы.

Наличие общего балто-славянского языка, предка и балтийских, и славянских языков (наиболее распространённая точка зрения).

Относительно позднее вычленение славянских языков из балтийской группы (на южной периферии балтийского ареала), так что группа балтийских языков оказывается предком славянской группы, сосуществующим во времени и пространстве со своим потомком.

Балтийские языки генетически тесно связаны с палеобалканскими и.-е. языками (иллирийским, фракийским и др.).

Современные балтийские языки распространены в восточной Прибалтике (Литва, Латвия, северо-восточная часть Польши — Сувалкия, частично Белоруссия). В более раннее время они были распространены и на востоке южной Прибалтики (территория Восточной Пруссии), где до начала 18 в. сохранялись остатки прусского языка, а ещё восточнее ятвяжского языка. Данные топонимии (особенно гидронимии), балтизмы в славянских языках, археологические и собственно исторические данные свидетельствуют о том, что в 1-м тысячелетии — начале 2-го тысячелетия н.э. балтийские языки были распространены в Верхнем Поднепровье и вплоть до правых притоков Верхней Волги, до Верхнего и Среднего Поочья (включая западную часть бассейна р. Москва и территорию гор. Москвы), до р. Сейм на юго-востоке и до р. Припять на юге, к западу от Вислы — в Поморье и Мекленбурге.

Особенности ареала распространения балтийских языков в древности объясняют следы языковых контактов балтов с финно-уграми, иранцами, фракийцами, иллирийцами, германцами и т.д.

Современные балтийские языки представлены литовским и латышским (иногда выделяют и латгальский). К числу вымерших балтийских языков относятся прусский (до 18 в.; Восточная Пруссия), ятвяжский, или судавский (до 18 в.; северо-восток Польши, южная Литва, смежные районы Белоруссии), куршский (до середины 17 в.; на побережье Балтийского моря в пределах современных Литвы и Латвии), селонский, или селийский (документы 13—15 вв.; часть восточной Латвии и северо-восток Литвы), галиндский, или голядский (в русских летописях "голядь"; документы 14 в.; южная Пруссия и, вероятно, бассейн р. Протвы). часто противопоставляют литовский и латышский как восточнобалтийские всем только что названным языкам как западнобалтийским. Точнее говорить о наличии компактного ядра языков "внутренней" зоны (литовский и латышский) и о языках внешнего пояса балтийского ареала: прусском на крайнем западе, галиндском и ятвяжском на крайнем юге и востоке). Языки внешнего пояса подверглись германизации и славянизации. Античные писатели упоминали некоторые из балтийских племён: айстии у Тацита, галинды и судины у Птолемея.

21. Славянские языки

В славянскую группу входят языки белорусский, болгарский, верхнелужицкий и нижнелужицкий, македонский, полабский, польский, русский, сербско-хорватский, словацкий, словенский, старославянский, украинский, чешский.

Славянские языки распространены на территории Европы и Азии (Россия, Украина, Белоруссия, Польша, Чехия, Словакия, Болгария, Сербия, Черногория, Босния, Герцеговина, Македония, Хорватия, Словения, а также государства Средней Азии, Казахстан, Германия, Австрия). Носители славянских языков живут также в странах Америки, Африки, Австралии. Общее число говорящих около 300 млн. человек.

Славянские языки по степени их близости друг к другу: восточнославянскую (русский, украинский и белорусский), южнославянскую (болгарский, македонский, сербохорватский, или сербский и хорватский, словенский) и западнославянскую

(чешский, словацкий, польский с кашубским, верхне- и нижнелужицкие). В конце 17 — начале 18 вв. исчез полабский язык. Рядом с национальными литературными языками существуют региональные литературные языки (литературные микроязыки) на основе чакавских и кайкавских диалектов в Хорватии, язык хорватов-чакавцев в Австрии, язык кашубской литературы в Польше.

Из индоевропейских языков славянские языки наиболее близки балтийским, что послужило основанием для гипотезы балто-славянского праязыка (можно объяснить эту близость длительными контактами балтов и славян).

Выдвигается много предположений о том, на какой территории произошло обособление славянского языкового континуума. На основе одного из и.-е. диалектов (протославянского) позже сформировался праславянский язык, ставший родоначальником всех современных славянских языков. Праславянский длительное время развивался как единый диалект, в котором позднее возникли диалектные варианты. Процесс перехода праславянского языка и его диалектов в самостоятельные языки был длительным и сложным, он завершился во второй половине 1-го тысячелетия н.э., в период формирования государств на территории Юго-Восточной и Восточной Европы и расширения территорий, занимаемых славянскими племенами. История праславянского языка делится на три периода: 1) древнейший — до установления тесного балто-славянского языкового контакта, 2) период балто-славянской общности и 3) период диалектного дробления и начала формирования самостоятельных славянских языков.

Особенности праславянского языка:

в фонетике: новая система гласных и сонантов; различение гласных долгих, кратких и сверхкратких; наличие слогаобразующих плавных; наличие согласных звонких и глухих, твёрдых, мягких и полумягких, мягких шипящих и аффрикат; распространение в аблауте ступени редукции; вхождение в группу *satem* по отражению (довольно непоследовательному) и.-е. палатализованных *k'* и *g'*; утрата слоговых сонантов; утрата закрытых слогов; смягчение согласных перед йотом; процесс первой палатализации и возникновение многих чередований; действие впоследствии второй и третьей палатализации задненёбных и возникновение новой серии чередований; возникновение носовых гласных; перемещение слогораздела; политоническое разноместное ударение; утрата при возникновении отдельных языков сверхкратких гласных *ъ* и *ь*;

в морфологии: формирование многих новых суффиксов; утрата двойственного числа; возникновение местоимённых прилагательных; различение основ инфинитива и настоящего времени;

в лексике: сохранение значительной части и.-е. словарного фонда и утрата вместе с тем многих старых слов; много заимствований из балтийских языков, на новой ступени из самых разных языков.

Литературная обработка славянских языков началась в 60-х гг. 9 в. (создание славянских азбук, перевод братьями Кириллом и Мефодием с греческого на славянский литургических текстов).

Языки народов России

Россия на всём протяжении своей истории была и поныне остаётся многоэтническим государством. В настоящее время населяющие её народы говорят более чем на 100 языках, принадлежащих к следующим языковым семьям и группам:

Индоевропейские языки

Славянские (а именно восточнославянские) - русский (около 120 миллионов носителей по переписи 1989 г.)

Германские языки - идиш (еврейский)

Иранские языки - осетинский, талышский, татский (язык татов и горских евреев)

Индоарийские языки - цыганский

Уральские языки

Финно-угорские языки

марийский

саамский

мордовские языки - мокшанский, эрзянский

обско-угорские языки - мансийский, хантыйский

пермские языки - коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский

прибалтийско-финские - вепсский, водский, ижорский, карельский

Самодийские языки - нганасанский, ненецкий, селькупский, энецкий

Тюркские языки - алтайский, башкирский, долганский, карачаево-балкарский,

кумыкский, ногайский, татарский, тофаларский, тувинский, хакасский, чувашский,

шорский, якутский

Тунгусо-маньчжурские языки - нанайский, негидальский, орокский, ороцкий,

удэгейский, ульчский, эвенкийский, эвенский

Монгольские языки - бурятский, калмыцкий

Енисейские языки - кетский

Чукотско-камчатские языки - алюторский, ительменский, керекский, корякский,

чукотский

Эскимосско-алеутские языки - алеутский, эскимосский

Юкагирский язык

Нивхский язык

Северокавказские языки

Абхазско-адыгские языки - абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский

Нахско-дагетанские языки

Нахские языки - бацбийский, ингушский, чеченский

Дагестанские языки

аварский

андийские языки - андийский, ахвахский, багвалинский (квандинский), ботлихский,

годоберинский, каратинский, тиндинский, чамалинский

даргинский

лакский

лезгинские языки - агульский, арчинский, будухский, крызский, лезгинский,

рутульский, табасаранский, удинский, хиналугский, цахурский

цузские языки - бежтинский (бежитинский, или капучинский), гинухский, гунзибский

(гунзальский, хунзальский, нахадинский), хваршинский, цезский

В России проживает много носителей языков других государств, в том числе и тех, которые входили в состав СССР. К числу таких языков относятся украинский, белорусский, казахский, армянский, азербайджанский, а также немецкий, болгарский, финский и др.

Русский язык имеет древнюю историю. Его письменность возникла в 10 в. Многие графические системы языков России опираются на русскую графику изначально или же после перехода с арабской и латинской графики на русскую. Около десятка лет назад были созданы на основе латиницы системы письма для карельского и вепсского языков. На многих языках ведётся школьное преподавание, работают радиовещание и телевидение, издаются газеты и книги. В Советском Союзе осуществлялась национально-языковая политика, которая вела по существу к русификации, к сужению сферы употребления своих языков. В связи с новой тенденцией к возрождению собственных языков некоторые из них получили статус официальных в рамках национальных республик.

Типологически одни из языков России относятся к агглютинативным (финно-угорские, тюркские), другие к флективным (русский). В северокавказских языках агглютинативные черты сочетаются с флективными. Абхазско-адыгские языки полисинтетичны. Чукотско-камчатские языки характеризуются как инкорпорирующие.

Лингвисту безразличны все языки без исключения, в том числе и те, число носителей которых весьма невелико и сфера употребления которых весьма ограничена. К числу таких языков (с количеством их носителей от 150 тыс. и ниже) в России относятся:

цыганский (около 150 тыс.),
коми-пермяцкий (около 147 тыс.),
карельский (около 130 тыс.),
адыгейский (около 120 тыс.),
лакский (около 100 тыс.),
табасаранский (около 93,5 тыс.),
хакасский (около 78 тыс.),
ногайский (около 73 тыс.),
алтайский (около 69 тыс.),
хакасский (около 57 тыс.),
ненецкий (около 34 тыс.),
абазинский (около 33 тыс.),
татский (около 30 тыс.),
эвенкийский (около 29 тыс.),
хантыйский (около 22 тыс.),
рутульский (около 19 тыс.),
эвенский (около 17 тыс.),
агульский (около 17 тыс.),
шорский (около 15 тыс.),
чукотский (около 15 тыс.),
хантыйский (около 14 тыс.),
нанайский (около 11 тыс.),

мансийский (около 8 тыс.),
эвенский (около 7 тыс.),
цезский (около 7 тыс.),
цахурский (около 6,5 тыс.),
долганский (около 6,5 тыс.),
корякский (около 5 тыс.),
нивхский (около 4600 чел.),
чамалинский (около 4 тыс.),
мансийский (около 3,7 тыс.),
селькупский (около 3,5 тыс.),
ульчский (около 3 тыс.),
вепсский (около 3 тыс.),
ительменский (около 2,5 тыс.),
алюторский (около 2 тыс.),
селькупский (около 2 тыс.),
удэгейский (около 1900 чел.),
саамский (около 1800 чел.),
эскимосский (около 1700 чел.),
нганасанский (около 1200 человек),
юкагирский (около 1100 чел.),
орочский (около 880 чел.),
тофаларский (около 720 чел.),
алеутский (около 640 чел.)
негидальский (около 580 чел.),
чулымско-тюркский (около 500 человек),
юкагирский (около 250 чел.),
ижорский (244 человека в 1979 г.),
энецкий (около 190 человек),
кетский (около 110 чел.),
керекский (около 100 чел.),
водский (несколько десятков человек),
камасинский (единственная престарелая носительница к началу 80-х гг.).
Не все они, к сожалению, достаточно хорошо изучены и описаны языковедами, в частности те, которые находятся на грани исчезновения. Создание подробных очерков о них требует научного подвижничества, гигантского кропотливого труда на протяжении многих лет, многочисленных экспедиций в места проживания носителей этих языков. Немало в этом отношении уже было сделано дореволюционными учёными, а в наше время сотрудниками Института лингвистических исследований РАН (С.-Петербург). Но данная работа далеко ещё не завершена.

ЮСМ; ААР; ОСШ.

ЛЭС/БЭС (Статьи: Языки народов СССР. Классификации языков. Генеалогическая классификация языков).

Русский язык: Энциклопедия. М., 1997 (статья: Языки народов России).

Материалы для студентов-лингвистов
Лингвистическая гостиная
Компоненты языковой системы и их роль в дискурсе
Содержание сайта

Тверской государственный университет

Принципы ареального языкознания

Ареальная (или пространственная) лингвистика исследует территориальное распределение языковых явлений, принадлежащих разным диалектам одного языка или ряду граничащих друг с другом языков. Она родилась из диалектологии, которая в конце 19 - начале 20 вв. пришла к осознанию того факта, что между говорами нет чётких, однозначных границ и каждое из языковых явлений может характеризоваться своими особенностями распространения, что на географической карте фиксируется изоглоссами. Граница между двумя соседними диалектами представляет собой не просто линию, а пучок изоглос. На границах диалектов располагаются переходные зоны (зоны вибрации). Впоследствии было установлено, что и соседствующие языки не отделяются чёткими границами друг от друга, а как бы постепенно переходят друг в друга, что дало повод постулировать принцип лингвистической непрерывности.

Ареальное языкознание в качестве своего метода использует лингвистическую географию. На географические карты наносятся полученные в результате сплошного или выборочного обследования изоглоссы, характеризующие распространение явлений звуковых, лексических, грамматических, и лингвисты, сопоставляя разные карты, интерпретируя их, выносят своё решение о центрах, где зародились языковые инновации и откуда они иррадиируют, как далеко они распространяются, что этому способствует и что, напротив, сдерживает дальнейшее их продвижение. Нередко при этом оказывается необходимым принимать во внимание не только границы языковых явлений, но и границы экономические, политические, этнографические, культурные. Тем самым открываются возможности более адекватного познания истории данного языка, а при обращении к территориально соседствующим языкам для лучшего осознания закономерностей дивергенции и конвергенции языков.

Отдельный язык как множество племенных или территориальных диалектов или группа географически смежных (родственных и неродственных) языков (вплоть до такой общности, как языковая семья и языковой союз) образует ту область, тот ареал, внутри которого ареальная лингвистика устанавливает по показаниям изоглосс устанавливает внутренние пространственные границы и исследует отношения между соответствующими диалектами и языками. Ареал в целом трактуется как непрерывное диалектное целое, диалектный континуум. В нём выделяются следующие зоны: центральная, где зарождаются новообразования (инновации), маргинальные, где наблюдаемые изоглоссы имеют менее выраженный характер, и переходные (диффузные зоны, или зоны вибрации).

Постулируются ареальные нормы разного вида:

Норма изолированных областей характеризует более архаическую стадию (или фазу). Например, для обозначения лошади в Сардинии используют слово *equa*, а в Тосканской области *caballa*. Поле в Ладинии называется *ager*, а в Тосканской области *campus*. В Велье голову называют *caput*, а в Фиуме *testa*. 'Есть' по-португальски звучит *comedere*, а в Каталонии *manducare*. В таких более изолированных областях, как Сардиния, Ладиния, Португалия и Велье, сохраняются по существу ещё латинские формы, а в менее изолированных областях появляются неологизмы.

Норма периферийных областей также предполагает сохранение более архаичной стадии слов. В Иберии и Дакии сохраняются слова *equa* 'лошадь', в Галлии оно сменяется словом *caballa*.

Много архаизмов отмечается в норме большей области: так, в Галлии, Италии и Дакии сохраняется *frater* 'брат', а в Иберии утвердилось *germanus*.

Архаичные стадии слов сохраняются в зоне более поздней колонизации. В Италии появилось слово *thius* 'дядя', тогда как в Галлии стали говорить *avunculus*.

Ареальная лингвистика может быть синхронической, но нередко она обращается и к диахронии. Именно благодаря её приёмам были получены серьёзные уточнения в наших знаниях о диалектном членении общеиндоевропейского языка и границах его диалектов на ряде древних стадий, о древнем диалектном членении современного конкретного языка. Во многом она способствовала также определению ареалов языковых союзов (балканского, кавказского, центральноазиатского, волгокамского и т.д.). С её помощью выявляются результаты влияния исчезнувшего языка-субстрата. Приёмы ареальной лингвистики сегодня вошли также в состав исследовательского инструментария сравнительно-исторического языкознания. С их помощью, например, к середине 20 в. было доказано, что вычленение германской языковой общности из западного ареала индоевропейских языков имело место в относительно позднее время, а не в праязыковую эпоху, т.е. не во 2-м тыс. до н.э., и что отдельные ареалы германской языковой общности образовались не в 7 в. до н.э., а лишь в последние века до и в первые века после н.э. Ареальный анализ не только фонетических и грамматических изоглосс в германских и других индоевропейских языках подтвердил сызначальное вхождение германских языков в общеевропейскую общность (вместе с языками италийскими, кельтскими, балтийскими, куда позднее вошли языки славянские после распада их связей с языками иранскими и сближения с языками балтийскими).

Вовлечение в ареальный анализ лексики (корнеслова) позволило более доказательно разграничивать факты древней локальной общности и факты более поздней временной ареальной общности. В системе германского словаря при учёте тематически организованных групп лексики, кроме исконно общеиндоевропейского пласта, были выделены пласты общеевропейский, германо-балтийский, германо-славянский, германо-италийский, германо-кельтский (отчасти германо-итало-кельтский).

Материал показал, что членение индоевропейской языковой общности в разные исторические эпохи было различным. Одни и те же языки могли включаться в границы разных языковых ареалов. Более ранним для германских диалектов явилось вхождение в один ареал с диалектами, которые легли в основу балтийских языков. Позднее предки германцев оказались частью ареала, общего с италийскими

племенами, а также, возможно, с иллирийцами и венетами (на территории Центральной Европы). После ухода италиков на территорию Аппенин германцы оказались в тесном и длительном соседстве с кельтами, подвергшимися в первые века н.э. романизации.

В результате в древних германских диалектах формировались черты, которые сближали их и с восточными, и с западными европейскими диалектами. Германские языки заняли промежуточное положение между балтийскими (и отчасти славянскими) на востоке и италийскими кельтскими языками на юге и на западе. В целом же германские языки всегда входили в европейскую языковую общность, которая, как некое единство, сложилась после распада общеиндоевропейского единства в результате тесных контактов обособившихся диалектов, противостояло юго-восточному ареалу индоевропейских языков. Об этом давнем противостоянии свидетельствует, в частности, значительно меньшее число лексических параллелей между германскими языками, с одной стороны, и греческим, индо-иранскими, армянским и другими языками юго-восточного ареала, с другой стороны. Совпадающие слова не образуют семантических и словообразовательных групп. Германо-индийские, германо-греческие, германо-армянские, германо-тохарские, германо-хеттские, германо-албанские лексические совпадения выступают рудиментами наиболее древних, первичных диалектных индоевропейских связей, которые прекратились в очень давнее время.

Общегерманский язык выделился из западного ареала индоевропейской языковой общности (раннегерманский период). В пределах германского ареала (в позднегерманский период) появились такие пучки изоглосс, которые позволили конституироваться отдельным группам германских диалектов. Их удаление друг от друга и их сближение друг с другом в рамках других диалектных ареалов привело к образованию сперва южногерманской (континентальной) и северногерманской (скандинавской) общностей, а затем к формированию восточногерманской общности, к противостоянию общностей западногерманской, северногерманской и восточногерманской.

Принципы типологического языкознания

Из всех подходов, направленных на изучение языков в их соотношении друг с другом, типологический подход в наибольшей степени принадлежит общему языкознанию. Он предполагает сопоставление разных языков независимо от того, являются ли они родственными или нет, соседствуют ли они друг с другом географически или нет, относятся ли они к одной исторической эпохе или нет. Он не ограничивается языками одной семьи или одного ареала. Для типологического сопоставления и поисков общих и различных структурных черт могут привлекаться все языки мира. Лингвистика исходит при типологическом изучении языков из некоей идеальной, гипотетической модели человеческого языка вообще, которая строится в теории языковых универсалий, и ищет пути, какими конкретные языки реализуют общие закономерности построения своих систем. Соответственно этому они и группируются

в структурные типы, классы и т.п. Целью лингвистической типологии как раз и является построение типологической классификации. Каждому языку приписывается тот или иной типологический статус.

Интерес к типологии языков по сути дела начал проявляться в ту же пору, когда начал формироваться генетический взгляд на языки. Складывающийся в конце 18 - начале 19 вв. лингвистический компаративизм включал в себя и сравнительно-исторический, и типологический подходы.

Впервые типологические идеи с достаточной чёткостью были сформулированы в работах Р. Декарта, Г.В. Лейбница, А. Смита, И.Г. Гердера. У истоков лингвистического компаративизма стояли братья Фридрих фон Шлегель и Август Вильгельм фон Шлегель. Они и предложили первые опыты типологической (а именно морфологической) классификации языков.

Фр. Шлегель ввёл понятие флективных языков, применив его по отношению к санскриту, греческому и латинскому, где при словоизменении наблюдается внутренняя флексия, т.е. грамматикализованные чередования звуков в корне. Языки флективного типа были объявлены эстетически совершенными. Низшая ступень в иерархии языков отводилась китайскому. Между этими двумя крайними ступенями он расположил аффиксальные языки. По его мнению, в развитии языков наблюдается "стачивание" древних совершенных форм. Была отмечена тенденция перехода от синтетизма к аналитизму.

А.В. фон Шлегель ввёл понятие языков, лишённых грамматической структуры (впоследствии их назвали аморфными или изолирующими), и противопоставил им языки аффиксальные и языки флективные. Были введены термины синтетизм и аналитизм, отмечена тенденция к смене первого вторым. Предпочтение отдавалось синтетическим языкам.

Основания для содержательной (контентивной) типологии, учитывающей соотношение плана выражения и плана содержания языковых структур, а также наличие в языковых формах универсального и специфического компонентов, закладывает выдающийся учёный и мыслитель 19 в. Вильгельм фон Гумбольдт. Для В. фон Гумбольдта все типы языков равны. Он различает языки изолирующие, агглютинирующие и флективные. В классе агглютинирующих языков выделяется особый подтип - инкорпорирующие языки. Возможность "чистых" типов им отрицается.

Существенный вклад в разработку типологии языков внесли и другие представители языкознания 19 в. (в особенности Август Шлайхер). Их классификационные схемы включали обычно 3-4 типа, более или менее жёстко отграниченные друг от друга. Значительным шагом вперёд была предложенная в первой половине 20 в. Эдуардом Сепиром концепция, в соответствии с которой при описании морфологической структуры должен учитываться характер отношений между понятиями (морфемами) корневыми, деривационными, чисто реляционными и смешанно реляционными. Различаются также грамматические способы выражения отношений (изоляция, агглютинация, фузия и символизация) и степени синтезирования (аналитическая,

синтетическая и полисинтетическая). В итоге строится скользящая, многоступенчатая классификация языков.

Джозеф Гринберг придал этой концепции новый вид, введя понятие количественных индексов. Так, если на 100 слов (W) текста обнаруживается от 100 до 200 морфов (M), т.е. устанавливается индекс синтеза M/W, больший единицы и меньший двойки, то мы имеем дело с аналитическими языками. Более высокий индекс характеризует аффиксальные языки, а именно синтетические (с индексом от 2 до 3) и полисинтетические (с индексом выше 3).

Так, начальные тесты показали, что вьетнамский характеризуется индексом синтеза 1,06, персидский - 1,52, английский - 1,68, англо-саксонский - 2,12, якутский - 2,17, русский - 2,33, суахили - 2,55, санскрит - 2,59, эскимосский - 3,72. Подобным же образом устанавливаются индексы агглютинации, словосложения, деривации, преобладающего словоизменения, префиксации, суффиксации, изоляции, словоизменения в чистом виде, согласования. Дальнейшие уточнения этой методики другими исследователями касались объёма контрольных текстов, учёта их стилистической и авторской принадлежности и т.п.

В морфологической типологии особое внимание обращается на способы соединения аффиксов с корневыми морфемами и характер выражения аффиксами грамматических значений. Флективные аффиксы:

нередко выражают одновременно несколько граммем (свойство синтетосемии, по Ю.С. Маслову); ср. в русск. пишу флексийный аффикс выступает носителем граммем '1 л.', 'ед.ч.', 'наст. вр.', 'изъявит. накл.';

часто омосемичны между собой; ср., например, трава и брёвна, где в первом случае фонема /a/ является экспонентом морфемы -а, обладающей пучком значений 'сущ.', 'ед. ч.', 'ж. р.', 'им. п.', а во втором случае та же фонема /a/ оказывается экспонентом другой морфемы -а, выражающей комплекс значений 'сущ.', 'мн. ч.', 'им./вин. п.';

могут конкурировать друг с другом в выражении одного и того же грамматического значения; так, морфемы -ы и -а в словоформах студенты и дома одинаково передают значение мн. ч.;

могут иметь нулевые экспоненты; ср. словоформы слова страна во мн. ч.: страны - стран-# - странам...

могут в результате процессов переразложения и опрощения как бы "срачиваться" с корневыми морфемами и друг с другом; так, словоформа дат п. мн. ч. сущ. нога сегодня разлагается на ног-ами, где -а входит в состав окончания, тогда как изначально это -а было тематическим суффиксом, а окончание сводилось к -mī; инфинитив русск. глагола печь восходит к праформе *pek-ti.

Кроме того, грамматические значения могут передаваться не только сегментными морфемами, но и грамматическими чередованиями фонем внутри корня ("внутренняя флексия"); ср. англ. man 'человек' и men 'люди', goose 'гусь' и geese 'гуси', find 'находят' и found 'нашли', нем. brechen 'ломают' и brachen 'ломали'. Такие значимые чередования, как умлаут и преломление в германских языках, возникли в результате предвосхищающей (регрессивной) ассимиляции. Например, в немецком глаголе sprechen 'разговаривать' появление i вместо e во 2 и 3 л. ед. ч. наст. вр. (du sprichst, er

spricht) было в своё время обусловлено наличием в составе аффикса гласного верхнего подъёма *i* (др.-в.-нем. *sprich-ist, sprich-it*). Этот гласный исчез, а чередование сохранилось и из живого стало историческим.

Основы слов флективных языков часто не обладают способностью к самостоятельному употреблению; ср. формообразующие основы глаголов бежа-ть, пи-ть.

Агглютинативные аффиксы, напротив,

в принципе выражают не более чем по одной граммеме (по Ю.С. Маслову, свойство гапloseмии),

не имеют, как правило, омосемичных соответствий;

стандартны в том отношении, что они не имеют конкурентов в выражении того же грамматического значения;

не могут иметь нулевые экспоненты;

в линейном плане чётко отграничиваются от корня и друг от друга.

Кроме того, агглютинативным языкам не присуща внутренняя флексия. Чередования же фонем в составе аффиксов не грамматикализованы. Они возникают в силу инерционной (прогрессивной) ассимиляции. Так, чередование гласных *a* и *e* в составе тюркского аффикса мн. ч. *lar/ler* задаётся рядом (передним или непередним) гласного корня: тур. *adamlar* 'люди', *evler* 'дома'.

Основы слов в агглютинативных языках в принципе более самостоятельны, т.е. могут употребляться в предложении и сами по себе, без аффиксов.

В 20 в. внимание типологов стали привлекать и другие уровни языковой системы. Так, фонологическая типология (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон и др.) может искать подобия и различия в строении систем фонем, в количественном соотношении числа гласных и согласных в системе и в тексте, в структуре слога, в системе просодических (суперсегментных) звуковых единиц и т.д.

Особое внимание в 20 в. привлекло типологическое изучение синтаксического строя разных языков, и прежде всего сопоставительное исследование способов выражения субъектно-объектных отношений (И.И. Мещанинов, Г.А. Климов, С.Д. Кацнельсон, Дж. Гринберг и др.).

Для синтаксической типологии интересны опыты сопоставления словопорядка. Так, расположение субъекта (S), глагола-предиката (V) и объекта (O) может быть представлено одной из 6 формул: SVO, SOV, VSO, VOS, OSV, OVS. В русском языке возможны все шесть арранжировок, но только арранжировка SVO является нейтральной, стилистически немаркированной.

Отношения между S и O, S и V, S и O могут маркироваться различным образом. Так, между S и V может иметь место согласование, при котором V может повторять одну или несколько граммем, присущих S (в русском и многих других языках с присущим им моноперсональным спряжением граммемы лица и числа, а в прош. вр. числа и рода). В языках, имеющих категорию именных классов, согласование может быть оформлено различными классными показателями в структуре глагола; ср. авар. в-

ачІана 'отец пришёл' - эбел й-ачІана 'мать пришла' (глагольные согласователи в-/й-). Подобное же отношение согласования может связывать V и O. Если согласование связывает V одновременно и с S, и с O, то говорят о полиперсональном (двух- и даже трёхличном) спряжении. Ср. абхаз. ды-з-беит 'его/её (человека)-я-видел', и-з-беит 'то (вещь)-я-видел', и-бы-р-тоит 'то (вещь)-тебе (жен.род)-они-дают', бы-р-на-тоит 'тебя (жен. род)-им-то (нечеловек)-даёт'.

В структуре предложения именные конститuentы могут характеризоваться по их синтаксической функции (как субъекты, прямые дополнения и косвенные дополнения) и как носители семантических ролей (при двухвалентном переходном глаголе друг другу противостоят агенс, т.е. одушевлённый участник ситуации, её иницирующий и контролирующий, исполнитель соответствующего действия, его источник, и пациенс, т.е. участник ситуации, её не иницирующий, не контролирующий и не исполняющий; часто агенс и пациенс ставятся в зависимость друг от друга, нередко считается, что наличие пациенса не предполагает наличия агенса).

S может в падежных языках всегда (или почти) всегда маркироваться имен. падежом, независимо от переходности или непереходности глагола-предиката и независимо от того, передаёт ли глагол активное действие или же пассивное состояние. Языки такого типа именуются номинативными. Прямое дополнение в номинативных языках обычно передаётся винительным падежом (откуда второе их название - аккузативные). S активной конструкции соотносится с агенсом, O с пациенсом. В пассивной конструкции агенсу соответствует O, а пациенсу S. S при непереходном глаголе может трактоваться как пациенс. Индоевропейские языки характеризуются номинативным строем предложения. К номинативным относится абсолютное большинство языков мира - кроме индоевропейских, здесь могут быть названы афразийские, уральские, дравидийские, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, многие тибетско-бирманские, часть австралийских, кечумара и др.

Если выбор падежа субъекта определяется в зависимости от того, что глагол является переходным или непереходным, говорят о языках с эргативным строем предложения. В предложениях с непереходным глаголом S стоит в падеже, обычном для объекта при переходном глаголе. S же при переходном глаголе выражается особым падежом - эргативом. Таким образом, эргатив маркирует агенс, а абсолютный (или другой падеж) - пациенс. Так, в баскском предложении Ni-k gizona ikusi dat 'Я видел человека' nik стоит в эргативе, а gizona в абсолютиве; в предложении Gizona etorri da 'Человек пришёл' gizona употреблено в абсолютиве. К эргативным языкам относятся многие языки: кавказские (грузинский, убыхский), австронезийские (тонга), австралийские (дъирбал), папуасские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские и майя (тцелтал). Проявления эргативности наблюдаются в хинди и урду.

В языках активного строя друг другу противостоят не субъект и объект, а активное и инактивное начало. Активные (одушевлённые) существительные в принципе сочетаются с глаголами действия, а инактивные существительные с глаголами состояния. Агенс выражается агентивом, пациенс - инактивом. Активность или инактивность задаётся глаголом; ср.: гуарани o-hesa e-roga 'Он видит твой дом' - ti-miri 'Он скромнен'; . Ср. восточный помо: ha se.xelka 'я скольжу (не намеренно)', wi se.xelka

'я скользжу (намеренно)'. К активным языкам относятся некоторые америндские языки (дакота), лхаса-тибетский, гуарани. Нечто аналогичное (но не образующее системы) мы находим в русск. Меня знобит, в нем. Mich friert.

Типологические сопоставления языковых систем на морфологическом, синтаксическом и морфологическом уровнях в настоящее время часто проводятся независимо. Вместе с тем многочисленны попытки выявления доминирующих типологических черт в строе языков и установления зависимости одних типологических особенностей от других (например, морфологических особенностей от синтаксических).

Развитие получают диахроническая типология и ареальная типология. Компаративисты всё в большей степени проявляют интерес к наличию типологических сходств в родственных языках. Рядом со структурной типологией в настоящее время развивается типология социально-функциональная.

Лингвистическая универсология

Языки могут изучаться в аспектах дескриптивном (описательном), генетическом, ареальном, типологическом и универсологическом. Эти аспекты не всегда строго разграничиваются. Возможно взаимное влияние между результатами, полученными при разных подходах. И тем не менее следует учитывать различия в степенях абстракции от эмпирического материала конкретных языков.

Современное языкознание различает несколько уровней исследования языков. Соответственно различаются:

Первый, начальный уровень - описательное (дескриптивное) языкознание, которое сосредоточивает своё внимание на отдельных конкретных языках или диалектах, например русском или немецком, хинди или арабском, абазинском или эве. Оно по своему объекту унилингвально, а по своему методу преимущественно эмпирично и индуктивно, т.е. строит свои обобщения, идя от отдельных фактов.

Второй уровень - мультилингвальное языкознание, которое имеет дело с ограниченными множествами языков. В нём могут быть выделены относящиеся к двум подуровням:

Нижний подуровень мультилингвальных исследований - сравнительно-историческое и ареальное языкознание, объектами которых являются ограниченные множества генетически связанных или территориально тесно контактирующих языков, образующих языковые семьи или языковые союзы. Эти дисциплины по преимуществу эмпиричны и индуктивны, хотя делаемые в них обобщения более абстрактны, чем обобщения, формулируемые в частных лингвистиках. Вместе с тем здесь чаще используются гипотетико-дедуктивные методы, предполагающие движение мысли исследователя от общего к частному, от гипотез к фактам.

Верхний подуровень мультилингвальных исследований - типологическое языкознание, которое в принципе допускает рассмотрение в сопоставительном аспекте всех языков

мира (во-первых, и родственных, и неродственных, и, во-вторых, и пространственно взаимодействующих, и географически не контактирующих языков). Оно группирует языки на основании тех или иных типологических признаков и работает с этими классами (типологически связанными множествами) языков. Выявляя различия между языками, принадлежащими к разным структурным типам, типологическое языкознание тоже по преимуществу эмпирично и индуктивно, хотя удельный вес дедуктивных методов здесь выше.

Третий, высший уровень - теория языковых универсалий, или лингвистическая универсология. Она имеет дело не с отдельными языками или множествами генетически, ареально и типологически сближаемых языков, а со всеми без исключения языками мира, рассматривая их как частные проявления единого человеческого языка. Универсологию интересуют языковые универсалии, т.е. всеобщие, сущностные признаки, обнаруживаемые во всех или в большинстве языков мира. Эти признаки постулируются исследователем в виде гипотез, проверяемых потом на эмпирическом материале конкретных языков. Иначе говоря, лингвистическая универсология представляет собой по преимуществу теоретическую и дедуктивную дисциплину. Не случайно, многие языковеды полагают, что общая теория языка - это прежде всего теория языковых универсалий. См. высказывание Жозефа Вандриеса: "Не будет ошибочным и утверждение, что существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу. Именно эта идея лежит в основе опытов по общей лингвистике".

На каждом из более высоких уровней исследования (на сравнительно-историческом и ареальном, затем на типологическом и, наконец, на универсологическом) любой конкретный язык получает более содержательную характеристику.

Языковой универсалией является признак, обнаруживаемый во всех или в абсолютном большинстве языков мира. Часто универсалией называют также и высказывание (суждение) о такой закономерности, присущей человеческому языку. Идея об универсальности определённых явлений в языках никогда не была чужда учёным, обращавшимся к проблемам природы и сущности языка. Предшественниками исследований в этом направлении были античные грамматиканы. В более позднее время идея универсалий разрабатывалась Яном Амосом Коменским, Рожером Бэконом и др. В 13 в. появился термин *grammatica universalis*. С появлением в 1660 г. знаменитой "Грамматики Пор-Рояля / Пор-Руаяля" Антуана Арно и Клода Лансло проблема универсалий становится одной из центральных в теоретической грамматике (сегодня в этом случае говорят об общей лингвистике). Логическое направление в языкознании уделяло преимущественное внимание не различиям языков, а общему в языках. И только утверждение в первой половине 19 в. сравнительно-исторического языкознания положило начало попыткам обнаружить различия между языками, причём эти различия объяснялись разными путями исторического развития конкретных языков, разными этнокультурами, национальными особенностями и т.п.

Интерес к языковым универсалиям вновь пробудился в середине 20 в., в связи с успехами в структурной, генеративной и функциональной лингвистике. Практически исследования языковых универсалий в этот период в основном велись в русле типологии языков, и лишь постепенно зрело осознание того, что у типологической лингвистики и лингвистики универсалий имеются свои цели. Первая исследует различия в строении языков, вторая - общее между языками. Впрочем, типология

обращается к универсологии, когда она типологические сходства между языками не в силах объяснить ни генетическими, ни ареальными факторами. Тогда типология обращается к мысли, что данные сходства обусловлены общими закономерностями человеческого языка.

Исследования языковых универсалий должны ответить на следующие вопросы:

Что вообще может и чего не может быть в языке? Что лежит в природе человеческого языка и что противоречит его природе? Какие ограничения наложены на язык самой его природой?

Какие явления совместимы в языке, а какие, напротив, исключают друг друга? Какие явления в языке могут предполагать наличие или отсутствие других явлений?

Как в специфике разных языков, при их внешних различиях, проявляются всеобщие закономерности? Как универсальные закономерности согласуются с разными типами языков (при ответе на эти вопросы универсология смыкается с типологией)?

Описание языка вообще с позиций универсологии представляет собой его представление как системы тесно связанных между собой признаков, которые имеют всеобщий характер. Типология ограничивается лишь набором тех общих признаков, которые важны для описания соответствующего языкового типа, и добавляет к этим общим признакам специфические признаки.

В универсальном описании языка универсалии, как правило, перечисляются в последовательности от более общих к более конкретным. Например:

Если в языке существует дифференциация частей речи, то в их числе имеется и глагол.

Если в языке имеется глагол, то в языке может либо быть, либо не быть дифференциация по наклонениям.

Если в языке имеется дифференциация по наклонениям, то в нём есть изъявительное наклонение.

Если имеется некоторое видо-временное противопоставление в формах неизъявительного наклонения, то то же противопоставление имеется и в формах изъявительного наклонения, и т.п.

Принято различать следующие виды универсалий:

По методу формулирования высказываний об универсалиях - универсалии дедуктивные (обязательные во всех языках, в том числе и неизвестных исследователю) и индуктивные (зафиксированные в известных языках).

По охвату языков мира - абсолютные (полные) и статистические (неполные) универсалии. Некоторые исследователи полагают, что универсология должна иметь дело только с абсолютными универсалиями.

По своей структуре - универсалии простые (наличие или отсутствие какого-либо явления в языках мира) и сложные (наличие зависимости между разными явлениями, наличие между ними отношений типа импликации "если А, то В").

По отношению к оси синхрония / диахрония - синхронические и диахронические универсалии.

По отношению к самому языку - универсалии фонологические, грамматические, семантические и т.п. Так, к числу фонологических универсалий относятся следующие: в языках может быть не менее десяти и не более восьмидесяти фонем; если есть противопоставление согласных по твёрдости - мягкости, то нет противопоставления

тонов. К семантическим универсалиям относятся закономерности развития значений слов от конкретных к абстрактным: 'тяжёлый (по весу)' > 'трудный'; 'горький (по вкусу)' > 'горестный, скорбный'; 'сладкий (по вкусу)' > 'приятный'; 'пустой' > 'бессодержательный, несерьёзный'; 'большой' > 'важный'. О взаимозависимости между разными структурными уровнями свидетельствует следующая универсалия: если в языке слово всегда односложно, то оно одноморфемно и в языке существует противопоставление тонов; если субъект в языке стоит перед глаголом и объект стоит перед глаголом, то в языке есть падеж.

Собственно языковые и семиотические (коммуникационные) универсалии. В этом случае исследования направлены на установление границ между естественным человеческим языком и всеми прочими системами коммуникации (например, искусственными языками, кинетической речью, системами коммуникации в животном мире и т.п.). Так, Чарльз Ф. Хоккетт указывает 16 сущностных признаков, по которым естественный человеческий звуковой язык отличается от коммуникативных систем животных и отсутствие которых в системах биокommunikации означает, что у животных нет языка как такового. К этим признакам относятся:

использование вокально-слухового канала;

широковещательная передача языковых сигналов и направленный приём ;

быстрое затухание языковых сигналов;

функционирование взрослых людей то в роли передатчиков, то в роли приёмников;

полная обратная связь;

семантическая (наличие у знаков своих денотатов);

дискретность (континуальный звуковой поток манифестирует последовательность дискретных единиц);

возможность относить языковые сообщения к вещам, удалённым во времени и пространстве;

возможность свободно и легко строить новые сообщения;

наличие грамматической структуры, позволяющей по определённым правилам строить новые сообщения;

возможность новой семантической нагрузки на языковые элементы;

передача языка через обучение и научение, а не по наследству;

наличие не только системы знаковых единиц, но и системы незнаковых фонологических единиц;

возможность построения ложных или бессмысленных языковых сообщений;

возможность строить сообщения о самом сообщении;

способность человека легко овладеть другим языком.

Данные универсологических исследований представляют интерес для типологического, ареального, генетического и дескриптивного языкознания, для решения задач прикладной лингвистики.

Контрастивное языкознание

Контрастивная лингвистика (иначе сопоставительное языкознание, конфронтативная лингвистика) может быть отнесена к числу мультилингвальных дисциплин, куда принадлежат также языкознание сравнительно-историческое, ареальное и типологическое. Но от названных дисциплин она отличается целым рядом черт:

Множества языков, являющиеся объектами всех прочих мультилингвальных областей исследования - языковые семьи, ареальные общности языков (вплоть до языковых союзов), языковые типы, даны в самой реальности. Два или три языка, соотносимые в исследованиях по контрастивной лингвистике, группируются в один объект исследования языковедом произвольно, исходя из необходимости решения задач прикладного характера (обучение другому, чаще всего иностранному, языку, перевод с одного языка на другой).

Сравнительно-исторические, ареальные и типологические исследования среди своих целей имеют построение соответствующих классификаций языков. Контрастивная лингвистика не ставит перед собой подобной цели.

Сравнительно-исторические, ареальные и типологические исследования направлены на то, чтобы обнаруживать в соотносимых языках прежде всего то, что их сближает, т.е. то, что образует основу для генетических соответствий, объясняемых первичным родством, для вторичного родства как продукта языковых контактов, для структурных сходств. Контрастивную лингвистику в большей степени интересует то, что отличает сопоставляемые языки друг от друга и что может оказаться фактором, обуславливающим межъязыковую интерференцию.

Контрастивная лингвистика отвлекается от моментов диахронического характера. Она сугубо синхронична.

Контрастивная лингвистика формируется в русле лингвистического компаративизма и обособляется в отдельную дисциплину в середине 20 в., хотя сопоставительные исследования двух языков (правда, скорее несистематические и неполные) имели место уже в далёком прошлом (лексические сопоставления шумерского и аккадского в Вавилонии, сопоставления хеттского и других языков хеттскими переводчиками, сопоставления санскрита с ведийским и праkritами у Панини, опыты грамматических сопоставлений родных языков с латинским и древнегреческим учёными позднего Средневековья и Возрождения и т.д.). Под *vergleichende Grammatik* А.В. фон Шлегель имел в виду фактически сопоставительное языкознание.

Многое в методах работы связывает контрастивную лингвистику с лингвистической типологией, из которой она вычленилась. В нашей стране в разработку проблем сопоставительного изучения языков внесли существенный вклад И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, С.И. Бернштейн, А.В. Фёдоров, А.И. Смирницкий, В.Д. Аракин, В.Н. Ярцева, В.Г. Гак, А.И. Фёдоров и др. За рубежом становлению контрастивной лингвистики способствовали Р. Ладо, Ш.Балли, В. Скаличка, Э. Косериу, Р.Дж. Ди Пьетро, Ч.А. Фергюсон, Г. Никкель, Р. Штернеманн, К. Джеймс, Дж.К. Кэтфорд, Г.В. Кёрквуд и др.

Контрастивная лингвистика ставит своей конечной целью сопоставление соотносимых языков в целом, включая все структурные уровни - фонологический, морфологический, синтаксический, семантический. Один из сопоставляемых языков может квалифицироваться как эталон (*source language*). Обычно на его роль выдвигается родной язык. С ним по линии сходств и главным образом различий сопоставляется изучаемый иностранный язык (*target language*, *Zielsprache*). Сопоставление может осуществляться и в направлении от иностранного языка к родному. Иногда моделируется гипотетический промежуточный язык (язык-посредник), который и квалифицируется как язык-эталон. В такой модели

перечисляются все общие для двух языков признаки. И для каждого конкретного языка указывается, какие из признаков языка-эталона ему присущи.

Сопоставление трёх или большего числа языков возможны. Так, например, при обучении английскому языку в условиях башкирской школы будут уместны указания на сходства и различия языков башкирского, русского и английского. Естественно, соотнесение трёх языков требует более сложного методического аппарата.

Несоответствия на фонологическом уровне квалифицируются как явления диафонии. Расхождения на морфологическом уровне относятся к диаморфии. Синтаксические расхождения считаются явлениями диатаксии. Соответственно говорят о явлениях диасемии (семантических расхождениях) и явлениях диалексии (лексемных несоответствиях).

Методики, которые используются в контрастивной лингвистике, весьма разнообразны. Часто встречаются модели, построенные на основе традиционного языкознания. Вместе с тем многочисленны модели, учитывающие достижения структурной лингвистики.

При сопоставлениях на фонологическом уровне чрезвычайно полезно учитывать специфичные для каждого отдельного языка фонематичность и нефонематичность звуковых различий, состав дифференциальных признаков сопоставляемых фонем и фонологические оппозиции, в которых они участвуют. Следует различать такие уровни абстракции, как система, норма, групповой узус и индивидуальная речь. Так, немецкая фонема /t/ противостоит (образует фонологические оппозиции) прежде всего фонемам /d/, /n/, /k/, /s/, отличаясь от каждой из них одним дифференциальным признаком. На основе этих оппозиций фонема /t/ характеризуется на уровне системы следующим набором дифференциальных признаков: [смычность], [передязычность], [глухость], [ртовость]. Русская фонема /t/ образует оппозиции фонемам /d/, /n/, /k/, /s/ и /t'/. Набор её дифференциальных признаков богаче на один, а именно [непалатализованность]. Таким образом, между нем. /t/ и русск. /t/ имеется различие на уровне системы. Что касается уровня нормы, то нем. /t/ в определённых комбинаторных условиях реализуется как [th], т.е. как аспирированный аллофон: ср. Tat 'дело, деяние, поступок' /ta:t/ [tha:th]. Различение придыхательных и непридыхательных глухих смычных аллофонов является фактом немецкой нормы. Если же носитель русского языка будет произносить фонему /t/ с придыханием в таком, например, слове, как тот, то этот факт следует квалифицировать как явление индивидуальной речи, так как ни на уровне нормы, ни на уровне группового узуса придыхательные аллофоны в русском языке не встречаются.

При сопоставлении знаковых единиц и структур возможно движение исследовательской мысли от форм к их значениям и функциям (семасиологический подход) и от значений и функций к выражающим их формам (ономасиологический подход). Так, семасиологический анализ обнаруживает во фр. артикле la прежде всего значение [определённость, определённая соотнесённость, референция]. То же самое обнаруживается при интерпретации англ. артикля the. Дальнейшие шаги позволяют обнаружить, что фр. la имеет значения [ед.ч.], [жен. род], в то время как англ. the

синкретично по отношению к значению числа, т.е. может употребляться с существительными и в ед. и во мн. ч., и не обладает значением рода. При ономазиологическом подходе сопоставление англ. и русск. языков позволяет установить, что значение определённой соотнесённости в англ. может передаваться рядом средств, в том числе специализированным показателем - определённым артиклем the, а в русск. это же значение может сигнализироваться рядом лексических единиц, словопорядком и т.д., но не имеет специализированного грамматического показателя в виде артикля.

Можно исходить из абстрактных понятийных категорий (предметность, определённость, время, личность, принадлежность, долженствование и т.д.) и устанавливать в каждом из соотносимых языков грамматические и лексические средства, служащие их выражению.

В синтаксическом исследовании используются модели, опирающиеся на идеи трансформационной порождающей грамматики, падежной грамматики, глубинных и поверхностных структур, семантических ролей, пропозициональной структуры и разного вида актуализационных структур.

Сопоставления, касающиеся лексико-семантических явлений, весьма эффективны, когда используются идеи тематических и лексико-семантических полей, а также метод компонентного анализа значений. Надо иметь в виду, что соотноситься могут и лексемы (как системы словоформ и системы семантических вариантов, концептем), и концептемы (слова в отдельных значениях). Элементами лексико-семантических полей выступают не лексемы, а концептемы. Разные концептемы, входящие в одну лексему, обычно входят в разные лексико-семантические поля. Точно так же объектами компонентного (семного) анализа выступают не значения лексем, а значения концептем. Переводятся с языка на язык не лексемы, а концептемы. Так, русская лексема мягкий, включающая в свой состав концептемы 1) легко поддающийся при надавливании, приятный при прикосновении; 2) легко поддающийся сжатию, давлению; 3) приятный для глаза, слуха, не раздражающий, не резкий; 4) не имеющий чётких, определённых границ; 5) кроткий, уступчивый; 6) нестрогий, снисходительный; 7) тёплый, не суровый, не может быть прямо соотнесена с какой-то английской лексемой. Переводчику приходится искать соответствия на уровне концептем, перебирая между soft (bed, sound, water, palate, weather, winter, light, heart), mild (winter, climate, weather, disposition), gentle (movement, disposition), fresh (bread), upholstered (carriage, furniture), easy (chair), open (weather), mellow (weather, sound), shaded (light), smooth (movement).

Результаты исследований в области контрастивной лингвистики учитываются и в смежных областях (лингвистическая типология, лингвистическая универсология, психолингвистика, этнолингвистика и т.д.).

Происхождение языка

Проблема происхождения естественного человеческого языка не является чисто лингвистической. Её решение может быть достигнуто только совместными усилиями представителей истории, археологии, геологии, антропологии, биологии, палеоневрологии, общей теории коммуникации, семиотики и многих других наук.

Решаться она должна в рамках комплексной проблемы "Происхождение человека, общества, сознания, языка". Данных, которыми располагает современная наука, достаточно лишь для выдвижения общих гипотез.

В целом антропогенез представлял собой сложный и длительный процесс. Как биологическое существо человек сохранил тесную связь с животным миром, прежде всего с отрядом приматов, в который он входит в ранге особого семейства гоминид. Считается, что человеческая ветвь эволюции отделилась от общего с человекообразными обезьянами ствола в период адаптивной радиации обезьян на территории Восточной Африки и их биологической мутации примерно 12-15 млн. лет назад, откуда и происходило, по мнению сторонников гипотезы моногенеза человека, расселение представителей этого вида. На этой стадии наиболее вероятными предками человека были рамапитеки (или кениапитеки), ореопитеки, дриопитеки и другие высокоразвитые человекоподобные обезьяны.

Гоминизация (становление человека как вида) была связана с прямохождением, начальной стадией трудовой адаптации кисти, началом изготовления орудий труда и достаточно высоким уровнем развития мозга. В соответствии с этими признаками наиболее древним достоверным предком человека до недавнего времени считался *Homo habilis* (около 2 млн. лет назад).

Периодизация антропогенеза выглядит в работах разных учёных неодинаково. Одни полагают, что древнейшие люди (архантропы) появились около 1,9 млн. лет назад (или ранее). По данным некоторых антропологов, они существовали 650-350 тыс. лет тому назад. К числу архантропов относятся австралопитек, линия развития которого оказалась оборванной, презинджантроп, с которого некоторые учёные и начинают собственную историю человека и к которому относят квалификацию *Homo habilis*, и особенно питекантроп, синантроп, олдовайский человек, атлантотроп, гейдельбергский человек, когда люди начинают пользоваться огнём, и др. Они ещё сохраняли в своём облике много обезьяньих черт, изготавливали на ранней стадии грубые каменные орудия труда, занимались охотой и собирательством, были организованы в первобытные человеческие стада, речевое общение находилось у них на начальной стадии развития. К архантропу уже прилагается квалификация *Homo sapiens* (Человек разумный).

Эволюция архантропов привела к возникновению палеоантропов (древних людей), возникших около 1 млн. лет тому назад и существовавших в период около 300-35 тыс. лет назад. К их числу относят неандертальцев, мозг которых по объёму и строению почти подобен мозгу современного человека. Они изготавливают довольно сложные орудия труда и начинают строить жилища, занимаются коллективной охотой на крупных животных. У них совершенствуется социальная организация и лучше координирована совместная производственная деятельность, что обеспечивало более интенсивный рост их численности и более широкое расселение этих групп. Значительного уровня достигает развитие речи. Увеличилась независимость человеческих групп от окружающей природной среды. Это привело к прекращению биологической, видовой эволюции человека и к выдвижению на первый план социальных факторов.

Современный человек, неантроп (*Homo sapiens sapiens*) возник около 40 или более (до 60-70) тысяч лет тому назад. Удвоение атрибута *sapiens* призвано показать отличие нового человека от архантропа, которого квалифицируют как *Homo sapiens*.

Неантропы уже в начальный период своего существования создали богатую культуру

(разнообразные орудия из камня, кости рога, жилища, шитую одежду, полихромную живопись на стенах пещер, скульптуру, гравировку на кости и т.п.). Их звуковой язык по своей структуре приближается к современному.

Возникновение человека было возникновением одновременно общества, сознания и звукового языка, благодаря которым человеческий вид смог выдержать длительную и жестокую конкурентную борьбу за выживание. Постепенно формировались расы и возникали диалектные различия, приведшие к становлению самостоятельных языков, которые послужили праязыками макросемей. Довольно рано люди начали распространяться за пределы африканского континента, заселяя просторы Евразии (если считать прародиной человека Африку).. Через Берингов пролив их племена мигрировали на американский континент, через острова Индонезийского (Малайского) архипелага шло заселение Австралии.

Формирование звукового языка было обусловлено всё возрастающими и усложняющимися потребностями общения и происходило в тех условиях, когда люди могли использовать также другие системы коммуникации (и прежде всего язык жестов). Звуковой язык оказался более эффективным орудием общения при отсутствии, например, прямой видимости. Звуковые и жестовые сигналы используются животными ряда видов, но человеческий язык представляет собой не просто более сложную коммуникативную систему, а качественно новое явление, посредством которого могут строиться высказывания о непосредственно не наблюдаемых и воображаемых ситуациях, формироваться абстрактные понятия, излагаться мифы и легенды, формироваться развёрнутые научные теории и т.д. Поэтому сопоставление языка человека и систем биокommunikации не позволяет в полной степени получить адекватное представление о том, как был устроен человеческий Протоязык.

Методами сравнительно-исторического языкознания (внешняя реконструкция, внутренняя реконструкция, глоттохронология) удаётся углубиться в историю языковых семей не более чем на 10 тыс. лет (т.е. до эпохи неолитической / аграрной революции). История языковых макросемей требует дальнейшего движения вглубь.

Так, если существование индоевропейского языкового единства условно датируется 5 тыс. лет до н.э., то существование таких, например, макросемей, как ностратическая (или бореальная) макросемья или гипотетическая макросемья, в которую пытаются объединить языки северокавказские (абхазско-адыгские и нахско-дагестанские), енисейские, сино-тибетские в Старом Свете и языки на-дене в Новом Свете, относят к периоду, лежащему между 10 и 20 тыс. лет до н.э. Реконструкция праязыков этих макросемей находится в начальной стадии, и пока приходится сомневаться, что на этом пути удастся восстановить в скором времени язык первого *Homo sapiens sapiens*.

Язык и общество

Язык возникает, развивается и существует как социальный феномен. Его основное назначение заключается в том, чтобы обслуживать нужды человеческого общества и прежде всего обеспечить общение между членами большого или малого социального коллектива, а также функционирование коллективной памяти этого коллектива.

Понятие общества относится к одному из трудно определяемых. Общество - это не просто множество человеческих индивидов, а система разнообразных отношений между людьми, принадлежащими к тем или иным социальным, профессиональным, половым и возрастным, этническим, этнографическим, конфессиональным группам, где каждый индивид занимает своё определённое место и в силу этого выступает носителем определённого общественного статуса, социальных функций и ролей. Индивид как член общества может быть идентифицирован на основе большого количества отношений, которые его связывают с другими индивидами. Особенности языкового поведения индивида и его поведения вообще оказываются в значительной мере обусловлены социальными факторами.

Проблема взаимоотношений языка и общества включает в себя многие аспекты, в том числе и такие, которые входят в группы:

Социальная сущность языка: "Функции языка в обществе", "Основные направления социальной эволюции языков"; "История языка и история народа";

Отношение языка к общественным институтам и процессам: "Язык и культура", "Язык и религия", "Язык и художественная литература", "Язык и школа", "Язык и научно-технический прогресс", "Язык и средства массовой информации", "Язык и идеология", "Возможности воздействия общества на язык";

Варьирование языка в обществе: "Функциональные варианты (формы существования) языка", "Язык и территориальная дифференциация общества (территориальные диалекты)", "Язык и социальная дифференциация общества (социальные диалекты)", "Язык и социальные роли говорящих",

Взаимодействие языков в многоэтническом обществе: "Языки и этносы", "Языковые ситуации", "Национально-языковая политика", "Языковые контакты", "Многоязычие в социологическом аспекте".

Их исследованием занимаются социолингвистика (социальная лингвистика), возникшая на стыке языкознания и социологии, а также этнолингвистика, этнография

речи, стилистика, риторика, прагматика, теория языкового общения, теория массовой коммуникации и т.д.

Язык выполняет в обществе следующие социальные функции:

коммуникативная / информативная (осуществляемые в актах межличностной и массовой коммуникации передача и получение сообщений в форме языковых / вербальных высказываний, обмен информацией между людьми как участниками актов языковой коммуникации, коммуникантами),

познавательная / когнитивная (обработка и хранение знаний в памяти индивида и общества, формирование картины мира),

интерпретативная / толковательная (раскрытие глубинного смысла воспринятых языковых высказываний / текстов),

регулятивная / социативная / интерактивная (языковое взаимодействие коммуникантов, имеющее целью обмен коммуникативными ролями, утверждение своего коммуникативного лидерства, воздействие друг на друга, организация успешного обмена информацией благодаря соблюдению коммуникативных постулатов и принципов),

контактоустанавливающая / фатическая (установление и поддержание коммуникативного взаимодействия),

эмоционально-экспрессивная (выражение своих эмоций, чувств, настроений, психологических установок, отношения к партнёрам по коммуникации и предмету общения),

эстетическая (создание художественных произведений),

магическая / "заклинательная" (использование в религиозном ритуале, в практике заклинателей, экстрасенсов и т.п.),

этнокультурная (объединение в единое целое представителей данного этноса как носителей одного и того же языка в качестве родного),

метаязыковая / метаречевая (передача сообщений о фактах самого языка и речевых актах на нём).

История каждого языка самым тесным образом связана с историей народа, являющегося его носителем. Есть существенные функциональные различия между языком племени, языком народности и языком нации. Язык играет исключительно важную роль в консолидации родственных (и не только родственных) племён в народность и в формировании нации.

Один и тот же этнос может пользоваться одновременно двумя или более языками. Так, многие народы Западной Европы на протяжении всего Средневековья пользовались как своими разговорными языками, так и латинским. В Вавилонии наряду с аккадским (вавилоно-ассирийским) долгое время использовался шумерский язык.

И напротив, один и тот же язык может одновременно обслуживать несколько этносов. Так, испанский язык используется в Испании, а также (часто одновременно с другими языками) в Чили, Аргентине, Уругвае, Парагвае, Боливии, Перу, Эквадоре, Колумбии, Венесуэле, Панаме, Коста-Рике, Сальвадоре, Гондурасе, Гватемале, Мексике, Республике Куба, на Филиппинах, в Республике Экваториальная Гвинея и т.д.

Этнос может утратить свой язык и перейти на другой язык. Это произошло, например, в Галлии в силу романизации кельтов.

Описывая взаимоотношения используемых в одном социальном коллективе разных вариантов языка или же разных языков, говорят о языковой ситуации. Языковые

ситуации могут быть однокомпонентными и многокомпонентными, равновесными и неравновесными.

Примером однокомпонентной языковой ситуации может служить Исландия.

Равновесная ситуация имеет место в Бельгии (одинаковый статус французского и нидерландского языков). В многих государствах Западной Африки наблюдаются неравновесные ситуации: местные языки обладают большей демографической мощностью, а по коммуникативной мощности они уступают европейским языкам.

Доминировать может один язык: волоф в Сенегале. В Нигерии доминируют несколько языков (хауса, йоруба, игбо). Используемые языки могут обладать разным престижем (в случае диглоссии). На продуманный анализ и взвешенные оценки языковых ситуаций опирается выбор рациональной языковой политики, проводимой государством.

Соотнесение разных языковых систем и разных типов культуры (а также разных способов категоризации явлений мира) составляет содержание этнолингвистики.

Многие представители этнолингвистики нередко неправоммерно преувеличивают роль языка в познании мира (школа Лео Вайсгербера в Германии, гипотеза языковой относительности, выдвинутая в США Эдвардом Сепиром и Бенджаменом Л. Уорфом).

Язык определённым образом отражает территориальную дифференциацию народа, говорящего на нём, выступая в виде множества говоров, и социальную дифференциацию общества на классы, слои и группы, существующие между ними различия в использовании в целом единого языка, выступая в виде множества вариантов, разновидностей, социальных диалектов (социолектов). В языке в виде множества форм общего и специализированного характера, таких, как литературный язык, просторечие, койне, функциональные стили, подъязыки науки, жаргоны и аргот, отражается многообразие сфер и сред его применения.

На данном языке сказываются появление своей системы письма и формирование наряду с устно-разговорным письменного языка, изобретение и распространение книгопечатания, газет, журналов, радио, телеграфа, телефона, телевидения, Интернета.

Поскольку общество в процессе своего исторического развития непрерывно изменяется, меняются и функции обслуживающего его языка, его социально-функциональная стратификация, взаимоотношения между территориальными и социальными диалектами, общественный статус разных форм существования языка.

Для теоретического языкознания немалый интерес представляет проблема взаимоотношения внутренних (внутриструктурных) и внешних (прежде всего социальных) факторов развития языковой системы. Язык (и прежде всего его словарь) чутко реагирует на развитие материальной культуры (техника и технология), на достижения духовной культуры (мифологическое, философское, художественное, научное постижение мира, формирование новых понятий).

ЮСМ; ААР.

ЛЭС/БЭС (Статьи: Язык и общество. Социolingвистика. Языковая ситуация. Языковая политика. Этнолингвистика. Сепира-Уорфа гипотеза. Коммуникация. Контакты языковые).

Для дополнительного чтения: Н.Б. Мечковская. Социальная лингвистика. М., 1994.

Приложение, дающее представление о том, как социолнгвистику обычно трактуют в американской науке (из обзорного доклада фонда ERIC L & L 1994).

Sociolinguistics

Sociolinguistics is the study of language as a social and cultural phenomenon. The major divisions within the field of sociolinguistics are described below.

Language Variation describes the relationship between the use of linguistic forms and factors such as geography, social class, ethnic group, age, sex, occupation, function, or style. The combination of these various factors results in an individual's idiolect, that is, their particular and idiosyncratic manner of speech. When a variety of language is shared by a group of speakers, it is known as a dialect. A dialect, whether standard or nonstandard, includes the full range of elements used to produce speech: pronunciation, grammar, and interactive features. In this respect, dialect should be distinguished from accent, which usually refers only to pronunciation.

All speakers of a language speak a dialect of that language. For example, the speech of an Alabaman is quite different from that of a New Englander, even though the language spoken by both is English. Further differentiation is possible by investigating factors such as social class, age, sex, and occupation.

Language and Social Interaction. This is the province of language and its function in the real world. Three subfields of sociolinguistics investigate this relationship.

(1) Pragmatics looks at how context affects meaning. As a function of context, the intended meaning of an utterance is often different from its literal meaning. For example, "I'm expecting a phone call" can have a variety of meanings. It could be a request to leave the phone line free or a reason for not being able to leave the house; or it could suggest to a listener who already has background information that a specific person is about to call to convey good or bad news.

(2) Discourse analysis examines the way in which sentences relate in larger linguistic units, such as conversational exchanges or written texts. Matters of cohesion (the relationship between linguistic forms and propositions) and coherence (the relationship between speech acts) are also investigated. The links between utterances in sequence are important topics of analysis.

(3) Ethnography of communication uses the tools of anthropology to study verbal interaction in its social setting. One example of ethnographic research is the study of doctor-patient communication. Such study involves microanalysis of doctor-patient interaction, noting not only what is said but also pauses between turns, interruptions, questioning and response patterns, changes in pitch, and nonverbal aspects of interaction, such as eye contact.

Language Attitudes. The attitudes people hold toward different language varieties and the people who speak them are important to sociolinguists. Whereas studies in language and social interaction investigate actual language interaction, language attitude studies explore how people react to language interactions and how they evaluate others based on the language behavior they observe.

Language Planning is the process of implementing major decisions regarding which languages should be used on a societal scale. Language attitude studies are an essential component of language planning. In the United States, issues such as establishing bilingual

education programs or whether to declare English the official language are major language planning decisions.

It is in multilingual nations, however, that language planning is most significant.

Governments must decide which of a country's many languages to develop or maintain and which to use for such functions as education, government, television, and the press. Corpus planning involves the development or simplification of writing systems, dictionaries, and grammars for indigenous languages, in addition to the coining of words to represent new concepts. In such contexts, language planning is an important factor in economic, political, and social development.

Язык и коммуникативное поведение

Участвуя в производственно-познавательной деятельности общества, каждый индивид оказывается включённым во множество коммуникативных процессов, выступая то отправителем, то получателем сообщений, и прежде всего сообщений языковых, вербальных. Участник языковой коммуникации (коммуникант) пользуется как вокальным каналом связи, функционируя попеременно в коммуникативных ролях говорящего и слушающего, так и графическим каналом связи, выполняя роли пишущего и читающего.

Возможность его участия в вербально-коммуникативных событиях обуславливается тем, что в его психоневрологическом механизме "записана" языковая система, представляющая собой программу, которая как раз и управляет коммуникативным поведением индивида. Эта программа включает в себя наборы команд, задающих определённые операции, которые, во-первых, направлены на то, чтобы в целях реализации в речевом высказывании коммуникативного замысла, коммуникативных целей и намерений (интенций) говорящего / пишущего установить связи между языковыми объектами (в первую очередь семантемами и их конфигурациями) и внеязыковыми объектами, входящими в коммуникативно-прагматическое пространство, и, во-вторых, регулируют взаимодействие между внутрискруктурными компонентами языковой системы (семантическим, прагматическим, синтаксическим, номинативным, морфологическим и фонологическим-фонетическим).

В каждом своём коммуникативном акте говорящий создаёт вокруг себя коммуникативно-прагматическое пространство, куда входят:

сам говорящий,

его адресат,

высказывание,

предмет высказывания,

время коммуникативного акта,

место коммуникативного акта,

обстановка, в которой совершается данный коммуникативный акт.

Всякое коммуникативное событие может быть охарактеризовано прежде всего как событие, в центре которого находится говорящий (коммуникатор). Любое его высказывание эгоцентрично. Формируемое его речевым актом коммуникативно-прагматическое пространство характеризуется такими координатами, как Я (т.е. говорящий) - не-Я (ближе к Я стоит Ты, в отдалении находится Он), сейчас (в момент акта высказывания говорящего) - не-сейчас (т.е. раньше или позже акта высказывания говорящего), здесь (рядом с говорящим) - не-здесь (несколько поодаль от говорящего или вообще очень далеко от него), место, занимаемое говорящим в социальной

иерархии (равный говорящему по социальному статусу, - стоящий выше или же ниже в социальной иерархии). Указание на то или иное место в каждом из измерений называется дейксисом (личным, темпоральным, пространственным, социальным) Говорящий может быть либо инициатором данного коммуникативного события, либо он может быть вовлечён в него другим участником этого события. Он осуществляет речевой акт, строя предложение, которое должно удовлетворять определённым фонологическим, грамматическим и лексическим параметрам, выражать некое значение (пропозицию) относительно тех или иных референтов, а также то или иное коммуникативное намерение (иллокуцию). Иллокутивная составляющая является ведущей в структуре речевого акта, в силу чего он может характеризоваться как иллокутивный акт. Речевой акт может быть:

актом констатации (или утверждения) некоего существующего положения дел (констатив, ассертив): Идёт дождь; Студенты факультета РГФ хорошо знают транскрипцию МФА;

актом побуждения собеседника к совершению некоего действия (директив): Я требую, чтобы Вы покинули помещение; Вы должны незамедлительно покинуть помещение; Всем оставаться на местах;

актом запроса у собеседника недостающей информации (интеррогатив, квестив, эротетив): Когда состоится очередное заседание кафедры; Кто в группе сдал экзамен по введению в языкознание на отлично? Ты придёшь? Я хочу знать, можно ли считать этот язык агглютинативным;

актом обещания (комиссив): Обещаю вернуть книгу в срок; Клянусь не забыть об этом; Я приду к тебе завтра;

актом выражения своего отношения к собеседнику и регулирования взаимоотношений с ним (экспрессив): Прошу извинения за то, что невзначай тебя обидел; Прими мои соболезнования; Поздравляю тебя с успешной сдачей экзамена; актом объявления изменений в статусе собеседника или другого участника данной предметной ситуации по воле обладающего соответствующими правами говорящего (декларатив): Назначаю Вас своим заместителем; Объявляю вас мужем и женой.

В том случае, когда субъект пропозиции тождественен говорящему, мы имеем дело с перформативным высказыванием (Я обещаю прийти во время, Я прошу тебя принести завтра эту книгу, Я благодарю тебя за помощь). Структурным центром перформативного высказывания является так называемый перформативный глагол, который делает данное высказывание соответствующим действием (приказом, приглашением, советом, обещанием и т.п.), когда он употреблён в 1 л. ед. ч. наст. вр. изъявительн. накл. Этот глагол задаёт своё окружение, структуру которого можно зафиксировать в виде скобочной записи: требую (Я, Ты, пропозиция, содержащая информацию об ожидаемом действии). Тот или иной элемент перформативного высказывания может быть опущен (т.е. остаться не названным, имплицитным): Приходи (= Я прошу тебя прийти), Прочти эту книгу (= Я советую тебе прочесть эту книгу).

Каждый из видов иллокутивных актов имеет свои конструктивные особенности. По ним можно судить, на выражении какого коммуникативного намерения специализирована данная конструкция. Вместе с тем нередки случаи так называемых косвенных (непрямых) речевых актов, когда та или иная конструкция используется для выражения иного коммуникативного намерения. Так, при определённых обстоятельствах вопросительное по форме высказывание Ты не можешь дать мне эту

книгу на время? служит не запросу информации, а выражает просьбу (= Я прошу тебя дать мне эту книгу на время).

В смысловом содержании высказывания могут наличествовать компоненты, не нашедшие прямого выражения и восстанавливаемые слушателем на основе так называемых пресуппозиций, т.е. тех суждений слушателя, которые он формулирует в своём сознании в целях адекватного понимания высказывания, опираясь на свой жизненный опыт, знание типичных ситуаций, вербальный контекст и т.п. Так, высказывание Он знает, что я вернулся имеет своей пресуппозицией Я вернулся. Высказывание Ему удалось решить эту задачу имеет своей пресуппозицией Он прилагал усилия.

Лингвистическая прагматика стремится выявить и сформулировать правила, соблюдение которых обеспечивает успешность (удачность) коммуникативных актов. Её интересуют также причины коммуникативных неудач.

Элементарные речевые акты могут сочетаться в последовательности актов с результирующей иллокутивной функцией. Так, в последовательности высказываний (речевом шаге) Я недавно приехал в Тверь. Я плохо знаю город. Как мне попасть в картинную галерею? сочетаются два констатива и один интеррогатив.

Интеррогативная функция становится в данной последовательности доминирующей, так что и весь речевой шаг оказывается интеррогативом.

В диалогической речи (речевой интеракции) происходит обмен коммуникативными функциями говорящего и слушающего (в англоязычной терминологии *turn taking*).

Участники диалога обмениваются речевыми ходами (*moves*). Взаимодействие коммуникантов в диалоге регулируется целым рядом правил, которые могут формулироваться в виде постулатов. Так, Г.П. Грайс свой Принцип кооперации (сотрудничества) ради успеха

в диалогическом взаимодействии коммуникантов формулирует в виде четырёх постулатов (или максим):

Постулат количества передаваемой информации: Говори столько (т.е. е меньше и не больше), сколько нужно, чтобы тебя поняли;

Постулат качества передаваемой информации: Говори только то, что ты считаешь истинным;

Постулат релевантности / отношения к делу: Говори то, что относится к делу;

Постулат способа передачи информации: Говори чётко, однозначно, не сумбурно.

Диалогическое взаимодействие регулируется также рядом других коммуникативных принципов (Принцип вежливости, Принцип великодушия, Принцип иронии и т.д.).

Говорящий может давать оценку своему высказыванию как истинному или ложному, серьёзному или шутливому, указывать на наличие его личного интереса (предрасположения, эмпатии) к своему собеседнику или же к тому или иному участнику описываемой ситуации. Он может задавать формы и стиль общения. Но вместе с тем он может быть или же не быть лидером коммуникативного взаимодействия.

Слушатель, интерпретируя высказывание, опирается на правила вывода косвенных и скрытых смыслов, установления его иллокутивной функции. Он тем или иным образом реагирует на воспринятые высказывания.

Коммуникативное событие в целом может представлять собой лекцию, доклад, церковную проповедь, обмен информацией, дискуссию, спор, ссору, дружескую

беседу и т.п. Во многом свойства коммуникативного взаимодействия зависят от личностных качеств интерактантов.

Использование языка в коммуникативном процессе изучает лингвистическая прагматика. Её как одну из областей лингвистики интересуют не сами по себе речевые акты и речевые интеракции, а регулярные соответствия между теми или иными языковыми объектами и теми или иными параметрами коммуникативных событий. По своему пафосу прагмалингвистика приближается к социалингвистике (не случайно в американской науке первая дисциплина часто отождествляется со второй). Такие коммуникативные единицы, как речевой акт, речевой шаг, речевой ход и речевая интеракция, выделяемые при прагмалингвистическом анализе коммуникативного события любого жанра, имеют социальное, общественное предназначение.

Язык и процессы порождения и восприятия речи

В предыдущем разделе речевые акты рассматривались с прагмалингвистической точки зрения, а именно как выделяемые в коммуникативном событии минимальные единицы вербального общения, которые выполняют ту или иную иллокутивную функцию (констатация факта, побуждение к действию, запрос информации и т.п.). Из речевых актов строятся речевые шаги, иллокутивная функция которых является производной от иллокутивных функций отдельных речевых актов. В процессах коммуникативной интеракции сочетаются коммуникативные ходы участников общения. Для всех названных единиц (от речевого акта до коммуникативного события) существенна их социальная предназначенность.

Анализ речевых актов с точки зрения психолингвистической и нейролингвистической направлен, наоборот, на выяснение их психологической и физиологической природы, т.е. на раскрытие тех психических процессов, которые характеризуют порождение языковых высказываний и их распознавание, и на выявление тех неврологических механизмов, которые обеспечивают протекание этих процессов.

Речевые акты могут характеризоваться как акты говорения и как акты слушания (аудирования), а также как акты письма и как акты чтения. В совокупности они составляют то, что называется речевой деятельностью. Речи в собственном смысле противостоит внутренняя речь, которая имеет место при мыслительном решении каких-либо интеллектуальных задач. Её характеризуют и собственные синтаксические закономерности, и использование неречевых средств (образов, схем). Она генетически восходит к внешней речи. Внутреннюю речь принято отличать от внутреннего проговаривания (речи "про себя", беззвучной речи) и внутреннего программирования (создания плана будущего высказывания). Собственно речь подразделяется на устную и письменную, причём каждая из этих разновидностей обладает своими экспонентами и своими конструктивными особенностями. Далее, собственно речь разделяется на диалогическую и монологическую, причём генетически первичной является устная речь.

С внешней стороны процесс порождения и восприятия речи выступает как последовательность следующих: явлений: некое событие, исходное положение дел > акт говорения > действие, которое последовало за актом говорения. Исходное событие оказывается стимулом для акта высказывания, а само высказывание - реакцией на высказывание. В свою очередь, высказывание играет роль стимула для последующего

действия: $S1 > R1/S2 > R2$. От внешне наблюдаемых фактов исследователь переходит к поиску внутренних механизмов.

Обычно выделяются следующие этапы порождения высказывания, осуществляющиеся во внутренней речи:

осознание говорящим стоящей перед ним потребности в достижении определённого практического результата и мотива коммуникативного действия;
формирование коммуникативного замысла, включающее в себя:
внутреннее программирование, включающее выдвигание коммуникативной интенции, выбор общей структуры высказывания, возглавляемой определённым предикатом и содержащей необходимые актанта, отнесение высказывания к данной предметной ситуации, выбор нужных слов, замещающих предикатную и актанта позиции;
лексико-грамматические операции по развёртыванию высказывания;
фонологическая проработка частей высказывания и моторная реализация высказывания,
готовое высказывание.

Речевые механизмы, обеспечивающие порождения высказывания на каждом очередном этапе, являются психофизиологическими. Так, построение общей схемы высказывания (пропозициональной, или предикатно-аргументной, структуры) выполняется в передней речевой зоне коры головного мозга, поиск смысловых, грамматических и фонологическо-артикуляционных элементов программы и их развёртывания в цепь, соотнесение темы и ремы высказывания осуществляется речевыми механизмами задней части коры мозга.

Восприятие речи слушателем опирается на те же этапы, что и порождение речи, но начинается с распознавания фонем и словоформ. Слушатель - такой же активный участник речевого общения, как и говорящий. Если при порождении речи синтаксические процессы имеют отправной точкой предикат, т.е. порождение речи следует синтаксису зависимостей, то в восприятии предложения значительную роль играет механизм анализа по непосредственно составляющим, когда вначале выделяются группа подлежащего и группа сказуемого. Меньшее количество времени требуется для восприятия предложений активных, но не пассивных, положительных, но не отрицательных, пассивных утвердительных, но не пассивных отрицательных, правдоподобных, но не неправдоподобных. Необходимые для таких эмпирических заключений психолингвистические эксперименты скорее являются психологическими, нежели лингвистическими.

Для понимания механизмов порождения и восприятия речи важны данные нейролингвистики, которая является разделом нейрпсихологии, являющейся, в свою очередь, частной дисциплиной в рамках неврологии. Нейролингвистика изучает корреляции между теми или иными видами расстройств речи и функциональными центрами коры головного мозга. Распознавание речи она описывает как последовательность процессов в направлении от периферии нервной системы к её центральным отделам, а порождение речи как последовательность процессов в направлении от центра к периферии.

Особое внимание она уделяет афазиям. К нарушению речи в целом ведёт поражение любого участка речевой зоны мозга. Однако характер нарушения зависит в первую очередь от функции пострадавшего участка. Выделяются три формы афазий, имеющих синтагматическую природу, при нарушении передней речевой зоны:

динамическая афазия: нарушения на семантическом уровне (затруднения в построении смысловой схемы высказывания);

синтаксическая афазия, аграмматизм: нарушения на синтаксическом уровне (затруднения в грамматической организации высказывания);

эфферентная моторная афазия: нарушения на моторном уровне (затруднения в моторной кинетической организации речи).

Многообразны виды афазий, возникающих при повреждении других участков мозга.

Можно привести лишь некоторые иллюстрации. Поражение задней речевой зоны нарушает операции парадигматического выбора речевых единиц. Если поражены нижние отделы теменной доли возникает афферентная моторная афазия, ведущая к затруднениям в выборе слов, сдвигами в артикуляции. Если поражены височные отделы левого полушария, возникают затруднения в идентификации слов.

Нейролингвистика занимается также и неафазическими расстройствами речи (речевые агнозии и апраксии, дизартрии, алексии и аграфии).

Нейролингвистика скорее является медицинской, а не лингвистической областью. Её методы по преимуществу клинические.

ЮСМ; ВБК; ААР.

ЛЭС/БЭС (Статьи: Речевая деятельность. Речь. Порождение речи. Восприятие речи.

Психоллингвистика. Нейролингвистика. Афазия. Язык и мышление).

Приложение, дающее представление об обычной для американской науки трактовке психоллингвистики (из обзорного доклада ERIC L & L Digest 1994)

Psycholinguistics

Psycholinguistics is the study of the relationship between linguistic and psychological behavior. Psycholinguists study first and second language acquisition and how humans store and retrieve linguistic information, referred to as verbal processing.

Language Acquisition. The study of how humans acquire language begins with the study of child language acquisition. Principally, two hypotheses have been put forth. The first, deriving from the structuralist school of linguistics, holds that children learn language through imitation and positive-negative reinforcement. This is known as the behaviorist approach. The second, or innateness hypothesis, proposes that the ability to acquire language is a biologically innate capacity. Furthermore, innate language learning ability is linked to physiological maturation and may atrophy around the time of puberty. The innateness hypothesis derives from the generative/transformational school of linguistics.

Such descriptions of language acquisition are further tested in exploring how adults acquire language. It appears that most adults learn language through memorization and positive-negative reinforcement: a manifestation of the behaviorist model. Whether this is a result of the post-pubescent decay of the innate ability described above or a result of other psychological and cultural factors is a question of great interest to the psycholinguist.

Verbal Processing involves speaking, understanding, reading, and writing, and therefore includes both the production of verbal output and reception of the output of others. For example, although the sentences of a language may theoretically be infinitely long, there are constraints placed on their length, as well as on their structural characteristics, by our processing capabilities. Although we readily comprehend "The dog bit the cat that chased the mouse that ran into the hole," we have some difficulty sorting out "The mouse the cat the dog bit chased ran into the hole." Why this is so, in terms of cognition, perception, and physiology, is of major interest to the psycholinguist.

Основные понятия теории письма

Естественный человеческий язык возникает и функционирует как система звуковых знаков, денотатами которых являются прежде всего элементы нашего опыта, т.е. разнообразие явления действительности. Звуковая материя является первичной и основной формой её существования. Инвентарные единицы этой системы (слова и морфемы, а также фразеологизмы) и правила их комбинирования в речи воспроизводимы в бесчисленном множестве конструктивных образований типа словосочетаний, предложений и текстов.

Письмо предназначено для того, чтобы фиксировать посредством графических знаков в целях передачи на большие расстояния и сохранения во времени звучащую речь. Благодаря членораздельности речи, т.е. её членимости на воспроизводимые инвентарные единицы, оно становится (на определённой ступени социальной эволюции) второй ипостасью того или иного конкретного языка. Оно представляет собой коммуникативную систему, элементами которой являются графические знаки, имеющие своими денотатами не явления действительности, а воспроизводимые в речи инвентарные единицы языка. Письмо в собственном смысле, подобно языку, в принципе должно содержать в своём инвентаре конечное число стандартных, воспроизводимых графических единиц (графем) и правил их комбинирования.

Основной единицей системы письма является графема. Как единица знаковой системы, она вступает в парадигматические отношения с другими графемами этой же системы и в оппозициях другим графемам обнаруживает свои различительные (дифференциальные) признаки, благодаря совокупности которых она опознаётся как таковая и не смешивается с другими графемами. Так, русская графема В отличается от графемы Ъ и графемы Р наличием двух полушарий справа, в то время как Ъ и Р характеризуются, в отличие от В, наличием лишь одного полушария справа, а между собой различаются расположением этого полушария в нижней или верхней части вертикальной черты. Наличие этой черты оказывается общим (интегрирующим) признаком трёх указанных графем.

Вместе с тем каждая графема выступает членом синтагматического ряда и может иметь начертательные варианты в зависимости от своей позиции. Так, в греческом письме графема сигма выступает в виде двух аллографов, один из которых встречается только в конечном положении (в исходе слова), а другой во всех остальных положениях. Этот принцип был повторён в готском письме, а также в так называемой фратуре - готическом шрифте, который использовался прежде всего в Германии до середины 20 в. В арабском письме одна графема может выступать в виде четырёх аллографов (соединение с другой графемой справа, соединение слева, соединение с обеих сторон, отсутствие соединения).

Главными элементами алфавитной графической системы являются буквы. Они могут иметь свои имена, обладают начертательной формой, звуковым значением, а в ряде систем письма и числовым значением. В качестве аллографов одной буквы выступают её рукописные и печатные (машинописные и типографские) начертания. Так, об аллографии можно говорить в случаях прямого и наклонного начертаний буквы д (д и д). Аллографы печатных букв могут нести черты определённого шрифта. В какой-то степени аллографами одной и той же буквы можно признать её начертание как заглавной (прописной) буквы (в начале имён собственных, в начале существительных в немецкой графике, знаменательных слов в ряде графических систем) и как маленькой (строчной) буквы в других случаях. Однако при этом не следует забывать, что заглавные буквы часто несут дополнительную (помимо передачи звуковых значений) знаковую нагрузку.

Что касается звуковых значений букв, то в правилах графики данного языка обычно различаются их первичная и вторичные функции. Так, основная функция русской буквы д состоит в обозначении смычной звонкой переднеязычной непалатализованной фонемы /d/: дот, сдал, дуть, дым. Вместе с тем (по законам русской графики, учитывающей и слоговой принцип) буква д обозначает перед и, е, ё, ю смычную звонкую переднеязычную палатализованную фонему /d'/: идёт, дядя, дюны, дети, дичь. Вторичная функция этой буквы (в соответствии с морфемным, или морфологическим, принципом русской графики) заключается в передаче смычной глухой переднеязычной непалатализованной фонемы /t/ (пруд, лёд) и смычной глухой переднеязычной палатализованной фонемы /t'/: (сядь, ведь), причём обе эти фонемы чередуются (по закону ассимиляции перед глухими согласными или в исходе слова) с соответствующими им звонкими. Если вести анализ в направлении от буквы к обозначаемым ею фонемам, можно говорить о полисемии буквы. Если же вести анализ в обратном направлении - от данной фонемы к набору обозначающих её графем, например, устанавливая такие способы графического отображения русской фонемы /t'/, как т, д, ть, дь (полёт, лёд, лететь, медведь), то мы вправе говорить об омонимии соответствующих букв.

Графика формулирует правила соответствий между буквами и графемами, т.е. правила чтения и правила написания. Выбор же между возможными в графике данного языка способами фиксации на письме конкретных слов и морфем предписывает орфография.

Правила графики соответствующего языка могут ставить в соответствие какой-то фонеме сочетание двух или большего числа букв. Так, во французском языке фонема /S/ передаётся диграфом ch (chat 'кот'), английская фонема /S/ обозначается диграфом sh (shine 'блеск'), немецкая фонема /S/ требует для своего обозначения трёхбуквенного сочетания (триграфа) sch (Schatz 'сокровище'). В ряде графических систем встречаются лигатуры (например, соединение во французском языке в одном знаке о и е, соединение а и е в одном знаке в датской графике; многочисленные лигатуры в письме деванагари, обслуживающем санскрит, хинди и некоторые другие языки Индии). Нередки и буквы, обозначающие последовательности фонем (например, греческие буквы пси и кси, буква х в латинской графике и во многих системах письма, опирающихся на неё).

Графика того или иного языка включает в свой состав не только буквы, но и надстрочные или подстрочные диакритические знаки, которые либо, сочетаясь с буквами основного инвентаря, обеспечивают передачу фонем, либо служат обозначению просодических свойств (ударение, тон, долгота), либо обеспечивают разграничение на письме слов-омонимов. В русском письме диакритизированными буквами являются й и ё. Диакритические знаки используются в графике таких европейских языков, как эстонский, финский, венгерский, латышский, литовский, чешский, польский, сербскохорватский, немецкий, нидерландский, норвежский, шведский, датский, исландский, французский, итальянский, испанский, португальский, румынский и многие другие. В арабском и еврейском письме диакритики служат для обозначения не имеющих собственных букв гласных элементов, т.е. для информации о соответствующей огласовке. В деванагари диакритические знаки появляются при фиксации слогов, в которых за согласной фонемой следует не /a/, а какая-то другая гласная фонема.

К числу графем могут быть отнесены и знаки препинания, выполняющие скорее вспомогательные функции (членение высказывания и указание на характер связи между выделенными фрагментами высказывания, цитация, различение коммуникативной целеустановки предложения). Делимитативную (разграничительную) функцию выполняет также пробел.

Зарождение письма

Письмо как знаковая система в принципе должно содержать в своём инвентаре конечное число регулярно воспроизводимых, инвариантных по своей сущности графических единиц (графем) и правил их сочетания при построении развёрнутых текстов. Каждая графема должна иметь своим денотатом одну и ту же единицу звучащей речи. Такой единицей может быть значащая единица (слово или морфема) или же односторонняя, незнаковая единица (слог или фонема).

Соответственно различаются такие основные типы письма, как

логографический (словесный, шире - словесно-морфемный),
слоговой (силлабический, силлабографический) и
буквенно-звуковой (алфавитный, или фонематический, или фонемографический; в некоторых системах графики используются разные знаки для аллофонов одной фонемы).

Логограммы в какой-то степени ориентированы на слова (и на морфемы) как единицы, обладающие и значением, и звучанием. Логограмма оказывается, таким образом, графическим знаком для языкового знака. Силлабограммы фиксируют определённую последовательность звуков (слог того или иного типа). Фонемограммы имеют своими денотатами отдельные фонемы (или же их аллофоны). Таким образом, силлабограмма

и фонемограмма соотносятся не с языковыми знаками, а со звуковыми единицами в строении звуковых оболочек (экспонентов) языковых знаков.

Можно назвать, далее, идеограммы, представляющие знаки для неких идей, понятий, для слов, но в принципе в отвлечении от звуковой стороны слова. Идеографические системы удобны для использования в коммуникации между носителями разных языков и разных, сильно отличающихся друг от друга диалектов одного языка, но они непригодны для фиксации звучащей речи на языках, обладающих развитыми возможностями словоизменения. Так, китайское письмо, являющееся логографическим, всё же ближе по своей сущности к идеографическому типу. Оно оказалось очень устойчивым, сохранившись на протяжении почти трёх тысячелетий в основных своих чертах, так как хорошо отвечает изолирующему строю китайского слова. А вот для корейского и в значительной степени японского языков, которые первоначально использовали китайское письмо, в силу иного строения в них словоформ впоследствии были избраны новые пути развития своих собственных графических систем.

Разграничение логографического, силлабического и фонематического типов письма весьма условно, так как в графической системе одного и того же языка могут использоваться разные принципы. Так, русские буквы е, ё, ю, я являются слоговыми знаками (/je/, /jo/, /ju/, /ja/). По слоговому принципу строятся русские буквосочетания ле, лё, лю, ля (/l'e/, /l'o/, /l'u/, /l'a/). Морфемному принципу (ради одинакового написания разных алломорфов одной и той же морфемы) русская орфография следует, рекомендуя сохранять графическое тождество, например, корневой морфемы ВОД-, реализующейся в виде вариантов (алломорфов) /vod/, /vad/, /vad'/, /vod'/, /vot/. В текст могут включаться идеограммы, т.е. знаки, которые не ориентированы на фиксацию звуковой стороны речевых единиц: На первом курсе имеется 10 учебных групп. В японском письме логограммы (исторически восходящие к китайским иероглифам или построенные по их принципу) предназначены для фиксации простых слов и корней, а слоговые знаки (силлабограммы) используются для передачи грамматических аффиксов. Корейское письмо располагает знаками для фонем, но сочетает их в своего рода силлабограмму. Сочетание слогового и фонематического принципов наблюдается в письме деванагари.

Многие современные графические системы являются преимущественно фонематическими. Но наряду с ними продолжают существовать системы преимущественно силлабические и преимущественно логографические. Логографические системы (типа китайского) насчитывают в своём инвентаре многие тысячи или десятки тысяч знаков. Большое число графем затрудняет их запоминание и усложняет процесс обучения языку, но текст в логографической записи занимает меньше места. Силлабические системы (типа кипрского письма 6-4 вв. до н.э.) имеют порядка нескольких сотен или десятков графем, в силу чего их усвоение оказывается более лёгким. Фонематические системы обходятся несколькими десятками знаков. Их усвоение не представляет большой сложности, но тексты, записанные посредством фонематической графики, занимают довольно много места. Но логографические, силлабические и фонематические системы были созданы человеческим гением относительно недавно, около 6000 лет тому назад. Изображать людей и животных в своих рисунках на камне, на стенах пещер наши предки начали

десятки тысяч лет назад. Но эти рисунки не сводились в систему письма. См., например, изображения, обнаруженные в Италии.

Становление же письма в собственном смысле слова опиралось на длительные поиски оптимальных средств для сохранения информации. Письму предшествовали так называемые протописьменности.

На начальном этапе они не представляли собой устойчивых систем с регулярно воспроизводимыми знаками. Так, для передачи сообщений привлекались как мнемонические знаки зарубки на деревьях, особым образом положенные на пути следования ветки или камни, узлы. Объявление войны могло быть обозначено присланной стрелой. У индейцев Южной и Центральной Америки создавались кипу - своего рода узелковые послания (ЛЭС/БЭС: 77-78). Кипу часто использовались как украшения.

В Северной Америке (у ирокезов, гуронов и др.) получили распространения вампумы, представляющие собой сплетённые из шнурков полосы (ЛЭС/БЭС:80). Вплетённым в них разноцветным раковинам приписывалось разное символическое значение (война, угроза, вражда, мир, счастье, благополучие). Из раковин мог составляться рисунок (например, красный топор на чёрном фоне - объявление войны). Вампумы могли служить эквивалентами денег. На расположенном рядом рисунке изображён вампум, посредством которого племя ирокезов сообщало американскому правительству, что оно не намерено признавать его своим отцом, а готов быть братом. У каждого из братьев свой путь.

Могли использоваться рисунки или серии рисунков, повествующих о каких-либо событиях (например, об успешной охоте или же походе царя Верхнего Египта на Нижний Египет). Но такие знаки, передавая смысловую информацию о чём-либо, не соотносились с звучащей речью, её значащими единицами.

Очередным шагом явилось создание стабильных систем мнемонических знаков. Возникает пиктография, используемая для передачи сообщений посредством рисунков отдельных предметов. Когда такие рисунки, пиктограммы (более или менее похожие на изображаемые предметы, являющиеся их иконическими знаками) начинают (на Ближнем Востоке с 8 тыс. до н.э.) регулярно воспроизводиться в одних и тех же функциях или близких функциях, можно говорить о становлении идеографических систем. Идеограммы могут соотноситься со знаменательными словами, хотя и в отвлечении от их грамматической формы. Знак для предмета "нога" по ассоциации может выражать понятие 'идти'. Идеограмма становится теперь логограммой, т.е. знаком не для понятия вообще, а для слова или ассоциативного ряда слов. На следующей ступени такой знак, во-первых, всё больше схематизируется, т.е. утрачивает свойство иконичности и приобретает свойство символичности, а во-вторых, приобретает способность выражать не только данное слово, но и другое слово, одинаково с ним звучащее, а также служебное слово или грамматическую морфему, а подчас просто одинаково звучащий слог. Формируется словесно-морфемный и словесно-слоговой типы письма.

Вот этот переход от протописьменности к собственно письму и наблюдается в многочисленных древнейших рисунках в Египте, Шумере, Эламе, в протоиндских рисунках 4-3 тыс. до н.э., в рисуночном письме ацтеков, в письме майя.

Образцы рисунчатого письма (пиктографии) майя

Многие из древних письмен ещё не дешифрованы. Это относится и к надписям письмом ронго-ронго (язык рапануи) на острове Пасхи.

Египетское письмо

Собственно письмо как знаковая система предполагает, во-первых, наличие ограниченного набора графем, которые могут воспроизводиться неограниченное число раз, в основном сохраняя своё значение или употребляясь в близких значениях, и, во-вторых, наличие ограниченного числа правил комбинирования этих графем в знаковые комплексы. Графемы как инвариантные элементы той или иной системы письма вступают в определённые парадигматические и синтагматические отношения между собой. Каждая графема характеризуется собственным набором дифференциальных признаков, благодаря которому она опознаётся при каждом очередном воспроизведении и не смешивается с другими.

Пиктография не отвечала этим условиям. Рисунки, которые используются для передачи сообщений, как правило, не воспроизводятся в виде готовых знаков и не обладают свойством инвариантности. Они не образуют сами по себе знаковой системы. Но, как показывает история древнейших письменностей, именно пиктограммы, приобретая свойство воспроизводимости и начиная вступать в противопоставления с другими аналогичными знаками, оказываются основой для формирования систем письма. Они становятся инвариантными элементами системы, которые способны иметь в конкретных актах письма свои варианты.

Древнейшие системы письма были идеографическими. Прототипами идеограмм чаще всего выступали пиктограммы. По этой причине многие идеограммы иконичны, т.е. они напоминают о каких-то предметах, как бы копируя их.

Иероглифы (греч. *hieros* 'священный' и *glyphe* 'то, что вырезано (например, на камне)'; сперва о знаках египетского письма, а затем и о других знаках, восходящих к рисункам) были иконичными на начальном этапе формирования древнеегипетского письма, бывшего в употреблении в период с конца 4-го - начала 3-го тыс. до н.э. по 3-4 вв. н.э., когда древнеегипетский язык (отдельная ветвь афразийской семьи) сменился возникшим из него же коптским языком.

В основе египетского письма насчитывалось около 500 пиктограмм, мнемонически связанных с определёнными понятиями и через их посредство с выражающими их словами. Так, один и тот же знак выражал слова рг 'дом' и рг(j) 'выходить', wr 'ласточка' и wr 'большой', hrgr 'жук' и hrgr 'становиться', dr 'корзина' и dr 'граница'.

Ниже приводятся многочисленные иллюстрации, которые могут быть основой для последующего объяснения принципа, явившегося итогом длительной эволюции египетского письма от чисто идеографического (и логографического) принципа к письму, в котором появляется множество фонографических знаков.. Рассмотрите их не спеша.

Писали египтяне слева направо и справа налево. Часто направление письма менялось с началом новой строки (такой принцип получил название бустрофедон).

Наряду с сформировавшимися на первом этапе знаками для объектов и действий (идеограммами) и соответствующих им слов (логограммами) вырабатываются фонограммы, т.е. знаки для звуковых последовательностей (из 2 или 3 звуков) и в конечном итоге для отдельных звуков. В конечном итоге египетское письмо становится довольно сложной системой, объединяющей в себе разнородные знаки.

Ниже приводятся примеры идеограмм.

Для передачи абстрактных понятий вводятся особые знаки - так наз. семантические детерминативы. Звучание слова может передаваться с помощью фонетических комплементов.

Теперь приводятся примеры сложных фонограмм.

Дальше следуют примеры простых фонограмм.

В египетском письме вырабатываются средства для передачи грамматических значений, т.е. знаки, денотатми которых оказываются грамматические морфемы (аффиксы).

Из сопоставления приведённых знаков видно, что постепенно сходство идеограмм со своими денотатами может утрачиваться. Теряя первоначальную иконичность, они становятся более схематичными, абстрактными и превращаются в знаки-символы. Многие идеограммы стали соотноситься с определёнными словами, т.е. становились логограммами. Правда, при этом они могли иметь только словесное, а не фонетическое прочтение.

Другие знаки выражали либо одно слово, либо несколько ассоциативно связанных слов (например, изображение солнца для 'солнце' и 'день'), и их различное фонетическое прочтение обеспечивалось добавлением специальных компонентов. Комплемент представлял собой один или несколько дополнительных знаков, воспроизводивших консонантный состав всего слова, которое он сопровождал, или его конечной части.

Третьи знаки передавали только консонантный состав слов, и тогда однозначное смысловое прочтение слов обеспечивалось добавлением детерминатива (семантического ключа), который сам по себе не читался. Семантические детерминативы служили для построения комплексных знаков, выражающих действия (глаголы), признаки (прилагательные), отвлечённые понятия (абстрактные существительные). Так, например, изображение свёртка папируса означало, что в виду имелось абстрактное понятие. Служебные слова писались только консонантными знаками. Некоторые знаки использовались и как логограммы, и как фонограммы. В результате египетское письмо не было целиком идеографическим: наряду с идеограммами (собственно говоря, логограммами) оно включало в свой состав и фонограммы (а именно силлабограммы). Большинство слов были комбинациями фонографических и идеографических знаков. Так, изображение плана дома означало 'дом', а добавление к этому знаку фонетического компонента и рисунка бегущих ног служило передаче омофоничного слова 'выходить'. Появление консонантных знаков, передающих только один или несколько согласных с произвольным гласным или же нулём гласного ознаменовало начало фонетизации египетского письма, превращение его из логографической в словесно-слоговую (логографически-силлабическую) систему. Однако фонетизация в египетском письме не была доведена до конца. Однако именно в египетском письме смог сформироваться тот принцип записи слога (а именно по модели "согласный + любой гласный, в том числе и нуль гласного"), который оказался наиболее пригодным для вычленения отдельных знаков для согласных и построения алфавитных систем.

Иероглифические тексты могли писаться как вертикально, так и горизонтально, обычно в направлении справа налево. Направление письма указывалось специальным знаком. Слова, относящиеся к царям и богам, выделялись в тексте особо. Оба наиболее употребительных имени царя помещались в картуш или "царское кольцо".

Долгое время параллельно употреблялись две разновидности: иероглифика (тщательное воспроизведение изображаемого предмета) и иератика (скоропись, начиная с 2755 г. до н.э.). При написании знаков иератики на папирусе использовались тупые тростниковые перья и чернила. Иератические тексты предназначались в основном для целей богослужения (о чём говорит и само название данного вида

скорописи). С 7 в. на основе иератики вырабатывается новый вид скорописи - демотика (народное письмо), в которой знаки упрощены, поликонсонантные знаки заменяются одноконсонантными, при них появляются детерминативы, имеющие характер обобщающих знаков для классов понятий.

Иероглифы использовались египтянами начиная примерно с 3000 г. до н.э. и продолжали употребляться для выполнения монументальных надписей на памятниках ещё во время римской колонизации. Последняя иероглифическая надпись датируется 394 г. До греко-римского господства число и форма иероглифов оставались неизменными. С 332 г. количество знаков, прежде всего фонограмм, стало резко возрастать. К 5 в. египетский язык стал мёртвым. Для развившегося из него коптского языка во 2 в. создаётся алфавитное письмо, опирающееся на принципы греческой графики и использующие 8 знаков из египетского письма. Оно предназначалось первоначально для перевода библейских текстов с греческого на коптский. В 11-12 вв. коптский язык перестал играть роль общелитературного, уступив эту роль арабскому. Но он сохранился как культовый язык в общинах коптов-христиан.

Употребление иероглифов в критском, протосинайском, протопалестинском, лувийском письме вряд ли связано непосредственно с влиянием египетского письма.

Египетское письмо во всех его разновидностях (иероглифика, иератика и демотика) отражало жизнь египтян и фиксировало все основные этапы развития древнеегипетского языка на протяжении трёх тысячелетий. Со временем оно было забыто самими египтянами. Попытки по расшифровке египетской письменности первоначально были эпизодическими (4 в., 17 и 18 вв.) и окончились неудачно. Ключ к дешифровке дал найденный в 1799 г. Розеттский камень с тремя идентичными текстами (иероглифическим, демотическим и греческим). Выдающийся вклад в дешифровку системы египетского языка внёс, будучи ещё в юношеском возрасте, Жан Франсуа Шампольон, создавший египтологию как науку в 20-х гг. 19 в. Главные трудности в дешифровке текстов создавало отсутствие знаков для гласных. Набор консонантных знаков в основном выявлен.

Ниже я передаю египетскими иероглифами свою фамилию Susov (Susow: w = u):

Шумерско-аккадское письмо

Шумерско-аккадское письмо, известное как клинопись (Keilschrift, cuneiform), сыграло гигантскую роль в становлении и развитии ближневосточной цивилизации. Его создателями были шумеры, жившие на юге Месопотамии (Междуречья) на берегах Евфрата. Около 3500 лет до н.э. здесь появились первые шумерские города-государства, в том числе Урук. Шумерам, говорившим на языке, генетические связи которого до сих пор не установлены, приписывают создание колеса, закладывание основ математики, 60-ричную систему счёта (деление часа на 60 минут), воздвижение монументальных архитектурных сооружений (в том числе городских стен и многоярусных башен - циккуратов), изготовление оружия из металла. Здесь зародился миф о всемирном потопе. Они создали оригинальную систему письма.

Изобретение шумерского письма относится одними исследователями к 29-28 вв. до н.э., другие исследователи считают, что оно появилось в 34 в. до н.э., т.е. не позднее или даже раньше, чем египетское. В принадлежащем шумерам и получившем широкую мировую известность ещё в древние времена эпическом сказании о герое и царе Урука Гильгамеше, жившем около 2800 лет до н.э., о роли письма упоминается в разговоре Гильгамеша со своим отцом, находящемся в царстве мёртвых (по повести-пересказу Валерия Воскобойникова "Блистательный Гильгамеш". М, 1996):

- Но ты сказал мне о каких-то тайных таблицах. В мои времена не было такого слова.
- Таблицы, на которых знаками можно записать все человеческие знания.
- Зачем они? Или у вас, черноголовых, ослабла память, и вы теперь не в состоянии запомнить знания наизусть?
- Наизусть мы тоже запоминаем. Но как передать слово на большое расстояние, если не при помощи таблицы? Как передать наставления внукам, если человек умирает, не дождавшись их появления? А как передать любовное послание - не заставляя же слугу заучивать сокровенное слово? Как сохранить надолго в памяти торговый договор, приговоры суда?

В 19 в. до н.э. в Месопотамию приходят аккадцы (носители одного из языков семитской ветви афразийской семьи; основные диалекты этого языка - вавилонский и ассирийский), и господствующая роль в Месопотамии переходит к Вавилонии. Аккадцы многое восприняли из культуры шумеров, в том числе и клинопись. Шумерский язык, даже после того как он вышел из употребления, на протяжении очень длительного времени использовался вавилонянами в административно-хозяйственной сфере, в дипломатической переписке. Ему как мёртвому обучали писцов-администраторов около тысячелетия. Шумерское письмо постепенно стало использоваться и для записи текстов на аккадском языке. За шумерскими знаками сохранялось шумерское словесное и звуковое чтение, и вместе с тем они приобретали аккадское звуковое и словесное чтение. Так развивалась гетерография. Начали создаваться шумерско-аккадские словари. Аккадский язык стал со временем международным языком для стран Ближнего Востока.

Шумеро-аккадская клинопись и выработанные аккадцами строгие письменные каноны получили распространение далеко за пределами Вавилонии, вплоть до Египта. Клинопись была заимствована населявшими Малую Азию хаттами, а потом пришедшими сюда хеттами, лувийцами, палайцами, языки которых относятся к анатолийской ветви индоевропейской семьи. На основе клинописи создавались системы письма для языков как родственных, так и неродственных (древнеперсидского, эламского, хурритского, урартского, эблаитского). Клинописными по форме, но построенными совсем по другому принципу были знаки угаритского алфавита (Рас-Шамра, 16-14 вв. до н.э.).

При классификации типов письма могут учитываться самые разные признаки. При различении типов письма идеографического, логографического, силлабографического (силлабического) и фонемографического (фонематического) во внимание принимается характер объектов, с которыми знаки этих типов соотносятся. Знаки могут различаться по форме. Во внимание может привлекаться и техника письма (материал и инструмент для нанесения графических знаков). Так, египтяне высекали иероглифы резцом на

камне, а скорописные знаки наносили кисточкой на папирус или ткань. Шумеры тоже начинали с иероглифов, представляющих собой пиктограммы. Но, изобретя для строительства зданий кирпич, они со временем по достоинству оценили свойства глины, которая, затвердевая, способна надолго сохранять изображения. Ускорился и сам процесс письма. Нанесение не прямых линий на глину оказалось неудобным, и иероглифы были заменены знаками клинописи, которые выдавливались специальной заострённой палочкой (каламом) на ещё влажных глиняных табличках. Эти таблицы долго могли храниться, и до наших дней дошло значительное их количество.

Клинописные знаки строились как комплексы конусообразных вдавливания. Первоначально они представляли собой стилизованные изображения объектов. Но нередко эти знаки переставали напоминать изображаемые объекты. Уже на начальной ступени (как показали раскопки Урука) перечень графем содержал знаки, отображавшие человека и части его тела, разнообразных животных, птиц, насекомых, рыб, деревья, звёзды и облака, землю и воду, здания, лодки, предметы домашнего обихода, огонь, оружие, предметы одежды, предметы культа, сети, капканы, глиняные изделия, музыкальные инструменты.

Первоначально число знаков в шумерском языке достигало тысячи. Постепенно их количество сократилось до 600. Почти половина из них использовались как логограммы и одновременно как силлабограммы, чему способствовала моносиллабичность большинства шумерских слов, остальные были только логограммами. Логограммы могли относиться к ассоциативно связанным объектам (например, знак звезды для 'Бог', изображение ноги для gub- 'стоять', du-, ga- 'идти', tum- 'приносить'. Наличие знаков, выражавших более одного слова, создавало полифонию. С другой стороны в шумерском имелось немало омонимичных слов - омофонов. Развитию омофонии способствовало, например, употребление рисунка ноги не только для выражения названных глаголов, но и для передачи просто слогов du, ga и т.д. Знак звезды мог соотноситься с именами dingir 'Бог' и an 'небо', а также обозначать слог an. К середине 3-го тыс. до н.э. сложилась словесно-слоговая система. Обычно основа обозначалась идеограммой, а аффиксы и служебные слова передавались знаками в их слоговом значении (силлабограммами). Использовались и детерминативы, т.е. знаки, указывающие на отнесение изображаемого объекта к тому или иному классу (люди, профессии, животные, птицы, рыбы и т.п.). С ускорением письма знаки упрощались. Шумеры сперва писали вертикальными столбцами, справа налево, позднее - строками, слева направо.

Аккадцы (вавилоняне и ассирийцы) приспособили шумерское письмо к своему флективному языку в середине 3-го тыс. до н.э. Они придали прежним знакам новые слоговые значения, в соответствии с фонологическим строем своего языка. Стали преобладать чисто слоговые записи и прочтения слов. Число наиболее употребительных знаков сократилось до 300. Продолжился процесс упрощения их написания. Сохранялось большое число гетерограмм: шумерский по происхождению знак мог иметь не совпадающие значения в шумерском и вавилоно-ассирийском: 'вода;

семья; потомство; родитель' - 'вода; наследник', 'голова; глава; верх' - 'голова, глава'.
Разными могли быть слоговые значения: 'плуг' апин - апинну, 'земледелец' энгар -
иккару, 'гора' кур - шаду.

Надписи наносились чаще всего на глиняные плитки. Но немало надписей было
сделано на призмах, конусах, цилиндрах, каменных плитах.

Опыты по расшифровке клинописных текстов начались ещё в 18 в. Дешифровка
древнеперсидской слоговой клинописи 6-4 вв. до н.э., наиболее близкой по характеру к
алфавитным системам (всего 36 знаков), в середине 19 в. позволила опереться на
персидскую часть трёхязычного текста (на древнеперсидском, аккадском и эламском)
Бехистунской надписи (около 521 г. до н.э.) для дешифровки аккадской системы.
Прочтение эламской части не составило особого труда. В эламской системе имелось
96 силлабограмм, 16 логограмм и 5 словоразделителей. Шумерская система клинописи
была расшифрована в конце 19 - начале 20 вв. Расшифровка угаритской клинописной
системы и архаического шумерского письма пришлось на 20 в. В 20 в. были
обнаружены огромные клинописные архивы хеттов. Работа по прочтению
клинописных текстов ещё не полностью завершена и активно продолжается усилиями
ассириологов многих стран.

ЮСМ; ААР.

ЛЭС/БЭС (Статьи: Письмо. Пиктография. Идеограмма. Логограмма. Иероглифы.
Клинопись. Гетерограмма. Гетерография. Шумерский язык. Аккадский язык).

Для дополнительного (факультативного) чтения

Asian and African Languages: Sumerian

Dictionaries: English-Sumerian

Earth History (Sumeria)

Ethics of Sumer, Babylon, and Hittites

Gilgamesh

Sprachen und Kulturen des Alten Orients

Sumeria History

Sumerian and Indo-European

Sumerian Literature. Epic of Gilgamesh

Sumerian topics: Sumeria and Akkadia

Sumerian-Turkish Comparison List

Universitaetsbibliothek Heidelberg

Аккадский (вавилонско-ассирийский) язык

Assyrologie

Bibliotheken in Mesopotamien und Aegypten

Codex Hammurapi -- Textstellen

Encyclopedia Britannica: Babylonia

Китайское письмо

Китайское письмо использует иероглифы, с помощью которых записываются слова или морфемы. В звуковом отношении иероглиф соответствует тонированному слогу. Подавляющее большинство слов китайского языка одноморфемны, вместе с тем границы морфемы совпадают с границами слога, так что в принципе можно говорить о словоморфеме и слогоморфеме. К тому же слог выступает в качестве минимальной конститутивной фонологической единицы, приближаясь по своим функциям к фонеме неслоговых языков. Это обстоятельство и обусловило исключительную устойчивость логографического по своему типу китайского письма на протяжении тысячелетий. Написание иероглифа включает в себя от одной до 28 стандартных черт, которые составляют в каждом из знаков особую комбинацию.

Древнейшие иероглифы возникли как пиктограммы. Но способы их начертания и их облик неоднократно менялся в сторону большего упрощения и схематизации.

См. таблицу, в которой в верхней строке показан начальный облик иероглифов, а в нижней - их более поздний вид.

Древнекитайский текст выглядел следующим образом:

В китайском письме насчитывается около 50 тысяч графем. В современном обиходе китайцы используют около 4-7 тысяч знаков. Среди них есть и простые, и сложные (комбинированные). Около 1500 иероглифов представляют собой пиктограммы и идеограммы. Ср. "говорящие" иероглифы: 'вниз' - 'вверх'. В иероглифе 'король' верхняя горизонтальная черта символизирует небо, нижняя - землю, средняя - человека, который от имени неба управляет землёй. В их числе простые знаки для слов, обозначающих реалии: 'дерево', 'гора', 'верх', 'низ'. Сюда же входят комбинированные знаки с более абстрактными значениями: 'человек' + 'дерево' = 'отдыхать', 'солнце' + 'луна' = 'ясный, светлый'.

Большинство иероглифов являются фонограммами. Они включают в свой состав семантические ключи, намекающие на значение данной слогоморфемы, и фонетические детерминативы (фонетики), передающие точную или приблизительную информацию о звучании этой слогоморфемы. Так, в китайском языке слог та может быть тонирован четырьмя способами, и каждый из четырёх тонированных слогов имеет своё значение: та 1 'мама', та 2 'конопля', та 3 'конь', та 4 'ругать'. Иероглиф для 'мама' содержит в своём составе ключ 'женщина' и знак 'лошадь' в качестве фонетика. В словарях иероглифы располагаются по ключам. Их число составляет 214.

Особую категорию составляют так называемые "заимствованные" иероглифы. Это знаки, которые уже не используются в прежнем, прямом значении: с их помощью записываются другие слова, имеющие отвлечённое значение.

Китайская письменная традиция всегда предъявляла высокие требования к каллиграфии. Обучение ей занимает много места в школьном преподавании. С

течением времени были выработаны рекомендации, касающиеся порядка начертания черт, из комбинации которых строится иероглиф.

Ниже следует образец каллиграфического письма.

Поскольку многие иероглифы одинаково хорошо служат для записи слов, звучание которых существенно различается по диалектам или изменилось с течением времени, китайское письмо обеспечивает взаимопонимание между представителями разных диалектов и даёт возможность образованному китайцу читать не только современные, но и древние тексты. По той же самой причине оно длительное время широко использовалось в Японии, Корее и Вьетнаме. В японское письмо вошли многие китайские иероглифы для обозначения корневых морфем, в то время как для передачи грамматических морфем были изобретены знаки слоговых азбук.

Сложность изучения иероглифической системы часто стимулировало попытки создания буквенно-звуковых алфавитов. Сейчас в КНР и за её пределами используется транскрипционный алфавит на латинской основе, включающий 26 графем. Но этот алфавит употребляется ограниченно: в обучении языку, в телеграфной связи, Интернете и электронной почте.

Семитские системы письма

Алфавитные (буквенно-звуковые) системы письма возникли из слоговых (силлабических). Слоговой же тип начал формироваться ещё внутри логографических систем, когда рядом со знаками-логограммами стали появляться знаки-фонограммы или же одни и те же знаки использовались то как логограммы, то как силлабограммы. Такая эволюция наблюдалась в письме египетском, шумерском, аккадском, критском, кипро-минойском. Логограммы уже господствовали в письме древнеперсидском, эламском, хурритском, урартском. Знаки для слогов создавались в разных системах письма.

Важен сам принцип обозначения слогов. К середине 2-го тыс. до н.э. на Ближнем Востоке и в Египте выявилось 3 таких принципа:

- 1) принцип, использованный в аккадском письме: знаки для открытых и закрытых слогов с разными гласными и разными согласными;
- 2) принцип, который был воплощён в эгейских системах (письмо крито-микенское, лувийское, библское псевдоиероглифическое): отдельные знаки только для открытых слогов;
- 3) принцип, которому следовало египетское письмо: отдельные знаки для слогов с произвольным или нулевым гласным.

Вот этот последний принцип и смог сыграть решающую роль в становлении новых систем линейного письма с небольшим количеством знаков. Он воплотился в западносемитском (или северносемитском) и южносемитском квазиалфавитном письме, представляющем собой промежуточную ступень от слогового к собственно алфавитному письму.

Возникновение семитских систем квазиалфавитного характера (согласный + произвольный или "нулевой" гласный) относится к первой половине 2-го тыс. до н.э. Письмо, созданное западными семитами, оказалось предком многих алфавитов мира. Общий прототип различных квазиалфавитных систем, в чём-то иногда сходных и, возможно, взаимодействовавших на каких-то ступенях развития, пока не обнаружен. Иногда этот прототип видят в протобиблском (протоханаанейском) либо в протосинайском письме. Возможно существование ещё более древнего, пока не открытого северносемитского прототипа.

Протобиблское (или же просто библское) письмо было псевдоиероглифическим. Это письмо надписей, обнаруженных археологами в г. Библ (совр. Джубейль) в Ливане на каменных и металлических предметах. Датируется оно примерно серединой 2-го тыс. до н.э. Его знаки имели геометрический или стилизованный рисунчатый характер (птица, рыба, змея). Их насчитывалось от 60 до 100. Они передают только открытые слоги. На некоторые из них похожи знаки западносемитского и южносемитского письма. Направление письма справа налево.

Памятники протосинайского письма, датируемые 19 в. до н.э., были найдены на Синайском полуострове и в Палестине. Обнаружено около 25 кратких и сильно

повреждённых надписей и позже ещё около 10 фрагментов. Они содержат до 35 знаков рисунчатого характера как бы по египетскому образцу, свидетельствующих о наличии консонантного алфавита как одного из возможных предков финикийского алфавита. Предполагается, что синайское письмо (с 22-24 графемами) родственно консонантно-алфавитному письму угаритскому, южносемитскому, финикийскому и что оно возникло в южной Палестине в 13 вв. до н.э. на основе северносемитского алфавита (предка финикийского) под египетским культурным влиянием путём внешней стилизации знаков под египетские иероглифы. Это письмо (синайско-палестинское) было распространено в 13-11 вв. до н.э. в Палестине, Финикии, Сирии. Его дешифровка ещё далека от завершения.

Угаритское квазиалфавитное письмо (14-13 вв. до н.э.) технически уподоблялось шумеро-аккадской клинописи, хотя и не связано с ней генетически. Вероятно, ему предшествовало слоговое письмо (или не дошедшее до нас линейное письмо). С его помощью записывались тексты на угаритском языке (гос. Угарит на севере Сирии), а также на хурритском и аккадском языках. Оно использовалось и в Палестине. Для лучшего понимания текстов использовались словоразделители, а также "матери чтения", т.е. некоторые знаки для согласных, служившие обозначению огласовки. Сперва в угаритском алфавите насчитывалось 30 знаков, а затем их число под влиянием финикийского письма сократилось до 22. Из употребления угаритское письмо вышло к началу 1-го тыс. до н.э.

Ханаанейское, или финикийское, квазиалфавитное письмо возводится к какому-то северносемитскому прототипу. Предполагается, что главную роль в его формировании сыграли протобиблское и протосинайское письмо.

Финикийский алфавит имел 22 знака. Порядок их следования определился ещё во 2-м тыс. до н.э. Некоторые знаки похожи на начертания библского псевдоиероглифического письма, большинство знаков совпадают со знаками синайско-палестинского письма.

Эта система складывалась, скорее всего, во второй половине 2-го тыс. до н.э. Сперва каждый знак воспринимался как обозначение определённого согласного с любым (в том числе и "нулевым") гласным. Впоследствии он стал соотноситься только с определённым согласным. Так как чтение квазиалфавитного текста представляло трудности, для обозначения долгих гласных иногда использовались "матери чтения". Монументальное письмо постепенно сменялось курсивным.

Финикийский алфавит оказался наиболее конкурентоспособным среди западносемитских систем и послужил прототипом множества как древних, так и более новых алфавитов. Его восприятие другими народами (прежде всего в сиропалестинском регионе) было опосредовано арамейским письмом. В 9-8 вв. до н.э. финикийский алфавит в его ранней разновидности (устав) был заимствован греками, которые изобрели знаки для гласных.

Аравийское (южносемитское) линейное письмо, содержащее 28-29 знаков, генетически связано с северносемитскими системами письма (в частности с

протобиблским). Северноаравийские алфавиты использовались для письма на лихьянитском, самудском, сафайтском языках, а также в древнеарабском письме (с 7 в. до н.э.; современное арабское письмо восходит к иному источнику). Южноаравийские алфавиты служили письму на языках сабейском, минейском, катабанском, хадрамаутском. Более чем половина знаков этих систем (с инвентарём из 24 графем) восходит к общим прототипам с финикийскими знаками, некоторые имеют аналоги в синайско-палестинском письме, остальные несопоставимы ни с теми, ни с другими.

Южноаравийским (сабейским) письмом пользовались в древнем Аксумском царстве на территории Эфиопии, приспособив его потом к местному, ныне уже мёртвому языку геэз. Эфиопское письмо отразило в себе конкуренцию письма южносемитского вообще и южноаравийского как одной из его ветвей. Оно сохранило и южносемитский порядок знаков, и названия букв, совпадающие с финикийскими (и тем самым с северносемитскими). Под вероятным влиянием греческой культуры были введены обозначения для гласных.

Установилось направление письма слева направо. Но способ обозначения гласных и слоговой принцип письма были выбраны по индийскому образцу (брахми или кхароштли). Эфиопское письмо сохранило 24 знака из 29 знаков южноаравийского, пополнилось ещё рядом знаков (для амхарского языка), имеет 4 лигатуры. Если в письме геэз было 202 слоговых знака, то теперь оно достигает 270. Сохранилась форма устава, скоропись не была выработана.

С южносемитской группой квазиалфавитов сходно древнеливийское письмо (восточнонуидийское и западнонуидийское, современный туарегский алфавит тифинаг).

Кроме того, на основе того же западносемитского квазиалфавитного принципа строились древние малоазийские алфавиты (фригийский, мизийский, лидийский, ликийский, карийский и др.). Их источниками было, скорее всего, нефиникийское письмо, а другие варианты западносемитского письма.

Финикийское письмо с течением времени менялось. Устав сменился скорописью. Финикийская скоропись легла в основу скорописи, которая была выработана в языках арамейской группы семитской ветви афразийской семьи языков (между прочим, на арамейском проповедовал Иисус Христос).

Арамейское письмо в основном и послужило посредником между письмом финикийским и огромным множеством алфавитов на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии. Староарамейские надписи относятся к 9-7 вв. до н.э. (Дамаск, Хама, Арпад, Шамаль, Ассирия). Различаются следующие разновидности арамейского (финикийско-арамейского) письма: классическое (или имперское), арамейское письмо ахеменидских канцелярий, библейско-арамейское; на более поздней ступени - письмо набатейское, пальмирское, иудейско-палестинского, самаритянского, сирийское (в таких вариантах, как эстрангело, серго с яковитской и мелькитской разновидностями, несторианское, ассирийское).

Финикийско-арамейский консонантный алфавит лёг в основу письма

еврейского (сохранившихся до сих пор квадратного и курсивного), набатейского (из которого в 3-4 вв. н.э. берёт своё начало арабское письмо, послужившее прототипом письму персидскому, афганскому, турецкому, урду, брахуи, кашмирскому и т.д.; оно распространялось вместе с арабскими завоеваниями, а также с принятием ислама и в своё время, а подчас и поныне, использовалось как в странах арабского языкового ареала, так и мусульманами за пределами арабоязычного мира: Синьцзян-Уйгурский р-н Китая, Камбоджа, западные районы Вьетнама, Малайзия и Индонезия, носители языков суахили и хауса в Африке, более чем в 20 регионах Российской империи и СССР), пальмирского (давшего начало эстрангело, из которого возникли системы письма мандейского, якобитского, сирийско-палестинского, несторианского, манихейского), персидско-арамейского (послужившего возникновению систем письма хорезмийскоого, пехлевийского, авестийского, согдийского, а через посредство последнего письма уйгурского, тюркского "рунического", старомонгольского, маньчжурского и др.).

Иллюстрации ряда западносемитских систем письма (финикийское, арамейское, древнееврейское, пальмирское, самаритянское)

В этих системах гласные (включая дифтонги) могут обозначаться "матерями чтения" и диакритиками, но в основном это делается в религиозных и учебных текстах. В остальных случаях передача огласовки не считается обязательной. Границы распространения этих систем письма обычно совпадали с границами тех или иных религий и их ответвлений.

См. схему родословного древа важнейших алфавитов, обращая пока особое внимание на правую половину этой схемы:

Письмо в Иране

История сменявших друг друга на одной и той же территории народов, культур и письменностей представляет исключительный интерес.

На нынешней территории Ирана живёт более 30 народов разных языковых групп (как иранской, так и неиранских). На этой территории в раное время возникали и исчезали многочисленные крупные и мелкие государства. Границы Ирана то простирались далеко на Запад и на Восток, включая в свой состав многие народы, то Иран оказывался в составе других великих держав.

Иранцы (одна из групп индоиранской ветви индоевропейской семьи языков, давшая своё имя стране) начали проникать сюда (сюда либо через Среднюю Азию, либо через Закавказье) во 2-м тыс. до н.э. Постепенно они составили большинство населения, и иранские языки (в частности персидский, историю которого делят на древний, средний и новый периоды) постепенно стали здесь господствующими. Но государственные образования существовали на иранской территории ещё до прихода иранцев, возникая уже в 3-м тыс. до н.э.

Одним из наиболее крупных доиранских государств в 3-1-м тыс. до н.э. на Ю.-З. Ирана был Элам (со столицей в Сузах). Эламиты создали около 30 вв. до н.э. рисуночное словесно-слоговое письмо (не дешифрованное до сих пор). К 23 в. они начали применять линейное слоговое письмо, продолжившее письмо протоэламское, и наряду с этим аккадскую клинопись. Эламская клинопись продолжала использоваться и в персидском государстве Ахеменидов в 6-4 вв. до н.э., когда эламский язык играл роль официального.

В 6-4 вв. до н.э. в Персидской державе утвердилось господство древнеперсидского языка, родного для Ахеменидов. Этот язык, как и эламский, наряду с иероглифами также использовал клинопись.

Клинописные надписи на древнеперсидском языке обычно сопровождались переводами на эламский, аккадский, а иногда на арамейский и египетский языки. Трёхязычная Бехистунская надпись царя Дария позволила в новое время осуществить дешифровку древнеперсидского, аккадского и эламского письма.

Древнеперсидский язык получил продолжение в виде среднеперсидского (пехлевийского), который в 3-7 вв. был официальным языком державы Сасанидов и использовал две разновидности восходящего к арамейской графике письма: пехлевийскую (с идеограммами и лигатурами, историческими написаниями) и манихейскую (фонетическую). Первые опыты его дешифровки относятся к 18 в.

Пехлевийский вариант арамейского письма послужил основой для создания специального авестийского письма, которым были записаны тексты богослужения в зороастрийских общинах. Авестийский язык был современником древнеперсидского. Его письменная фиксация была осуществлена только около 4 в.

Свою письменность на основе арамейской графики имели языки парфянский, бактрийский, согдийский (3 варианта), хорезмийский. Согдийское письмо легло в основу орхонского и уйгурского, а то, в свою очередь, нашло продолжение в письме галик, ставшем прототипом для старомонгольского и маньчжурского. На старомонгольский алфавит опирались письмо ойратское и бурятское. Хотаносакские тексты писались посредством индийской графики брахми.

С первой половины 9 в. начинается история новоперсидского языка (фарси). В связи с завоеванием в 7 в. Ирана (Персии) арабами фарси и многие другие иранские и неиранские языки переходят на арабское письмо.

На территории Индии, откуда получили распространение многие графические системы Южной и Юго-Восточной Азии, что позволяет именовать их собирательно индийским письмом, история письменности насчитывает не менее 5 тысяч лет.

Но древнейшие надписи, обнаруженные в русле р. Инд (Хараппа и Мохенджо Даро) и представляющие собой рисунки, остаются нерасшифрованными. Поэтому трудно говорить о генетической принадлежности языка этих протоиндских надписей. Возможно, они сделаны на каком-то доиндоевропейском языке.

Индоевропейцы же, принадлежащие к индоиранской ветви (ариям) приходят через Среднюю Азию и Закавказье во 2-м тыс. до н.э. Одни из них (иранская группа ариев) заселяют Иран, другие (индоарийцы) осваивают Север Индостанского полуострова и постепенно продвигаются на юг и восток.

К 5 в. до н.э. относится создание кхароштки - первого из древнейших индийских алфавитов. Он был в употреблении до 5 в. н.э. у ряда народов, и его называют также бактрийским, индобактрийским, бактропалийским, севернзападным индийским и кабульским. Письмо кхароштки было слоговым. Основными знаками являлись графемы, передающие согласные в сочетании с кратким а, все прочие гласные передавались дополнительными знаками сверху или снизу при знаках для согласных. Сперва писали справа налево, а потом слева направо. Кхароштки восходил к арамейской скорописи, которая применялась в ахеменидских канцеляриях на северо-западе Индии. Впоследствии оно испытало влияние другого древнего индийского письма - брахми.

В 3 в. до н.э. (также на основе арамейской графики) складывается брахми - в основе своей буквенно-слоговое письмо. Именно к брахми восходят многие варианты индийского письма.

Здесь, как и в кхароштки, к основной графеме (например, для ka) приписываются дополнительные знаки для всех прочих, кроме а, гласных.

Письмо брахми оказалось прототипом для многих десятков систем письма, употребляющихся сегодня или употреблявшихся в прошлом в самой Индии, Бангладеше (я предпочитаю склонять это имя!), Пакистане, Непале, Шри-Ланке, а также в Тибете и Центральной Азии, вплоть до Монголии, в Бирме, на полуострове Индокитай и в Индонезии. Его влияние было связано с распространением буддийской религии и литературы.

Уже в ранних памятниках письма на брахми выделились три ветви:

северная (с угловатыми начертаниями букв),

южная (с округлыми начертаниями букв) и

юго-восточная (за пределами Индии, главным образом на основе пали).

В уже знакомой схеме родословного древа алфавитов названо только письмо брахми.

Знаки брахми менялись. Эволюция этой системы письма представляет собой цепочку следующих друг за другом во времени и различающихся по территориям распространения форм: брахми - маурья - кушанское - гупта (центральноазиатский вариант) - нагари - деванагари.

Письмо деванагари, используемое сегодня для хинди, санскрита и ряда др. индийских языков, представляет собой классический образец индийского письма. Его алфавит строится на основе артикуляционных признаков. Сперва перечисляются графемы для отдельно употребляемых гласных (кратких и долгих, вместе с дифтонгами, а также с включением сюда кратких и долгих плавных), для согласных (начиная от заднеязычных и кончая губными). Имеется много дополнительных значков для гласных, для отсутствия гласного в исходе слова, много лигатур. Для типографского набора требуется не менее 600 литер.

Текст из "Ригведы" (деванагари)

От брахми ответвляется письмо пали, которое нашло продолжение в письме бирманском, сингальском, бороматском, из которого, в свою очередь, развились письмо кхмерское, таи, лаосское. Брахми даёт начало также письму кадамба, из которого возникают грантха и тамильское, кави, яванское, батакское, лампонг, реджанг. Письмо гупта стало основой для ассамского, тагальского, тибетского. Из деванагари возникает письмо бенгальское, непальское и др.

Примерное представление о путях развития индийского письма даёт приводимое родословное древо (в качестве примера выбрана буква па с п церебральным / ретрофлексным).

Ниже приводятся образцы некоторых систем индийского письма (нагари, браминское, пали, гуджарати, тамильское, лаосское, тибетское).

Письмо в восточноевропейском культурном ареале Догреческие системы письма

В Европе письмо появилось около 23 в. до н.э., т.е. задолго до формирования греческого алфавита. Протогреческие племена, среди которых особенно выделялись ахейцы и ионийцы, появились на территории нынешней Греции (как на материке, так и на островах) к концу 3-го тыс. до н.э., оттесняя и частью ассимилируя пеласгов. Создаётся большой ряд государств, из числа которых наибольшего прогресса достигли государства на о-ве Крит (Кнос, Фес, Агия-Триада, Малдия).

Здесь, у носителей минойской культуры, возникает и быстро (в течение 23-17 вв. до н.э.) эволюционирует от пиктографического к иероглифическому критское письмо. Оно было сходно с египетским и, возможно, складывалось под египетским воздействием. Рисуночное письмо прошло в своём развитии два периода: с 2100 по 1900 гг. до н.э. (надписи на печатях) и с 1900 по 1700 гг. до н.э. (рисунки на печатях и глиняных табличках, хозяйственные записи). Известно около 150 идеограмм, изображающих человека, животных, растения, предметы. Направление письма слева направо, справа налево и бустрофедон. Оно плохо дешифруется, хотя можно предположить, что оно было уже не чисто логографическим, но содержало также элементы слогового письма.

Около 18 в. на Крите была выработана новая система - курсивное линейное письмо А слогового типа. Оно использовалось, судя по археологическим памятникам, в 1700-1550 гг. до н.э. и зафиксировано на печатях, орудиях, ярлыках, а позже преимущественно на глиняных табличках. Число его знаков определяется в пределах от 77 до 100. Вероятен слоговой характер этого письма. Язык, на котором делались эти записи, не установлен.

На основе письма А в 1450-1350 гг. до н.э. на Крите развивается линейное письмо Б. Оно распространилось и в Греции (Пилос, Микены). Это письмо засвидетельствовано в нескольких тысячах глиняных табличек. Установлено 88 слоговых знаков и несколько логограмм. Силлабограммы строились по принципу "гласный + согласный". Логограммы играли роль детерминативов.

Одним из вариантов критского письма является недешифрованное кипро-минойское письмо, явившееся предком кипрского письма. Последнее представляло собой систему из 56 знаков, обозначающих либо гласный, либо согласный + гласный. Оно обслуживало этеокипрский язык и кипрский диалект греческого языка. На нём писали в 6-4 вв. до н.э., пока оно не было вытеснено греческим письмом.

Тектоническая катастрофа 1470 г. до н.э. привела к разрушению критских городов и деревень, гибели населения и флота, к запустению острова, к уничтожению критской культуры. Складывание элладской культуры на материке шло медленнее, государства формировались здесь лишь с 17 в. до н.э. (Микены, Тиринф, Пилос и др.). К середине 17 - концу 16 вв., при власти ахейских династий, могущества достигли Микены. Микенская культура ахейцев в период своего расцвета (16-13 вв. до н.э.) оказала

влияние и на соседние страны, включая Египет. Ахейцами в 15-14 вв. была предпринята попытка приспособить к своему диалекту критское письмо, завершившаяся созданием линейного слогового письма Б.

С конца 13 в. происходит упадок элладских государств, обусловленный вторжением с севера греческих племён дорийцев. Это вторжение привело к гибели крито-минойской культуры и к исчезновению вместе с ней критского-минойского письма. Свою независимость сохранили лишь Афины, куда и бежали многие из побеждённых ахейских государств.

Греческое письмо

Начало нового экономического и культурного роста привело к созданию в 10 или 9 в. до н.э. на основе одного из ранних вариантов финикийского квазиалфавитного письма собственного греческого алфавита с добавлением специальных знаков для гласных (памятники с 8 в.).

Начальная его форма именуется греческим архаическим письмом. В последующем его развитии начинают различаться письмо восточногреческое и западногреческое.

На основе восточногреческого варианта складываются классическое греческое, продолжившее его византийское и новогреческое письмо. В классическом греческом алфавите, сложившемся на основе милетской (ионийской) разновидности (5-4 вв. до н.э.) имелось 27 букв. Некоторые знаки вышли потом из употребления. В ряде других местных разновидностей присутствовал знак "дигамма". Утвердилось направление письма слева направо. Различались несколько типов письма: монументальное, унциальное, курсивное, минускул.

В новогреческом алфавите насчитывается 24 буквы. Греческие печатные буквы отражают особенности младшего минускула. Первый печатный шрифт создаётся в 15 в. Современные печатные литеры получают свой облик в 17 в. Новогреческий особый пошиб рукописного письма отражает особенности греческого и латинского минускула.

Возникновение греческого алфавита имело решающее значение для всей греческой и европейской цивилизации. См. родословное древо алфавитов, обращая внимание на ответвление от архаического греческого.

Потомки греческого письма

К западногреческому письму на Западе Европы восходят итальянские алфавиты, этрусское, латинское, руническое, современное западноевропейское и центральноевропейское письмо, о чём речь пойдёт в разделе 8.10.

На Востоке Европы и в прилегающих к нему регионах вместе с распространением православного христианства на основе восточного варианта греческого письма создаются алфавиты коптский и готский (в Северном Причерноморье).

Коптским письмом пользовались представители христианской общины в Египте со 2 в.

Готским алфавитом, содержащим 27 букв, был записан осуществлённый епископом Вульфиллой в 4 в. перевод Библии с греческого языка. В этом алфавите заметны следы частичного воздействия латинского и рунического письма. Вероятно, этим письмом пользовались остготы (в Италии) и вестготы (в Испании), но готские памятники в период утверждения католицизма были уничтожены.

К греческому письму восходит славянский кирилловский алфавит, созданный в конце 9 в. в Болгарии последователями Кирилла и Мефодия для целей христианской проповеди на родном для славян языке.

Основой для кирилловского письма послужило греческое (византийское) унциальное письмо.

Кириллица послужила прототипом для письма болгарского, русского, украинского, белорусского, сербского, македонского. Петру I принадлежит реформа русского алфавита, выразившаяся в создании отличного от церковнославянского письма гражданского алфавита.

На основе русского письма были построены алфавиты многих языков бывшего СССР, монгольского языка (в МНР).

Предполагается, что до кириллицы уже использовалась другая славянская азбука - глаголица. Это письмо сперва использовалось в Моравии, откуда проникло к южным славянам и долго (до 18 в.) использовалось в Хорватии. В Древней Руси она употреблялась относительно редко.

Под воздействием греческого алфавита на основе различных вариантов западносемитской (арамейской) скорописи с принятием православия складываются алфавиты:

армянский,
грузинский,
агванский, или кавказско-албанский (на территории современных Дагестана и Азербайджана).
Армянский алфавит

.Грузинский алфавит:

Пример грузинского письма (текст из Руставели):

ЮСМ; ААР.

ЛЭС/БЭС (Статьи: Письмо. Алфавит. Квазиалфавитное письмо. Бустрофедон. Идеограмма. Логограмма. Иероглифы. Силлабическое письмо. Критское письмо. Кипрское письмо. Финикийское письмо. Малоазийские алфавиты. Греческое письмо. Маюскульное письмо. Минускульное письмо. Устав. Коптское письмо. Готское письмо. Армянское письмо. Грузинское письмо. Агванское письмо. Глаголица. Кириллица. Русский алфавит. Гражданский шрифт).

Для дополнительного чтения о возникновении систем письма в восточнохристианском ареале и других регионах мира: И.П. Сусов. История языкознания. Тверь, 1999.

Материалы Профессор И.П. Сусов. Введение в теоретическое языкознание
Модуль 8. Основы общей теории письма (грамматологии)
Письмо в западноевропейском культурном ареале

Оглавление учебника
Содержание модуля 8 "Основные понятия теории письма"
К предыдущей теме

Письмо в западноевропейском культурном ареале
Дописьменный период

Письмо на Запад Европы пришло из Греции.

Что касается дописьменного периода, то здесь археологами были обнаружены многочисленные наскальные росписи на территориях современных Италии, Франции, Испании, где в далёком прошлом жили носители доиндоевропейских культур. Индоевропейцы приходят и расселяются на этих территориях во 2-м и особенно активно в 1-м тыс. до н.э. На территорию Франции в 1-м тыс. до н.э. пришли племена кельтов, которых римляне называли галлами. Впоследствии, в период римской колонизации, галлы восприняли язык завоевателей. Кельты, пришедшие в 5-3 вв. через Пиренеи на территорию Испании, застали здесь высокоразвитую культуру иберов, контактировавших с греками и финикийцами. В результате смешения местных и вновь пришедших племён сложилась новая этническая группа кельтиберов. Впоследствии и

кельтиберы были романизованы, перейдя на язык завоевателей. На Апеннины во 2-м тыс. до н.э. пришли племена италиков, из которых впоследствии выделились сыгравшие заметную роль в истории латины. Италики вошли в соприкосновение с высокоразвитыми неидоευропейскими племенами лигуров и этрусков, тесня их и постепенно растворяя их в себе, одновременно воспринимая многое из их культурного наследия. Возвышение латинов привело к латинизации (и романизации) Италии. Завоевания римлян обусловили впоследствии романизацию населения многих европейских народов.

Ниже приводятся два рисунка, найденные в пещерах Италии.

Интересна находка в палеолитической пещере Шове-Пон-д'Арк (Франция).

Первые алфавиты на территории Италии

На Юге Италии (вплоть до Рима) и в Сицилии уже в 8-6 вв. до н.э. существовали многочисленные колонии греков. И их культура оказывала серьёзное воздействие на культуру этрусков и италиков (латинов, сабинов, умбров, осков и др.). Знакомство с греческим письмом и пользование им оказались стимулами для формирования алфавитов этрусского, латинского, оскского, умброского.

Этруски, генетическая принадлежность которых не выяснена, писали справа налево. Сохранилось около 11 тысяч надписей от 7-1 вв. до н.э. В 1 в. до н.э. этрусский язык был вытеснен латинским.

Было письмо и у разных италийских племён, вытесненное впоследствии (в 1 в. до н.э.) латинским письмом. Умбры пользовались модифицированным вариантом архаического этрусского языка, а впоследствии перешли на латинское письмо. Они оставили около 20 кратких надписей от 4-1 вв. до н.э. и 7 бронзовых табличек от 200-70 гг. до н.э. Оски пользовались письмом этрусским, греческим и латинским, чаще же оскским письмом, восходящим к одному из южноэтрусских алфавитов. Сохранилось около 400 кратких надписей. Оскские памятники датируются 5 в. до н.э. - 1 в. н.э. Сикульский представлен лишь несколькими надписями. Моргеты, энотры, опики, авзоны и др. не оставили письменных памятников.

Ниже приводится оскская запись слова *Viteliu*. Исходное его значение - 'телёнок, бычок'. Ср. этимологически родственные слова с тем же значением: лат. *vitellus* (уменьш. от *vitulus*), умбрск. *vitlu*. Словом *Viteliu* сперва именовали греческие колонии в Италии, затем оно использовалось союзом сабельских племён, сопротивлявшихся набравшему силы Риму, в конечном же итоге стало обозначением всего Апеннинского полуострова, сохранившимся в имени страны *Italia*.

Латинское письмо и его судьба

Латинскому же (в иной терминологии, романскому) алфавиту выпала счастливая судьба. Он пережил большой ряд изменений. Эти изменения касались начертаний букв, их звуковых значений, инвентаря букв и техники письма.

В основном были заимствованы начертания и звуковые значения греческих букв. Собственно латинский алфавит как таковой сложился в 4-3 вв. до н.э. Не исключено этрусское влияние. Древнейшие надписи имеют направление и справа налево, и слева направо, иногда они выполнялись бустрофедоном. Направление слева направо утвердилось в 4 в. до н.э. Знаки препинания, как и у древних греков, отсутствовали. Прописные и строчные буквы не различались. Использовались словоразделительные знаки.

Лат. С восходит к греч. гамме (Г) и имело соответственно то же значение /g/ (ср. сокращения С - Caius, Сn - Gnaeus). Постепенно (в направлении к С) трансформировалось написание буквы К, так что буква С стала передавать /g/ и /k/. Буква К сохранилась в немногих случаях: Kalendae. В поздеантичное время С стало обозначать перед передними гласными аффрикату /ts/. Для передачи звонкого согласного /g/ к С был добавлен вертикальный штрих внизу, что дало букву G.

Греческая дигамма F /v/, /w/ послужила передаче глухого согласного /f/.

Дзета Z сперва была упразднена.

Буква H стала служить передаче греческого густого придыхания (т.е. звука h).

Лат. Q восходит к греч. коппе.

Греч. ипсилон Y развился в лат. V.

Греч. буква X получила значение /ks/, присущее греческой букве кси, а греческое [x] стало передаваться диграфом CH.

Греч. буквы тета, фи и пси передавались в транслитерации через диграфы TH, PH, PS. Вместе с тем они использовались в лат. письме как знаки с числовым значением 100, 1000 и 50.

С 1 в. до н.э. в написании греческих заимствований стали употребляться Y и Z.

Для латинской транслитерации греческого письма со временем оформились следующие соответствия:

Грамотность в римском обществе была высокой, и письмо развивалось медленно и плавно. Сформировались такие его технические формы, как письмо эпиграфическое (в других названиях - монументальное, квадратное, лапидарное), курсивное и актуарное как его вариант. В Северной Африке в 3 в. сложилось унциальное ("крючковатое") письмо. В античную пору латинское письмо было маюскульным.

В средние века латинский язык сохранял своё господство в западноевропейском обществе (католическое богослужение, наука и образование, дипломатическая переписка). Добавились буквы W (11 в.), J и U (16 в.). Возникло деление букв на прописные и строчные. Появились знаки препинания. Начиная с античного времени, развитие получают разные формы рукописного письма (рустичная, квадратное, унциальная). В средневековый период маюскул вытесняется минускулом (полуинциал, новый римский курсив, каролингский минускул, вытеснивший в Западной Европе все

остальные виды латинского письма). С 11 в. получил распространение ломаный вариант каролингского минускула (фрактура, или готическое письмо; не надо смешивать его с готским письмом). В эпоху Возрождения начинает господствовать гуманистическое письмо с округлёнными формами знаков (антиква). Оно и легло в основу многих современных шрифтов. Готическое же письмо долго удерживалось в Германии, где оно нередко называлось немецким. Имеются его типографский и рукописный варианты.

В странах Западной и Центральной Европы латинское письмо легло в основу национальных алфавитов. Приспособление латинского алфавита к своему языку шло очень медленно и стихийно, начиная с записи собственных имён и других слов латинскими буквами (в то время как в восточноевропейском ареале изобретение алфавитов было, как правило, творческим актом отдельных лиц, и эти системы графики оказались довольно близки к идеалу фонематического письма, особенно славянское). В каждом из языков конкурировало множество вариантов. Создавались новые буквы, строились буквосочетания (диграфы, триграфы) и лигатуры, добавлялись различные диакритические знаки. В результате на одной и той же основе (латинская графика) были сформированы во многом расходящиеся друг с другом системы письма на языках ирландском, английском, немецком, скандинавских, нидерландском, французском, провансальском, испанском, португальском, итальянском, каталонском, ретороманских, венгерском, чешском, польском, словацком, словенском, финском, эстонском, латышском, литовском, хорватском варианте сербскохорватского языка, румынском, албанском, баскском и др.

Другие системы письма в Западной Европе

Западные европейцы до создания своих собственных графических достаточно широко пользовались латинским языком и писали, соответственно, по-латински. Но до формирования своей графики на латинской основе у них были в ходу и другие системы письма.

Так, древние ирландцы в 3-4 вв. до н.э. создали (вероятно, под влиянием знакомства с латинской графикой) так называемое огамическое письмо, памятники которого (около 500) относятся к 3-10 вв. Знание этого письма сохранялось в Ирландии вплоть до 19 в. Этим письмом пользовались и пикты (в Шотландии). Первоначально в алфавите содержалось 20 знаков, потом их стало 23. Графемы образуются комбинациями коротких и длинных чёрточек, а также точек, которые располагаются по обе стороны вертикальной или горизонтальной линии.

Под влиянием христианства сфера употребления огамического письма сужалась, был создан свой ирландский алфавит на основе латинской графики. Распространению христианства в Англии, Германии, Скандинавии и многих других странах) немало способствовали ирландские миссионеры, с их же деятельностью связаны шаги по выработке письма английского, немецкого, скандинавского.

У древних германцев со 2-3 вв. и вплоть до позднего средневековья широко использовалось руническое письмо. Руны вырезались на камне, металле или дереве и имели заострённую форму. Вероятно происхождение этого письма на основе этрусского, латинского или какого-то иного италийского алфавита. Имеется несколько вариантов этого письма, которое часто именуется футарком (futhork) по первым шести буквам алфавита (третий знак сохранился в исландском алфавите, построенном на основе латинской графики).

Древнейшими являются старшие (общегерманские) руны (24 знака, около 150 памятников до 9 в.). Ведутся споры о языке, на котором сделаны эти надписи. Предполагается особый тип общегерманского койне. Из них развились младшие, или скандинавские, руны (варианты шведско-норвежский и датский с их дальнейшими модификациями; около 3500 памятников). Особо выделяются англосаксонские руны (7-10 вв., до 33 знаков). С распространением христианства шёл процесс создания письма на основе латинской графики, и руническое письмо вытеснялось.

В заключение обратимся вновь к схеме, представляющему родословное древо алфавитов. Более полную схему можно найти в ЛЭС/БЭС на с. 377.

ЮСМ; ААР.

ЛЭС/БЭС (Статьи: Письмо. Алфавит. Греческое письмо. Латинское письмо. Руническое письмо. Огамическое письмо. Готическое письмо. Бустрофедон. Маюкульное письмо. Минускульное письмо. Диакритические знаки. Транслитерация).
Для дополнительного чтения: И.П. Сусов. История языкознания. Тверь, 1999 (параграфы о создании систем письма в западнохристианском ареале, а также в других регионах мира).

Материалы для студентов-лингвистов
Лингвистическая гостиная
Компоненты языковой системы и их роль в дискурсе
Содержание сайта

Тверской государственный университет

Профессор И.П. Сусов. Введение в теоретическое языкознание
Экзаменационные вопросы
